

Терри Гудкайнд

Госпожа Смерть

«Хроники Никки»

Дайте дорогу!
Или не узнали саму Госпожу Смерть?

Terry Goodkind

Death's Mistress

The Nicci Chronicles

Перевод с английского *Dr. Pertseff, Алины Булавиной, Тамьяны Алексеевой, Дмитрия Великого и Prea_Starl*

Под редакцией *Дмитрия Великого и Тамьяны Алексеевой*

Компьютерный дизайн и обложка *Дмитрия Великого*

Выпускающий редактор *Дмитрий Великий*

Помощник выпускающего редактора *Дина Зайцева*

Корректор *Татьяна Гладышева*

Руководитель группы перевода *Дмитрий Великий*

Старший переводчик *Татьяна Алексеева*

Бывшая последовательница жестокого императора Джеганя, известная под именами Госпожа Смерть и Королева-рабыня, смертельно опасная Никки пленила Ричарда Рала, чтобы убедить его в благих намерениях Имперского Ордена, но вместо этого на многие годы стала одной из ближайших друзей Ричарда и Кэлен, одной из самых опасных защитниц.

Теперь же, когда их жизням ничто не угрожает, Никки готова к новым приключениям. И в первую очередь ей необходимо спасти пророка Натана...

Информационные ресурсы:

vk.com/mord.sith.club — Группа перевода «Клуб Морд-Сит»

terrygoodkind.ru — Поклонники Терри Гудкайда

vk.com/terrygoodkindru — Подслушано Меч Истины

*Будущее и судьба зависят как от путешествия,
так и от его цели*

Глава 1

Очередной череп хрустнул под ботинком Никки, но она упорно брела дальше. В густом лесу невозможно было не наступить на кости и не зацепиться головой за свисающие ветки. Тропа была коварна даже при свете дня, а уж глубокой ночью в Темных землях и подавно невозможно было разобрать дорогу.

Впрочем, Никки никогда не спешила признавать что-то невозможным, когда ей нужно было чего-то добиться.

В темном лесу тут и там лежали груды покрытых мхом человеческих останков. Во мраке выделялись пожелтевшие кости, освещенные лунным светом, который пробивался через увитые виноградной лозой ветви деревьев. Когда колдунья перелезла через лежавший поперек тропы гнилой ствол дуба, ее каблук размозил очередной древний череп. Из челюсти во все стороны посыпались зубы цвета слоновой кости, словно давно умершая жертва хотела укусить ее, уподобившись каннибалам-полулюдям, населявшим Темные земли до недавнего времени.

Никки не пугали черепа — они были лишь пустыми оболочками. Она и сама сотворила немало скелетов. Никки остановилась, чтобы осмотреть кучу костей, сложенных около покрытого лишайником дуба. Что это: предупреждение, указатель или всего-навсего украшение?

У ведьмы Рэд было своеобразное чувство юмора. Никки не понимала, почему Натан так настаивает на встрече с ней, при этом наотрез отказываясь открыть свои намерения.

— Колдунья, — обернувшись, окликнул ее Натан, который ломился сквозь спутанные ивы, — впереди большая поляна. Мы сэкономим время, пройдя через нее.

Никки не спешила догонять волшебника, чье нетерпение зачастую подталкивало его к поспешным решениям.

— Мы сэкономили бы время, если б не побрели через дремучий лес темной ночью, — холодно констатировала Никки.

Ее длинные светлые волосы укрывали плечи, и шея колдуньи вспотела, несмотря на прохладный ночной воздух. Никки стряхнула с черного походного платья несколько еловых иголок и разорванное кружево паутины.

Остановившись на краю широкой поляны, волшебник приподнял бровь. В темноте его длинные белые волосы казались слишком яркими.

— Судя по всем этим скелетам, мы, похоже, близки к цели нашего путешествия. Я горю желанием туда попасть. А ты?

— Это твоя цель, не моя, — ответила колдунья. — Я сама решила сопровождать тебя, и только из-за Ричарда.

Они тащились по непроходимому лесу уже несколько дней.

— В самом деле? А я думал, ты приглядываешь за мной.

— Даже и не сомневалась, что ты так решишь. Возможно, я просто хотела уберечь тебя от неприятностей.

Волшебник выгнул бровь.

— Думаю, пока ты справляешься.

— Посмотрим. Мы ведь еще не нашли ведьму.

Натан Рал, волшебник и пророк, был поджарым голубоглазым мужчиной с привлекательными чертами лица. Хотя Ричарда и Натана разделяло несколько поколений, резкие черты и ястребиный взгляд пророка напоминали Никки о Ричарде — лорде Рале, лидере разросшейся Д'Харианской империи, а теперь и всего известного мира. Из-под распахнутой жилетки Натана выглядывала гофрированная белая рубашка, слишком вычурная для дорожной одежды, но Натан словно не замечал этого. На его плечи был накинут темно-синий плащ. На волшебнике были облегающие штаны из мягкой черной ткани и элегантные кожаные ботинки с широкими отворотами и ярко-красными шнурками.

Как только Никки поравнялась с ним, Натан положил руку на рукоять богато украшенного меча у бедра и окинул взглядом освещенную звездами поляну.

— Да, путешествия по ночам крайне утомительны, но мы, по крайней мере, движемся вперед. Я провел столько веков взаперти во Дворце Пророков. Будь снисходительна к моему немного неугомонному поведению.

— Я буду снисходительна, волшебник. — Она согласилась отвести его к ведьме, но еще не решила, как в дальнейшем будет служить Ричарду и Д'Харианской империи. — Во всяком случае, пока.

Никки тоже была неугомонной, но предпочитала иметь ясную и четкую цель.

Ее резкий тон заставил Натана улыбнуться.

— А еще говорят, что пророчества исчезли из этого мира! Ричард предсказал, что во время путешествия тебя может раздражать мое общество.

— Скорее, он сказал «выводить из себя».

— Я уверен, что он не говорил этого вслух.

Они пересекли росистый луг по едва заметной тропе, которая вела к деревьям на противоположной стороне.

— В любом случае я рад, что меня охраняет такая могущественная колдунья. Это соответствует моей должности посла Д'Хары по особым поручениям. С моими способностями волшебника и пророка мы будем практически непобедимы.

— Ты больше не пророк, — напомнила ему Никки. — Их не осталось.

— Потеряв удочку, человек не перестает быть рыбаком. Даже если мой дар пророка утерян, я все равно не буду бездействовать. Я могу использовать богатый жизненный опыт.

— Может, мне следует предоставить тебе возможность самому искать ведьму?

— Нет, в этом мне нужна твоя помощь. Ты уже встречалась с Рэд. — Он указал вперед. — Полагаю, ты ей нравишься.

— Да, я встречалась с Рэд и осталась жива. — Никки сделала паузу, чтобы взглянуть на пирамиду из круглых черепов, достававшую ей до колена, которая резко выделялась на фоне мирного луга, освещенного звездами. — Но я, скорее, исключение из правил. Ведьме никто не нравится.

Натана было не остановить, впрочем, этого она и ждала.

— В таком случае я постараюсь ее очаровать. Если ты, конечно, поможешь мне найти ее.

Остановившись под открытым небом, Никки подняла глаза на огромный ночной простор, и то, что она там увидела, напугало гораздо больше трухлявых костей. Россыпь звезд и мерцающих огней, разбросанных по пустоте, была абсолютно неправильной. Знакомые ей уже около двух столетий созвездия сейчас перестроились из-за осуществленного Ричардом перемещения звезд.

Когда Никки была маленькой, отец звал ее ночью на улицу и рисовал пальцем картинки на небе, рассказывая о живущих там воображаемых героях. Всего лишь две недели назад эти вечные узоры изменились; вся вселенная изменилась в ходе колоссальной реконструкции самой магии. Когда лорд Рал перестроил звезды, само пророчество было отделено от мира живых и отправлено за завесу в подземный мир. Этот катаклизм неизвестным образом изменил вселенную, его последствия еще предстоит увидеть и осознать.

Никки по-прежнему была колдуньей, а Натан оставался волшебником, но хитросплетение его дара пророчества распуталось. Часть его существа просто исчезла. Но вместо того чтобы волноваться о потере своей способности, Натан, по всей видимости, был чрезвычайно воодушевлен этой неожиданной новой возможностью. Он всегда считал пророчество тягостным даром. Тысячу лет просидев взаперти во Дворце Пророков, когда его считали опасным для всего мира, он был лишен возможности жить своей жизнью. Сейчас, когда пророчества исчезли, а воскресшего императора Сулакана отправили в подземный мир, Натан ощущал себя свободным как никогда.

Он пришел в восторг, когда Ричард Рал назначил его послом по особым поручениям разросшейся Д'Харианской империи и отправил выяснить, может ли он чем-то помочь жителям Темных земель — завуалированный

предлог, позволявший отправиться куда угодно, вроде как, ради всеобщего блага. Волшебник жаждал увидеть неизведанные земли (Натан произносил это как название реально существующей страны — Неизведанные земли).

Зная о его намерениях, Никки не могла позволить волшебнику идти одному. Это было опасно для Натана и могло быть опасным для всего мира. Потрепанная д'харианская армия совсем недавно вернулась с кровавых боев, павших еще оплакивали и хоронили, и Никки взяла на себя важную миссию. Миссию ради Ричарда.

Всем людям — и в Вестландии, и в Срединных землях, и в Д'Харе, и в Темных землях, и даже далеко на юге Древнего мира — необходимо было знать, что магистр Рал стал новым правителем свободного мира. Ричард объявил, что не потерпит тирании, рабства и несправедливости. Пока люди будут следовать установленным законам и социальным нормам, каждая страна может оставаться независимой.

Но большая часть мира даже не знала, что они теперь свободны, и наверняка еще найдутся мелкие командиры или тираны, которые откажутся принимать новые принципы свободы. Ричарду было необходимо знать масштабы своей империи, большая часть которой оставалась неизведанной, и именно в этом Никки могла ему помочь, собирая информацию во время путешествия с Натаном.

Никки верила в свою миссию всем сердцем. Это был рассвет золотой эпохи. Древний мир — то, что осталось от Имперского Ордена после императора Джеганя и его предшественников — представлял собой беспорядочное объединение местных лидеров: некоторые были честными и рассудительными, другие — жестокими и эгоистичными. Если кто-то из местных лидеров будет создавать определенные проблемы, Никки с этим справится. Хотя она знала, что Ричард поддержит ее всей военной мощью, беспокоить д'харианскую армию без крайней необходимости она не собиралась.

Никки должна убедиться, что в этом нет необходимости.

Был еще и личный мотив: Никки любила Ричарда всем сердцем, как никого другого, но знала, что он принадлежит Кэлен и рядом с ним она всегда будет себя чувствовать не на своем месте. Это не ее путь.

Сопровождая Натана в Неизведанные земли, она могла служить Ричарду, но, в то же время, ощутить свободу. Она могла жить своей жизнью.

* * *

— Я слышал, на что способна ведьма.

Начало светать, а Натан шел вперед и просто горел энтузиазмом. Он эффектно перебросил через плечо свой синий плащ.

— Мне нужно у нее кое-что спросить. И я не сомневаюсь, что она мне предоставит нужную информацию. В каком-то роде мы практически коллеги.

Они пробирались сквозь молодую и густую березовую рощу, отклоняя белые стволы и переступая через груды рассыпающихся костей. Натан принахался.

— Ты уверена, что мы идем в верном направлении?

— Мы найдем Рэд, если она сама того захочет. — Никки опустила взгляд на пустые поросшие мхом глазницы черепа. — Многие пожалели, что нашли ее.

— Ах, да, будьте осторожны со своими желаниями, — усмехнулся старик. — Наверняка по этому поводу есть какое-нибудь правило волшебника.

— Рэд покинула свой горный перевал, усыпав землю неисчислимыми тысячами костей и черепов огромной армии полулюдей, с которой она расправилась в одиночку. — Никки огляделась. — Но некоторые останки гораздо старше. Она убивает уже давно, и у нее на то личные причины.

Натан несколько не смутился.

— Постараюсь не предоставлять ей повода убить и нас.

Гранитные глыбы вокруг становились все более крупными, на них падала тень от пышных кленов и могучих дубов.

Ощувив слабое покалывание в затылке, Никки посмотрела вверх и увидела мускулистого представителя кошачьих, который внимательно рассматривал их с вершины большого валуна. У странного зверя были зеленые глаза и темный пятнистый мех. Увидев их, он издал то ли рычание, то ли мурлыканье.

Натан прислонился к березе без тени страха.

— Это что за зверь? Никогда не встречал подобный вид.

— Волшебник, ты прожил большую часть жизни взаперти, в башне. В мире множество видов, которые ты еще не встречал.

— Но у меня было достаточно времени для изучения книг по зоологии.

Никки узнала животное.

— Мать-Исповедница назвала его Охотником. Это дружок Рэд.

Зверек повел заостренными кошачьими ушами.

— Полагаю, мы близко, — оживился Натан.

Охотник вальяжно спрыгнул с валуна и рысью бросился меж берез, предлагая Никки и Натану следовать за ним.

— В прошлый раз он привел меня к ведьме, — сказала Никки. — Нам лучше пойти за ним.

— Конечно, — отозвался Натан, — идем.

Они ускорили темп, следуя за животным через густой березняк и спутанный подлесок. Охотник часто останавливался и оборачивался, проверяя, что они не отстают. Наконец, Никки с Натаном вышли к укромной тихой ложине. Раскидистые ветви огромного покрытого лишайником дуба накрыли лошину, словно огромная крыша. Горький запах дыма поднимался от небрежного костра, который горел в кольце камней недалеко от каменного дома у противоположного склона.

Словно в ожидании гостей, на каменной скамье перед домом чинно сидела стройная женщина, устремив на них свои пронзительные небесно-голубые глаза. На ней было облегающее серое платье, а ее волосы представляли собой клубок спутанных красных прядей. Покрашенные в черный губы придавали ее улыбке зловещий, а не приветливый вид. Казалось, что ворон, сидящий у нее на плече, заинтересован гостями гораздо больше, чем ведьма.

Прекрасно зная, сколь опасной может быть Рэд, Никки встретила ее взгляд, не промолвив ни слова. Натан же, хоть и видел бесчисленные черепки, проигнорировал опасность и шагнул вперед, подняв руку в приветственном жесте.

— Ты, должно быть, ведьма. Я Натан Рал, пророк Натан.

— Волшебник, не пророк, — поправила Рэд. — Все изменилось. — Ее черные губы вновь растянулись в улыбке, в которой не было и намек на тепло. — Ты — Натан Рал, предок Ричарда Рала. Я звалась провидицей и оракулом, но в прошлом у меня было достаточно видений, которых мне с лихвой хватит на какое-то время. Я знала, что вы придете ко мне.

Пятнистый кот сидел позади нее, моргая зелеными глазами, когда встречался взглядом с гостями. Сидя на своей каменной скамье, Рэд задержала свой взгляд на Никки.

— И Никки, колдунья. Рада снова тебя видеть.

— Ты никогда не была рада меня видеть, — ответила Никки. Какая-то часть ее существа желала применить магию, высвободить поток разрушающей магии Приращения и Ущерба — что угодно, лишь бы превратить ведьму в горсть пепла. — По сути, ты приказала Матери-Исповеднице убить меня.

Рэд рассмеялась.

— Потому что предвидела, что ты убьешь Ричарда. — Она наверняка видела едва сдерживаемый гнев Никки, но не выказала и тени страха. — Уверена, ты можешь понять это. Я действовала из лучших побуждений. Ничего личного.

— И я убила Ричарда, как ты и предсказывала, — сказала Никки, вспомнив, как это решение чуть не разорвало ее на мелкие кусочки. —

Остановила сердце, чтобы он мог отправиться в подземный мир и спасти Кэлен.

— Вот видишь? В итоге все сложилось как нельзя лучше. И я ведь могла тебе вернуть его обратно.

Ворон на плече Рэд наклонился вперед, словно кивая.

Взгляд ведьмы вдруг стал стальным.

— Итак, зачем вы сюда пришли?

Натан выпрямился во весь рост.

— Мы искали тебя несколько дней. У меня есть одна просьба.

Растянув черные губы в улыбке, Рэд указала на бесчисленные черепа, устилавшие лошину.

— Я получаю много просьб. Не терпится услышать твою.

Глава 2

Не спрашивая разрешения, Натан поправил свой плащ и сел на каменную скамью рядом с ведьмой. Он нарочито вздохнул.

— Мне уже тысяча лет, и иногда мои кости ощущают этот возраст.

Никки взглянула на волшебника с откровенным недоверием. Она шла с ним уже много дней и много миль, и он казался ей абсолютно здоровым и бодрым. Она сомневалась, что такая явная уловка вызовет в Рэд сочувствие.

Ворон расправил крылья, взлетел с костлявого плеча ведьмы и уселся на одной из нижних ветвей огромного дуба. Оттуда он что-то возмущенно кричал Натану. Рэд изменила положение ног и повернулась к пророку.

— Тысяча лет? У тебя наверняка есть что рассказать.

— О да, и это одна из причин, по которой я здесь. С тех пор, как Дворец Пророков был разрушен, заклятие времени больше не действует, поэтому я старею, как и все смертные. — Он посмотрел на Никки, и в его глазах появился лукавый огонек. — Колдунья тоже стареет, хотя и не показывает этого.

— Старение — еще одно значение жизни, старик, — сказала Рэд, издав резкий смешок. — Полагаю, ты бы предпочел жить и дальше.

— Я только начал жить. — Волшебник откинулся на каменную скамью, словно отдыхал где-то в парке. — А теперь... по поводу моей просьбы. Я слышал, ведьмы кое на что способны, и хочу знать, окажешь ли ты мне честь.

Никки внимательно слушала. Она была заинтригована, потому что волшебник отказался посвятить ее в свои планы, несмотря на долгий и опасный путь от Народного Дворца.

Рэд тряхнула своими толстыми косами, от чего те на мгновение напомнили извивающихся змей.

— У ведьм много умений как прекрасных, так и ужасных. Зависит от того, что именно тебя интересует.

Он сцепил пальцы на колене.

— У сестер Света были путевые дневники — связанные магией журналы, в которых можно было вести записи о своих путешествиях и передавать сообщения на большие расстояния. Но книги жизни... Ах... Это нечто совсем иное. Ты слыхала о них?

В глубоких светлых глазах Рэд сверкнул интерес.

— Я много о чем слышала. — Она на мгновение умолкла. — Да, о книгах жизни я тоже знаю.

— Книга жизни рассказывает о жизненном пути человека, — продолжил Натан, словно ведьме нужно было что-то объяснять. Возможно, объяснения предназначались для Никки, — В ней записаны все свершения, все пережитое. — Под карканье ворона Натан подался к ведьме, одергивая свой жилет. — Мне хотелось бы получить свою книгу жизни, раз уж у меня начался новый жизненный этап и новые приключения. — Он стер воображаемое пятно с рукава своей присборенной рубашки и снова посмотрел на ведьму. — Ты можешь использовать свои чары сказания?

Никки стояла неподалеку и наблюдала. Как только волшебнику пришла в голову эта идея, он стал очень настойчив. Она провела Натана через непроходимые дебри в поисках усыпанного черепами логова ведьмы — и все это для того, чтобы волшебник мог спросить Рэд о книге?

— Ты большую часть жизни провел взаперти, — сухо заметила Никки. — Думаешь, твой жизненный опыт потянет на целую книгу?

Охотник сидел на ковре опавших дубовых листьев. Он обнюхивал землю, подталкивая носом упавшие желуди, словно тоже был не в восторге от просьбы Натана.

Волшебник хмыкнул.

— Даже в скучной жизни отыщется достаточно интересных событий, если жить очень долго. — Натан повернулся к Рэд. — Я и сам всегда был неплохим сказителем, написал много известных сказок. Возможно, ты слышала о Приключениях Бонни Дея? Или Балладе о генерале Утресе? Великие истории о человеческих судьбах.

— Ты был рожден пророком, Натан Рал. Некоторые могут сказать, что сочинять истории — твое ремесло, — едко заметила Никки.

Натан пренебрежительно отмахнулся.

— Да, некоторые сказали бы и так. Теперь, когда вселенная так сильно изменилась, я боюсь, что пророки только и способны, что сочинять истории.

Рэд поджала черные губы и продолжила:

— Из истории твоей жизни могла бы получить книга, Натан Рал — и да, я обладаю магией, способной извлечь ее. Я знаю заклинание, которое могло бы сохранить все твои деяния в одном томе, и тогда твоя собственная история подойдет к концу.

— И то будет лишь первый том, — с восторгом заметил Натан. — И я готов начать новые приключения со своей помощницей Никки.

— Ничей я не помощник, волшебник, — возмутилась Никки. — Я твой компаньон, а точнее, охранник и защитник.

— Каждый человек, — сказала Рэд, — главный герой своей истории. Возможно, Натан считает тебя частью своей истории.

— Тогда он ошибается. — Никки и не думала смягчиться. — Книга жизни представляет собой биографию? Или это художественный вымысел?

Даже Натан усмехнулся, услышав это.

Ворон покинул свою ветку, пролетел вокруг поляны и сел на другой сук, словно хотел лучше видеть происходящее.

Ведьма поднялась со скамьи.

— Твое предложение заинтересовало меня, Натан Рал. Тебе многое предстоит сделать, даже если ты сам об этом еще не знаешь. — Когда она взглянула на Никки, ее растрепанные красные пряди качнулись, как сплетенные маятники. — Мне известно многое и о твоей жизни, Никки. Твое прошлое было бы сродни эпосе. Раз уж я все равно собираюсь применить чары сказания, может, и ты хочешь получить свою книгу жизни? Мне было бы приятно это сделать. — В ее небесно-голубых глазах плескалась настояраживающая жажда. — Я знаю, что для тебя это тоже важно.

Никки подумала обо всех пережитых бедствиях, о совершенных темных деяниях, об изменениях, через которые она прошла, о поражениях и триумфах, которые остались позади.

Неужели Никки представляла собой некую ценность? Кроме нескольких свидетелей и жертв на ее пути, единственным человеком, который знал эту историю, была сама Никки.

Она одарила ведьму холодным твердым взглядом.

— Нет, спасибо.

После короткого колебания ведьма снисходительно взмахнула руками и с улыбкой повернулась к волшебнику.

— Значит, одна книга жизни для Натана Рала. — Она отошла от скамьи и поспешила к дому. — Сперва мне понадобятся некоторые припасы и

приготовления. — Рэд сдвинула выцветшую кожаную шкуру, которая закрывала дверной проем, и нырнула в дом.

Понизив голос, Никки повернулась к Натану:

— Что у тебя на уме, волшебник?

В ответ он лишь улыбнулся и пожал плечами.

Рэд вернулась с маленькой чашей цвета слоновой кости, изготовленной из верхней части человеческого черепа. Ведьма села на каменную скамью рядом с Натаном и потянулась к нему:

— Дай мне руку.

Радуюсь согласию ведьмы, Натан протянул руку ладонью вверх. Рэд взяла его пальцы, поглаживая один за другим со странной чувственностью.

— Это твои линии жизни, линии твоего духа, линии твоей истории. — Ведьма провела по линиям на его ладони. — Они отражают значимые события твоей жизни, как кольца дерева. — Она перевернула его руку, изучая вены на тыльной стороне ладони. — Сосуды рисуют карту твоей жизни по всему телу. — Пока она гладила его вены, Натан улыбался, словно ведьма заигрывала с ним. — Да. То, что нужно. — Рэд выхватила нож из потайного кармана в сером платье и провела острым, как бритва, лезвием по тыльной стороне ладони пророка.

Когда из вены хлынула кровь, Натан вскрикнул — скорее от неожиданности, чем от боли.

— Что ты творишь, женщина?

— Ты просил книгу жизни. — Она схватила его руку и перевернула ее ладонью вверх, чтобы кровь стекала в костяную чашу. — И что же мы, потвоему, должны использовать в качестве чернил?

Она мяла его пальцы, чтобы кровь текла сильнее, а Натан выглядел обескураженным.

— Так далеко я не загадывал.

— Книга жизни человека должна быть написана чернилами, сделанными из его крови.

— Конечно, это так, — ответил Натан, словно знал об этом давным-давно.

Никки закатила глаза.

Кровь непрерывно текла из глубокой раны. Охотник втягивал носом воздух, словно его привлекал этот запах.

— Может, этого достаточно? — спросил Натан, когда костяная чаша на треть наполнилась темно-красной жидкостью.

— Мы должны быть уверены, — ответила Рэд. — Ты же сказал, что у тебя была очень долгая жизнь.

Наконец, когда ведьма сочла, что крови достаточно, она отпустила руку Натана и поставила чашу на дымный костерок. Обугленной бедренной

костью она разгребла угли, сделав в золе углубление, а затем поставила в него чашу с кровью, чтобы та закипела.

Натан дотронулся до своей порезанной руки и направил немного магической силы, исцеляя рану. Он действовал чрезвычайно осторожно, чтобы не запачкать кровью свою нарядную дорожную одежду.

Вскоре кровь в чаше начала булькать и дымиться. Она потемнела, затем почернела, выкипая до смолистого осадка.

Свет, проникающий сквозь густое переплетение ветвей, к вечеру стал падать наклонно. Где-то наверху птицы устраивались на ночлег среди ветвей огромного дуба. Ворон бранился на них за вторжение, но птицы не улетали.

Рэд юркнула обратно в дом, где долго что-то искала, а затем вернулась с книгой в кожаном переплете, у которой не было названия ни на обложке, ни на корешке.

— К счастью, у меня завалялась пустая книга жизни. Ты везунчик, Натан Рал.

— Твоя правда.

Рэд села на корточки рядом с варочным огнем и при помощи двух длинных костей достала костяную чашу. Кровяные чернила внутри нее были чернее сажи, осевшей на внешней поверхности. С большим интересом Натан наблюдал, как ведьма ставит дымящуюся чашу на каменную скамью. Она открыла книгу жизни на первой странице. Она была пуста и имела цвет белой, только что отваренной кости.

— А теперь напишем твою историю, Натан Рал.

Она подозвала ворона, прося его спуститься с дерева, и крупная черная птица примостилась на ее плече. Своим острым черным клювом ворон гладил красные косы ведьмы в знак привязанности. Ведьма рассеянно приласкала ворона, а потом схватила его за шею. Не успел тот вскрикнуть или вырваться, как Рэд свернула ему шею и подхватила его тельце, когда он начал падать. Крылья умирающего ворона распахнулись, словно он отправился в последний полет. Его голова была свернута набок.

Рэд положила мертвую птицу на скамью рядом с чашей из черепа. Она проворно пробежалась пальцами по хвосту и крыльям. Наконец, найдя длинное перо, она выдернула его. Рэд подняла перо, чтобы осмотреть.

— Да, отличное перо. Приступим?

Натан кивнул, и ведьма обрезала своим кинжалом кончик пера. Обмакнув заостренный конец в черные чернила, она дотронулась им до чистого листа бумаги, которому суждено было стать первой страницей книги.

Глава 3

Книга жизни писалась сама по себе.

Рэд сидела на каменной скамье, положив руки на колени и не замечая оставленного на сером платье темного пятна сажи. Она творила заклинание, и магия удерживала воронье перо в вертикальном положении, оно двигалось само по себе, записывая историю Натана Рала.

Волшебник наклонился ближе, опираясь локтем на колено, и смотрел на перо с мальчишеским восторгом. Никки тоже подошла, чтобы посмотреть, как слова заполняют первую страницу, строка за строкой, а затем переходят на следующую. Каждый раз, когда чернила заканчивались, и перо зависало в воздухе, Рэд брала его, окунала в чашу со жженой кровью и ставила обратно на страницу. Поток слов возобновлялся.

— Помню, сколько раз я переписывал Приключения Бонни Дея, пока не остался доволен, — сказал Натан, восхищенно покачивая головой. — Сейчас все гораздо проще.

История лилась, страница за страницей описывала долгую жизнь Натана, опасного пророка: как он был пленен сестрами Света, которые желали его обучить, а затем контролировать... как в течение многих лет они ловили каждое произнесенное им пророчество, до смерти напуганные возможным хаосом, если предсказания будут неверно истолкованы. Но пророчества и предупреждения почти всегда были поняты неправильно. Именно попытки избежать страшной участи обычно к ней и приводили.

— Люди не учатся на своих ошибках, — читая, пробормотал Натан. — Ричард все это время был прав, пренебрегая пророчествами.

— И я не жалею, что пророчество ушло из этого мира, — согласилась Никки.

Слова появлялись быстрее, чем можно было прочесть их, и страницы книги жизни перелистывались в своем собственном темпе. Никки пробежала по тексту глазами, улавливая некоторые фрагменты жизни Натана — уже известные ей истории. В дороге он часто рассказывал о себе, просила она того или нет.

Начался новый раздел, и пророк подался вперед.

— О, это хорошая часть.

Сестры иногда жалели одиноко живущего во дворце Натана и приводили к нему женщин из лучших борделей Танимуры в качестве утешения. В книге жизни было написано, что пророку нравилось беседовать с простыми женщинами, у которых были обычные мечты и желания. Однажды Натан шепнул страшное пророчество на ухо одной доверчивой шлюхе, и ужасно напуганная молодая женщина с криками сбежала из Дворца Пророков. Оказавшись в городе, она пересказала пророчество другим людям, оно

распространилось, и это привело к кровопролитной гражданской войне... и все из-за необдуманной доверительной беседы с женщиной, которую он никогда больше не видел.

Сестры наказали Натана, лишив немногих доступных ему вольностей, хотя он доказал им, что эта «ошибка» была совершена им намеренно — чтобы в войне погиб мальчик, коему было предназначено стать беспощадным тираном. Тираном, который убил бы множество невинных людей.

— Небольшая гражданская война была сравнительно малой ценой, чтобы предотвратить такой исход, — заметил Натан, пробегая глазами по кроваво-черным словам, появляющимся на листе.

Когда чернила вновь закончились, Рэд окунула перо в костяную чашу, перемешала жженую кровь и поставила его обратно на страницу, где оно продолжило со скрипом писать.

История Натана записывалась без остановки, слово за словом, и, по мнению Никки, бессвязно. Конечно, большая часть приключений произошла только после его побега из дворца: краткий роман с Клариссой и ее трагическая смерть; совместная работа с Ричардом Ралом по свержению Имперского Ордена и императора Джеганя; борьба со злом в лице Ханниса Арка и мертвого императора Сулакана.

Книга заполнилась куда быстрее, чем предполагала Никки. Когда кроваво-черные чернила добрались до последней страницы, история завершилась повествованием о том, как Никки и Натан пробирались по покрытым мхом черепам на пути к ведьме в Темных землях. В чаше не осталось чернил из жженой крови, и перо, больше не поддерживаемое магией, опустилось на землю.

Натан был явно впечатлен своей историей.

— Благодарю тебя, Рэд. — Он закрыл книгу и с восторгом увидел, что на кожаной обложке и корешке появилось его имя. — Я возьму книгу жизни с собой и буду читать ее время от времени. Уверен, другие тоже выразят желание ее прочесть, а научные библиотеки захотят получить копии.

Ведьма покачала головой.

— Это невозможно, Натан Рал. — Она забрала у него книгу. — Я согласилась создать для тебя книгу жизни, но не говорила, что ты можешь оставить ее себе. Книга останется у меня. Такова цена.

— Но это не то, на что я рассчитывал... — затараторил Натан, — смысл был не в этом.

— Ты не спросил о цене заранее, волшебник, — сказала Никки. — Прожив тысячу лет, следовало бы быть мудрее.

Рэд скрылась в своем жилище, оставив книгу на скамье, словно проверяя, осмелится ли Натан схватить ее и убежать. Он этого не сделал. Она

вернулась с еще одной книгой в кожаном переплете, только меньшего размера и потоньше. Книга была пуста.

— Я заберу твою историю жизни, но взамен дам тебе нечто более ценное. В новой книге содержится будущая история, а не то, что уже произошло. — Она отдала ее Натану. — У меня твое прошлое, твоя старая история, но вместе с этой книгой я даю тебе всю оставшуюся жизнь. Проживи ее так, как ты хочешь, чтобы она была написана.

Натан разочарованно провел пальцем по гладкой кожаной обложке.

— И все же спасибо, — сказал он, стиснув книгу.

— Ты и колдунья, вы оба, крайне важны для будущего. — Ведьма подошла очень близко к Никки и понизила голос. — Уверена, что не хочешь свою книгу жизни? В ней могут оказаться вещи, из которых тебе следует извлечь урок.

— Я уверена, ведьма. Мое прошлое принадлежит мне, а будущее я напишу сама, по-своему, а не под твоим или еще чьим-либо контролем или влиянием.

— Я только предложила. — Она отвернулась, но в ее глазах был намек на скрытое торжество, за которым последовала тень неожиданного беспокойства. — От тебя еще могут потребоваться великие свершения, колдунья, хочешь ли ты об этом слышать или нет.

Натан открыл свою новую книгу жизни и был удивлен, увидев, что она не совсем пуста.

— На первой странице написаны слова — «Кол Адаир». — Он озадаченно взглянул на Рэд. — Мне неизвестно их значение. Это имя? Или место?

— Это то, что вам понадобится. — Рэд склонилась над костром и обугленной бедренной костью поворошила угли, чтобы пламя вновь разгорелось. — В Древнем мире ты должен отыскать Кол Адаир, Натан Рал. — Она бросила взгляд на Никки. — Вы оба.

— У нас есть собственная миссия, — ответила Никки. — Здесь, в Темных землях.

— Да? И в чем же она состоит? Бесцельно слоняться, потому что ты слишком сильно любишь Ричарда Рала, чтобы остаться рядом с ним? Это бессмысленные поиски. Поиски трусихи.

— Вовсе нет! — Никки почувствовала, как у нее запылали щеки.

Натан заступился за нее:

— После нашего последнего великого сражения я захотел вернуться сюда, чтобы понять, могу ли помочь людям.

Рэд фыркнула.

— Очередная бессмысленная задача. Куда бы вы ни отправились, везде найдутся те, кто нуждается в помощи: и в Темных землях, и в Древнем мире. Так в чем смысл? Предпочтете спасти себя, а не весь мир?

Гнев Никки сменился раздражением.

— Ты несешь околесицу, ведьма.

— Неужели? Переверни страницу, Натан Рал. Читай свою новую книгу жизни.

Крайне заинтригованный волшебник сделал, как сказала ведьма. Никки наклонилась ближе, чтобы увидеть слова на второй странице:

Будущее и судьба зависят как от путешествия, так и от его цели. Кол Адаир лежит далеко на юге Древнего мира. Оказавшись там, волшебник узрит то, что поможет ему вновь обрести целостность. А колдунья спасет мир.

— Я уже достаточно раз помогала спасти мир, — произнесла Никки.

Натан был весьма обеспокоен.

— Для тебя это игра, ведьма. Ты придумала эту чепуху специально для нас. Почему мне может потребоваться обрести целостность? Я разве что-то потерял? — Он дотронулся до своей руки, которая, казалось, совершенно не пострадала.

— Это не мои слова, — ответила Рэд. — Ты сам видишь написанное, путь предопределен давным-давно.

— Но пророчества покинули этот мир, — возразила Никки, — древние предсказания ничего не значат.

— Неужели? — спросила ведьма. — Даже предсказания, сделанные, когда пророчества были столь же сильны, как ветер и солнце? — Пока Натан разминал пальцы, словно никак не мог найти недостающий палец, Рэд откинула назад свои спутанные пряди. — Вы лучше кого-либо должны знать, как неразумно пытаться истолковать чужое пророчество.

Никки подтянула шнурки на своих походных ботинках и поправила черное платье. Она не могла скрыть недоверие в голосе:

— Как я уже говорила, пророчеств больше нет, ведьма. Откуда ты можешь знать, куда нам идти?

На черных губах Рэд появилась загадочная улыбка.

— Кое-что я все-таки знаю. Возможно, это видение посетило меня задолго до изменения положения звезд. Но я точно знаю, что если вас заботит судьба лорда Рала и его Д'Харианской империи, то вам просто необходимо внять этому предупреждению и призыву. Кол Адаир. Вы оба должны туда отправиться. Может, важен сам путь, а может, только точка назначения. Если вы этого не сделаете, то все труды лорда Рала пойдут прахом. — Она пожала плечами, выглядя равнодушной. — Делайте, что хотите.

Натан опустил новую книгу жизни в кожаную сумку на бок и закрыл клапан.

— Моя задача как посла лорда Рала по особым поручениям — посетить места, где не знают о произошедших в мире изменениях. — Он посмотрел на потемневшее небо сквозь крону древнего дуба. — Точный маршрут мы можем выбрать сами. Можем пойти в Древний мир вместо Темных земель.

Никки не была так уверена.

— Ты и впрямь принимаешь эту чушь за чистую монету, волшебник?

Натан откинул назад свои длинные белые волосы.

— Честно говоря, я уже сыт по горло Темными землями и всем этим мраком. В Древнем мире больше солнца.

Никки задумалась, поняв, что идет за Натаном без какой-либо четкой цели. Она просто хотела послужить Ричарду и укрепить его новую огромную империю, помочь приблизить наступление долгожданной золотой эпохи.

— Лорд Рал приказал лично мне исследовать его новую империю и отсылать ему отчеты о том, что мы нашли. Из Кол Адаира или из любого другого места.

— И спасти мир, — добавила Рэд.

Никки не верила в предсказание Рэд. Как она могла спасти мир, отправившись или даже посетив место, о котором никогда не слышала? Но доводы волшебника были убедительны.

Древний мир, который ранее был частью Имперского Ордена, теперь находился под управлением Д'Хары. Даже в таких отдаленных местах люди хотели бы услышать о своей свободе, узнать, что лорд Рал настаивает на свободном волеизъявлении и взаимном уважении. Она хотела посетить эти места и решить существующие проблемы, чтобы Ричарду не пришлось беспокоиться.

— Я пойду с тобой.

Натан поправил свой плащ и закинул на плечи рюкзак. Ему не терпелось отправиться в путь, так же, как некоторое время назад найти логово ведьмы, но Никки медлила.

— До того, как мы пойдем на юг в Древний мир, нам нужно сообщить лорду Ралу, куда мы направляемся. Но у нас нет возможности связаться с ним. — Колдунья не хотела, чтобы Ричард или Кэлен волновались, если они на время исчезнут.

— Думаю, мы найдем способ передать сообщение, когда доберемся до Танимуры, — сказал Натан. — Или в каком-нибудь другом городе по пути.

— Я позабочусь об этом, — неожиданно предложила Рэд.

Ведьма подняла безвольное тельце ворона и, бережно держа его, расправила крылья, подняла повисшую голову и выпрямила сломанную шею. Закрыв глаза, Рэд сконцентрировалась.

Через мгновение птица встрепенулась и распушила перья. Рэд усадила оживленного ворона на каменную скамью, по которой он неуклюже заковылял. Он двигался, как марионетка с повернутой набок шеей и безжизненными глазами. Ворон расправил крылья, будто бы борясь с остатками смерти, затем вновь сложил их по бокам.

— Оторви полоску бумаги из своей книги жизни, Натан Рал, — сказала она, подавая ему черное перо.

— Здесь достаточно чернил, чтобы написать записку лорду Ралу.

Натан так и поступил, написав кратко обо всем на тонкой полоске бумаги. Когда он закончил, Рэд плотно свернула записку и привязала к одеревенелой лапе ворона.

— В моей птице достаточно магии, чтобы долететь до Народного Дворца. Лорд Рал узнает, куда вы отправились.

Она подбросила неуклюжего ворона в воздух. Никки смотрела, как мертвая птица начала падать на землю, но в последний момент расправила крылья, неумело хлопая ими, поднялась над огромным дубом и улетела в сумерки.

Охотник наострил уши и принялся, а затем рванул в лес и стремглав побежал в тень высоких деревьев. За пределами укромной ложины ведьмы Никки увидела проблеск меха зверя размером с лошадь, который блуждал меж деревьев. Охотник радостно бежал за зверем, резвясь в подлеске, но вскоре он и крупный хищник растворились в глубоком мраке.

Рэд подняла голову.

— Мать Охотника часто присоединяется к нашему обеду. — Ее губы искривились в странной улыбке. — Хотите остаться?

Оглядев разбросанные вокруг кости и черепа, Никки решила больше не рисковать.

— Нам пора.

— Спасибо, ведьма, — сказал Натан, и они направились в сгущающуюся темноту.

Никки думала, что даже в одиночку в диком темном лесу будет безопаснее, чем в доме Рэд.

Натан шагал вперед, не обращая внимания на черепа.

— Это будет великое приключение. Как только покинем Темные земли, можем направиться в Танимуру. В гавани Графана мы точно подыщем корабль, плывущий на юг. Найдем Кол Адаир, и это только начало.

Ричард велел ей идти к границам Д'Харианской империи, и она рассудила, что путешествие далеко на юг вполне соответствует этому условию.

— Полагаю, весь мир годится для нашей цели.

* * *

Рэд наблюдала, как эти двое скрылись в лесу. Охотник подбежал и свернулся калачиком у костерка. Через некоторое время пришла его лохматая мать размером с огромного медведя, ее шерсть цвета корицы была взъерошена. Гораздо меньший по размеру сын обнюхал ее с явным намерением поиграть, но мать Охотника протянула голову к Рэд, которая послушно почесала обеими руками шелковистый мех за ушами. Мать Охотника издала странный звук, нечто среднее между рычанием и мурлыканьем, а затем растянулась на опавших листьях.

Рэд подняла увесистую книгу жизни Натана. Да, даже в тихой и размеренной жизни за тысячу лет может набраться немало значительных событий. Она знала, что настоящая история Натана только начинается, и им с колдуньей еще предстоит выполнить свою настоящую миссию. Несмотря на то, что Никки отказалась от предложения Рэд создать для нее книгу жизни, ведьма была провидицей. Она знала, что жизни колдуньи, ее прошлого и будущего, хватит не на один том.

И колдунья должна спасти мир.

Держа в руках книгу Натана, Рэд отодвинула шкуру, закрывавшую дверной проем, и нырнула в дом. Низкое жилище освещалось оранжевым светом оплывших свечей, установленных на подставки из черепов. Передняя комната была маленькой и тесной, но у дальней стены, которой служил склон холма, висела еще одна шкура.

Рэд отодвинула ее и вошла в основную часть своего логова — целую сеть проходов и пещер, вырытых в холме. Рэд стояла перед рядами полок, заполненных многочисленными книгами, подобными той, что она держала в руках. За долгие века она собрала такое огромное количество книг жизни, что давно уже потеряла им счет.

Станным и пугающим было то, что каждая книга заканчивалась загадочной и ранее непонятной фразой:

Будущее и судьба зависят как от путешествия, так и от его цели. Кол Адаир лежит далеко на юге Древнего мира. Оказавшись там, волшебник узрит то, что поможет ему вновь обрести целостность. А колдунья спасет мир.

Одни и те же слова в каждой книге. В сотнях книг. В тысячах. В каждой одно и то же предупреждение.

Рэд поставила историю Натана Рала на полку рядом с другим томом. Бесчисленное количество книг жизни, по книге практически на каждый череп, погребенный подо мхом...

Глава 4

Волшебник и колдунья, помня о новой цели своего путешествия, но и скептически относясь к поручению Рэд, несколько недель брели по Темным землям, пока не добрались до более населенных земель Д'Хары.

Двигаясь на юг, путники находили торные дороги и деревни, где в постоянных дворах могли отведать домашней пищи и выспаться на настоящих кроватях. Это было куда лучше, чем собирать дикие фрукты и спать на лесной траве. Некогда лесной проводник Ричард Рал без труда мог находить тропы в лесах, но Никки предпочитала блага цивилизации, да и Натан, бесспорно, не был против комфортных условий.

По пути они собирали новости и распространяли свои собственные о победе лорда Рала над императором Сулаканом. Многие жители южных земель Д'Хары мало что знали о произошедших политических изменениях, но все видели, как звезды на небе задрожали и переместились, поэтому слушали путешественников с удивлением и тревогой.

— По правде говоря, исчезновение пророчеств означает, что вы можете жить своей жизнью и принимать собственные решения, — сказал Натан низким уверенным голосом, воздев руки в тепле переполненной гостиной очередного постоянного двора. — Я сам был пророком, и вот что я скажу по личному опыту — эти способности приносили гораздо больше проблем, нежели пользы. Скатертью дорога!

Однако многочисленные местечковые оракулы и самопровозглашенные провидцы были не в восторге от таких изменений. Истинно одаренные уже заметили, что их способности ослабли, но вот те, кто продолжал продавать свои предсказания, просто дурачили доверчивых клиентов. «Пророки» были возмущены тем, что их называют мошенниками и шарлатанами.

Но разоблачение мошенников не было миссией Никки, она не считала, что *это* «спасет мир». Колдунья шла к своей цели — отправиться в Древний мир, чтобы исследовать новые владения лорда Рала и помочь Натану отыскать загадочный Кол Адаир, где бы тот ни находился. Они отплывут

туда из Танимуры, огромного портового города, северного оплота Древнего мира, где сходились основные сухопутные торговые пути.

По мере приближения к побережью воздух становился все более свежим и соленым. Широкая дорога, ведущая через прибрежные холмы, стала многолюдной. Мимо путников проезжали как запряженные мулами скрипучие телеги, так и всадники на ухоженных лошадях в дорогих сбруях — богатые дворяне и купцы. Фермеры в повозках, груженных овощами или мешками с зерном, держали свой путь на рынки портового города.

Пока путники шли под палящим солнцем, волшебник поддерживал разговор — собственно, разговаривал он сам с собой, в то время как Никки берегла силы для ходьбы. Когда они добрались до вершины холма, им открылся вид на город. Старый разросшийся город Танимура был построен на продолговатом полуострове, который простирался до бескрайних синих вод. На западе виднелась широкая долина реки Керн, впадавшей в море. В пригороде тут и там виднелись пашни и деревеньки, разделенные пятнами темного леса. Однако внимание Никки было сконцентрировано на выбеленных домах большого города.

Волшебник остановился передохнуть и рукой заслонил глаза от солнца.

— Какой великолепный вид! Только подумай о возможностях, которые открываются в Танимуре. — Он потербил свои потертые рукава, пооттрепавшиеся манжеты и расстегнутую жилетку. — В том числе, новая одежда.

— Я не была здесь уже много лет, — тихо ответила Никки. Она прищурила голубые глаза, изучая город и отмечая, что изменилось за эти годы.

— Сбежав из дворца, я думал, что никогда сюда не вернусь... и вот мы здесь, — уклончиво буркнул волшебник.

Море возле берега гавани Графана кишело крупными торговыми и военными кораблями с приметными светло-кремовыми парусами. Меж больших судов сновали рыбацкие лодки с треугольными парусами. На губах Никки появилась жесткая усмешка.

— Смотрю, они сумели восстановить доки.

Здесь, в гавани, Никки вместе с другими сестрами Тьмы разрушила «Леди Зефу», корабль, на котором их удерживали в заложниках. Император Джегань дал женщинам возможность отомстить капитану Блэку и его мерзкому экипажу, и даже поощрил эту месть, а Никки и ее соратницы были не слишком добры к матросам, которые насиловали их и унижали. Сестры получили извращенное удовольствие, сдирая с костей мужчин мягкую плоть, кусок за куском. Затем, высвободив всю мощь магии Ущерба, они уничтожили «Леди Зефу»: подняв судно из воды и ломая мачты, как сухие ветки, они разбили огромный корабль о доки, а затем разнесли в щепки всю

гавань Графана, словно остальные корабли были лишь игрушками в руках злого ребенка.

Хотя это воспоминание относилось к темному периоду ее жизни, Никки не удержалась от улыбки.

Натан тоже внимательно смотрел на многолюдный город, предаваясь своим собственным воспоминаниям. Он понизил голос до заговорщицкого шепота:

— Мы оба оставили такой след в Танимуре, дорогая колдунья, что местные вряд ли захотят вновь нас увидеть.

Его взгляд был прикован к южной оконечности полуострова и большому острову возле побережья. Когда-то остров Халзбанд был соединен с материком знаменитым каменным мостом, по которому посетители, торговцы, ученики и сестры Света могли попасть сразу во Дворец Пророков. Грандиозное здание стояло тысячелетиями, в нем удерживали и обучали одаренных мужей. Дворец был защищен всевозможными щитами, и его окутывало заклинание, которое не давало обитателям стареть... но Натан запустил световую сеть и уничтожил великолепный дворец, чтобы Джегань не смог добраться до его магических библиотек.

Остров Халзбанд выглядел пустынным, дворец исчез. Никки подумала, что даже по прошествии шести лет ни одна отважная душа не вернулась сюда, чтобы претендовать на эту опустошенную землю.

Лицо волшебника выражало смешанные чувства, но он заставил себя улыбнуться.

— Я прожил во дворце тысячу лет. Что может быть лучше, чем начать новую жизнь, предав забвению все напоминания о прошлом? — Он распахнул свой темно-синий плащ и похлопал по кожаной сумке, в которой лежала его новая книга жизни со зловещим предсказанием. — Самое время для нового приключения, пока мы не стали слишком стары. Мы с тобой не привыкли стареть, как все обычные люди. Танимура ждет!

Никки пошла по дороге в город. Пока они спускались с холма, мимо проехала повозка, которой управлял старый фермер в соломенной шляпе. Он таращился на дорогу перед собой, словно это самая интересная вещь на свете. Его повозка была нагружена круглыми зелеными дынями. Когда Натан попросил их подвезти, старый фермер небрежно махнул рукой, и путники устроились среди дынь в дальней части повозки.

— Похожа на отрубленную голову, — заключила Никки, взяв в руки одну из дынь.

Мул потащился дальше. Казалось, ему решительно все равно, идет ли дорога в гору или с горы.

Сидя в медленной тряской повозке, Никки всматривалась в приближающийся город. Она помнила его тенистые бульвары, высокие выбелен-

ные здания и черепичные крыши. На высоких столбах развевались флаги: алые выпелы Танимуры и более крупные флаги Д'Харианской империи.

Никки с Ричардом останавливалась здесь на некоторое время по пути в Алтур'Ранг, когда она заставила Искателя играть роль ее мужа, надеясь таким образом убедить его уверовать в учения Ордена. Она была так увлечена, так решительна, так безжалостна и так наивна. Здесь, в Танимуре, он научился тесать камень.

Никки нахмурила брови, встревоженная воспоминаниями.

— Мы здесь надолго не задержимся, волшебник. Нам нужно запастись провиантом для долгого путешествия и найти корабль, на котором мы отправимся на юг Древнего мира. Уверена, ты просто жаждешь найти свой Кол Адаир.

— А ты, разумеется, должна спасти мир. — Натан поморщился, когда повозка наехала на камень. Одна большая дыня подкатилась к краю, но он ловко поймал ее и положил обратно в кучу. — Но к чему такая спешка? Добрые духи, мы добирались до Танимуры несколько недель. Если пророчество было написано сотни лет назад, возможно нам не стоит так спешить.

— Права Рэд или нет, лорд Рал попросил нас исследовать его империю и распространить условия его правления. Здесь каждый знает, кто он такой. Наша настоящая работа — не здесь.

— Ты права, — со вздохом признал Натан. — И мне на самом деле не терпится найти Кол Адаир, который, по мнению Рэд, я непременно должен увидеть.

Он осмотрел свою рубашку и попытался оттереть жирное пятно от крольчатины, которую они ели на привале, а потом другое пятно, от подливки — свидетельство того, что прошлой ночью трактирщик накормил их куда вкуснее.

— Перед отправлением я сперва должен обзавестись новой дорожной одеждой. Несомненно, в Танимуре полно портных и магазинчиков с одеждой. Здесь есть из чего выбрать, и я наверняка смогу себе что-то подобрать.

Черное дорожное платье Никки было еще в хорошем состоянии, а в котомке лежало запасное.

— Ты слишком беспокоишься об одежде.

Он посмотрел на нее сверху вниз.

— Я провел тысячу лет во Дворце Пророков и носил лишь безвкусные балахоны. А теперь, наконец-то обретя свободу, я имею полное право себя побаловать.

Никки знала, что переубедить его не удастся.

— Я спущусь вниз к гавани и договорюсь с начальником дока. Выясню, какие корабли готовы к отплытию и где они стоят.

На дорогу выехало еще несколько повозок, и они все вместе проезжали мимо конюшен на окраинах города и скотных дворов, где бродили равнодушные к путешественникам свиньи и коровы. Углевыхигательные печи, напоминавшие высокие ульи, распространяли по воздуху сладковатый запах дыма. Голые по пояс плотники строили на дальнем краю площади для собраний высокую башню, которая пока состояла только из каркаса.

Безразличный извозчик, так и не проронив ни слова, просто направлял мула. Здания стояли все теснее, народу и шума становилось все больше. Люди что-то кричали друг другу, торговцы нахваливали свой товар, прачки развешивали белье на веревках, натянутых между зданиями. Неподалеку виднелся большой рынок с теснившимися на нем шаткими деревянными прилавками, усыпанными самодельными амулетами, рулонами цветастой ткани, резными вещичками из дерева, горшками из обожженной глины и охапками красных и оранжевых цветов.

Старый фермер хлестнул кнутом мула, чтобы тот повернул в сторону рынка. Никки с Натаном прыгнули с повозки, чтобы отправиться к сердцу города. Волшебник громко поблагодарил фермера, но тот не ответил.

Натан приосанился, приладил на бедро свой богато украшенный меч в ножнах, проверил, на месте ли книга жизни, поправил сумку и смущенно отряхнул свою рубашку.

— Мне понадобится время. Как только найду толкового портного, я поручу ему сшить для меня более подходящие одежды — плащи, рубашки, жилетки, новые ботинки. Да-да, если я посол лорда Рала, то мой внешний вид должен соответствовать.

Глава 5

Древняя Танимура была полна чудес, развлечений и опасностей для неосмотрительных. Никки чувствовала себя здесь как дома. Она сосредоточенно шла к центру города, размышляя, как найти отплывающий на юг корабль, капитан которого знает портовые города Древнего мира. Судя по описанию ведьмы, Кол Адаир может находиться в далеких малонаселенных землях, не отмеченных на картах. Но они непременно найдут этот город.

В те времена, когда Никки служила императору Джеганю и ее называли Госпожой Смерть, она провела много времени в отдаленных городах под правлением Имперского Ордена. Джегань жаждал покорить Новый мир и менее населенные области на юге собственной империи не особо его

интересовали. Он однажды сказал ей, что земли, на которых мало людей или богатств, не стоят его времени.

Никки была убеждена, что этим людям из отдаленных мест тоже нужно знать о лорде Рале. Ей по душе была задача рассказать им о новой жизни без тирании. Она с гордостью сделает это ради Ричарда.

Будущее и судьба зависят как от путешествия, так и от его цели.

Она шла к гавани по крутым и извилистым улочкам, вдоль которых теснились здания высотой в два-три этажа. Они занимали каждый свободный клочок земли и даже ютились на крышах других зданий. Некоторые дома и магазины покосились, словно пытались удержаться на крутом склоне. В сточных канавах было полно бурой дождевой воды, перемешанной с содержимым ночных горшков.

Широкобедрые женщины, собравшись у колодца и сплетничая, вытаскивали ведра с чистой водой и передавали их угрюмым подросткам, чтобы те унесли воду прочь. Грязные псы с лаем бегали по улицам в поисках потерявшихся куриц.

Никки прошла через район красильщиков тканей, воздух которого наполнился разнообразными насыщенными запахами — острыми и кислыми. Торговцы развешивали мокрые отрезки ткани цвета индиго, шафрана и насыщенного черного. Те полотна, что уже подсохли, хлопали на морском ветру. В районе прядильщиков по улицам бегали мальчишки, которые тянули за собой длинные разноцветные нити, наматывая их на катушки.

В районе дубильщиков стоял смрад от шкур, которые кожевники варили и обрабатывали. Дурной запах был только на руку предприимчивым детям, которые предлагали прохожим букетики из листьев мяты. Маленькая темноволосая девочка с косичками подбежала к Никки, размахивая мятой.

— Всего медяк, и вы будете чувствовать только запах мяты.

Никки покачала головой.

— Меня не беспокоит запах смерти.

Худенькая девочка не смогла скрыть разочарования. Ее одежда представляла собой лохмотья, а лицо было покрыто пылью и глубоко въевшейся грязью. Выглядела девчушка так, будто давно хорошенько не мылась и не ела. Оценив ее предприимчивость, Никки все равно дала ей медяк, и девочка со смехом умчалась прочь.

Рынки представляли собой шумное и пестрое скопление людей. Продавцы торговали моллюсками и живыми осьминогами прямо из ведер с мутной соленой водой. Мясники продавали большие куски привозного экзотического мяса — страуса, овцебыка, зебры, даже сочные серые стейки из, предположительно, длиннохвостого гара. Однако мясо, разложенное на

лотках, привлекало больше мух, чем покупателей. Копченая рыба была подвешена за хвост на деревянных рамах, словно жирный военный трофей.

Продавцы еды предлагали пряный шашлык, жарящийся на углях. Печари продавали буханки плетеного ржаного хлеба. Две женщины помещивали дымящееся содержимое котла и разливали по мискам свою «похлебку кракена» — варено молочного цвета с водорослями, луком и кружками нежных осьминожьих присосок, срезанных с больших щупалец.

Никки шла быстро, не обращая внимания на развлечения. На улицах выступали жонглеры, а азартные игроки делали ставки в игре в наперстки. Сидевший на перевернутом горшке музыкант терзал слух прохожих игрой на изогнутом струнном инструменте.

В районе торговцев специями мужчины в длинных зеленых балахонах продавали тмин, куркуму и кардамон. Беззубая старуха сидела на обочине и сортировала крупные корни мандрагоры и имбиря. Когда вдоль улицы задул ветер, торговцы специями бросились укрывать толченное содержимое своих корзин. Один человек наклонился над глиняной чашей с молотым красным перцем. Порыв ветра взметнул перец ему в лицо, мужчина зашелся кашлем и попятился, размахивая руками.

Танимура была многолюдным и оживленным городом. Каждый ее житель был сосредоточен на повседневной жизни, и лишь немногие участвовали в таких масштабных деяниях, как строительство и поддержание Д'Харианской империи. Эти люди не были воинами. Они долгие годы жили под гнетом Имперского Ордена, пережили неурядицы затяжной кровавой войны и сейчас, возможно, не совсем понимали, как сильно изменилась их жизнь. Если правление лорда Рала будет долгим, жителям Танимуры, скорее всего, больше не придется ни о чем беспокоиться.

Колдунья направлялась в более старый и густонаселенный район рядом с гаванью, а улицы становились все теснее и запутаннее. Здания были высокими и грязными, каждая улица превращалась в узкий переулок. Не раз Никки оказывалась в тупике из кирпичных стен и мусора, и ей приходилось возвращаться.

Никки свернула на чуть более широкий переулок между покосившимися трехэтажными зданиями с потрескавшимися пятнистыми стенами. От тонувших в тени зданий пахло застоявшейся водой, крысами и мусором. Колдунья устремилась вперед, решив, что проулок выведет ее на просторную улицу, но тот лишь поворачивал под странными углами и становился все уже.

Впереди она услышала испуганный крик и шум драки — проклятия, хриплый смех, звук удара кулаком и затем приглушенные удары ботинками. Она уже почти бежала на звуки, когда услышала крик боли и присоединившийся к нему глумливый смех мальчишки.

— Это все, что у меня есть! — кричал молодой человек.

Никки повернула за угол и натолкнулась на троих мускулистых мужчин и худенького мальчишку, которые сгрудились вокруг юноши лет двадцати. Ей потребовалось всего одно мгновение, чтобы оценить ситуацию, вычислить хищников и жертву. Молодой человек, загнанный в угол этими головорезами, не был похож на танимурца. У него были длинные рыжие волосы и бледная кожа, покрытая веснушками. В его карих глазах плескался страх.

Он набросился на своих противников, но трое более крупных мужчин стали бить его кулаками. Для них это было игрой, и они, казалось, не спешили. Мальчик, которому было не больше десяти лет, перепрыгивал с ноги на ногу, сжимая в руке маленький мешочек с монетами, очевидно, украденный у жертвы.

Один из головорезов, крупный мужчина с короткими, но необычайно мускулистыми руками, с силой ударил кулаком в бедро жертвы. Рыжеволосый молодой человек рухнул, скользнув по склизкой грязной стене. Даже упав, он не опустил руки и пытался отбить удары.

— Немедленно прекратите, — раздался голос Никки.

Колдунья не кричала, но голос был достаточно строгим, чтобы привлечь внимание, словно неожиданная пощечина.

Трое мужчин удивленно обернулись. Глаза кучерявого мальчишки стали размером с монету, и он бросился по извилистому переулку, словно был тараканом, который убегает от света. Никки проигнорировала ребенка и смотрела на трех мужчин, которые были по-настоящему опасны.

Головорезы повернулись к ней, готовясь к драке, но когда увидели привлекательную блондинку в черном платье, выражения их лиц изменились. Один даже громко хохотнул. Троица рассредоточилась, начиная окружать колдунью.

Коренастый плотный мужчина окликнул парнишку, который скрылся в переулке.

— Можешь не убегать, мелкий мерзавец. Это всего лишь баба.

— Пусть валит, Джерр, найдем его позднее, — возразил второй.

Это был загорелый мужчина с округлым лицом и красными глазами — вероятно, результат близкого знакомства с бутылкой, а не недосыпа.

— Мы же не хотим, чтобы этот маленький паршивец видел, что мы собираемся с ней сделать, — сказал третий мужчина с сальными каштановыми волосами, собранными в хвост. — Он слишком мал для такого убийства.

Рыжеволосый юноша пытался подняться. Из его носа текла кровь, рубашка была порвана.

— Они украли мои деньги!

Красноглазый мужчина ответил ему сильным ударом в лицо. Голова парня тяжело ударилась о стену переулка.

Никки чувствовала нарастающий внутри холод, но не двигалась с места.

— Возможно, ты не расслышал. Я велела прекратить.

— Да мы только начали, — сказал их главарь Джерр.

Трое мужчин одновременно вытащили свои ножи. Очевидно, избивание юноши недостаточно развлекло бандитов и им в головы пришло кое-что насчет Никки. Такие мужчины часто поступали подобным образом.

Зловеще ухмыляясь, они направились напрямик к ней. Хвостатый мужчина обошел Никки, отрезая путь к отступлению, но отступление не входило в ее планы. Они явно ожидали, что женщина в ужасе убежит, но Никки этого не сделала.

— Миленькое черное платье, — сказал Джерр, поднимая нож. — Но мы бы предпочли увидеть тебя без него. Это бы упростило дело.

— Оставьте ее в покое! — Рыжий юноша пытался подняться, прижимая руку к ушибленному бедру.

— Сколько зубов ты хочешь потерять до конца дня? — прорычал красноглазый.

Никки одарила троицу ледяным взглядом.

— Я уже несколько недель не убивала людей. — Она переводила взгляд с одного на другого. — А теперь у меня сразу трое за день.

Головорезов поразила ее самоуверенность, и самый крупный, Джерр, засмеялся:

— Как ты собираешься это сделать? У тебя даже оружия нет.

Никки стояла, опустив руки и сжав кулаки.

— Я сама по себе оружие.

Она призвала свою магию, выбирая из множества способов убийства.

Рыжеволосый парень все-таки сумел подняться и зачем-то поковылял к ним, крича Никки:

— Я не позволю им причинить вам боль. — Он нырнул в ноги хвостатого, повалив его на землю.

Красноглазый выставил перед собой нож и двинулся на Никки, вода перед ней кончиком ножа, словно ее можно было запугать.

— Пырни ее, Хенти, — крикнул ему Джерр, — только не порань слишком серьезно — еще рано. Я не хочу вымазаться в крови, пока буду развлекаться между ее ног.

Никки могла бы призвать огонь волшебника и мгновенно превратить троицу в пепел, но тогда погиб бы и юноша. К тому же, мог начаться пожар, который спалит весь старый город. В этом не было необходимости, у нее полно других вариантов.

Никки создала воздушную стену и послала ее на Хенти. Тот словно врезался в невидимое дерево и ошеломленно замер. Колдунья с помощью магии подняла его в воздух на пятнадцать футов. Она не нежничала с головорезом — он не дал ей такого повода.

Красноглазый отлетел в высокую стену, и от удара его голова раскололась, словно одна из темных дынь в повозке фермера. Красные брызги нарисовали круглое пятно на грязной стене, а потом тело упало на землю с высоты второго этажа, оставив на стене длинный кровавый след.

Не веря своим глазам, Джерр кинулся с ножом на Никки, а та использовала свои силы, чтобы раздавить его гортань; он не мог даже закричать. Для пушей убедительности колдунья раздробила кости его шеи. Главарь выпучил глаза, на которых полопались все сосуды, и его голова склонилась набок. Его колени подогнулись, и Джерр ничком повалился на землю. Хвостатый пнул сбившего его с ног рыжеволосого и разрубил ножом воздух в попытке ранить парня, но тот увернулся. Последний оставшийся в живых с ревом повернулся к Никки. Она остановила его сердце, и головорез рухнул наземь, словно сраженный бык.

Рыжий парнишка осмотрел место сражения.

— Мы спасены!

Его лицо побелело, отчего веснушки стали еще более заметными. Он бросил взгляд на трех мертвых мужчин, лежавших среди мусора в переулке.

— Вы их убили! Пресвятая Мать морей, вы... Вы убили их. Не следовало так поступать.

— Возможно, — ответила Никки. — Но это было самое благоразумное решение. Они сами вынудили меня. Эти мужчины продолжили бы выискивать новых жертв и грабить — и рано или поздно их бы поймали. Я лишь сэкономила время и силы судье и палачу.

Обескураженный рыжеволосый парень никак не мог решить, что ему делать. Его губы были в крови, на опухшем лице красовались синяки.

— Просто... они забрали мои деньги, но сомневаюсь, что они убили бы меня.

Никки окинула взглядом его долговязую фигуру. Юноша был одет в просторную домотканую рубашу коричневого цвета и прочные холщовые штаны, какие обычно носят матросы. Оружия она не увидела, не было даже ножа на поясе.

— Думаешь, они не собирались тебя убить? Я не была бы так уверена в этом.

Он с трудом сглотнул, и ее поразило, каким наивным и глупым он казался. Если даже синяки и потеря кошелька ничему его не научили, то Никки не собиралась тратить на него свое время.

— Если будешь так бездумно ходить безоружным по этим переулкам, то скоро тебе представится еще одна возможность узнать, собираются ли местные воры убивать тебя. — Она повернулась, чтобы уйти. — И не рассчитывай, что в следующий раз я окажусь рядом и помогу тебе.

Молодой человек поспешил за ней.

— Спасибо! Извините, что не сказал этого сразу... Спасибо. Меня учили благодарить тех, кто добр ко мне. Я признателен вам. Меня зовут Бэннон... Бэннон... — Смутившись, он осекся. — Бэннон Фермер. Я с острова Кирия. Это мой первый визит в Танимуру.

Никки не замедлила шаг.

— Заметно. Он может стать последним, если не перестанешь вести себя как идиот.

Бэннон шел за ней, продолжая говорить:

— Раньше я занимался выращиванием капусты, но хотел повидать мир, поэтому нанялся матросом на парусник. Это мой первый визит в порт, и я пошел купить себе меч. — Он нахмурился и снова похлопал себя по бедрам, словно ограбление ему только почудилось. — Они отняли мои деньги. Этот мальчишка...

Никки не выказала ни удивления, ни сочувствия.

— Он сбежал, и ты ни за что его не найдешь. Хотя так даже лучше — мне не очень-то нравится убивать маленьких мальчиков, даже если они воры.

Плечи Бэннона поникли.

— Я искал кузнеца, чтобы купить меч. Эти мужчины показались мне весьма любезными. Они вызвались меня проводить и привели сюда. — Он помотал головой. — Наверное, мне следовало быть настороже. — Лицо Бэннона просветлело. — Но тут были вы. Вы спасли меня. Вы колдунья? Я никогда не видел ничего подобного. Спасибо, что спасли меня.

Она повернулась к нему.

— Тебе должно быть стыдно, что мне пришлось тебя спасать. У тебя должно быть достаточно здравого смысла, чтобы не позволить себе стать жертвой. У меня нет сострадания к головорезам и ворам, но их не было бы, если бы не было дураков как ты, на которых они охотятся.

— Простите. — Лицо Бэннона стало пунцовым. — Это будет мне уроком. — Он вытер кровь, сочившуюся из губ и носа, а затем размазал ее по своим штанам. — Будь у меня меч, я смог бы защитить себя. — Он прислонился к стене переулка и с трудом снял левый ботинок. — Может, у меня осталось достаточно монет. — Когда он перевернул ботинок, ему на ладонь выпало несколько монет: два серебряника и пять медяков. — Узнал эту хитрость от отца. Он научил меня никогда не хранить все деньги в одном месте, на случай грабежа. — Он искоса взглянул на монетки в руке. — На

хороший меч не хватит, а я так надеялся на превосходный клинок с золотой рукоятью и навершием, украшенный замысловатой гравировкой. Может, все же хватит на...

— Мечу необязательно быть красивым, чтобы эффективно убивать, — перебила его Никки.

— Надеюсь, до этого не дойдет, — ответил Бэннон. Он положил монеты обратно в ботинок, надел его и притопнул ногой, а затем оглянулся на тела троих головорезов. — А вам меч совсем ни к чему.

— Верно, — сказала она. — Что мне нужно, так это корабль, плывущий на юг. — Она направилась к выходу из переулка. — Я шла к гавани.

— Корабль? — Бэннон поспешил за ней, пытаясь на ходу поправить ботинок. — Я с корабля «Бегущий по волнам», это трехмачтовый галеон из Серримунди. Капитан Эли отплывает сразу после погрузки. Скорее всего, с сегодняшним отливом. Он будет брать пассажиров. Могу замолвить за вас словечко.

— Я и сама смогу найти судно, — возразила Никки, а потом немного смягчилась, понимая, что юноша просто пытался помочь, — но благодарю за рекомендацию.

— Меньшее, чем могу отплатить. — Бэннон просиял. — Вы спасли мне жизнь. «Бегущий по волнам» — хороший корабль. Именно такой вам и нужен.

— Посмотрим, — ответила Никки.

Молодой человек решил прекратить ей надоедать.

— А я пока куплю себе меч, чтобы в следующий раз не быть таким беспомощным. — В порыве неуместной сознательности он уставился на мертвых головорезов в тени закоулка. — Но что нам делать с ними?

Никки даже не оглянулась.

— Крысы о них позаботятся.

Глава 6

Когда колдунья пошла своей дорогой, Бэннон вытер с губ кровь и нащупал синяк. От попытки улыбнуться боль только усилилась, но он все равно улыбнулся. Он должен улыбаться, иначе его хрупкий мир развалится на части.

Его холщовые штаны были порваны и испачканы, но эти прочные рабочие штаны фермера были сделаны на века и отлично служили ему на борту судна. Домотканая рубашка была разорвана в двух местах, но у Бэн-

нона будет время заштопать ее после отплытия. Когда «Бегущий» отправится на юг, потекут спокойные однообразные дни плаванья под парусом. Юноша ловко управлялся с ниткой и иголкой и сможет все починить.

Когда-нибудь у него будет прелестная жена, которая сошьет ему новую одежду и заштопает старую, как это делала его матушка на острове Кирия. У них будут бойкие детишки с лучезарными глазами — пятеро, решил он. Они с женой будут смеяться вместе... в отличие от его матери, которая редко смеялась. У него все сложится иначе, потому что он не будет таким, как его отец. Он совсем другой.

Молодой человек вздрогнул, перевел дух и заставил себя вернуться в реальный мир из этой яркой и красочной картины, которую он любил представлять себе. Да. Уютный дом, любящая семья, отличная жизнь... Он привычно отряхнулся, и на этот раз его улыбка была настоящей. Он даже сделал вид, что не замечает синяков на лице и ноге. Все будет хорошо. Должно быть.

Он вышел на светлые и открытые городские улицы. Небо было ясным и голубым, из гавани дул свежий соленый воздух. Танимура была городом чудес, как он и мечтал.

После отплытия с острова Кирия он просил других моряков рассказать о Танимуре. То, что они описывали, казалось невозможным, но Бэннон же не считал невозможными свои мечты, и потому поверил морякам — по крайней мере, постарался поверить.

Как только «Бегущий по волнам» вошел в порт и пришвартовался, Бэннон спустился по трапу, полный надежд, что город — хоть что-то в его жизни — окажется именно таким, как он надеялся. Остальные члены экипажа получили свое жалованье и отправились в портовые таверны, где подают что-то помимо рыбы, квашеной капусты и вяленого мяса, и где они напьются до беспамятства. Или заплатят за услуги... особых дам, которые готовы раздвинуть ноги перед любым мужчиной. В безмятежных деревеньках Кирии не было таких женщин, а даже если и были, Бэннон никогда их не встречал (хотя он к этому и не стремился).

Отец Бэннона, сильно напившись, часто называл мать шлюхой, а потом избивал ее, но матросы «Бегущего», казалось, были в восторге от предстоящего общения со шлюхами и совсем не собирались их избивать, поэтому Бэннон не понимал такого сравнения.

Он стиснул зубы и сосредоточился на солнечном свете и свежем воздухе. Паренек рассеянно отбросил с лица длинные рыжие волосы. Пускай другие моряки ходят по пивным и снимают распутниц. Бэннон оказался в Танимуре впервые и хотел быть опьяненным видами города и его чудесами. Он всегда представлял мир именно таким.

Таким он и должен быть.

Высокие белые здания с черепичными крышами были украшены цветниками под распахнутыми окнами. На веревках, натянутых между окнами, висело разноцветное белье. Дети со смехом бегали по улице, гоня мяч. Они пинали его на бегу и бросали, и казалось, что у этой игры нет никаких правил. Мальчишка с лохматой головой врзался в Бэннона, но тут же отскочил и убежал. Юноша проверил свои штаны и карманы — возможно, мальчишка налетел на него, чтобы залезть в карманы — но у Бэннона уже нечего было красть. Последние оставшиеся деньги были надежно припрятаны в ботинке, и парень надеялся, что их хватит на сносный меч.

Он глубоко вздохнул, закрыл глаза и снова открыл их. Он улыбнулся и решил думать о том, что тот уличный мальчишка не был невоспитанным карманником, который пытается воспользоваться растерянностью незнакомца.

В поисках кузнеца Бэннон вышел на главную площадь, с которой открывался вид на сверкающую голубую воду и скопление парусников. Грузная женщина толкала перед собой тележку, заполненную моллюсками и потрошеной рыбой, без особого энтузиазма предлагая свой товар. Старые рыбаки с распухшими от артрита суставами плели новые рыболовные сети и чинили те, что были порваны. Их больные руки каким-то образом не теряли ловкости. Чайки то бесцельно кружили над головой, то с пронзительными криками боролись за найденные объедки.

Бэннон набрел на лавку кожевенника, где стоял мужчина в кожаном фартуке и с круглым лицом в обрамлении темных волос. Он чистил и обрезал высушенные шкуры, в то время как его грузная жена стояла на коленях перед широким корытом и руками окунала в ярко-зеленую краску куски кожи.

— Извините, — сказал Бэннон, — вы не могли бы посоветовать хорошего оружейника? С разумными ценами.

Женщина посмотрела на него.

— Хочешь присоединиться к армии лорда Рала, да? Войны закончились, наступило время мира. — Она оглядела его долговязую фигуру. — Не знаю, нужны ли им теперь воины.

— Нет, я не хочу в армию, — ответил Бэннон. — Я моряк на «Бегущем по волнам», но мне сказали, что у каждого хорошего человека должен быть хороший клинок, а я хороший человек.

— Вот как? — сказал кожевенник, добродушно фыркнув. — Тогда, возможно, тебе нужен Мэндон Смит. Он продает самые разнообразные клинки, и я никогда не слышал, чтобы кто-то остался недоволен.

— Где мне его найти? Я впервые в городе.

Кожевник удивленно поднял брови.

— Вот как? Никогда бы не подумал.

Жена кожевника вытащила руки из корыта с краской. Ее руки были ярко-зелеными до локтей, но сами кисти и запястья были более темного цвета из-за повседневного пребывания в краске.

— Через две улицы ты учуешь запах от лавки с соленьями и увидишь лавку свечника.

— Свечи там не бери, — перебил ее кожевник. — Этот жулик использует больше сала, чем пчелиного воска, так что свечи мгновенно плавятся.

— Я это запомню, — сказал Бэннон. — Но я не собираюсь покупать свечи.

— Когда пройдешь мимо высохшего фонтана, — продолжила женщина, — увидишь оружейную лавку. «Мэндон Смит. Добротные клинки». Он усердно работает и предлагает честную цену, но не оскорбляй его просьбами сбавить цену.

— Я... Я не буду. — Бэннон вздернул подбородок. — Я буду честен, если он попросит честную цену.

Он оставил кожевников и пошел по улице. Найти лавку с соленьями не составило труда. От запаха уксуса защищало глаза и нос, а когда Бэннон увидел большие глиняные горшки с квашеной капустой, его резко замутило, и в горле появился привкус желчи. Все это слишком напоминало о вонии его старого дома, капустных полей Кирии и бездонной тюремной ямы, которой была его прежняя жизнь. Капуста, капуста, капуста...

Юноша пошел дальше, мотая головой в попытке избавиться от запаха. Он прошел мимо бесчестного свечника, а затем подивился на искусную фреску, написанную на длинной стене общественного здания. Та изображала какое-то исполненное драматизма историческое событие, но Бэннон не был знаком с историей.

Он набрел на высохший фонтан, украшенный статуей прелестной морской нимфы. Танимура была полна чудес, и Бэннон почти не хотел покидать ее, даже после того, как его ограбили и чуть не убили. Было ли это хуже того, что он оставил позади?

Бэннон был в отчаянии, когда покидал свой дом, но все же хотел поглядеть мир и бороздить океаны, путешествуя от одного портового города к другому. Было бы неправильно осесть в первом же месте, которое он посетил. Но его сильно впечатлила прекрасная и ужасно могущественная колдунья, которая отличалась от всех, кого он встречал на Кирии...

Обнаружив оружейную лавку в конце улицы, он сел на край сухого фонтана, снял левый ботинок и вытряхнул на ладонь монеты; два серебряника и пять медяков, вот и все. Монеты натерли ему мозоль на пятке, но он был рад, что проявил предусмотрительность. Он усвоил урок отца: никогда не храни все свои деньги в одном месте.

Бэннон с трудом сглотнул и подошел к оружейнику. Добротные клинки. Смутившись, он снова ощупал свои пустые карманы.

— Сэр, мне нужно купить меч.

Мэндон Смит был смуглым мужчиной с лысой блестящей головой и густой черной бородой.

— Полагаю, так оно и есть, молодой человек, раз уж ты пришел в оружейную лавку. У меня богатый выбор клинков: длинные и короткие мечи, изогнутые лезвия и прямые, с закрытым или открытым эфесом — и все из великолепной стали. Я не продаю плохого оружия. — Он показал на мечи, которых было так много, что Бэннон совсем растерялся. — Какой меч ты ищешь?

Бэннон отвернулся, потирая синяк на лице.

— Боюсь, у вас может не оказаться подходящего меча.

Мэндон пригладил свою густую бороду, но та тут же снова приняла прежнюю форму.

— Я могу выковать любой меч, молодой человек.

Лицо Бэннона просветлело.

— Тогда мне нужен... недорогой меч.

Кузнеца такой ответ удивил. Лицо его помрачнело, он насупил брови, но уже в следующий миг расхохотался.

— Вот уж и правда, непростая просьба! И насколько он должен быть недорогим?

Бэннон протянул ему свои уцелевшие сбережения. Мэндон озадаченно вздохнул.

— Это довольно непросто. — Его губы скривились в усмешке. — Однако было бы неправильно позволить мужчине разгуливать без оружия. Улицы Танимуры весьма опасны.

Бэннон сглотнул.

— В этом я уже убедился.

Мэндон завел его в свою лавку.

— Давай посмотрим, что у нас тут есть.

Кузнец принялся рыться в гладких металлических полосах, которые еще предстояло выковать и придать им форму. Он перебирал заготовки длинных мечей, сломанные клинки, изысканные кинжалы, зазубренные охотничьи ножи. Там был даже короткий нож с плоским лезвием, который подходил разве что для резки сыра и масла.

Кузнец прекратил свое занятие и задумчиво уставился на громоздкий меч длиной с руку Бэннона. У меча была прямая гарда без украшений и маленькое круглое навершие. Рукоять была обмотана полосками кожи, на ней не было ни изысканной резьбы, ни украшений из проволоки и драгоценных камней. Лезвие было бесцветным, как и у всех добротно выкован-

ных клинков, но на нем не было ни кровостока, ни гравировки. Это был простой крепкий меч. Мэндон взвесил меч в правой руке, а затем перекинул его в левую. Он крутанул меч, чтобы прочувствовать его вес, наблюдая за тем, как тот рассекает воздух.

— Попробуй-ка вот этот.

Бэннон поймал меч, опасаясь, что уронит его на пол лавки с оглушительным грохотом, но его рука сама легла на рукоять, пальцы обхватили кожаную обмотку, которая не позволила им соскользнуть.

— По крайней мере, выглядит надежным. И прочным.

— Ага. И лезвие острое. Заточка продержится долго.

— Я представлял себе что-то чуть более... — Бэннон нахмурился, подбирая слова, которые не оскорбят кузнеца, — чуть более изящное.

— Ты пересчитывал монеты, которые хочешь потратить?

— Да, — сказал Бэннон, опуская плечи. — Я понимаю.

Мэндон хлопнул его по спине, немного не рассчитав силу удара.

— Расставляй приоритеты правильно, молодой человек. Когда твой противник смотрит на клинок, который торчит у него из груди, то его меньше всего заботит, что на рукояти не хватает орнамента.

— Думаю, так и есть.

Мэндон смотрел на простой клинок и размышлял:

— Этот меч выковал один из моих самых талантливых учеников, молодой человек по имени Гарольд. Я дал ему задание сделать хороший и надежный меч. Ему потребовалось четыре попытки, но я знал, какой у него потенциал, и был не против потратить четыре заготовки для меча. — Кузнец постучал ногтем по сплошному лезвию, и послышался чистый металлический звон. — Гарольд сделал этот меч, чтобы доказать, что ему настало время стать подмастерьем. — Он задумчиво улыбнулся, поглаживая рукой свою колючую черную бороду. — И он доказал. Через три года Гарольд стал таким хорошим мастером, что создал фантастически искусный, совершенный меч — свой шедевр. Тогда я нарек его мастером. — Он расправил плечи и откинул голову, с усмешкой вздохнув. — Теперь он один из моих основных конкурентов в Танимуре.

Бэннон посмотрел на меч с возросшим уважением.

Мэндон продолжил:

— Это только подтверждает мои слова: может, он и не кажется таким, но это очень добротный меч, и он послужит нуждам правильного человека — если только ты не собираешься впечатлить какую-нибудь милую девушку.

Бэннон почувствовал, как у него загорелись щеки.

— Мне придется сделать это каким-то другим способом. Этот меч будет защищать меня.

Он поднял клинок, держа его обеими руками, и медленно взмахнул им, описав изящную дугу. Как ни странно, это подняло ему настроение — возможно потому, что в противном случае у него не было бы никакого меча.

— Он отлично тебе послужит, — сказал кузнец.

Бэннон расправил плечи и с отсутствующим видом кивнул.

— Никогда не знаешь, когда может понадобиться защитить себя или своих спутников.

Темные грани мира рушили его мировоззрение. Ему казалось, что в чудесной Танимуре стало больше теней, что в ее закоулках прячется нечто мрачное, и оно приглушает яркие солнечные цвета. Все еще колеблясь, он протянул кузнецу монеты, уцелевшие после встречи с ворами.

— Вы уверены, что этих денег достаточно?

Кузнец брал монетки по одной: сначала две серебряные, затем четыре медные. На последней он сомкнул пальцы Бэннона.

— Я никогда не возьму последнюю монету. Давай выйдем. — Он указал направление своей лысой головой. — На заднем дворе у меня есть площадка для тренировок.

Мэндон отвел его на маленький двор позади кузницы, где стояли две бочки с плавающей в воде окалиной после охлаждения мечей, шлифовальный круг и точильные камни для заточки лезвий. Изрядно потрепанное сосновое бревно с человеческий рост было установлено вертикально в самом центре грязной площадки, застланной соломой. Вокруг бревна лежали ароматные груды свежей белой стружки.

Мэндон указал на изрубленное бревно.

— Вот твой противник, защищайся. Представь, что это солдат Имперского Ордена. Ха, почему бы не представить самого императора Джеганя?

— В моем воображении уже предостаточно врагов, — пробормотал Бэннон. — Нет нужды добавлять к ним новых.

Он ступил на тренировочную площадку и взмахнул мечом, приготовившись к отдаче от удара. Клинок вонзился в сосновое бревно, и рука Бэннона завибрировала до самого локтя.

Кузнец попытка не впечатлила.

— Ты пытаешься срезать подсолнух, мальчик мой? Размахнись!

Бэннон снова замахнулся, гораздо сильнее, чем в прошлый раз, и раздался более громкий глухой стук. От бревна отлетел сухой кусок коры.

— Защищайся! — кричал Мэндон.

Паренек размахнулся еще сильнее, рыча от прилагаемого усилия, и в этот раз у него загудела вся рука от запястья до плеча.

— Я смогу защитить себя, — прошептал он. — Я не буду беспомощным.

Но он не всегда был способен защитить себя и свою мать.

Бэннон снова ударил, представляя, что лезвие вонзается не в дерево, а в живую плоть и кости. Он снова оставил зарубку на бревне.

Он помнил, как однажды, еще когда жил на острове, вернулся домой где-то через час после захода солнца. Он не покладая рук работал на капустных полях Кирии, как и все молодые люди его возраста. Ему приходилось работать за деньги, а не обрабатывать земли своей семьи — потому что его отец уже давно лишился земли. Отец еще до обеда ушел из дома, и наверняка уже надрался в таверне. Пьянство было единственным делом, в котором он преуспел.

По крайней мере, это означало, что в доме будет тихо, и Бэннон с матерью обретут шаткое спокойствие. Сегодня Бэннон получил еще немного монет, которые заработал в поле на прошлой неделе — сбор урожая капусты был в самом разгаре, и плата была выше, чем обычно.

Он накопил достаточно денег, чтобы оплатить свой отъезд с острова Кирия. Он мог уехать еще месяц назад и помнил, как смотрел на редкие торговые суда, уходящие из порта, и жаждал убраться с острова. Корабли появлялись на Кирии лишь раз в месяц-другой, потому что островитяне мало что могли продать и редко располагали деньгами для покупки привезенных товаров.

Хотя Бэннону и пришлось дожидаться другого шанса уехать, он твердо решил, что не уедет — он просто не мог уехать — пока не сможет забрать с собой мать. Они вдвоем уплывут навстречу идеальному миру и найдут себе спокойный новый дом в одном из мест, похожих на Танимуру, Народный Дворец, Срединные земли. Даже дикие дебри Нового мира лучше, чем многострадальная Кирия.

Бэннон вошел в дом, сжимая в руках серебряную монету, которую заработал в тот день. Он был уверен, что теперь у него достаточно денег, чтобы они с матерью могли уехать. Они смогут убежать вместе на следующем появившемся в порту судне. Чтобы быть уверенным, он собирался тщательно пересчитать серебряные монеты, которые прятал на дне заполненного землей цветочного горшка, стоявшего на подоконнике. В горшке были засохшие ростки скальной анемоны — он сам посадил и вырастил ее, а затем наблюдал, как она умирает.

Войдя в дом, Бэннон сразу почувствовал запах подгоревшей еды и медный запах крови. Он настороженно остановился. Мать, стоявшая у очага, отвернулась от горшка, в котором что-то помешивала. Она попыталась улыбнуться, но ее губы и щека больше напоминали кусок сырой печени. Она пыталась сделать вид, что все хорошо, но он не верил этой лжи.

Бэннон уставился на мать, чувствуя подступающую тошноту.

— Я должен был быть здесь, чтобы остановить его.

— Ты все равно не смог бы ему помешать. — Голос матери был хриплым и сорванным — наверняка ей пришлось кричать, а потом рыдать. — Я не сказала, где ты их прячешь. Я бы ни за что не сказала. — Она снова начала плакать, качая головой, и тяжело опустилась на выложенный камнями пол возле очага. — Я бы ему не сказала... Но он все равно знал. Он обыскивал твою комнату, пока не нашел деньги.

Его желудок болезненно скрутило. Бэннон вбежал в свою комнату и увидел, что дорогие его сердцу безделушки разбросаны по полу, солома из тюфяка выдрана, а сшитое его матерью лоскутное одеяло кучей лежит у стены. Горшок с наскальной анемоной был перевернут на кровать.

Деньги исчезли.

— Нет! — зарыдал он.

Эти деньги должны были стать новой надеждой, новой жизнью для них обоих. Бэннон упорно работал в полях и год откладывал деньги, чтобы они смогли покинуть Кирию и оказаться вдали от этого человека. Его отец не просто украл эти деньги. Он лишил Бэннона и его мать будущего.

— Нет! — снова прокричал Бэннон в безмолвном доме, пока его мать тихо плакала у очага.

Именно так отец научил Бэннона никогда не хранить все деньги в одном месте — потому что кто-то мог забрать все. Неважно, насколько хорош тайник. Воры вроде его отца могут оказаться достаточно умными или очень жестокими — а могут сочетать оба этих качества. Но когда воры найдут хоть немного денег, Бэннон мог сделать убедительный вид, что это были все его сбережения, и они не подумают искать где-то еще...

— Во имя добрых духов, мой мальчик! — голос кузнеца прорвался через темную пелену воспоминаний. — Ты же ломаешь мое бревно, этот меч, а в процессе еще и свою руку!

Бэннон сморкнул и увидел, что натворил. В безотчетной ярости он сделал на бревне огромные зарубки, раскидав по сторонам щепки. Ладони вспотели, но он мертвой хваткой держал рукоять меча. Бесцветное лезвие звенело, но меч был цел, а кромка лезвия осталась острой. У него болели плечи, ладони саднило, а запястья пульсировали от боли.

— Думаю... — сказал он, а затем с трудом сглотнул. — Думаю, я уже достаточно его испытал. Вы правы, это отличный меч. — Бэннон порылся в кармане и достал последнюю медную монету. — У меня к вам еще одна просьба. Медяка хватит, чтобы оплатить заточку меча? — Он посмотрел на истерзанное бревно и подавил дрожь. — Мне кажется, он мог немного затупиться.

Мэндон долго и тяжело смотрел на него, а потом забрал медяк.

— Я сделаю такое лезвие, которое прослужит тебе долго, если будешь заботиться о мече.

— Буду, — пообещал Бэннон.

Кузнец водил мечом по точильному камню, разбрасывая по сторонам искры. Бэннон смотрел на него невидящими глазами — его мысли блуждали в трясине воспоминаний. Скоро ему возвращаться на «Бегущий по волнам», который отплывал с вечерним приливом. Остальные члены экипажа будут страдать от похмелья, и все они будут без гроша в кармане, как и сам Бэннон. Похоже, он отлично впишется в команду.

Он снова заставил себя улыбнуться и коснулся разбитой губы. Он не обращал внимания на боль, представляя, что сделает с головорезами, если они снова к нему полезут. Теперь он был готов к встрече. Он на время погрузился в свои фантазии — нет, в свою веру — где была лучшая жизнь, счастливая семья и добрые друзья. Этот мир должен где-то существовать. Все его детство прошло на острове Кирия, где отец кричал на него и избивал, и Бэннон Фермер создал в своем разуме радужную картинку, за которую отчаянно цеплялся.

К тому времени, как он восстановил для себя ясную картину того, как все должно быть, Мэндон закончил точить клинок и вернул ему оружие.

— Я даю тебе этот меч и от всего сердца желаю, чтобы у тебя никогда не возникло необходимости его использовать.

Бэннон улыбнулся, почувствовав укол боли в разбитой губе.

— Я тоже на это надеюсь. Всегда буду надеяться.

Но он сомневался, что его надежды сбудутся.

Распрощавшись с Мэндоном, Бэннон вышел из лавки и направился к докам, где его ждал «Бегущий по волнам».

Глава 7

Никки миновала мрачные тесно стоящие здания и попала в более просторный район с торговыми складами и канцеляриями, откуда было рукой подать до пристани гавани Графана. В здании капитана порта было не протолкнуться, окна и двери были распахнуты, чтобы впустить внутрь морской воздух. На пристани суетились клерки, одетые в пиджаки с высокими воротниками и вооруженные перьями и бумагой. Они опрашивали квартирмейстеров, составляя описи обычных и экзотических грузов и высчитывая налог.

Портовые таверны и трактиры были увешаны кричащими безвкусными вывесками. В «Рыле и Опарыше» было непривычно многолюдно, люди общались между собой исключительно криком. Перед таверной пухлый

мальчишка продавал подгоревшие мясные пирожки матросам, которые развалились на ступенях или сидели, прислонившись к стене.

Неказистые бордели, обслуживающие постоянный поток одиноких мужчин, располагались так близко друг к другу, что клиенты подобных заведений могли слышать страстную возню из соседних борделей. Крайне впечатляющие фрески на наружных стенах демонстрировали невероятные услуги, которые оказывали женщины или мальчики. Изучая фрески, Никки засомневалась, что матросы смогут принимать такие замысловатые позы, требующие изрядной гибкости. Она прикусила нижнюю губу, в которой когда-то было золотое кольцо, отмечавшее ее как собственность императора Джеганя. По своему неприятному опыту в солдатских палатках она знала, что многие мужчины, хотя и считают себя великими любовниками, на деле оказываются просто скотами, которые быстро и без лишней утонченности заканчивают свои любовные утехы.

Она прошла мимо прилавков ростовщиков: богачей, спонсирующих целые морские экспедиции, и более скромных и мелких ростовщиков, которые наживались на оказавшихся в безвыходной ситуации моряках. Возле одной из лачуг ростовщика к столбику был прикован жалкий на вид мужчина, который хмурился и горбился под весом кандалов. Его забрасывали гнилыми фруктами, но он лишь усмехался в ответ на издевки прохожих.

Никки знала, как устроена Танимура. Возможно, какой-нибудь жалостливый капитан выкупит долг этого человека и наймет его в свою команду. Но такие «спасенные» вынуждены выплачивать столь огромные проценты, что, по сути, становились рабами. Хотя Никки презирала рабство, у нее было мало сочувствия к идиотам, загнавшим себя в такое положение.

Шагая вдоль берега, она оценивала пришвартованные корабли и искала «Бегущего по волнам», которого советовал Бэннон Фермер. Здесь были и торговые суда с объемными трюмами, и быстроходные дозорные и боевые корабли — узкие, с обтекаемым корпусом.

Группы косматых мускулистых мужчин предлагали свои услуги в качестве носильщиков. Они походили на быков в человечесем обличье и волочили грузы к громогласным торговцам, проводящим аукционы. Рабочие тянули толстые пеньковые веревки через скрипучие шкивы, поднимая с палуб ящики и груженные поддоны. Возле покрытого копотью и жиром грузового судна матросы сражались с блоком, пытаясь поднять отрубленное щупальце огромной морской твари, грубая серая кожа которого была покрыта слизью и изобиловала присосками. Измотанные рабочие перекинули безвольное щупальце через борт, и оно с глухим стуком упало на мостки. К нему подбежали мясники с пилами и топориками и принялись разделять щупальце на небольшие куски, в то время как их молодые подмастерья бе-

гали по пристани с криками: «Свежее мясо кракена! Продается свежее мясо кракена!». Запах был таким мерзким и откровенно рыбным, что Никки с трудом могла представить, как кто-то по доброй воле станет это есть.

Она вздрогнула от неожиданности, услышав, как ее зовет Натан.

— Вот ты где, колдунья. Я готов помочь найти судно, на котором мы отправимся в наше великое путешествие в Древний мир.

Повернувшись, чтобы взглянуть на волшебника, Никки чуть не рассмехалась. Из Народного дворца Натан выехал в хорошей дорожной одежде, но за время путешествия по Темным землям и к Танимуре, его наряд истрепался: ткань поблекла, манжеты износились, подол плаща превратился в лохмотья. Сейчас на нем были новые штаны из коричневой кожи и белая льняная рубашка со свеженакрахмаленным жабо, объемными рукавами и пышными манжетами с золотыми запонками. Поверх рубашки был надет расшитый жилет без пуговиц, а довершал картину прекрасный плащ травянисто-зеленого цвета. Конечно же, на плече волшебника была его сумка, наверняка набитая рубашками — совершенно непрактичными белыми рубашками, которые быстро испачкаются и потускнеют, — жилетками и штанами. Возможно, там был даже второй плащ, хотя Никки сомневалась, нужен ли Натану и первый.

Натан же принял выражение ее лица за восхищение.

— Хм... Я готов пересмотреть свое мнение о Танимуре. Это прекрасный город, несмотря на те неприятности, которые здесь со мной приключались. Одних портных тут целый район! Они шьют рубашки, куртки, штаны, плащи... Выбор необычайный! — Он понизил голос до хриплого шепота. — Представляешь, я нашел две улочки с весьма причудливым женским бельем. — Он поднял бровь; Никки знала, что он это сделал, чтобы взбесить ее. — Могу проводить тебя туда, колдунья.

— Думаю, не стоит, — ответила она. — Моего черного платья и другой походной одежды вполне достаточно, ведь я путешествую по поручению Ричарда.

Ее совершенно не интересовало кружевное белье и соблазнение незнакомцев. Если уж на то пошло, Никки для этого не нужны были кружева.

Натан продолжил говорить с неизбынным восторгом:

— И сапожники, которые шьют все виды обуви. — Он постучал носком своего нового черного сапога по дощатому настилу дока, чтобы тот лучше сидел на ноге. — Изготовители ремней, резчики пуговиц, кузнецы, которые занимаются пряжками. Ты слыхала о такой профессии? Кузнец, который только и делает, что кует пряжки!

Никки могла себе представить, как он ходит среди магазинов, очарованный богатым выбором, словно ребенок в кондитерской.

— Удивлена, что ты выбрал так быстро.

— Вот уж правда! Когда я впервые вырвался из Дворца Пророков, мы с Клариссой пошли к портному за пределами Танимуры, и он потратил немало времени на подгонку одежды по фигуре. Он был очень кропотлив. — На его лице промелькнула тень грусти от воспоминаний. — Но в этом городе такой необычайно широкий выбор, что стоило мне назвать предмет одежды, как продавец уже находил его, причем точно моего размера. — Он удовлетворенно крикнул, поднимая повыше свои покупки. — Я приобрел несколько костюмов. — Он окинул взором доки, пробегаясь взглядом по многочисленным кораблям, пришвартованным в гавани. — Итак, я готов отчаливать. Ты нашла нам судно?

Никки вспомнила паренька из переулка.

— Я ищу «Бегущий по волнам» — трехмачтовый галеон, отплывающий сегодня вечером на юг. Он вполне нам подойдет.

— Следуй за мной, — сказал Натан. — «Бегущий по волнам» в той стороне.

Она не спросила, как волшебник узнал об этом и долго ли он изучал гавань в ее отсутствие. Вместе они прошли вдоль пирса и нашли «Бегущий по волнам», пришвартованный в третьем с конца доке. Нос корабля украшала женщина с прекрасным лицом, выющиеся локоны которой спадали вниз, превращаясь в морские волны. Это была Мать морей — суеверие южных прибрежных городков Древнего мира.

«Бегущий по волнам» готовился отчалить с вечерним отливом. На борт грузили последние телеги и бочки с припасами, моряки таскали на палубу клетки с курами, а пузатый кок вел по трапу несчастную дойную корову.

Моряки сгрудились у борта, наблюдая за суетой в доках. Многие страдали от похмелья и ушибов, полученных в потасовке. Без сомнения, они потратили или потеряли все свои деньги и рано вернулись на корабль, так как им больше некуда было идти.

Никки и Натан поднялись по трапу, неся свои пожитки. Волшебник махнул пожилому человеку в сером капитанском мундире, и тот встал со своего деревянного стула. Капитан явно чувствовал себя очень комфортно на корабле и предпочитал палубу любым прелестям Танимуры. Он вынул из угла рта длинную трубку, от которой поднимались завитки зеленовато-голубого дыма с острым запахом дурман-травы.

— Это вы капитан Эли? — спросила Никки.

Мужчина приподнял кустистые брови и кивнул, встречая путников на борту.

— Эли Корвин, мэ. Как вы узнали, кто я?

— Один из ваших матросов подсказал, что вы берете на борт пассажиров и отправляетесь на юг, в Древний мир. Мы хотели бы отправиться как можно скорее.

Капитан Эли снял свое серое кепи. У него были густые жесткие черные волосы с серебряными прядями. Темная борода очерчивала его челюсть, а остальная часть лица была гладко выбрита.

— Если вас устроит отплытие сегодня, то этот корабль вам подходит. Хотя «Бегущий по волнам» и грузовое судно, но у нас найдется место для нескольких пассажиров. За разумную плату, конечно.

— У нас есть кое-что большее, чем плата. — Натан горделиво выпятил грудь, от чего его роскошная новая рубашка раздулась, а жабо напомнило распутившиеся бутоны. Он вытащил из кожаной сумки документ и протянул капитану. — Это распоряжение лорда Рала, правителя Д'Хары, согласно которому я назначен его послом по особым поручениям. Протекция и статус также распространяется и на мою попутчицу.

Капитан Эли просмотрел распоряжение так быстро, что Никки поняла: он не прочел ни слова. Он не выглядел впечатленным.

— Этого распоряжения и денег за проезд будет достаточно, чтобы оплатить ваше пребывание на корабле.

Никки почувствовала, как краснеют ее щеки.

— Распоряжение лорда Рала должно гарантировать нам бесплатный проезд.

— Может быть. — Капитан надел кепку и сунул в рот трубку. Он медленно затянулся, а потом выдохнул. — Но такие документы можно подделывать. Есть много обманщиков, пытающихся надуть честного капитана. — Он снова затянулся. — Наверняка такой могущественный человек, как лорд Рал, магистр Д'Хары, располагает достаточно большой казной, чтобы не скупиться на оплату вашего проезда. — Он указал на соседний корабль, с которого мужчины в экзотических шелковых штанах выгружали ящики с игольчатыми фруктами. — Для большинства здешних капитанов письмо от правителя, о котором они никогда не слышали, ничего не значит. Что касается меня, то я постараюсь быть справедливым.

Корова издала низкое мычание, а кок пытался затащить ее по трапу на нижнюю палубу.

— Часть нашей миссии — просвещать мир о его правителе лорде Рале, — сказала Никки.

Она до сих пор слабо верила в другую цель, которую ведьма считала такой важной.

Капитан Эли вернулся на свое место.

— Можете сколько угодно рассказывать членам экипажа о новой прекрасной империи вашего лорда Рала, пока платите за свои каюты.

Никки напряглась, собираясь потребовать принять их предложение, но Натан выступил вперед.

— Это очень разумно, капитан. Вы деловой человек, и мы будем справедливы. — Он развязал шнуры небольшого мешочка на своей ладони и опустил в протянутую руку капитана золотые монеты.

Мужчина удивленно посмотрел на монеты, борясь с собой, а затем вернул две золотые монеты Натану.

— Этого достаточно, благодарю.

— Мы всегда можем достать еще денег. Почему бы не сделать так, чтобы все остались довольны? — прошептал Натан Никки, когда капитан убрал монеты в кошелёк.

Вместо того чтобы носить с собой мешки монет из д'харианской сокровищницы, Натан с помощью магии превращал в золото самый обычный металл, поэтому они никогда не испытывали недостатка в деньгах. Дикарям в Темных землях монеты были не нужны, но в цивилизованных городах Д'Хары Натан считал полезным иметь при себе некоторое количество золота.

— За такую цену, — добавил волшебник, — моя спутница и я получим по отдельному номеру.

Капитан добродушно усмехнулся.

— Номер? Смотрю, вы не бывали на борту кораблей вроде «Бегущего по волнам». Не удивлюсь, если вы вообще кораблей не видали. Да, я смогу найти для каждого из вас по каюте. Некоторые знатные аристократы могут счесть их туалетами, но в каждой каюте есть дверь и койка. После парочки недель в море вы посчитаете их отличным жильем.

Никки не заботило, насколько просторной будет каюта и мягкой мебель, если она доберется до нужного места.

— Это приемлемо.

Некоторые члены экипажа развалились на палубе, разглядывая новых пассажиров, словно те были диковинной рыбой, попавшейся в их сети. Корабль скоро отчаливал, и потому на борт поднималась вереница моряков: одни страдали от похмелья, другие тащили вещи, купленные в порту. Они с любопытством посматривали на Натана, явно восхищаясь его пышным нарядом и красивым мечом, но их взгляд задерживался на Никки — их привлекали ее длинные светлые волосы и черное платье, подчеркивающее изгибы тела. Никки не видела и следа молодого человека, которого спасла в переулке.

Чтобы избавить их от пристальных взглядов матросов, капитан повел двоих гостей в свою каюту. Идя по палубе, Никки заметила пятерых мужчин без рубашек, на широкой груди у которых были вытатуированы волнистые линии, состоящие из кругов. У всех пятерых была смуглая кожа и во-

лосы грязно-коричневого цвета, зачесанные назад и собранные в конский хвост. Остальные матросы избегали взгляда Никки, но эти обнаженные по пояс нахальные мужчины смотрели на нее с откровенным вожделением.

Видя их похотливые ухмылки, Натан выступил вперед:

— Дайте дорогу! Или не узнали саму Госпожу Смерть?

Полуголые мужчины неохотно расступились.

Каюты Никки и Натана в кормовой части судна оказались крохотными и непритязательными, как и обещал капитан Эли.

— Даже маленькая каюта лучше, чем ночлег в лесу под холодным дождем в туманных Темных землях, — сказала Никки, заметив разочарование Натана.

— Колдунья, да ты просто излучаешь оптимизм, — ответил волшебник. — Согласен.

Когда солнце исчезло за дельтой реки Керн и начался отлив, они вернулись на палубу понаблюдать за приготовлениями к отправлению. Капитан Эли выкрикивал команды матросам, карабкавшимся по мачтам и реям, чтобы развернуть паруса. Моряки сняли толстые тросы с кнехтов и отвязали канаты от швартовых тумб на причале. На башнях вдоль гавани пробили склянки.

Она так и не увидела на борту Бэннона Фермера и боялась, что рыже-волосый паренек наткнулся в переулке на другую шайку головорезов и его настигла печальная, но ожидаемая участь.

Впрочем, когда матросы уже собирались поднять трап «Бегущего по волнам», на причал выбежал юноша с длинными рыжими волосами.

— Подождите меня, я уже бегу! Стойте же! «Бегущий по волнам», по-дожди!

Никки заметила, что теперь у него был меч, который подскакивал на бегу и бил его по бедру.

Бэннон ринулся вперед, отбрасывая с дороги торговцев и работников дока. Налетев на шатающегося пьяного матроса, который, видимо, позабыл, где его корабль, Бэннон увернулся и взбежал по трапу. Матросы расхохотались, а некоторые обменялись монетами.

— Я же говорил тебе, он слишком глуп, чтобы сбежать с судна при первой же возможности.

Капитан Эли с неодобрением взглянул на Бэннона.

— Некоторые члены команды были готовы поспорить, что ты выдержишь только один рейс, мистер Фермер. В следующий раз не опаздывай.

— Я не опоздал, капитан. — Бэннон тяжело дышал, убирая с лица размятавшиеся волосы. Его щеки горели после бега. — Я пришел как раз вовремя. — Когда Бэннон заметил Никки, его лицо засияло, а широкая улыбка

ка подчеркнула кровоподтеки на разбитых губах. — Вы здесь! Вы пришли. Добро пожаловать на борт «Бегущего по волнам».

— Видимо, мы будем пассажирами. Корабль отплывает туда, куда нам нужно. — Она вздохнула и добавила: — Спасибо за рекомендацию.

Он приподнял свой простой меч, ничем не украшенный.

— Смотрите, я нашел клинок. Как и говорил.

Моряки засмеялись.

— Кто-то, может, и назовет это мечом, — заметил один матрос, — но я бы сказал, что этим только траву косить.

— Кого ты собираешься впечатлить этой уродливой вещью? — добавил другой. — Слепую бабу? Или фермера, которому нужно срезать высокие сорняки?

Все загоготали. Бэннон хмуро разглядывал свой громоздкий меч, а затем снова весело ухмыльнулся.

— Мечу необязательно быть красивым, чтобы эффективно убивать, — сказал он, повторяя слова Никки. — Это крепкий меч. — Он поднял клинок. — Да, именно так я его и назову. Крепыш!

— Бросайте хвастаться своим мечом, мистер Фермер, — оборвал его капитан Эли. — Сейчас мне нужны твои руки и мускулы для работы с канатами. Я хочу отплыть от кораблей в гавани и выйти в открытое море до наступления ночи.

— Вот мы и в пути, колдунья, — задумчиво произнес Натан, стоя рядом с Никки у правого борта. — В Кол Адаир, где бы он ни находился. — Он криво ухмыльнулся. — Кажется, я снова становлюсь собой.

Глава 8

Над спокойным темным морем взошла полная луна, похожая на яркий факел, и «Бегущий по волнам» покинул гавань Графана. Трехмачтовый галеон прошел мимо цепочки островов, тянувшейся за островом Халзбанд, на котором теперь были лишь камни, некогда бывшие Дворцом Пророков.

После того как они покинули сверкающую огнями Танимуру, ночное небо стало угольно-черным. Никки стояла на палубе и смотрела в него, пытаясь найти новые созвездия среди ярких звезд, переместившихся во вселенной. Полотна парусов того же молочного оттенка, что и луна, туго натянулись. Носовая фигура Матери морей устремила вдаль свои деревянные глаза, будто высматривая таящиеся впереди опасности.

Бэннон со смущенной улыбкой подошел к стоявшей на носу корабля Никки.

— Я рад, что вы решили подняться на борт «Бегущего по волнам».

— А я рада, что ты выжил в Танимуре. — Никки не могла сказать, прибавилось ли у него осмотрительности или здравого смысла после пребывания в городе. — День был полон сюрпризов.

Он все еще гордо сжимал в руке свой новый меч.

— Вы были правы насчет того, что меч должен быть надежным, а не красивым. И крепким. Меч должен быть крепким.

Паренек держал меч, словно тот был самой дорогой сердцу вещью, поворачивая его и наблюдая, как лунный свет играет на бесцветном лезвии. Он наискось рубанул клинком воздух, отрабатывая удар.

— Не могу дожидаться возможности пустить его в ход.

— Не стоит быть таким нетерпеливым, однако будь готов воспользоваться мечом в случае необходимости.

— Обязательно. А у вас есть меч?

— Он мне ни к чему, — ответила Никки.

Выражение его лица изменилось, когда он вспомнил, что она сделала с головорезами в переулке.

— Не сомневаюсь. Я видел, как вы швырнули того мужчину и разможили его череп о стену. Он лопнул, как гнилая тыква! А другой... вы превратили его шею в кашу! И я даже не знаю, что вы сделали с третьим. — Бэннон потряс головой. Его глаза были широко раскрыты. — Я пытался сразиться с ним, чтобы защитить вас, но он просто... умер.

— Так случается, когда останавливаешь человека сердце.

— Пресвятая Мать морей, — прошептал Бэннон и откинул назад волосы. — Вы определенно спасли мою жизнь и вы правы — я был слишком наивен. Не следовало попадать в такую ситуацию. Я верил, что мир прекрасен, но он темнее, чем я думал.

— Да, темнее, — сказала Никки.

— Он темнее, чем мне бы хотелось.

Никки задумалась, не стащил ли этот парень дурман-травы у капитана Эли.

— Лучше увидеть опасности мира и быть готовым к неизбежному нападению. Гораздо приятнее удивляться тому, что кто-то оказался добрее, чем ты думал, а не тому, что кто-то оказался предателем.

Лицо паренька исказилось от беспокойства.

— Полагаю, вы правы. Я хочу еще раз поблагодарить вас. Я ваш должник. — Он пошарил в карманах своих холщовых штанов. — Я кое-что принес. В знак благодарности.

Никки нахмурилась.

— В этом нет нужды. Я спасла тебе жизнь потому, что оказалась в нужном месте, и потому, что презираю тех, кто охотится на слабых. — В ее планы не входило позволять молодому человеку заискивать перед ней. — Мне не нужны твои подарки.

Он достал маленький сверток из мягкой ткани и положил его на ладонь.

— Но вы должны это принять.

— В этом нет необходимости, — повторила колдунья, в этот раз жестче.

— Думаю, есть, — голос Бэннона стал более уверенным.

Он неловко отставил меч в сторону, присел на корточки возле борта корабля и развернул ткань, под которой оказалась жемчужина размером со слезу убитой горем женщины.

— Мне не нужны твои подарки, — снова повторила Никки.

Бэннон отказывался слушать.

— На острове Кирия меня научили хорошим манерам. Мои родители хотели, чтобы я был со всеми вежлив и не оставался в долгу. Вы помогли мне, когда я в этом нуждался. Вы спасли меня и наказали тех злых людей. Отец говорил, что если я хочу быть порядочным человеком, то должен уметь благодарить. Неважно, ожидали ли вы чего-то в ответ. Я должен отдать это вам.

Его дыхание участилось, когда он протянул ей жемчужину. Казалось, она сделана из серебра и льда.

— Это жемчужина желаний, которую мне выдали как предоплату за работу на судне. Капитан говорит, что к концу путешествия у нас их будет полно, но мне хотелось получить одну сразу. — Он напряженно кивнул. — Сейчас это большая редкость, и я хочу отдать ее вам.

Мимо них прошел вахтовый.

— Редкость? — насмешливо сказал он. — Это так, остатки. Мы выгрузили в Танимуре два сундука, битком набитых такими жемчужинами — как раз столько капитан Эли платит за все плавание. Совсем скоро мы наполним еще несколько таких сундуков по пути на юг.

Бэннон крутанулся к подслушивающему матросу, крепко сжимая в руке жемчужину желаний.

— Вообще-то, это личный разговор.

— Это корабль, капустный фермер! Подумай об этом еще раз, когда захочешь найти на борту уединенное местечко.

Бэннон поднял свой меч в защитной позиции.

— Сейчас она кое-чего да стоит, так как это последняя жемчужина желаний. Я хочу отдать ее колдунье, и если ты будешь к ней плохо отно-

ситься, она свернет тебе шею и остановит сердце. Я видел это своими собственными глазами.

Матрос снова засмеялся и удалился.

Хотя Никки не хотела брать подарок, она понимала всю сложность обязательств. Она на самом деле спасла паренька, хотя и не собиралась этого делать.

— Мне достаточно, если ты усвоил урок и научился не быть жертвой, Бэннон Фермер.

— Но *мне* этого недостаточно, — настойчиво сказал Бэннон и вновь протянул жемчужину желаний. — Просто примите ее. Можете выбросить за борт, но я хочу поступить правильно. Я сделаю, что должен.

Жемчужина в ее пальцах была гладкой и холодной. Никки катала ее на ладони кончиком пальца.

— Прими я ее, к чему меня это обяжет? Чего ты ждешь?

Бэннон покраснел, сильно смутившись.

— Ничего! Я бы никогда не попросил... я и не думал!

— Только если ты в этом уверен. — Ее голос стал жестче.

— Это ведь жемчужина желаний. Разве вы не знаете?

— Нет, не знаю. Она обладает какой-то ценностью или это просто симпатичная безделушка? — Видя, что она его обидела, Никки неохотно смягчила тон. — Красивая жемчужина. Не знаю, видела ли я когда-нибудь прекрасней.

— Это жемчужина желаний, — повторил он. — Вы должны загадать желание. Может, это просто легенда, но я слышал, что жемчужины желаний собирают в себе мечты, и можно исполнить одну, если пожелать.

— Кто же верит в это? — спросила Никки.

— Многие. Поэтому «Бегущий по волнам» получает столько прибыли за каждый рейс. Капитан Эли знает, где находится длинная гряда особых рифов. Он собирает жемчужины желаний и продает в портовых городах — по крайней мере, так говорят другие моряки. — Он понизил голос и опустил подбородок. — Ведь вы знаете, этой мой первый рейс.

Никки держала на ладони жемчужину, думая о том, куда они направляются, и о миссии, данной ведьмой Натану. Несомненно, это будет долгое путешествие. Она взглянула на ледяной серебристый шарик, освещенный лунным светом, и сказала:

— Ладно, тогда я желаю, чтобы это морское путешествие привело нас в Кол Адаир. — Она сжала жемчужину в пальцах и опустила ее в маленький карман своего черного платья.

Глава 9

«Бегущий по волнам» шел на юг по открытой воде, оставив берега далеко позади. Проведя столько времени в плену Дворца Пророков, Натан привык сидеть днями напролет, но сейчас он хотя бы находился на воздухе и вдыхал свежий бриз. На расстоянии Танимура превратилась в просто воспоминание — в тысячу лет воспоминаний, если быть точным. Настало время обзаводиться новыми. У Рэд осталась книга его прошлого, но у него был новый том для многочисленных будущих приключений. Теперь, без дара предсказания, все неожиданности и повороты грядущего были сюр-призами, как им и положено.

Капитан и команда умело управляли кораблем, даже когда ветер был не попутным. Опытные матросы разбирались в хитроумной системе взаимодействия снастей и парусов. Они поднимали и опускали паруса, чтобы поймать малейшее дуновение ветра. Натану это казалось магией, хотя никакой магии в многолетнем знакомстве с тайнами моря не было.

Большая часть команды неоднократно ходила в плавания с капитаном Эли, и у каждого матроса было дело — за исключением пятерых полуголых мужчин с татуировками, которые где-нибудь лежали и ничего не делали. Наблюдая за их ленивым поведением и отношением к окружающим, Натан перестал их уважать — не только из-за вожделения, с которым они поглядывали на Никки. Они не выражали никакого интереса к работе на корабле. Он предполагал, что у этих надменных людей есть своя задача, иначе капитан не стал бы держать их на борту. Правда, сейчас они были бесполезны.

Бэннон Фермер был новичком на «Бегущем по волнам», поэтому ему поручались наименее приятные дела: выливание помоев, откачка воды из трюма, чистка палубы соленой водой и жесткой маленькой щеткой. Но он выполнял эту тяжелую работу со странной радостью.

Натан наблюдал, как молодой человек карабкается по линиям и несет вахту впередсмотрящего на высокой платформе или вылезает на реи, чтобы ослабить паруса. Закончив свои дела, Бэннон во второй половине дня сидел рядом с волшебником и начинал задавать вопросы.

— Вы правда прожили тысячу лет? Сколько же удивительных вещей вы, должно быть, сделали!

Натан похлопал по книге жизни.

— Мне интереснее то, что еще предстоит сделать. — Он ободряюще улыбнулся худому рыжему парню. — Но я буду рад поведать тебе свои истории, если ты расскажешь свои.

Плечи Бэннона поникли.

— Мне нечего рассказывать. Со мной никогда ничего не случалось. — Он отвел взгляд, потирая побледневшие синяки на лице. — По-вашему, почему я сбежал с Кирии? Мне там прекрасно жилось, у меня были любящие родители и уютный дом. Но такому человеку, как я, там было слишком тихо и спокойно. — Он выдавил улыбку и вздрогнул от боли в еще не заживший разбитой губе.

— Я сажал капусту по весне, ухаживал за капустными полями все лето, собирал урожай осенью и помогал матери солить капусту на зиму. На приключения не было никаких шансов. — Он задрал подбородок. — Моему отцу было грустно наблюдать, как я ухожу, потому что он очень мной гордился. Может, когда-нибудь я вернусь богатым и известным искателем приключений.

— Может быть. — Что-то в словах молодого человека смутило Натана.

Бэннон вытащил свой меч и сел рядом с Натаном на палубу. Сталь не была идеальной, но лезвие было достаточно острым.

— Я все еще считаю, что Крепыш хорошо мне послужит.

Поскольку юноша явно ждал мудрого совета, Натан решил дать его:

— Клинок может служить своему хозяину только в том случае, если тот умеет с ним обращаться. Ты служишь мечу, а он служит тебе.

Пророк достал из ножен свой меч, чтобы полюбоваться прекрасно проработанной рукоятью, инкрустированной золотом, и блеском благородной стали. Он всегда ощущал, что клинок придает ему отважный и галантный вид, показывая, что с его хозяином нужно считаться не только как с волшебником, но и как с воином. Натан стоял, держа перед собой клинок и наблюдая, как солнечный свет играет на лезвии.

Он пристально взглянул на паренька.

— Ты ведь умеешь обращаться с мечом, мальчик мой?

— Я умею махать мечом, — сказал Бэннон.

— Мы тут не капусту режем. Что если бы ты сражался с кровожадным солдатом Имперского Ордена? Или хуже, с плотоядными полулюдьми из Темных земель?

Бэннон побледнел.

— Уверен, я смог бы сразить как минимум пятерых, прежде чем они убьют меня.

— Всего пятерых? И мне придется разбираться с оставшимися тысячами? — Натан, одетый в новые облегающие походные штаны, помахал руками и сделал пару приседаний. — Почему бы нам не попрактиковаться? Мне бы не помешал хороший напарник для тренировок. Я научу тебя нескольким движениям, так что если ты когда-нибудь столкнешься с ордой

свирипых врагов, сможешь убить хотя бы пятнадцать, прежде чем тебя победят.

Бэннон широко улыбнулся.

— Было бы здорово. — Лицо его приняло обеспокоенный вид. — Ну, я не имел в виду, что хочу быть убитым, но мне хотелось бы проявить смелость, если доведется участвовать в великой битве.

— Твои соратники тоже хотели бы, чтобы ты проявил смелость, мой мальчик. — Натан погладил свой подбородок левой рукой. — Может, мне и тысяча лет, но я сравнительный новичок в поисках приключений. Меч выглядит так... эффектно, не находишь? — Он указал острием меча в небо.

— Ваш меч хорош, — признал Бэннон, — но сможет ли хороший меч, который эффектно смотрится, отпугнуть полчище монстров?

— Думаю, нет, — сказал Натан. — Может, нам обоим стоит поупражняться. — Он обеими руками обхватил рукоять меча и принялся вставать в разные стойки. — Будем учиться вместе, Бэннон Фермер?

Ухмыльнувшись, молодой человек поднял свой меч, отступил назад и принял боевую стойку. По крайней мере, попытался это сделать.

Когда Натан взмахнул мечом, Бэннон наискось рубанул воздух, чтобы отразить удар, но волшебнику пришлось подправить движение своего клинка, чтобы сталь с лязгом ударилась о сталь. Затем волшебник нанес обратный удар по клинку парня сверху вниз, не давая тому защититься. Разволновавшись от атак, Бэннон махал и рубил мечом во все стороны.

— Ты что, дровосек, который пытается вырубить весь лес? — проворчал волшебник.

— Я пытаюсь убить тысячу вражеских солдат!

— Похвальная цель. А теперь давай попробуем провести серию ударов, уколов и отражений атак.

Бэннон ответил очередной дикой комбинацией ударов и контрударов, которые волшебник легко отразил, хотя и сам не был опытным фехтовальщиком. В любых столкновениях Натан в первую очередь полагался на магию, а не на меч, но, желая проучить самоуверенного парнишку, он сломил защиту Бэннона и хлопнул того по заду плоской стороной меча.

Бэннон вскрикнул от досады; его лицо стало таким багровым, что даже веснушек не было видно.

— Ты заплатишь за это, волшебник!

— И не забудь про проценты, — сказал Натан с самодовольной ухмылкой. — Тебе понадобится время, чтобы заставить меня выплатить этот долг.

Несколько матросов наблюдали за ними, забавляясь состязанием. Они были от хохота.

— Вы гляньте на капустного фермера! — фыркнул Карл, опытный му-
скулистый мореход, который считал своим долгом убедиться, что Бэннона
примут как следует.

— Действительно, взгляните на него, — сказал Натан. — Скоро вы
будете его бояться.

Бэннон атаковал с такой яростью, что Натан дрогнул и даже испугал-
ся.

— Проявляй не только энтузиазм, но и контроль, мой мальчик, —
уклоняясь и отбиваясь, проворчал волшебник. — А теперь давай сделаем
это медленно. Смотри на меня и повторяй удары.

Они тренировались в течение часа на жарком солнце, потая от напря-
жения. После того, как Натан показал ему несколько плавных основных
приемов, Бэннон начал более уверенно обращаться со своим оружием. Гла-
за у него горели, и он улыбался, ускоряя темп. Большая часть команды со-
бралась посмотреть на бой, привлеченная звоном клинков. Наконец, тяже-
ло дыша от изнеможения, Натан поднял руку, прося передышки.

— Добрые духи, ты узнал столько приемов, сколько можно за день.
Лучше я дам тебе время впитать то, чему ты научился. — Он пытался кон-
тролировать тяжелое дыхание, чтобы Бэннон не заметил, насколько он вы-
дохся.

Волосы молодого человека были влажными от пота, но все равно раз-
вевались на морском ветру. Судя по всему, он не собирался так просто сда-
ваться.

— Быть может, пришло время для парочки рассказов и уроков исто-
рии, — продолжил Натан. — Хороший фехтовальщик — умный фехто-
вальщик.

Бэннон не спешил опускать меч.

— Как рассказы и история могут научить меня обращаться с клинком?

Натан улыбнулся ему.

— Я могу рассказать тебе сказку о неумелом воине, которому отруби-
ли голову. Достаточно полезный урок?

Бэннон вытер лоб и сел на груды смотанных канатов.

— Ну хорошо, послушаем вашу байку.

* * *

Никки провела весь день на корме главной палубы в большой капи-
танской рубке. Капитан Эли открыл двойные окна, впуская внутрь свежий
воздух. В водном просторе оставался пенистый след от корабля, и линия
неспокойной воды напоминала Никки о широких имперских дорогах, кото-

рые Джегань проложил по всему Древнему миру. В то время как дороги Джегана прослужат еще долго, эта водная тропа исчезнет, как только «Бе-гущий по волнам» уплывет.

— Я хочу изучить ваши карты и чертежи, — сказала она капитану. — Как посланник лорда Рала я должна узнать, насколько далеко простирается территория Древнего мира, захваченная Имперским Орденем. Теперь это часть Д'Хары.

Капитан Эли забавлялся, постукивая чашей своей длинной трубки по твердому дереву картографического стола.

— Многие капитаны хранят свои маршруты в секрете, поскольку от быстроходности зависит прибыль. Когда-то я хорошо знал течения, рифы и береговую линию. — Он задумчиво посасывал трубку, которую прежде никогда не разжигал внутри рубки из страха, что от пепла загорятся карты. — Думаю, теперь это уже не важно.

— Я не ваш соперник, капитан, — сказала Никки. — Меня не интересуют морские карты. Мне нужна информация о побережье и суше. Мы ищем место под названием Кол Адаир.

— Никогда не слыхал о таком. Должно быть, оно в глубине материка, а любое удаленное от берега место не играет роли в моей жизни. — Он поскреб щеку. — Но я не считаю вас своим соперником. Я лишь имел в виду, что эти карты стали бесполезными из-за изменившегося мира. Вы сами знаете, что теперь все по-другому. За последние два месяца течения сместились. Ветры, которые я так хорошо знал, изменили направление, будто времена года поменялись местами. — Он застонал. — И звезды ночью не на своих местах. Как я должен ориентироваться? Мои астролябии и секстанты бесполезны. На моих картах созвездий отмечены другие звезды. Пресвятая Мать морей, я даже не знаю, на север ли показывает компас. Я веду корабль, руководствуясь лишь инстинктом.

Никки прекрасно знала, что произошло.

— Это новый мир, капитан. Мир, из которого исчезло пророчество. Магия изменилась таким образом, который мы даже еще не начали постигать. — Она устремила на него свои яркие голубые глаза и вдохнула влажный воздух. Ветерок ворошил бумаги на картографическом столе. — Но кто-то должен первым составить новые карты созвездий, первым отметить изменившиеся течения и открыть лучшие места, где бросить якорь. Вы можете стать одним из таких людей, капитан.

— Было бы прекрасно... если бы я считал себя исследователем. — Он почесал бороду под подбородком. — Но я всегда стремился стать преуспевающим капитаном торгового корабля, идущего от порта к порту. У меня есть семьи, которым я должен помогать, много детей. Я редко их вижу, и хочу иметь возможность приплывать вовремя.

— Семьи? — спросила она. — Больше одной?

— Конечно. — Капитан Эли провел рукой по темным волосам и заправил за ухо серебристую прядь. — У меня жена и две дочери в Танимуре, жена помоложе и три сына на побережье Ларрикана, а еще красавица-жена в Серримунди — дочь хозяина порта.

— Они знают о других ваших семьях? — спросила Никки. — Это обычное явление среди капитанов кораблей?

— Я забочусь о всех них, куда бы ни держал путь. У каждой жены хороший дом. Все дети живут в комфорте, у них есть еда, кров, образование. Большинство моряков и капитанов просто ходят в бордели в каждом портовом городе, и я знаю многих капитанов, которые заражают своих жен отвратительными болезнями. — Капитан Эли пристально взгляделся в бескрайнее море за кормой. — Нет, это не по мне. Я выбрал своих жен, и я верен им. Я честный человек.

Вспомнив о бесчисленных женщинах императора Джеганя, включая ее саму, и о том, как тот швырял их в солдатские палатки, чтобы их насиловали снова и снова, она не могла осуждать капитана Эли Корвина.

Она никогда не чувствовала желания быть чьей-то женой или одной из жен, за исключением того времени, когда она заставляла Ричарда Рала притворяться ее мужем. Никки вообразила себе идеальный семейный быт и была уверена, что сможет убедить Ричарда принять философию Имперского Ордена. Это была не просто ложь, но очень жестокая ложь, за которую Ричард должен был ее возненавидеть.

Никки неосознанно потирала нижнюю губу, все еще ожидая нащупать давно исцеленную рану от золотого кольца Джеганя. Никки раньше не понимала, что ее безумная мечта заставить Ричарда быть ее мужем была таким же заблуждением, как и выдуманный идеальный мир Бэннона Фермера.

К счастью, теперь она была другим человеком. После стольких лет тайной жизни в качестве сестры Тьмы, после того, как она побывала в рабстве Джеганя, была сломлена, а потом восстановлена — но восстановлена неправильно, пока ее душу наконец не исцелил Ричард — она понимала все гораздо лучше. Никки обязана Ричарду и никогда не сможет расплатиться сполна. И он поручил ей миссию.

— Все равно дайте мне посмотреть карты, — сказала она, отгоняя воспоминания. — Чем больше я знаю о Древнем мире, тем больше смогу сообщить лорду Ралу.

Капитан Эли разложил на столе карты и перебирал их, пока не нашел карту береговой линии южнее Танимуры.

— Это наши основные останки. Лефтонская гавань, Керим, Андалио, побережье Ларрикана, даже Серримунди — благодаря моей жене, у

нас особая договоренность с хозяином порта. — Он мечтательно улыбнулся при мысли о возлюбленной.

Никки пробежала пальцами по краю карты, так и не увидев названия «Кол Адаир».

— А что находится южнее? Это неполные карты.

— Дальше на юг никто не ходит в плавание, потому что на то нет причин. Это Призрачный берег. Он мало заселен, хотя имперские дороги идут далеко вглубь этих земель. — Капитан Эли снова засунул в рот незажженную трубку, сдвинул ее вбок и вытер губы. — Кто знает, что было на уме у древних императоров, когда они строили эти дороги?

Никки насупилась, взглянув на города, отмеченные на картах.

— Я должна убедиться, что все в Древнем мире знают об окончании войны и поражении императора Джегана. Нам понадобится и ваша помощь, капитан. После того, как мы покинем ваш корабль, я дам вам бумагу, которую вы покажете в этих портах и таким образом поможете распространить весть о лорде Рале. Все земли должны объединиться под дланью единого правителя, но каждая из них сохранит свою культуру и собственную власть — до тех пор, пока люди не нарушают основных законов, предписанных для всех.

— Хороший настрой, — сказал капитан, сворачивая карты, — если бы все думали так же. Сомневаюсь, что вам удастся их убедить.

— В этом и состоит наша задача. Мы должны заставить их чувствовать то же, что и мы, — ответила Никки, коротко и уверенно улыбнувшись. — Я могу быть очень убедительной. А если меня окажется недостаточно, есть огромная д'харианская армия, которая поможет донести до них эту мысль.

Никки с капитаном вышли из рубки на верхнюю палубу, с которой удобно было наблюдать за матросами, которые выполняли свои ежедневные обязанности. Пятеро голых по пояс мужчин бездельничали, игнорируя любые дела и членов экипажа.

Они бесцеремонно усталились на Никки, и один из них крикнул:

— Пойдем, позабавимся? У нас есть время.

— Можете тратить время впустую, пока мы не достигли рифов, — сказал капитан Эли. — Но не думаю, что леди захочет с вами забавляться.

— Сомневаюсь, что им понравятся мои забавы, — резко сказала она.

Полуголые бездельники ответили издевательским смехом, который рассердил Никки. Она повернулась к капитану:

— Почему они не отработывают свой проезд? Они бесполезны.

— Они ныряют за жемчужинами желаний. Эти ребята со мной уже три плавания — причем невероятно прибыльных. — Он кивнул им всем. — Сол, Элджин, Ром, Пелл и Буна. Может, сейчас они и ленивые увальни, но

за день они заработают в десять раз больше, чем я потрачу на их содержание. Нужно лишь достичь рифов.

Глава 10

Над головой кричали чайки, которые летели по ясному небу вслед за «Бегущим по волнам». Восхищенный Натан присоединился к сгрудившимся у борта матросам, которые взволнованно указывали на странное дрейфующее пятно беспокойной воды, окружившее корабль.

Сотни тысяч медуз плавали на поверхности как мыльные пузыри, каждая была размером с бычью голову и пульсировала, как желеобразная ткань мозга. Лишенные разума полупрозрачные существа казались Натану неопасными. «Бегущий по волнам» держал путь среди них и расталкивал в стороны. Некоторые медузы брызгали ядом на ободранный борт, оставляя липкую пленку, но остальные просто отплывали в сторону.

Настороженный капитан Эли стоял на палубе.

— Полный вперед. Если бы это был морской змей или кракен, я бы волновался, но эти медузы лишь небольшая помеха.

Бэннон удивленно уставился на него. Покраснев, он повернулся к своему наставнику.

— Я никогда не видел похожих на Кирии, но другие виды медуз дрейфуют недалеко от берега в тихих бухтах... куда мальчик со своим другом мог бы пойти купаться. А они жалятся! — Он мечтательно вздохнул, вспоминая о доме. — У нас с Яном была особая лагуна, которую затапливало только во время прилива. По воде можно было перейти вброд, но мы не заметили медуз. Нас обоих сильно ужалили. Моя нога так распухла, что стала размером с тушку недельного поросенка, а Яну пришлось и того хуже. Мы еле дошли до дома. Мой отец очень разозлился, потому что я еще несколько дней не смог работать на капустных полях. — Лицо юноши потемнело, но потом он снова улыбнулся, будто расступились тучи. — Мы все над этим посмеялись. — Он выдохнул ртом. — Да и те медузы были всего лишь размером с мой кулак. — Он высунулся далеко за борт, чтобы получше разглядеть медуз. — Могу поспорить, ожог одной из этих убьет человека — возможно, даже раз пять!

— Одного раза вполне достаточно.

Натану нравился молодой человек. Бэннон Фермер казался искренним и решительным и, разве что, чуточку наивным, но это Натана не смущало. Волшебник писал сказки как раз для таких мальчиков, как Бэннон: «При-

ключения Бонни Дэя» и бесчисленное множество других, широко распространенных благодаря устам и лютям менестрелей. Теперь Натан не видел причин не взять молодого человека под свое крыло.

На свежем воздухе, поодаль от моряков, стояла Никки. Ее густые светлые волосы развевались на ветру, а взгляд голубых глаз был устремлен вдаль. Обтягивающее черное платье обхватывало грудь и подчеркивало фигуру. Туго затянутая на талии ниспадающая юбка топорщилась на ее выставленном вперед правом колене. На борту Никки решила отказаться от черных походных брюк и высоких сапог. Она была красива, как безупречное произведение искусства: им следовало восхищаться и любоваться, но его нельзя было трогать.

Бэннон поглядывал на Никки с неуместным блеском в глазах. Не с похотью, а влюбленно. Натану придется за ним присмотреть, пока это не стало проблемой. Паренок понятия не имел, во что хочет ввязаться.

— А ее правда называли Госпожой Смерть? — Бэннон понизил голос до странного шепота.

Натан улыбнулся.

— Мальчик мой, Никки была одной из самых устрашающих женщин в Имперском Ордене Джеганя. На ее руках кровь тысяч людей.

— Тысяч? — Бэннон сглотнул.

Волшебник махнул рукой.

— Да даже больше — десятки или, возможно, сотни тысяч. — Он кивнул. — Да, полагаю, так будет точнее. Сотни тысяч.

Хотя Никки стояла вне пределов слышимости, Натан заметил, как ее губы изогнулись в улыбке.

— А еще она была сестрой Тьмы, — шепотом продолжил пророк, — и долгие годы служила Владетелю, пока не начала служить сноходцу Джеганю. — Оглянувшись, он заметил, что некоторые моряки тоже слушают его и встревоженно перешептываются.

Бэннон, казалось, был в восторге от прошлого Никки, но все остальные пребывали в священном ужасе.

Натан не возражал. Страх порождает уважение.

— Но все это было до того, как Никки присоединилась к магистру Ралу и стала одним из самых непоколебимых борцов за свободу. Я говорил, что она остановила сердце Ричарда и отправила его в подземный мир?

— Она... она убила его?

— Лишь на время. Она отправила его к Владетелю, чтобы он мог спасти дух своей возлюбленной Кэлен. Но это уже другая история. — Он хлопнул юношу по плечу. — И в долгом путешествии у нас будет полно времени для историй. Не все сразу.

— Моя жизнь крайне скучна, — с досадой пробормотал юноша. — Я обычный сын фермера, выросший на тоскливом острове. У меня нет ни одной достойной рассказа истории.

— Однажды тебя ужалила медуза, — заметил Натан. — Должны же быть и другие истории.

Молодой человек отклонился назад и задумался. В воде теснились медузы, наталкиваясь друг на друга с глухими чавкающими звуками.

— Ну, может, это было лишь мое воображение, — произнес Бэннон. — Мысли человека часто выходят из-под контроля, когда он дрейфует в тумане один в маленькой лодке.

— Добрые духи! — рассмеялся Натан. — Мальчик мой, воображение — неотъемлемая часть истории. Расскажи свою.

Бэннон поджал губы.

— Вы когда-нибудь слышали про сэлок? Про народ, который живет в море и наблюдает за людьми на поверхности? Они смотрят из глубин на наши лодки и корабли, которые кажутся им деревянными облаками высоко в небе.

— Сэлки? — Натан нахмурился, проводя большим и указательным пальцами от губ до подбородка. — Морской народ... ах, да. Если память мне не изменяет — а она у меня остра, как хорошо заточенный кинжал, — сэлок создали, чтобы они сражались в древней магической войне. Людей изменяли при помощи магии, как тех же мрисвизов или даже сильфиду. Сэлки должны были стать подводной армией, способной подниматься и нападать на вражеские корабли. — Он сощурился. — Но они либо вымерли, либо были просто легендой.

— Я никогда не слышал об истории их создания, — сказал Бэннон. — Мы просто рассказывали сказки о них на Кирии. Иногда сэлки исполняют желания.

Натан хмыкнул.

— Если бы мне давали медяк за каждую историю о существе, исполняющем желание, я был бы так богат, что мог бы купить что угодно и не нуждаться в желаниях.

— Об этом... об этом я тоже не знаю, — пробормотал Бэннон. — Это просто история, которую мне рассказывали в деревне. Иногда просто хочется во что-то верить.

Натан торжественно кивнул, жалея, что дразнил юношу.

— Мне доводилось испытывать подобное чувство.

Бэннон всматривался в море, словно больше не замечал медуз.

Он понизил голос до шепота:

— А еще несчастному человеку иногда нужно убежать. Я был глупым и молодым... слишком молодым, чтобы понимать, насколько глуп.

Натан подумал, что парень, возможно, до сих пор слишком молод, но промолчал.

— Я уплыл на маленькой рыбацкой лодке совсем один, рассчитывая навсегда покинуть Кирию. У меня не было друзей на острове.

— А Ян? Тот, которого ужалила медуза.

— Это было позже. Ян исчез. — Бэннон нахмурился. — Я отплыл на закате с оливком и знал, что полная луна будет освещать мне путь в ночи. Я надеялся увидеть элку, но в глубине души я подозревал, что это просто сказки. Мне рассказывали столько вещей, которые впоследствии оказались неправдой. — Он выглядел больным, но с очевидным усилием вызвал на лице счастливую улыбку. — Хотя всегда есть шанс. Я греб в темноту, когда над головой появились звезды, и продолжал грести, пока руки не начали отваливаться. После этого я просто плыл в открытом море. Примерно час я мог видеть темный берег острова Кирия с огнями очагов и ламп в домах, расположенных над береговой линией. Потом они исчезли, и я продолжил грести.

— Куда же ты направлялся? — спросил Натан. — Ты просто плыл в открытое море?

Бэннон пожал плечами.

— Я знал, что есть Древний мир. Континент, где полно городов вроде Танимуры, Керима, Андалио — целый континент! Я подумал, если просто буду плыть, то рано или поздно наткнусь на берег. — Он смущенно отвел глаза. — Детство на острове не дало мне правильного понимания больших расстояний. Я плыл всю ночь, а когда солнце встало, не увидел вокруг ничего, кроме воды. Как сейчас. — Он указал за борт «Бегущего». — У меня не было ни компаса, ни достаточного количества припасов. Я плыл в открытом море весь день под палящим солнцем и не на шутку перепугался. Моя кожа обгорела и покрылась волдырями, а наступившая ночь показалась мне самой холодной в жизни. К третьему дню закончилась вода и почти вся еда. Я чувствовал себя таким дураком. Я не видел ни намека на землю, понятия не имел, в какой стороне Древний мир и как вернуться на Кирию. Я плакал, как убитый горем ребенок, и мне не стыдно в этом признаться. Я стоял в шаткой рыбацкой лодке и кричал, надеясь, что кто-нибудь услышит. Это казалось мне еще более глупым, чем плач. Той ночью луна все еще была яркой, хотя ее и укрывало толстое одеяло тумана — который на одеяло совсем не похож, потому что холодный и липкий. Я дрожал и чувствовал себя несчастным как никогда. Я не видел вокруг ничего, да и видеть-то было нечего. Только луна мягко светила над головой. — Он зашептал. — В туманную тихую ночь можно услышать звуки издалека, а расстояния сбивают тебя с толку. Я слышал всплески, которые сначала принял за акул, а потом за плывущий по воде... жуткий голос. Я снова по-

звал на помощь, вообразив, что сэлка приплывет и спасет меня, но здравый смысл подсказывал, что это просто кит вдалеке или даже морская змея. Я кричал и кричал, но не слышал ответа. Может, мой голос спугнул его — кто бы это ни был — но в тишине я слышал лишь накатывающие волны и другой отдаленный всплеск, который мог оказаться смешком... но этого не могло быть. Я был настолько убит горем, беспокоен, изнурен — не говоря уж о голоде и жажде, — что, наконец, обессиленный и крепко уснул в темноте ночи.

Натан улыбнулся, желая подбодрить молодого человека.

— А у тебя есть задатки рассказчика, мой мальчик. Ты меня заинтриговал. Как же ты выбрался оттуда?

— Не знаю, — сказал Бэннон. — Правда, не знаю.

Натан нахмурился:

— Над концовкой истории еще стоит поработать.

— О, конец у нее и так хороший, сэр. Проснувшись утром, вместо тишины бесконечных волн я услышал шум прибоя, омывающего гальку. Я обнаружил, что лодка больше не качается. Я встал и чуть не выпал из нее. Меня вынесло на берег острова, к месту, которое я узнал! Это была Кирия, та самая бухта, в которой мы с Яном плавали.

— Как ты туда вернулся?

Молодой человек пожал плечами:

— Пресвятая Мать морей, я же сказал вам — не знаю. Ночью, когда я потерял сознание от истощения, кто-то вернул меня на наш остров и вытащил на берег.

— Уверен, что тебя не отнесло течением к начальной точке? Ты же ничего не видел из-за тумана. — Натан снисходительно взглянул на него. — Или хочешь сказать, что тебя спасла сэлка?

Бэннон казался смущенным.

— Я говорю, что обнаружил себя целым и невредимым на берегу, с которого отплыл, и не знаю, как так случилось. Я находился в огромном океане с множеством островов, но вернулся именно в то место, которое называл своим домом, в бухту, из которой начал свой путь. — Он надолго замолчал, а потом взглянул на волшебника и изумленно улыбнулся. — А возле лодки, которая находилась от воды гораздо дальше, чем ее смог бы донести любой прилив, я увидел в мокрой грязи след ноги.

— Какой след?

— Он выглядел человеческим... почти. Между пальцами были перепонки, как у морского создания. Рядом был слабый отпечаток чего-то, похожего на край плавника, а на месте ногтей отпечатались острые когти.

Натан усмехнулся.

— Хорошая история! А говоришь, с тобой ничего не приключалось.

— Наверное... — Бэннон не казался таким уж уверенным.

Масса медуз и не думала успокаиваться. Широкоплечий Карл, подбадриваемый членами команды, взял усеянный зубцами гарпун и привязал веревку к кольцу на конце рукояти. Пока остальные ликовали и свистели, опытный моряк перегнулся через борт и бросил гарпун в одну из медуз, которая напоминала большой волдырь.

Стальной наконечник проткнул оболочку, и желеобразное существо лопнуло, превратившись в дымящуюся лужицу. Останки остались плавать среди других медуз, и те бросились от них врассыпную, словно грабители с места преступления.

С грубым хохотом другие моряки побежали за гарпунами, а Карл за веревку вытащил свой гарпун и изумленно крикнул.

— Посмотрите! Посмотрите на это.

Заостренный железный наконечник дымился и уже начинал разваливаться, разьедаемый кислотой.

Другие матросы замерли, приготовившись кинуть свои гарпуны, словно лопанье медуз было игрой. Любопытный Карл протянул свой огрубелый палец к дымящемуся наконечнику гарпуна, но прежде, чем он успел к нему прикоснуться, Натан выкрикнул предупреждение:

— Оставь эту затею, не то останешься не только без наконечника гарпуна, но и без руки!

Капитан Эли выговаривал им всем.

— Я говорил вам оставить медуз в покое! В море и так хватает опасностей, не нужно создавать дополнительные.

Моряки со стуком опустили гарпуны, а потом боязливо их убрали.

Глава 11

«Бегущий по волнам» уже неделю шел на юг. Крупные прибрежные города Древнего мира остались позади, и Никки беспокоилась из-за изменившихся течений, розы ветров и неверных созвездий в ночном небе.

— Мы заблудились? — спросила она в один из дней, стоя рядом с капитаном Эли на носу корабля.

— Госпожа колдунья, я прекрасно знаю, куда плыву. — Он покатал между пальцами мундштук трубки, а затем вернул ее в рот. — Мы идем прямо на рифы.

Натан случайно услышал разговор и подошел к ним.

— Звучит зловеще.

Подгоняемый устойчивым морским ветром «Бегущий» быстро шел вперед.

— Ничуть, если знаешь, куда направляешься. — Взгляд капитана был устремлен вдаль.

— Как вы можете быть в этом уверены? Вы утверждали, что карты и течения больше не верны, — возразила Никки.

— Да, но я капитан, и в моих венах течет соленая морская вода. Я чувствую море. Чтобы торговать в Серримунди или Лефтонской гавани, нужно добыть мой самый ценный товар. Завтра утром вы поймете, о чем я говорю.

И капитан Эли оказался прав.

— Пенная линия на юге, капитан! — прокричал с вороньего гнезда на грот-мачте заступивший на вахту Бэннон. — Кажется, море волнуется.

Капитан склонился к резной носовой фигуре Матери морей, прикрывая глаза от солнца.

— Там рифы.

Никки наблюдала, как полуголые ныряльщики за жемчужинами тормошат друг друга, словно пробуждаясь после долгого сна.

— Пришло время поработать, — сказал Сол, их лидер.

Элджин лениво потянулся.

— Я достану веревки и грузила.

Трое других, Пелл, Буна и Ром, начали глубоко дышать, разминать плечи и встряхивать руками. Глядя на размер их грудных клеток и оценивая объем легких, Никки предположила, что ныряльщики способны находиться под водой довольно долго.

Буна прищурился, глядя на Никки.

— Когда мы получим славный улов жемчужин желаний, может, леди согласится исполнить наши желания?

Натан был в ярости от столь гнусного комментария, но Никки спокойно ответила:

— Если исполнится мое желание, твой мозг будет не способен на такие мысли.

* * *

Капитан Эли без всяких карт вел «Бегущего по волнам» через беспокойную воду, обходя темные преграды торчавших из воды рифов. В глубоких каналах кораблю хватало места для маневров.

Матросы спустили паруса, намотали их на нок реи и крепко привязали. Когда корабль лег в дрейф, они бросили якорь в спокойной воде. Волны

пенились, накатывая на внешний край скрытого под поверхностью кораллового рифа.

Когда судно встало на якорь, матросы с нетерпением стали наблюдать за приготовлениями ныряльщиков.

— Ныряем по двое, — отрывисто давал указания Сол. — Сначала я с Элджином, а потом Ром с Пеллом. Когда они вынырнут, я уже отдохну, чтобы нырнуть вместе с Буной. — Он закинул руки за спину, демонстрируя широкую грудь с цепью вытатуированных кругов.

Ныряльщики открыли глиняный горшок с топленным салом и размазали его по коже — оно поможет сохранять тепло при погружении в запутанные рифовые гроты и каньоны. Также, по словам Рома, нанесшего на кожу груди дополнительный слой, сало позволяло им скользить в воде.

Хотя у всех ныряльщиков были татуировки с линиями из кругов, у кого-то кругов было больше. Как поняла Никки, татуировок было столько, сколько сундуков жемчужин желаний собрал ныряльщик. Сол нырял так много, что начал заполнять уже вторую линию кругов на правой стороне груди. На каждом ныряльщике был плетеный пояс, с которого свисали длинные изогнутые крюки для крепления железных грузил и сетчатых мешков для жемчужин.

Первая пара ныряльщиков, Сол и Элджин, привязали к своим поясам длинные пеньковые веревки и закрепили другой конец на фок-мачте. Затем мужчины встали на перила своими огрубевшими босыми ступнями и прикрепили к крючкам на поясах железные грузила, которые будут тянуть их вниз, позволяя не терять время и воздух. На глубине они отцепят груз и сбросят его, прежде чем всплывать.

Два ныряльщика стояли в свете солнца, глубоко вдыхая и выдыхая; затем они сделали самый глубокий вдох, от которого их грудные клетки расширились, а легкие наполнились воздухом. Не сговариваясь, они синхронно спрыгнули с перил и исчезли в воде с едва заметным всплеском. Веревка разматывалась, пока ныряльщики погружались.

Капитан Эли почесывал бороду, выглядя спокойным и крайне довольным.

— Мы можем простоять на якоре день или два. Зависит от того, как быстро мы сможем доверху наполнить сундук.

— В него поместится немало жемчужин, — заметил Натан.

— Да, так и есть. — Капитан снял кепи и вытер волосы, а затем вновь надел его.

Через несколько минут Бэннон глянул за борт, ожидая возвращения ныряльщиков. Он взглянул на Рома и Пелла: они затягивали ремни, цепляли к крюкам железные грузила и сетчатые мешки, готовясь нырнуть, как только покажется первая пара.

— Как думаете, смогу я когда-нибудь стать ныряльщиком за жемчужинами желаний? — спросил Бэннон у двух мужчин.

Ром посмотрел на Бэннона как на букашку.

— Нет.

Юноша поник, но продолжил всматриваться за борт.

— Они всплывают!

На поверхности показались ныряльщики. Тяжело дыша, они мотали головами, стряхивая воду с длинных спутанных волос. Они нырнули почти десять минут назад, и Никки была поражена тем, что мужчины смогли так долго оставаться под водой. Объемы их легких были столь же велики, как и их высокомерие.

Сол и Элджин ухватились за свисающие с борта веревки и вскарабкались на высокую палубу. Перемахнув через борт, они, орошая палубу соленой водой, принялись опустошать свои мешки, в которых были десятки серых округлых ракушек, пугающе напоминавших сложенные в молитве руки.

— Пресвятая Мать морей, как же это прекрасно! — воскликнул капитан Эли, когда команда кинулась к ныряльщикам. — Просто великолепно!

Экипаж принялся за работу: короткими плоскими ножами они вскрывали влажные ракушки, вынимали жесткую плоть и выковыривали серебристо-ледяные жемчужины.

Ром и Пелл погрузились под воду, пока их товарищи отдыхали. Сол усмехнулся Никки:

— Могу дать тебе свою жемчужину желаний, если достойно меня отблагодаришь.

— У меня уже есть одна, — спокойно сказала колдунья. — Бэннон дал.

Сол ответил лишь раздраженным ворчанием.

Когда Ром и Пелл всплыли на поверхность с таким же успешным уловом, следующая пара ныряльщиков уже была готова. В течение нескольких часов мужчины с обнаженными торсами вновь и вновь погружались под воду и всплывали с уловом, а экипаж судна раскрывал раковины и доставал оттуда жемчуг.

Натан с любопытством поднял одну из раскрытых раковин, валявшихся на палубе.

— Занятно. Они похожи на человеческие руки, сжимающие жемчуг.

— Руки сложены, будто кто-то загадывает желание, — сказал Бэннон.

Никки казалось, что эти грубые пальцы крепко сжимают сокровище, спрятанное внутри.

— В этих рифах полно ракушек, — сказал Буна, который нырял уже трижды. — Сокровищ здесь хватит на сотню рейсов.

— И мы будем возвращаться, — пообещал капитан Эли.

Поскольку матросы «Бегущего» получали часть жалованья жемчужинами желаний, они уговаривали ныряльщиков погружаться в воду вновь и вновь. Никки отрадно было видеть, как эти надменные бездельники наконец-то работают.

Но к концу дня, когда закатное солнце ярко освещало корабль оранжевыми и золотисто-огненными лучами, пятеро ныряльщиков устали. Сол, Элджин и Ром не были расположены выполнять дополнительную работу, но Пелл и Буна согласились нырнуть в последний раз. Они привязали к поясам веревки, повесили на крюки грузила и прыгнули за борт.

Матросы сидели на палубе и болтали, раскрывая раковины и кидая пустые створки к борту. Пелл и Буна были под водой уже долго — дольше, чем длилось любое другое погружение в тот день. Натан вышагивал по палубе, выглядя все более озабоченным. Капитан тоже казался обеспокоенным.

Наконец Сол нахмурился, подошел к борту и перегнулся через него, глядя в темнеющую воду.

— Тяните веревки, вытаскивайте их оттуда. — Он схватил одну из влажных пеньковых веревок и натянул, а жаждущий помочь Бэннон взял веревку, привязанную ко второму ныряльщику.

Веревка Бэннона вдруг туго натянулась и заскользила, обжигая пальцы. Он вскрикнул и отпустил щелкнувший по борту корабля канат. Что-то тянуло его вниз.

— Ни один пловец не может тянуть так сильно! — сказал Сол, пытаясь удержать свою веревку, которая трещала так, словно неведомая сила пыталась утащить ее в пучину. Ром и Элджин бросились помогать вытаскивать своих товарищей, но что-то странное тянуло веревку с такой силой, что сам корабль начал крениться.

Они тянули все вместе, крича и тяжело дыша от натуги.

— Вытаскивайте их! — заорал Сол.

Внезапно обе веревки оборвались и распустились по поверхности воды, будто дрейфующие водоросли. Перебирая руками, мужчины яростно затягивали на борт веревки, пока наконец первый обрубок не оказался на палубе.

— С какой стати они обрезали свои веревки? — потребовал объяснений Элджин.

Бэннон уставился на конец веревки.

— Она оторвана, а не отрезана.

Никки сразу поняла, что он имел в виду.

— Что-то разорвало их.

Пока импровизированная спасательная команда вытаскивала вторую веревку, Ром забрался на перила, готовый нырнуть и спасти своих товарищей.

Но он не успел прыгнуть, когда над водой появился конец веревки, все еще привязанный к тканому поясу, в котором уже не было ныряльщика. В поясе были вялые, влажные петли разорванного кишечника и три соединенных позвонка, как будто нападающий просто рванул пояс через позвоночник и живот ныряльщика.

Матрос взвизгнул от страха и попятился.

— Но как? — Ром пошатнулся и повалился на палубу. — Там же никого не было.

— Кто-то убил Пелла и Буна, — произнес Сол. — Но какое создание на них напало?

Элджин исподлобья взглянул на Никки.

— Быть может, Госпожа Смерть призвала монстра.

Три оставшихся в живых ныряльщика в ужасе и страхе посмотрели на колдунью, но через пару секунд их взгляды наполнились неприкрытой ненавистью.

— Вы правда это сделали? — изумленно прошептал Бэннон. — Убили их, как тех грабителей в переулке?

Она взглядом выразила свое неодобрение по поводу столь глупого заявления. Но, видя в ныряльщиках потенциальных насильников, она была даже рада, что они ее боятся.

Глава 12

Экипаж уставился на растворяющееся в воде облачко крови и клочки хлюпающего кишечника, запутавшегося в плетеном поясе. Капитан Эли крикнул, чтобы матросы снимались с якоря и поднимали паруса. Сгушались сумерки. Хотя «Бегущий по волнам» был в теплых широтах далеко к югу от Танимуры, ветер, казалось, нес с собой холод смерти.

Проворные матросы взбирались на реи и развязывали веревки, тащили за фалы и натягивали парусину. Корабль крадучись отошел от рифов, как побитая собака; штурман стискивал штурвал, а дозорные правили курс, чтобы избежать опасных камней.

— Сегодня мы уже потеряли двоих, — прохрипел капитан. — Я не хочу потерять других.

Поймав попутный ветер, корабль отплыл от бурлящей линии рифов и снова вышел в открытое море. Когда наступила глубокая ночь, облака полностью скрыли звезды, но это не имело значения, ведь капитан Эли не мог ориентироваться по незнакомому ночному небу. Он просто хотел увеличить расстояние между кораблем и рифами.

Команда боялась смертоносных морских монстров, но Никки считала, что на Пелла и Буну напала акула или другой морской хищник. И все же, она была настороже.

Недоброе настроение распространялось среди членов экипажа, словно холодный и удушливый туман. Через несколько часов стремление трех мрачных ныряльщиков обвинить во всем Никки охватило нервных моряков подобно инфекции, и они со страхом смотрели на колдунью. Она не спешила развеивать их подозрения. По крайней мере, они оставили ее в покое.

«Бегущий» шел вперед уже третий день после происшествия на рифах, а погода портилась, как медленно гниющий перезрелый фрукт. Озабоченный капитан вышел из своей рубки и стал вглядываться в хмурое серое небо и бушующие пенистые волны. Он заговорил с Никки, будто она была его доверенным лицом:

— У нас полный сундук жемчужин желаний, и рейс получился весьма прибыльным, хоть мы и заплатили за это кровью. Каждый капитан знает, что может потерять одного или двух членов экипажа, но я сомневаюсь, что эти ныряльщики еще когда-нибудь поплывут со мной.

Никки одарила его прагматичным взглядом.

— Найдете других. Где их тренируют? В каком-нибудь прибрежном городе? На острове?

— В Серримунди. Там ныряльщики за жемчужинами желаний весьма уважаемы.

— Я заметила их высокомерие.

— Их будет непросто заменить, — вздохнул капитан. — Эти трое все разболтают, как только мы вернемся в порт.

— Тогда распорядитесь своими сокровищами мудро, — сказала Никки. — Это могут быть ваши последние жемчужины.

В кармане ее черного платья лежала жемчужина, подаренная Бэнноном.

Когда пришло время смены вахты, дозорный слез с вороньего гнезда, а другой вскарабкался по линиям, чтобы принять вахту. Натан присоединился к стоявшим на палубе Никки и капитану.

К ним подошел загорелый обветренный дозорный:

— Облака хмурые, капитан. Пахнет штормом.

Капитан Эли кивнул.

— Может, придется задрать трюм перед тяжелой ночью.

— Впереди есть рифы, о которых стоит беспокоиться? — спросил Натан. — Вдруг мы сядем на мель? Будет намного сложнее найти Кол Адаир, если застрянем на каком-нибудь рифе.

— Да, пожалуй, это будет несколько затруднительно. — Капитан пососал незажженную трубку и придержал кепи, чтобы его не унесло ветром. — Мы в открытых водах. Насколько я знаю, здесь нет рифов.

Моряк кивнул и вернулся к своим обязанностям.

Когда он отошел, Никки понизила голос:

— Вы говорили, что ваши карты теперь бесполезны и вы не знаете, где конкретно мы находимся.

На лице капитана Эли было отсутствующее выражение.

— Да, но не думаю, что рифы появятся из ниоткуда.

Когда порывистый ветер усилился, встревоженная команда сосредоточилась на первостепенных задачах.

Пузатый кок принес ведро парного молока, надоенного с привязанной внизу коровы.

— Ей не нравится качка, — сказал он. — В следующий раз она может дать свернувшееся молоко.

— Тогда у нас будет свежий сыр. — Капитан Эли взял предложенный ковш молока.

Никки отказалась, но Натан с удовольствием пригубил молоко и даже причмокнул. Кок предложил молоко и угрюмым ныряльщикам, но те хмуро глянули на ведро, а потом перевели взгляд на Никки.

— Она могла его отравить, — сказал Ром.

Услышав это, Никки решила все-таки попить из ковша.

Ветер свистел в оснастке корабля, время тянулось медленно и скучно, и Натан предложил Бэннону попрактиковаться в фехтовании прямо на палубе. Сталь звенела о сталь, пока эти двое нападали и отступали, уворачиваясь от бухт веревок и открытых дождевых бочек, в которые собирали пресную воду в преддверии неминуемого шторма.

Бэннон заметно поднатерел в обращении с мечом. Неисчерпаемая энергия компенсировала недостаток мастерства, и Крепыш оправдывал свое имя, встречаясь с добротным клинком Натана и отклоняя удар за ударом. Некоторое время это действие отвлекало напряженных матросов от уныния.

Когда юноша и волшебник уже выдохлись, вечерние облака сгустились перед бурей, закрыв от Никки закатное солнце. Ей осталось лишь наблюдать, как затухает день.

— А покажите мне какое-нибудь волшебство? — попросил Бэннон Натана, присевшего на высоковатый для сидения ящик.

— С чего мне показывать тебе магию? — спросил старик.

— Вы же волшебник, разве нет? Волшебники показывают магические трюки.

— Волшебники используют магию, а с трюками выступают обезьянки. — Натан поднял кустистые брови. — Попроси колдунью. Может, она покажет тебе трюк.

Бэннон взглянул на Никки, сглотнул и отвернулся.

— Я уже видел ее магию и знаю, на что она способна.

— Ты видел лишь малую толику моих возможностей, — ответила ему Никки.

Галеон качался в бушующем море, то поднимаясь на гребне волны, то ныряя во впадины. Хотя у большей части экипажа «Бегущего по волнам» были железные желудки, некоторые моряки перегнулись через борт; их рвало в открытый океан. Мачты скрипели и стонали, а паруса колыхались и хлопали на ветру.

Капитан Эли в шерстяной куртке с серебряными пуговицами стоял, опустив руки по швам.

— Убрать паруса! Ветер усиливается, а рваная парусина нам не нужна.

Наверху дозорный привязал себя к мачте, чтобы не улететь за борт, когда корабль накренится.

С театральным вздохом Натан согласился выполнить просьбу Бэннона, хотя молодой человек уже оставил эту затею.

— Хорошо, смотри сюда, мой мальчик. — Волшебник опустил на колени, разгладил оборки своей вычурной рубашки и энергично потер ладони, как бы разогревая их. — Это всего лишь маленький ручной огонек — пламя, с помощью которого можно разжечь костер или осветить путь.

— Обычно я использую серные спички или кремь с кресалом, — сказал Бэннон.

— Значит, у тебя есть своя магия и тебе нет нужды глазеть на мою.

— Нет, я хочу ее увидеть! — Он подался вперед, его глаза горели. — Зажгите огонь. Покажите мне.

Натан сложил ладони чашей, нахмурил брови и сосредоточенно смотрел на воздух, пока не появился проблеск света. Язычок пламени колебался и дрожал, а от очередного порыва ветра замерцал и потух. Натан не смог этого предотвратить.

Волшебник выглядел совершенно сбитым с толку. Никки не раз видела, как он создавал пылающие огненные шары одним взглядом, не говоря уже об ужасном огне волшебника, способном на колоссальные разрушения. Разгневавшись, он снова сосредоточился, а затем нахмурился, когда появилась лишь крошечная ниточка огня, которая снова потухла от брыз.

— Должно быть, это сложно? — спросил Бэннон.

— Я чувствую себя дурно, мальчик мой, — такое оправдание звучало нелепо. — Магия требует концентрации, но мой разум встревожен. Кроме того, сейчас слишком уж ветренно.

Бэннон выглядел разочарованным.

— Не знал, что волшебники могут использовать магию только в идеальных условиях. Вы говорили, что я должен быть готов сражаться моим мечом независимо от настроения.

— Что ты знаешь о волшебниках? — огрызнулся Натан. — Твои серые спички тоже не загорятся в таких условиях.

Бэннона это задело, и он уступил.

— Ты не виноват, мой мальчик, — примирительно проговорил Натан. — Кажется, мой хань... с ним что-то не то. Я не совсем уверен, как с этим разобратся.

— Ваш хань?

— Так мы называем магическую жизненную силу внутри нас, а в частности внутри волшебников. У разных людей хань проявляется по-разному. Мой был связан как с отрицанием, так и с использованием магии, но теперь связи разорваны. Уверен, я разберусь с этим.

— А не морская ли это болезнь? — спросил Бэннон с намеком на поддразнивание.

— Может и так, — произнес Натан.

Никки встревожило увиденное, и она размышляла, что могло приключиться с волшебником. Из-за смещения Натан утерял дар пророчества, но это не должно было затронуть его способность творить волшебство. А заклинание огня было весьма простым.

— Пойду-ка я в свою каюту. — Натан отвернулся, пытаясь сохранить достоинство и равновесие на качающейся палубе. — Если проголодаюсь, я зайду на камбуз, когда ужин будет готов.

Никки тоже решила отправиться в свою каюту, не желая отвлекать суеверных матросов и оставаться под открытым небом в непогоду.

* * *

Несмотря на ледяную красоту колдуньи, Сол с первого взгляда понял, что она зла и опасна. Его товарищи в тот день заметили лишь изящную фигуру, длинные светлые волосы и лицо, еще более прекрасное, чем резное изображение Матери морей.

Подолгу находясь в море, моряки, как правило, снижали свои требования к привлекательности, но Госпожа Смерть, несомненно, была красивее самой дорогой шлюхи в самом чистом борделе Серримунди. И Никки

была на борту корабля. Всякий раз, когда женщина показывалась на палубе, ее черное платье цеплялось за изгибы тела и колыхалось на ветру, очерчивая полную грудь. Сол представлял эту мягкую и податливую грудь, которая просто ждет, чтобы ее сжали. Он задавался вопросом, какие у нее соски — темные или бледно-розовые, и будет ли она задыхаться, когда он ушпишет за них.

Другие два ныряльщика тоже претендовали на колдунью, но Сол, как их лидер, будет первым. Их два товарища погибли, поэтому выжившие кое-что заслужили. Колдунья должна им несколько раундов задыхающегося, извивающегося удовольствия. Она в долгу перед ними за унесенные жизни их друзей — Пелла и Буны. Колдунья каким-то образом вызвала с помощью своей магии подводных монстров, чтобы убить ныряльщиков. Никки много дней издевалась над ними, отвергала их внимание, оскорбляла их, и теперь двое его товарищей мертвы. Это ее вина.

На родине, в Серримунди, Сол и его товарищи считались героями. Когда он был еще мальчишкой, родители научили его глубоко нырять, а затем продали наставнику за долю жемчуга Сола в течение следующих пяти лет. Наставник обучил его — обучение состояло в том, что он снова и снова пытался утопить юного Сола, привязывая к его лодыжкам тяжелые грузы, заставляя погружаться на дно глубокой лагуны и считал минуты. Наставник не вытаскивал учеников-ныряльщиков на благословенный воздух, пока не решал, что они пробыли под водой достаточно долго. Более трети учеников всплывало мертвыми, с наполненными водой легкими, выпученными глазами и открытыми безвольными ртами.

Однажды Сол тоже утонул, но сумел откашляться от воды и вернуться к жизни. Тогда он уже знал, что станет ныряльщиком за жемчужинами желаний. У него могла быть любая женщина Серримунди, и он обычно пользовался этим. Все его любовницы жаждали получить в дар жемчужину желаний, а Сол щедро раздавал их, ведь всегда мог достать еще.

Запас похожих на сложенные руки ракушек в южных рифах казался неисчерпаемым, но капитан Корвин давал ему больше, чем жемчужины. Они заключили выгодное соглашение, наделявшее Сола и его спутников силой и статусом, когда бы они ни вернулись в порт.

Но Пелл и Буна не вернутся домой. Из-за Никки. Надменная колдунья считала себя неприкосновенной и верила, что ее не обвинят в убийстве его друзей, но Мать морей требовала правосудия, и Сол знал, как его свершить.

После того, как он шепотом рассказал о своем плане Элджину и Рому, все трое встретились на палубе, где лежали отброшенные матросами пустые раковины. Большую часть уже выкинули за борт, но все же осталось немного раковин, незамеченных из-за шторма и поспешного отплытия от рифов.

Теперь ныряльщики выковыривали ножами несъедобные и бесполезные внутренности раковин, ведь Сол кое-что о них знал: железы моллюсков содержали токсин — яд, достаточно мощный, чтобы вывести из строя даже колдунью. Троица торопливо собирала необходимое, ведь кок скоро начнет готовить ужин.

* * *

Бэннон дежурил первым и нервничал в сгущающейся ночи. На Кирии он видел бушующие в океане ужасные штормы и ураганные ветра, налетавшие на плоский остров и срывавшие с домов крыши. Рыбачьи лодки приходилось крепко привязывать к причалам или вытаскивать на берег, где было безопаснее.

Прежде он не попадал в морской шторм, но ощущал повисшую в воздухе опасность. Резкие порывы бриза словно пытались вытянуть воздух из его легких. Облака и ветер были Бэннону не по нраву.

Свободные от работы моряки спустились на нижнюю палубу, чтобы играть в карты в полумраке фонаря. Кто-то покачивался в гамаках, пытаясь уснуть, пока «Бегущего по волнам» кренило из стороны в сторону; а кого-то тошнило в ведра, содержимое которых потом выливали через открытые амбразуры.

Бэннон всполошился, когда на палубе появились три поджарые фигуры. Они были без рубашек, несмотря на порывистый ветер и холодный проливной дождь. Сол, лидер ныряльщиков за жемчужинами, держал горшок с деревянной крышкой.

— Кок скоро подаст ужин.

Бэннона тошнило из-за качки, но у него все равно потекли слюнки. Он целый день ничего не ел.

— Это мне?

Ром зло посмотрел на него:

— Свой обед ты получишь, когда кончится твоя вахта. Но кок хочет быть уверен, что колдунья сыта.

Бэннон нахмурился.

— Раньше он такого не делал.

— Раньше мы не попадали в такой шторм, — сказал Элджин. — Пассажирам лучше оставаться в каютах. Если какой-нибудь дурак будет слоняться по палубе в дождь и ветер, он может упасть за борт, а капитан хочет, чтобы ему заплатили, когда мы вернемся в порт.

Бэннон кивнул. В этом был смысл.

— Мы уже отнесли ужин волшебнику, но колдунья... — Сол отвернулся, будто ему стало стыдно. — Мы были с ней нелюбезны и оскорбили ее. — Он сунул Бэннону горшок. — Будет лучше, если еду отнесешь ей ты.

Ром кивнул.

— Да, будет неловко, если мы вдвоем принесем его.

— Ужасно неловко, — согласился Элджин.

Бэннон был настроен скептически. Он никогда не видел, чтобы ныряльщики выполняли поручения кока. Но, в конце концов, большинство матросов были на нижней палубе. Ныряльщики редко выполняли какую-либо работу, поэтому он был рад видеть, что они помогают.

Может быть, смерть товарищей изменила их. Кроме того, Бэннон был только рад отнести Никки ужин.

— Я сделаю это, — пообещал он.

Глава 13

Набирающая силу буря раскачивала корабль, а Никки смотрела на горшок, который Бэннон принес в ее каюту.

Она приподняла деревянную крышку и принялась.

— Это рыбная похлебка, — сказал Бэннон, который рад был услужить. Корабль накренился, и ему пришлось схватиться за дверь каюты, но его улыбка не исчезла. — Кок хотел убедиться, что вы сыты.

— Я поем.

Никки не собиралась выходить в такую ветреную ночь на палубу, чтобы пробраться к камбузу. Юноша сгорал от нетерпения и желания проявить заботу; если она откажется от еды, Бэннон от нее не отстанет.

— Спасибо.

— Я стою на вахте и должен вернуться к своим обязанностям. — Бэннон явно хотел поговорить с ней и надеялся, что она попросит его задержаться на несколько минут.

— Да, тебе нужно вернуться к обязанностям. — Никки взяла горшок, от которого исходил пряный рыбный аромат, и, когда юноша неловко попытлся, закрыла хлипкую дверь каюты.

В каюте были деревянные переборки, умывальник, узкий иллюминатор, закрытый ставнями, и крошечная полка. Постелью служила жесткая узкая койка с шерстяным одеялом, а от небольшой масляной лампы исходил мерцающий свет.

Сев на койку, Никки сняла крышку и помешала надтреснутой деревянной ложкой молочный бульон. Среди увядших трав, шишковатых клубней и кусочков лука плавали куски рыбы. Она стала есть. Кислая на вкус похлебка была приправлена неизвестными специями.

Служа императору Джеганю, Никки путешествовала по Древнему миру и попробовала много необычных блюд; некоторые могли прийти по вкусу лишь умирающей от голода женщине. Похлебка относилась как раз к таким — возможно потому, что молоко в бульоне свернулось. Но Никки необходимо подкрепиться. Все же, это была еда.

Корпус корабля со скрипом раскачивался от волн и крепчающего ветра. Доев, Никки прикрутила фитиль масляной лампы, чтобы огонь погас. Теперь в ее тесной каюте была лишь темнота и аккомпанемент стонущего от бури корабля.

Она снова легла на узкую койку и попыталась уснуть, но чувствовала, как внутренности kloчочут почти как волны снаружи. Вскоре она завернулась в одеяло, ее бил озноб. Дрожь усилилась. Мышцы напряглись, в голове стучало. Через час она поняла, что похлебка была отравлена. Это был не испорченный продукт, а какое-то смертоносное вещество. Она должна была догадаться, должна была быть более осмотрительной. Ее уже очень много раз пытались убить.

Никки казалось немыслимым, что Бэннон мог ее отравить. Нет, она не верила в это. Простой, хотя и нетерпеливый, юноша не был ни интриганом, ни предателем. Она без раздумий взяла еду из его рук, но его могли обмануть.

Никки свернулась калачиком, тяжело дыша и пытаясь вытеснить жар из внутренностей. На коже выступил пот, а дрожь стала настолько сильной, что больше напоминала судороги. Ее внутренности пылали, словно кто-то воткнул в живот копьё и крутил его, наматывая кишки. Никки начала побаиваться, что их вот-вот вырвут, и они станут похожи на останки ныряльщика.

Едва способная видеть и думать, она соскользнула со своей койки и пошатнулась на ватных ногах. Ее колени подогнулись, но она схватилась за доски переборки. Голова кружилась. Ее вырвало так сильно, будто невидимая рука пролезла в горло и пыталась вытащить внутренности.

Привалившись к стене каюты, Никки так сильно шаталась, что едва замечала качку «Бегущего» в бурном море. Перед глазами все плыло, но в каюте было так темно, что она все равно не смогла бы ничего разглядеть. Мышцы словно превратились в мокрые тряпки.

Никки нужна помощь. Нужно добраться до Натана. Больше обратиться не к кому. Может, волшебник сможет вытянуть яд и исцелить ее. Но она не могла найти дверь; каюта вращалась.

Ее снова вырвало — на этот раз рвотой залило весь пол — но яд уже проник в организм. Никки попыталась призвать магию, чтобы придать себе сил и выбраться из этой ловушки, но голова кружилась слишком сильно. Мысли вращались, как колесо с зазубренными бритвами.

Ей нужно было выйти и отыскать путь на палубу, где, как она надеялась, свежий холодный воздух приведет ее в чувство.

Она на ощупь шла вдоль стены, заставляя себя сосредоточиться и зная, что найдет дверь, если будет просто идти дальше. Как можно заблудиться в столь маленьком пространстве? Она нащупала маленькую полку, вцепилась в нее и повисла; гвозди не выдержали, и полка рухнула на пол. Никки упала и поползла по полу, угодив рукой в лужу собственной рвоты. Снова найдя койку, Никки сумела подняться на ноги. Она нащупала стену и снова пошла вдоль нее, делая по одному мучительному шагу за раз.

Пол по-прежнему поднимался и опускался, но ей нужно было найти выход. Она знала, что он... где-то рядом.

Кто-то толкнул дверь каюты, и та распахнулась. Никки отшатнулась и чуть не упала, разглядев трех мужчин, столпившихся в дверном проеме. Она знала, что Бэннон стоит на вахте, Натан в своей каюте, а остальной экипаж «Бегущего по волнам» ютится на нижней палубе, прячась от непогоды.

Никки была одна.

Перед ней стояли трое ныряльщиков. Ром держал небольшую лампу, приглушенного света которой едва хватало, чтобы не заблудиться в коридоре. Они по-прежнему были без рубашек, и тень от лампы подчеркивала их мускулы. Их широкие штаны были подвязаны на талии, и сквозь туман в глазах Никки увидела, что Сол возбужден — его мужское достоинство выпирало через ткань, словно короткий твердый гарпун.

Она отступила вглубь каюты. Колени дрожали. Ее слабость и беспомощность рассмешили Сола. Двое его товарищей тоже хрипло расхохотались.

— Кажись, колдунье нехорошо, — сказал Элджин и заржал.

— Подо мной ей точно похорошеет, — сказал Сол и протиснулся в каюту. — Ты будешь слишком слаба, чтобы бороться или призвать свою поганую магию, сука. Даже когда мы с тобой закончим, ты будешь так больна и измучена, что не сможешь пошевелиться.

— Уходи, — с трудом сказала Никки, а затем заставила себя добавить, — у тебя последняя попытка.

— Нет, только первая, — сказал Сол. — После меня наступит очередь этих двоих.

Резким ударом он повалил Никки на койку. Мускулистый мужчина навалился на колдунью, прижав ее к ватному одеялу и шаря руками по гру-

ди. Она отталкивала его руки, пытаясь схватить их. Никки было дурно, она не могла призвать магию, но у нее остались ногти, и она не преминула вонзить их в предплечье насильника. Сол вlepил ей увесистую оплеуху, и голова Никки впечаталась в тюфяк. У нее закружилась голова, но боль от удара была слабее, чем от яда.

Солу удалось порвать платье Никки и обнажить грудь.

— Ром, поднеси лампу. Хочу увидеть их.

Трое мужчин с вожделием смотрели на грудь и смеялись.

— Розовые соски, — воскликнул Сол, — как я и думал! Как же приятно увидеть своими глазами то, что представлял себе много дней. — Он положил свою ручищу на левую грудь колдуньи и сильно стиснул ее.

Никки боролась с ядом, глубоко проникшим в ее сознание, и пыталась призвать свою силу. Прежде ее насиловал не только Джегань. Множество раз с ней забавлялись его солдаты, когда он заставлял ее прислуживать в их палатках, быть их игрушкой в качестве наказания... и тренировки. Могушественный император мог принудить ее, но эти ничтожества — не сноходцы. Они не императоры. Они омерзительны.

Кровь Никки закипала от гнева. Ее магия куда сильнее простой отравы. Никки была сестрой Тьмы и впитала в себя украденный хань убитых волшебников. Она могла создать шар огня волшебника и сжечь всю троицу, но магический пожар может поглотить и «Бегущий по волнам».

Нет, ей придется бороться с ними иначе — напрямую. Тут нужен персональный подход.

Сол с ворчанием теребил завязки штанов, пытаясь их ослабить. Наконец, он стянул штаны, высвободив свой мясистый отросток.

— После всей твоей болтовни я ждала чего-то большего, — процедила Никки.

Элджин и Ром загоготали. Сол вновь ударил ее, а затем схватил за бедра и раздвинул ноги.

Это случалось так много раз. Тогда она была бессильна, была вынуждена терпеть. Но не сейчас.

Даже ослабевшая и отравленная, она была сильнее этих подонков, была лучше них. Она чувствовала проблески огня на своих ладонях — едва ли больше огонька, созданного Натаном на ветреной палубе. Хватит и этого.

Она хлопнула горящими ладонями по голым плечам Сола, обжигая его кожу. Он взвыл и отстранился. Никки направила больше магии в огонь на своих ладонях, но тот замерцал и потух.

Ныряльщики в страхе отступили.

— Магия еще при ней.

— Ее недостаточно, — прорычал Сол и снова навалился на Никки.

Обычно призвать огонь было нетрудно, но она видела, как у Натана возникли сложности с магией. Что ж, она знала и более прямолинейные заклинания; умела перемещать воздух, изменять течения и создавать ветер. Теперь же она собирала воздух в тесной каюте, но не в воздушный поток, а в кулак.

Невидимый удар сбросил с нее Сола, который так поразился, что его эрекция пропала. У двоих других хозяйства по-прежнему выпирали через ткань штанов, хотя возбуждение было вызвано скорее предвкушением насилия, чем плотского удовольствия.

Сол опомнился и рывкнул:

— Сука, ложись обратно и...

Никки не обращала внимания на яд, головокружение и пронзавшую ее боль. Она снова собрала воздух, уплотняя его и создавая оружие.

Шторм снаружи усилился, ветер яростно трепал «Бегущего по волнам». Шум проливного дождя был таким громким, что никто не услышит звуки борьбы в каюте Никки. Но если она заставит этих людей кричать достаточно громко, кто-то услышит.

Никки придала воздуху форму руки... а затем превратила в кулак, сжавший мошонку Сола. Он вскрикнул от неожиданности.

Никки сотворила еще две воздушные руки, стиснувшие яйца двух других ныряльщиков. Парни кричали и размахивали руками, пытаясь освободиться от невидимой хватки.

— Я тебя предупреждала. — Она встала с койки, не обращая внимания на обнаженную грудь, не сводя с троих мужчин своих голубых глаз. — Я предупреждала вас. Теперь выбирайте: оторвать их или просто раздробить?

Лицо Сола покраснело от ярости, и он бросился на колдунью, но та уплотнила воздух возле его мошонки, а потом крутанула, будто отвинчивала крышку с банки. Никки сжала воздушную руку с невиданной силой, но не слишком резко, чтобы прочувствовать, как каждое из яичек сжимается и лопаются подобно гнилой виноградине. Сол завизжал, но этот вопль не мог выразить всю его боль.

Не давая ныряльщикам возможности взмолиться о пощаде — ее больше не интересовало милосердие — Никки раздавила яйца двух других. Они повалились на пол, стена и скуля, не в силах справиться с криками.

— Думаю, вы бы предпочли, чтобы я вас убила. — Никки подняла лиф платья и прикрыла грудь. — Я всегда могу передумать и вернуться. — Выпрямившись, она стояла на трясущихся ногах и смотрела на скорчившихся мужчин. — Даже отравленная, я сильнее вас.

Колдунья не успела избавиться от этих отбросов, поскольку на корабль обрушился мощный удар.

Глава 14

Дышащие воздухом воры дрейфовали над их головами в своем огромном корабле, таком уязвимом на границе между водным домом и небом. Темный корпус корабля разрезал волны далеко вверх, далекий, но не недостижимый. Поверхность была беспокойная и бурлящая — значит, в небесах разразился шторм. Хрупкие существа будут сражаться за свою жизнь с ветром и дождем, но здесь вода была спокойной, теплой и мирной. Настоящий дом.

Войну объявили не сэлки.

Трепещущие потоки несли отголоски бушующей бури. Королева сэлок улавливала различия в тонких нотках соли в воде, проходившей сквозь жабры на шее. Королева была далеко от лабиринта рифов, где сэлки хранили свои драгоценные сокровища, но все еще ощущала в воде чужеродный людской душок.

Она плыла быстрее акулы, гребя перепончатыми руками, и вода скользила по ее прекрасной гладкой коже. За королевой косяком хищных рыб следовала армия разгневанных сэлок. Их точеные тела неслись по течениям, а когти могли располосовать кракена. Королева сэлок много раз проявляла себя в подводной битве: она могла голыми руками выпотрошить рыбу-молот, разбросав ее внутренности в облаках мутной крови. Народ сэлок помнил великие человеческие войны тысячелетней давности... тогда была создана их раса. То были времена легенд, времена порабощения.

История сэлок хранила воспоминания о том, как человеческие волшебники пытали и против воли изменяли людей, превращая уязвимых пловцов в смертоносное водное оружие для своих войн. В те времена сэлки были грозой морей и могли потопить целый вражеский флот.

Но это было давно. Дышащие воздухом волшебники забыли о сэлках. Их отвергнутые воины — когда-то бывшие людьми, а теперь измененные и усовершенствованные — спустились в глубокие холодные воды, начали строить дома в рифах и на морском дне. Сэлки стали свободным народом и могли веселиться, размножаться, исследовать. У них была своя, неизвестная дышащим воздухом цивилизация, безмятежная и мирная.

Была, пока туда не вторглись люди, пока воры не разгромили лабиринты рифов и не отняли у сэлок самое ценное — такие потери невозможно восполнить. Все эти мечты...

Сэлки убили и сожрали двух воров, которые ныряли, чтобы забрать жемчужины желаний. Они схватили этих ныряльщиков и держали их. Королева знала, что слабые дышащие воздухом скоро захлебнутся, израсходовав воздух в своих скудных легких, но такая спокойная смерть была недостаточной ценой. Длинными когтями королева разорвала горло одного

ныряльщика и смотрела, как из раны вытекает красная кровь вперемешку с пузырьками воздуха.

Второй ныряльщик изо всех сил пытался вырваться из хватки воинов сэлок, но был слаб и неспособен ускользнуть. Когда ее сэлки приблизились, чтобы выпить льющуюся из раны первой жертвы кровь, королева увидела, как глаза второго ныряльщика расширились от ужаса.

Она смотрела, как он с потрясением выдыхает оставшийся воздух. До того, как в его глазах померк свет, она разорвала и его горло, а затем позволила своему народу есть.

Это было только начало, и этого было недостаточно.

По форме корпуса корабля над головой и устойчивому вкусу, оставленному в воде его обросшим ракушками древесиной, королева сэлок определила, что это тот самый корабль, который несколько раз обкрадывал рифовый лабиринт. Она знала, что он вернется, и поэтому они должны остановить его. Возможно, если убить весь экипаж и затопить деревянный корабль, этой битвы будет достаточно. Возможно, люди проявят мудрость и будут держаться от рифов подальше.

Возможно... а может, и нет. Тогда начнется крупная война.

Ее народ жаждал крови. Вкус человеческой крови резче и насыщеннее, чем у рыб, и сегодня сэлки насытятся вдоволь.

Королева плыла вверх, приближаясь к посудине, висевшей над ее головой. Как по команде, более сотни ее воинов подплыли к корпусу и вцепились когтями в склизкую древесину. Помогая себе ногами, они выбрались на враждебный воздух и повисли на борту корабля.

* * *

Игнорируя стоны, Никки перешагнула через трех кастрированных мужчин, валявшихся на полу каюты в луже ее рвоты. Она все еще была слаба от яда, но чувствовала удовлетворение от того, что окончательно обезвредила потенциальных насильников. Она превзошла их.

«Бегущий по волнам» содрогнулся от удара бури, и Никки налетела на стену узкого коридора. Она пыталась добраться до каюты Натана и задавалась вопросом, слышал ли старый волшебник мужские крики.

Воющий шторм и хлещущий ветер были настолько громкими, что она едва могла думать. Голова раскалывалась. Никки снова скрутил рвотный позыв, и ее вывернуло на пол. Она надеялась, что волшебник сможет ей помочь: вытянет яд и рассеет его по воздуху.

Добравшись до его каюты, она увидела, что дверь приоткрыта. Значит, старик вышел на палубу, несмотря на сбивающий с ног ветер и брызги

волн. Когда она вышла наружу, ледяные капли ударили ей в лицо, но холод привел ее в чувство. Ветер трепал волосы; она глубоко вдохнула и выкрикнула имя Натана.

Она увидела старика, который цеплялся за линь у основания бизань-мачты. Мокрые пряди его белых длинных волос свисали с плеч. Он закутался в непромокаемый плащ, но ветер был таким сильным, что Натан наверняка промок насквозь. На его перекошенном лице была гримаса тошноты, и Никки задумалась, не отравили ли еще и его; но, скорее всего, волшебник просто страдал от морской болезни. На боку у него висел меч, словно он сражался с дождем.

Никки шагнула на омытую волнами палубу. Энергия бури словно подпитывала ее, помогая избавиться от остаточного влияния яда. Ее черное платье намокло, но она держалась на ногах. Колдунья пробиравлась вперед, хватаясь за лини, чтобы не упасть. Корабль то нырял в провал между волнами, то снова поднимался, тошнотворно кренясь.

При виде Никки лицо Натана расплылось в широкой улыбке.

— Плохо выглядишь, колдунья. Шторм не по душе?

— Яд мне не по душе, — она пыталась перекрыть бурю. — Но я здоровее. К сожалению, капитану Эли придется искать новых ныряльщиков за жемчужинами желаний.

Она не стала вдаваться в подробности, и Натан коротко кивнул, сделав собственные выводы.

— Уверен, ты позаботилась о них как следует.

Волны пенились возле носа корабля и захлестывали палубу, словно на нее выливали ведра помоев. Несколько бочек с припасами отвязались и теперь катались по палубе, врезаясь в борта, подпрыгивали и вылетали за борт, теряясь в волнах.

Натан схватился за веревку, повиснув на ней, а потом выпрямился и неожиданно засмеялся.

— Добротный шторм и угрюмый экипаж — это неплохое приключение, не находишь?

Никки пыталась утихомирить боль, которая пронзала ее череп и скручивала внутренности в узел.

— Я делаю это не ради приключений, а ради лорда Рала и его империи.

— Я думал, ты должна спасти мир.

— Это ведьма так думает. — Она сгорбилась, когда ее желудок сжался от очередного спазма. — Я позволю Ричарду спасти мир по-своему.

Дозорный в вороньем гнезде привязал себя к мачте и продолжил высматривать скалы, рифы или неожиданный берег. Качка превращала его пост

в конец перевернутого маятника, и дозорный изо всех сил цеплялся за свою жизнь.

В ночном небе собирались штормовые облака, словно кто-то затягивал удавку. Вспышки молний освещали море и снасти зигзагами жидкого серебра.

Никки услышала знакомый крик и, прикрыв глаза от дождя, увидела мокрого Бэннона, который спускался с нок-реи на грот-мачте. Он был с мечом, будто мог найти врагов в небе. Это было непрактично, но юноша не расставался со своим клинком. Волшебник с гордостью и недоверием взирал на своего молодого протеже.

Не успев спуститься с мачты, Бэннон уставился на бурное море и нечленораздельно закричал, отчаянно указывая в воду.

Когда на «Бегущий по волнам» обрушилась еще одна большая волна, он накренился под критическим углом. Вода прокатилась по палубе, смывая веревки, ящики и разные обломки. Один молодой матрос был застигнут врасплох и соскользнул с якорного крепления на борту. Он упал и покатился, царапая руками воздух, а потом ухватился за хлипкую жердь и повис на ней.

Никки попыталась подчинить себе воздух и ветер, чтобы поймать незадачливого матроса, но вдруг заметила то, что вызвало такой ужас на лице Бэннона.

Когда руки матроса соскользнули, и он уже полетел за борт в бурлящую воду, его поймало перелезшее через поручни существо — человекоподобная фигура с когтистыми перепончатыми руками. Молодой матрос в панике хватался за что угодно, за любую надежду на спасение, и существо удержало его. Бледнокожий монстр одной рукой сгреб полосатую рубашку матроса, а другой вцепился в его влажные каштановые волосы.

На секунду показалось, что скользкое создание спасло матроса, но потом оно открыло рот, полный острых треугольных зубов, и откусило часть головы паренька, оторвав ему половину лица и верх черепа. Матрос кричал и сопротивлялся, но монстр разорвал ему горло и швырнул тело на палубу. Кровь матроса смешалась с морской водой.

Никки интуитивно поняла, кто это.

— Сэлки, — прошептала она. — Должно быть, это сэлки.

Матросы на палубе закричали об опасности, когда еще дюжина ловких фигур вылезла из глубин и вскарабкалась по корпусу «Бегущего по волнам» на верхнюю палубу.

Глава 15

Нападавшие существа были гладкими и скользкими; под серо-зеленой кожей играли мускулы. Никки вспомнила рассказ Натана о том, что сэлки когда-то были людьми, которых пытали и превратили в расу морских воинов. Однако эти создания, казалось, давно позабыли о человечности. Задыхаясь на дождливом воздухе, они разевали свои широкие рты, демонстрируя ряды треугольных зубов. Их большие глаза были покрыты прозрачной мембраной; змеиные зрачки расширились, фокусируясь на нескольких дежуривших закаленных матросах. От лысой головы к пояснице спускался зубчатый плавник, а на ногах и предплечьях красовались оборки боковых плавников.

«Бегущий по волнам», пойманный неистовым штормом, был уязвим. Матросы с трудом могли выжить в этой буре, а теперь на борт взобрался смертоносный морской народ. Зовя подмогу, члены экипажа пробирались по палубе в поисках оружия — гарпунов и багров.

Три сэлки рванули вперед, подобно выпрыгивающей из ручья рыбе. Умудренный опытом моряк Карл подобрал гарпун и с ворчанием метнул его, пытаясь защититься, но впопыхах схватил не то орудие — наконечник гарпуна был изъеден кислотой медуз, и теперь орудие походило на дубину. Карл продолжил бороться и даже разбил лицо одной сэлке, сплюснув ее гладкую голову. Из трепещущих жабр засочилась кровь.

Но двое других существ повисли на Карле. Рослый моряк дрался и сопротивлялся, но, пока одна сэлка держала его, вторая вспорола его грудь, размалывая ребра. Оба монстра впились в зияющую рану и начали выдирать его скользкие внутренности, пока Карл орал, заглушая шум неистового ветра.

Никки стояла у двери на ют, все еще пытаясь справиться с дезориентацией и найти внутри себя магию — любое заклинание, которое позволит ей сражаться. Яд ослабил ее, и она только что потратила силы, расправившись с Солом и его мерзкими товарищами. Она была не в лучшей форме, чтобы нападать.

И все же она упорно цеплялась за клочки силы внутри себя, пытаясь призвать огненный шар, пока вокруг бушевал ветер. Холодный и влажный поток воздуха бил в лицо, не давая сосредоточиться. Протерев глаза от соленой воды, она призвала на помощь свою ярость, и в ее правой руке расцвел огонь. Наконец-то. На нее окатила волна облегчения.

К колдунье подкрадывался самец-сэлка, устремив на нее свои змеиные зрачки. Существо бросилось на Никки, в тот же миг она швырнула в него огненный шар, и он врзался в покрытую слизью грудь. От пламени кожа сэлки покрылась пузырями, и создание издало громкий резонирующий

крик, который исходил и из вибрирующих жабр на шее. Смертельно раненый самец зашатался и рухнул на палубу.

Бэннону удалось спуститься по линиям, не выпуская из руки меч. Он выглядел испуганным, но готовым драться. Когда он попытался пробраться к волшебнику и колдунье, Натан заметил его.

— Помни, чему я тебя учил, мальчик мой! — его голос был тяжел и мрачен.

Еще дюжина сэлков перевалилась через борт и напала на моряков. Двое крепких мужчин, стоя плечом к плечу, рубили и резали противников гарпунами с зазубренными железными наконечниками. Они полоснули по покрытым слизью шкурам, ранив трех нападающих, но за теми появились пятнадцать новых. Матросы продолжали орудовать гарпунами, пока когтистые руки не вырвали их оружие и не обратили его против моряков в голодном, смертоносном иступлении.

Бэннон ковылял по качающейся палубе, пытаясь сохранить равновесие и рубя монстров бесцветным лезвием своего меча. Острый Крепыш отрубил руку одному из нападавших, а обратным взмахом меча Бэннон рассек другому шею, чуть не лишив его головы.

Сэлка бросилась на Бэннона сзади, вытянув перепончатые руки, но Никки создала еще один огненный шар и швырнула его прямоком в голову существа. Плоть сэлки загорелась и задымилась, и она, пронзительно визжа, прыгнула за борт, позабыв о своей жертве. Бэннон крутанулся на месте, моргая от потрясения, а потом выкрикнул что-то неразборчивое в знак благодарности.

Моряки не переставали звать на помощь, и некоторые свободные от дежурства члены экипажа открыли люк и высунулись из него. Увидев копошившихся на палубе существ, они позвали матросов с нижней палубы. Объединив силы, мужчины похватили оружие, какое смогли найти, и вылезли из люка, чтобы защитить корабль.

Но пока дезориентированные моряки выбирались в шторм, сэлки с шипением подтягивались к люку. Как только над палубой появилась голова высокого худощавого матроса, который умел чинить паруса, сэлка подсунула когти под его подбородок, зацепилась за челюсть и подняла мужчину, как рыбу на леске. Он мотал головой, его руки и ноги конвульсивно дергались, а монстры потрошили его, позволяя теплой крови заливать поднимающихся на палубу моряков. Вскоре сэлки отбросили тело и спустились по лестнице, вторгаясь на нижнюю палубу. Экипаж оказался в ловушке и был убит.

Четверо нападающих шли под проливным дождем по омытой соленой водой палубе. Никки стояла прямо и с вызовом, несмотря на головокружение. Она чувствовала ярость и твердила себе, что некогда была сестрой

Тьмы, укравшей магию многих волшебников. Даже ослабленная ядом, она была сильнее любого врага, с которым сталкивались эти существа.

Никки вытягивала энергию из завывающего ветра, меняла его форму, приближая бурю. Когда на нее и Натана напали сэлки, она отбросила их, швырнув воздушный таран. Шестерых существ подкинуло высоко в воздух, и они улетели за борт, в море.

Размашисто шагая вперед, Натан поднял руки, пытаясь вызвать вспышку собственной магии. Судя по позе волшебника и решительному выражению его лица, он собирался сотворить могущественное заклинание. Когда еще десять морских существ забрались на борт «Бегущего», Натан жестом бросил в них взрывную магию — и на его лице появилось озадаченное выражение, когда ничего не произошло. Он снова сделал безуспешный пасс руками, и сэлки беспрепятственно хлынули на него.

— Натан! — закричала Никки.

Старый волшебник пытался вызвать магию, но не мог. Казалось, он слишком обескуражен, чтобы бояться.

Бэннон подскочил к нему как раз вовремя и взмахом меча разрубил ближайшую сэлку. Пока та падала, он вонзил меч во вторую, мрачно усмехнувшись волшебнику:

— Я спасу вас, если вы нуждаетесь в помощи.

Натан в замешательстве посмотрел на свою пустую ладонь.

— Вообще-то, я не должен в этом нуждаться.

Никки задумалась, не отравили ли волшебника. Ее трясло, последнее заклинание совершенно опустошило ее, но Никки не могла позволить себе быть опустошенной — нападавших по-прежнему было слишком много.

Светловолосый моряк поднял пустой бочонок и швырнул в сэлку. Существо сцепилось с ним, и в тот же миг на палубу обрушилась большая волна, которая смыла обоих за борт. Моряк скрылся под водой, и Никки больше не увидела его в вихре волн.

Капитан Эли выскочил из своей рубки, выкрикивая команды.

— Сэлки! — заорал он, будто уже сталкивался с ними раньше. — Будьте вы прокляты, оставьте мой корабль! — он держал в руках саблю и длинную плеть, которой наказывал провинившихся матросов. Он уверенно шагал навстречу нападающим.

Поняв, что перед ними капитан, сэлки стали подбираться к нему, но он уверенно держался на мокрой палубе. Когда существа приблизились, капитан принялся хлестать своей длинной плетью и остервенело махать саблей.

Он отрубил перепончатую руку у запястья; он кромсал сэлков и бил их эфесом, отгоняя морских существ, но те подступали все ближе. Его плеть рассекала скользкие лица, ломая острые зубы, но сэлки хватали его голыми

руками. Наконец, одна из них вцепилась в рукоять плети и вырвала ее из руки капитана.

Несмотря на численное превосходство, капитан продолжил сражаться саблей, он резал и рубил, но одна из сэлок подняла потерянную им плеть и хлестнула по запястью капитана Эли, раздробив ему предплечье. Он ахнул от боли, неспособный больше держать меч, и изогнутый клинок с грохотом упал на палубу.

Потеряв возможность сражаться, капитан стал отступать к рубке, баюкая сломанную руку. Он забаррикадировал дверь, но сэлки без труда разбили дерево и наводнили помещение. Крики капитана быстро сменились звоном разбившихся окон на корме, и выброшенное в ночь тело упало в взволнованное море. Морские существа нырнули за ним, чтобы устроить пир, пока он не захлебнулся.

Шторм нарастал, Натан безуспешно пытался призвать дар, а Никки использовала все известные уловки, переплетая магию Приращения и Ущерба и посылая во врагов черные молнии. Первый взрыв поразил одну сэлку прямо в сердце, оставив в груди дымящуюся дыру.

— Магия... Я не могу найти свою магию! Она исчезла, — мрачно произнес Натан и снова поднял руку с согнутыми пальцами, чтобы сотворить заклинание. Его небесно-голубые глаза были полны ярости, но толку от нее не было. — Исчезла!

У Никки не было времени разбираться, что с ним не так. В отчаянии она сумела вызвать смертоносный сгусток огня волшебника. Когда потрескивающий шар появился в ее руке, она отпустила его. Огонь волшебника увеличился подобно комете и поглотил четырех сэлок, загнавших в угол одинокого моряка. Его крики изменились, а затем резко оборвались, как и шипящие, полные боли вопли сэлок, когда пламя уничтожило их всех.

Вырвавшийся из-под контроля огонь волшебника пожирал палубу, превратив в угли груды бочек и набросившись на доски корпуса. Магическое пламя продолжало гореть, но льющий дождь и волны в конце концов погасили неумолимый огонь.

Никки обмякла, не уверенная в своих силах. Ей нужно продолжить сражаться, потому что сэлки все наступали.

Трое слабых, убогих мужчин, шатаясь, вышли из жилого отсека на корме судна. Полуголые ныряльщики за жемчужинами еле переставляли ноги, ослепленные и дезориентированные. Сол, Элджин и Ром с трудом двигались и вряд ли могли сражаться.

Но они были не совсем бесполезны. На какое-то время они отвлекли на себя сэлок.

Когда к ныряльщикам приблизились два морских существа, Сол поднял на них глаза, налитые кровью и болью. Он потянулся к ним, словно не

понимая, что перед ним вовсе не товарищи по команде. Морское чудовище стиснуло его горло перепончатой рукой и ударило Сола о стену, а второй рукой вцепилось в низ его живота. Крючковатый коготь глубоко вонзился над лобком Сола и медленно пополз вверх, разрезая живот до горла, словно рыбак ножом потрошил свой улов. Внутренности Сола выпали наружу, как мокрые спутанные веревки. Когда он рухнул, сэлка толкнула его в руки другого существа, которое распахнуло края ужасной раны, вонзило зубы в грудь и стало пожирать сердце.

Другие существа схватили невнятно бормочущего Элджина, который бессильно отбивался голыми руками. Монстры выпотрошили его и швырнули на съедение остальным.

Третий ныряльщик, Ром, повернулся и попытался убежать, но сэлка схватила его сзади и вспорола спину, обнажая позвоночник и ребра. Вырвав из его тела позвоночник, существо бросило на палубу бесформенный мешок кожи и мяса.

Прекратив попытки сражаться с помощью магии, Натан выхватил из ножен свой изысканный меч и поднял его, бросая вызов морским людям. Бэннон и Натан, стоя плечом к плечу, атаковали чудовищ. С застывшим безжалостным выражением лица юноша взмахивал Крепышом, как лесоруб, прокладываящий себе путь в чаще.

Волшебник проникся своей новой ролью фехтовальщика. Он скинул плащ, чтобы тот не сковывал его движения, и описал клинком изящную дугу, нанеся удар одному из монстров ниже подбородка, перерезав ему горло до самого шейного позвонка. Он развернулся и нанес удар сверху вниз, разрубив другого монстра от плеча до самой груди.

Когда Никки оправилась от создания огня волшебника, на нее навалились две сэлки. У нее хватило сил отбросить их стеной воздуха, но она не смогла выкинуть их за борт. Спустя несколько мгновений сэлки вернулись, еще более разъяренные, и она встретила их, готовая на все.

Запаниковавший матрос карабкался по линиям, пытаясь спастись на высоте. Он добрался до нок-реи на грот-мачте и оказался в сомнительной безопасности вороньего гнезда. Сэлки, заметив беззащитного матроса, полезли по веревкам, и мужчине уже некуда было бежать.

С ошеломительным треском в грот-марса-рей ударила настоящая молния, вдребезги разбив мачту и сбросив матроса. Его безжизненное дымящееся тело упало в воду.

Взрыв отбросил и лезших наверх сэлок. Падая, одна из них схватилась за свернутый грот-парус, потянув за парусину и разрезая ее своими когтями. Дымящаяся расколотая мачта со стоном повалилась вперед, зацепив такелаж и оснастку фок-мачты «Бегущего по волнам».

Пока Натан в смятении глазел на оживший кошмар, одна из тварей напала на него сзади, вцепившись в спину и разорвав великолепную новую рубашку. Бэннон нанес удар сбоку и вонзил меч между ребер сэлки. Из последних сил он оторвал от волшебника умирающее существо, уперся ногой в скользкую грудь и высвободил меч.

— Спасибо, мой мальчик, — недоверчиво произнес Натан.

— Вы хорошо меня обучили, — ответил Бэннон.

Никки обратилась к своим внутренним резервам, чтобы сотворить второй шар огня волшебника, хотя и понимала, что этого будет недостаточно.

Лицо Бэннона помрачнело, когда он посмотрел на нос корабля.

— Пресвятая Мать морей, их все больше!

Глава 16

Штормовые волны накатывали на палубе, но даже они не могли смыть кровь убитых моряков. Нападавшие сэлки пожирали своих жертв, сражаясь за сердца и печень, обгрызая руки и ноги.

Никки призвала еще одну сине-черную молнию, которая хлестнула по сэлкам, словно девятихвостая плеть. Зловоние горелого мяса и медный запах крови смешались с сильным запахом жженой соленой слизи.

Выпустив молнию, Никки покачнулась и едва удержалась на ногах. Ее продолжали одолевать тошнота и головная боль. Когда колдунья отступила, чтобы восстановить силы, Натан защитил ее от надвигающихся существ. Хотя магия волшебника оказалась бесполезной, его меч по-прежнему был смертоносным.

Бэннон дико и безрассудно наносил удары, забывая о защите. Сэлка поднырнула под меч и когтями полоснула по левому бедру юноши, но не успела нанести следующий удар, потому что подоспевший Натан обезглавил ее. Голова покатилась прочь, глаза смотрели в никуда, а толстогубый рот с острыми зубами рефлекторно открывался и закрывался. Натан пнул отрубленную голову за борт, словно она была мячом из игры джа'ла.

Почувствовав, что в нападавших что-то изменилось, Никки посмотрела на нос корабля. Через борт перелезло существо, которое было намного притягательнее своих сородичей. Сэлка явно была женщиной, и на ее пятнистом зеленоватом теле закручивались вспышки леопардовых пятен. Другая сэлка повернулась, чтобы выразить почтение своей королеве.

Несмотря на вой ветра, грохот волн и скрип оснастки, на «Бегущем» царило молчание. Королева сэлок стояла на носу корабля, повернувшись спиной к резной фигуре прекрасной Матери морей. Она заговорила неестественным щелкающим голосом, будто никогда не произносила слова на воздухе — или слова нормального человеческого языка.

— Воры должны умереть. Ваша кровь не может искупить нанесенный урон.

— Мы ничего не крали, — крикнул Натан.

Глаза Бэннона расширились, когда его осенило, в чем дело. Никки тоже догадалась.

— Жемчужины желаний, — произнесла колдунья.

— Жемчужины желаний — семена наших мечтаний. Слезы нашей сущности, наше величайшее сокровище, — сказала королева сэлок. — Сэлки больше не являются частью расы людей, частью вашего мира. Мы пришли, чтобы вернуть наши мечты. Наши жемчужины.

Мертвых моряков на судне было намного больше, чем живых. Корабль был практически разрушен: грот-мачта повалилась, фок-мачта раскололась, огонь медленно догорал в обрывках парусов и потрескивал на реях. Безжалостные сэлки копошились внизу, обыскивая нижние палубы и трюм. Крики сопровождались звоном мечей и сабель, пока последние защитники корабля не были убиты.

Через распахнутый люк до Никки доносилось отчаянное мычание коровы, которое становилось все громче, а потом резко стихло. Вскоре на палубе появились три сэлки, которые несли своей королеве подношение — большие куски сырого кровоточащего мяса.

Королева взглянула на сгрудившихся в оборонительной позиции Никки, Бэннона и Натана. На верхнюю палубу поднялись две крупных сэлки. Они принесли деревянный сундук, найденный за закрытыми дверями в трюме, и с грохотом бросили его перед царственным существом. Змеиные зрачки королевы расширились, когда ее последователи сорвали крышку сундука с такой силой, что вырвали петли и раскололи деревянные боковые стенки.

Сундук был полон жемчужин желаний, собранных несколько дней назад. Смотря на сокровища, королева нелюдей зачерпнула жемчуг перепончатой рукой и подняла его, словно тот был каплями чудес. Она подняла свое чудовищное лицо и испустила шипящий крик:

— Семена наших мечтаний!

Королева бросила жемчуг в воду, возвращая его морю. Она зачерпнула новую горсть жемчужин желаний и бережно, с любовью бросила в бушующие волны, будто сеяла семена. Она продолжала, пока сундук не опустел.

Словно услышав безмолвную команду, сэлки усилили свой натиск и набросились на последних доведенных до отчаяния матросов «Бегущего по волнам».

Бэннон и Натан встали по обеим сторонам от Никки, выставив перед собой мечи и приготовившись биться насмерть. Когда нападающие приблизились, Никки открылась магии, призывая все то, чему научилась и что украла у других волшебников. Хотя сил у нее осталось мало, она все же смогла вызвать огонь волшебника — акт отчаяния. В ладонях колдуньи появилась маленькая пылающая сфера, которую она дополнила обычным огнем и иллюзией гало. Сэлкам наверняка казалось, будто Никки держит в руках солнце.

Шипящая сфера огня волшебника была готова сорваться с ее руки, но Никки придерживала ее как крайнюю меру. Она сомневалась, что у нее останется хоть искра магии для новой атаки. Но Никки и не нуждалась в магии. Она подобрала нож одного из погибших моряков и продолжит сражаться им.

Королева сэлков сделала шаг вперед. Ее воины издали булькающее рычание, и Никки приподняла огонь волшебника.

— Этим я могу убить большую часть из вас, включая королеву. Хотите попробовать?

Королева была пугающе прекрасна. Морской народ приближался, и некоторые, казалось, с любопытством смотрели на Бэннона, их жабры подрагивали. Королева не сводила с паренька своих змеиных глаз.

— Мы знаем тебя, — наконец сказала она. — Мы спасли тебя. Однажды. Почему ты вернулся?

— Мы не хотели вредить вам. — Покрытый кровью Бэннон моргнул; на его коже и лице виднелись следы когтей и порезы, с меча капала кровь и слизь убитых им сэлков. Он заговорил встревоженным шепотом: — Я думал, сэлки волшебные. Я звал вас на помощь, когда был младше. Но теперь я вижу, что вы просто монстры.

Краска прилила к леопардовым пятнам на коже королевы, плавники на ее теле встопорщились.

— Это мы — монстры?

По палубе прокатился отвратительный громкий треск от сокрушительного удара по корпусу — Сэлки ломали корабль. Грозовая молния вновь расколола небо.

Королева повернулась к Никки, не собиравшейся отступить. Сверкающий огненный шар бликовал на скользкой зеленоватой коже чудовищ. Несмотря на количество убитых сэлков, противников оставалось более шестидесяти.

Все матросы были убиты, и, даже если использовать огонь волшебника, Никки убьет недостаточно сэлок. Тут она кое-что вспомнила.

Порывшись в складках своего платья, Никки нашла потайной карман и достала жемчужину желаний, подаренную ей Бэнноном после отплытия из Танимуры. Она чувствовала холодок на кончиках пальцев. Еще одна жемчужина желаний — возможно, последняя на корабле. Семя мечтаний.

Она приподняла ее свободной рукой, и королева сэлок зашипела. Остальные существа тоже зашипели, еле сдерживаясь, готовые броситься вперед, не обращая внимания на опасный шар магического огня в руке Никки.

Под пристальными взглядами сэлок Никки бросила жемчужину так далеко в море, насколько смогла, и та исчезла в пенящихся штормовых волнах.

— Пусть мои мечты достанутся рыбам, — сказала она. — Я сама твою свою жизнь.

Королева сэлок с уважением посмотрела на нее и после паузы изрекла:

— Может, вы и не воры. — Она повернулась к остаткам своей армии. — Мы закончили.

Забрызганные кровью сэлки схватили несколько человеческих трупов и утащили за борт, в бушующее море. Остальные забрали тела убитых сэлок.

Остановившись возле разбитого борта, королева сэлок повернулась к Никки и долго смотрела на опасный огонь волшебника, а потом повернулась и прыгнула в море, описав грациозную дугу. Остальные сэлки последовали за ней, покидая борт «Бегущего по волнам».

Они оставили Никки, Бэннона и Натана одних. Начатое сэлками довершит буря.

Глава 17

Разрушения «Бегущего по волнам» были критическими. Две мачты были разбиты, порванные паруса свисали подобно лентам. В битве с сэлками был разбит нос судна, порваны все веревки и уничтожен такелаж. Настил верхней палубы был раздроблен в щепки, но еще больше досталось нижним палубам. Из открытых люков доносилось зловоние крови и кишок.

Никки и ее спутники, единственные выжившие на корабле, напряженно ждали нового нападения подводных существ. Никки, больше не в состоянии поддерживать поток магии, позволила рассеяться сфере огня волшеб-

ника на ее ладони. Она надеялась, что сэлки больше не нападут, хотя королева не давала никаких обещаний. Как только огненный шар исчез, Никки глубоко вздохнула и ухватила за обрывок линия, чтобы сохранить равновесие.

Когда «Бегущий» перевалился через гребень высокой волны, их всех бросило на колени.

— Прости, что не смог помочь тебе во время битвы, колдунья. — Голос Натана был одновременно расстроенным и испуганным. Волшебник посмотрел на свои руки. — Я не смог найти магию внутри себя. Я пытался использовать заклинания, которыми пользовался всю жизнь, но не смог сотворить даже простенького.

— Это было в пылу битвы. Вы не могли сконцентрироваться, — сказал Бэннон. — Но ваш меч действительно оказался смертоносным. Вы спасли меня.

— О, думаю, не единожды. — Натан делано улыбнулся. — Но ты тоже меня спасал, так что мы в расчете. — Он пожал плечами и снова повернулся к Никки. — Как я ни пытался, я не смог дотронуться до своего хань. — Он осторожно провел пальцами по шее. — На мне нет железного ошейника, которого я не вижу? Невидимого Рада-Хань, который не позволяет мне использовать свою силу?

Никки прекрасно знала, что сестры во Дворце Пророков контролировали своих одаренных учеников с помощью железного ошейника, который блокировал возможность использования жизненной силы. Как пленный пророк Натан носил Рада-Хань большую часть жизни. Ричарда тоже вынуждали носить ошейник, когда сестры забрали его на обучение.

— Я не знаю ни о какой внешней силе, нейтрализующей твой дар, волшебник, — сказала Никки, когда они поднялись на ноги. — Но твоя магия пропала еще до появления сэлков. Ты даже не смог зажечь огонек, чтобы показать Бэннону фокус.

Натан опустил голову.

— Добрые духи, я потерял дар прорицания, неужели теперь я лишился и магии? Я чувствую себя неполноценным.

Дождь продолжал лить, и сильный ветер швырял им в лицо капли, которые казались кусочками льда. От порыва ветра очередная сломанная рея с треском раскололась и рухнула на палубу. Судно содрогалось от волн, бьющих в нос корабля, и Никки с трудом держалась на ногах, крепко вцепившись в веревки.

— Если мы переживем эту ночь, буду счастлива обсудить возможные причины, — сказала она.

Бэннон пытался приблизиться к ним. По его лицу текла вода, и Никки не могла понять, плакал он или нет.

— Что теперь делать?

Никки вложила в свой ответ мрачную силу:

— Выживать. Это зависит от нас.

Палуба пугающе накренилась, и «Бегущий» просел в воду.

— Мы должны осмотреть нижние палубы, — сказал Бэннон. — Может, там есть выжившие.

— Да, мой мальчик, лучше проверить. — Натан обменялся с Никки понимающим взглядом. Они знали, что выживших нет.

Никки вспомнила звук, услышанный, когда морские создания крушили судно и ломали доски корпуса.

— Нужно посмотреть, какой урон нанесли кораблю сэлки. Думаю, они собирались затопить корабль после того, как всех убьют.

Они спустились вниз через открытый люк. В замкнутом пространстве пахло кровью и внутренностями, такое невыносимое зловоние могло стоять в мясной лавке, заставленной ночными горшками. Они наткнулись на коровью голову и обрывки шкуры, которую сэлки содрали с нее и бросили на переборку, словно пришедшую в негодность штору.

Сэлки разбросали по жилой палубе выпотрошенные тела матросов и сорвали гамаки с переборки и опорных балок. Один юнга был подвешен на крюк за затылочную кость черепа.

Шум льющейся в грузовой отсек воды был еще более зловещим. Когда они откинули крышку люка и заглянули в нижний трюм, Никки удалось создать на ладони маленький огонек, который разогнал черные тени. Часть корпуса была пробита и разломана снаружи, треснувшие доски были вмяты внутрь корабля. Должно быть, сэлки заплыли под судно и отрывали деревянные доски, пока не проломили дыры с неровными краями. Ничем не сдерживаемая вода ревела, заполняя трюм.

— «Бегущий по волнам» скоро затонет, — сказал Натан. — Счет идет на часы.

— Мы можем задрать люки, — сказала Никки. — Задержим воду внизу. Это даст нам полдня.

— А мы не можем залатать корпус? — спросил Бэннон. — Я могу задержать дыхание, нырнуть и починить доски.

Морская вода уже наполовину заполнила трюм. Никки поняла, что течение мгновенно пробьет любую заплату.

— Если бы у меня была магия, — сказал Натан, — я бы восстановил доски, нарастив древесину.

— Давай я попробую, — сказала Никки. Она обратилась к магии Приращения, используя саму древесину и наращивая то, что уже существует. Никки погрузилась в себя, но каждая ее клеточка дрожала от истощения.

Она израсходовала слишком много магии в битве, да и коварный яд еще не отступил.

Корабль тонул, и нельзя было терять время. Никки зажмурилась, собралась с мыслями и призвала всю магию, какую смогла найти. С помощью дара она ощутила разодранную обшивку корпуса, нашла зазубренные края и магией нарастила древесину. Она затянула пробитую дыру, как рану коркой, но океан продолжал рваться внутрь, и новые доски разбились. Никки пришлось начать сначала. Натан сжал ее плечо, будто пытаясь придать ей сил, но у него нечего было взять. Вместо этого она лелеяла свой гнев, думая о кровожадных сэлках, о Соле, Элджине и Роме, о том, что они с ней сделали — они сделали это со всем экипажем «Бегущего по волнам». Последствия вылились не просто в попытку изнасилования; если бы эти идиоты ее не отравили, Никки была бы на пике своих сил, и сэлки не смогли бы нанести им поражение.

Во вспышке раздражения и ярости она нашла еще одну маленькую искру магии, потянулась к ней и срастила доски, снова закрыв дыру в корпусе. Когда вода, наконец, перестала литься, колдунья обнаружила, что дрожит.

— Починила, но это ненадолго.

Бэннон вздохнул с облегчением.

— Раз уж мы больше не тонем, у нас есть время найти обломки досок! Я нырну и приделаю их к заплате, укрепив ее.

Весь следующий час молодой человек посвятил себя этому занятию, задерживая дыхание, как ныряльщик за жемчужинами желаний, и погружаясь в затопленный трюм, в котором плавали остатки груза — ящики, тяжелые бочки, куски парусины — и тела матросов. В итоге Бэннону удалось укрепить наращенные магией доски.

Шторм снаружи бушевал в полную силу, и когда выжившие наконец выбрались на накренившуюся верхнюю палубу, они с ужасом уставились на разорванные снасти, сломанные мачты, обугленные пятна на носу судна, оставленные огнем волшебника. Штурманская рубка на корме превратилась в обломки, штурвал был повален с пьедестала. Течение и ветер несли вперед неуправляемый остов судна. У них не было ни капитана, ни карт, ни способа управлять кораблем. Хотя казалось, что эта ночь длится бесконечно, темнота и низкие облака не собирались рассеиваться.

Бэннон встал на носу корабля, прикрыв ладонью глаза, и указал вперед.

— Посмотрите на воду. Это пенная линия? — Через мгновение он испуганно закричал: — Это рифы! Много рифов!

С возрастающей яростью буря швырнула беспомощный корабль вперед, и Никки увидела, что их несет прямо на острые скалы, окруженные пенными брызгами.

— Приготовьтесь! — крикнул Натан.

Никки пыталась управлять ветром и волнами, но корабль был неповоротливой, обреченной развалиной. Море держало его крепкой хваткой, а ветер был резким и непредсказуемым.

С ужасным скрежещащим грохотом корабль вынесло на рифы. Темные камни сломали киль и вспороли днище. Доски палубы раскололись и полетели во все стороны, бизань-мачта свалилась в воду. Когда вспышки молний пронзили ночную тьму, Никки показалось, что она видит вдалеке темные очертания береговой линии. Невозможная и недостижимая земля породила издевательскую надежду на спасение, но всего лишь на миг.

Яростная морская вода хлынула через борт, и огромное судно разломилось и затонуло.

Глава 18

Шторм, принесший немало бед, утих. Россыпь облаков двинулась дальше, словно маркитанты, идущие вслед за победоносной армией. Накатывающие волны размывали грубый песок.

Никки очнулась от криков чаек, сражавшихся за ценные куски падали. Она чувствовала себя разбитой, все мускулы и кости горели от боли, а живот еще крутило — по большей части, из-за соленой воды, которой она наглоталась, пока отчаянно пыталась доплыть до берега в ночном шторме. Она смахнула с лица колючий песок и склонилась, чтобы ее вырвало, но исторгла из себя лишь немного горькой желчи. Никки перевернулась на спину и посмотрела в пронзительное небо, пытаясь упорядочить крутившиеся в голове мысли и воспоминания.

Она слышала, как режут и грохочут волны, обрушиваясь на берег и накатывая на мыс, но здесь, на длинной песчаной косе в форме полумесяца, было безопасно. Колдунья приподнялась на локте, чтобы неспешно оценить ситуацию. Сначала она занялась своим телом. Кости были целы, у Никки было лишь несколько синяков и ссадин, полученных, когда она упала за борт и волны вышвырнули ее на берег.

Никки глубоко вдохнула и выдохнула, пытаясь унять подступающую тошноту. Сердце билось и перекачивало кровь, воздух наполнял легкие. Колдунья вновь была в строю и могла коснуться дара, который на протя-

жении всей жизни был ее верным спутником. Когда ныряльщики за жемчужинами отравили ее, она была ужасно слаба, а ей не нравилось чувствовать себя слабой.

Никки накрыл поток воспоминаний — буря, нападение сэлок, кораблекрушение... Она поднялась на ноги и пошатнулась, но устояла. Она жива, но совсем одна.

Чайки пронзительно орали, перебивая друг друга. Туча черно-белых крыльев кружила над несколькими прибившимися к берегу трупами убитых моряков с «Бегущего по волнам». Птицы сражались над телами, раздирая плоть, оспаривая каждый ее кусочек, хотя пищи тут хватило бы для сотни чаек. Одна птица схватила вырванное глазное яблоко за зрительный нерв и улетела, а четыре другие ринулись за ней с обвинительными криками.

Никки показалось, что одно из тел может принадлежать Бэннону, но потом она разглядела длинные светлые волосы мертвеца — просто одного из незнакомых моряков. Она уже ничем не могла ему помочь, и он ее не интересовал, поэтому колдунья решила обследовать берег в поисках выживших.

Берег был усеян вынесенными штормом обломками, кусками досок корпуса и разбитыми бочонками. Неподалеку лежал опутанный канатами и рваным парусом рангоут. Некоторые из разбросанных по песку больших бочек наполовину скрывала отступающая вода. Они напоминали игральные кости, брошенные гигантами в ходе непредсказуемой азартной игры.

Никки была неподвижна, словно статуя, и старалась обрести душевное равновесие. Поиски Кол Адаира зашли слишком далеко. Колдунью выбросило волнами на этот пустынный берег, и она не имела представления, где находится. Она не верила, что у ведьмы есть какое-либо тайное знание. Никки, перепачканная, покрытая синяками и потерянная, стояла на берегу и не ощущала готовности спасать мир: ни ради Ричарда Рала, ни ради себя.

Несмотря на грохот волн, вой ветра и крики часк, Никки была ошеломлена гнетущей тишиной. Она была совсем одна.

Затем послышался голос:

— Колдунья! Никки!

Она повернулась и увидела Бэннона Фермера, идущего к ней. Он промок насквозь, его рыжие волосы спутались, а лицо было в синяках. Его левая щека была разбита и бледна, через лоб шел длинный порез, но все это меркло на фоне широкой улыбки. Бэннон обошел огромный изогнутый обломок корпуса, выброшенный волнами на каменистый участок берега.

— Пресвятая Мать морей! Уже не думал найти выживших.

Его домотканая рубашка, подсыхавшая на палящем солнце, покрывалась искорками соли.

— Я очнулся с полным ртом песка, а вокруг ни души. Я застрял в приливных заводах примерно в пятидесяти футах от берега. На мои крики никто не отзывался. — Юноша поднял руку, демонстрируя бесцветное лезвие своего меча: — Чудом я не выпустил Крепыша из рук.

Никки оглядела его тело, убеждаясь, что он не ранен сильнее, чем сам осознавал. Часто на поле боя она была свидетелем того, как шок и страх отвлекали человека от серьезных ран. Бэннон казался целым и невредимым.

— Ты нашел Натана? — спросила она.

По лицу юноши пробежала тень тревоги.

— Нет, вы первая, кого я встретил. — Он расправил плечи. — Но я только начал поиски. Уверен, Натан жив. В конце концов, он же великий волшебник.

Никки нахмурилась, зная, что Натан не смог прибегнуть к магии во время нападения сэлок. Беспокоясь о старом волшебнике, она пошла по морскому берегу, стряхивая с себя остатки боли и головокружения.

— Где ты искал? Ты ходил в эту сторону?

— Я пришел оттуда. — Бэннон указал направление. — Меня вынесло туда. Но большая часть обломков «Бегущего по волнам» разбросана здесь. Может, течение вынесло Натана сюда.

Солнечный свет делал песок настолько ярким, что у Никки заболели глаза. Она прищурилась, приложив руку ко лбу, и осмотрела изогнутую береговую линию мыса, который притягивал волны словно магнит.

Возле камней пенилась вода, и оглушительный рев волн было слышно за милю. Если бы тело Натана выбросило в этот котел, волшебник превратился бы в лепешку.

Бэннон на удивление энергично побежал вперед, выкрикивая имя волшебника. Отчасти Никки ожидала найти на песке изуродованный труп Натана, над которым дерутся чайки.

На полпути к шумным грохочущим волнам они увидели среди обломков деревянных ящиков ряды парусины, покрывшей берег, словно погребальный саван. Бэннон заметил беспорядочную кучу бочек, веревок и стеганого полотна. Никки догнала юношу, как раз когда он поднял обрывок парусины и закричал:

— Вот он!

Бэннон схватился за плечики пышной рубашки Натана, который лежал лицом вниз на сломанном бочонке. Лицо его было скрыто спутанными прядями белых волос, и Никки, увидев неподвижного Натана, на миг подумала, что он захлебнулся, а его тело выбросило на берег.

Бэннон стащил его с бочки и положил на песок лицом вверх. Кожа Натана была бледно-серой, веки даже не дрожали. Бэннон склонился над

стариком, прислушиваясь, дышит ли он, дотронулся до его щек и приоткрыл веки.

С решительным деловым видом он перевернул волшебника, обхватил его за талию и прижал кулаки к его животу. Юноша резко и сильно потянул на себя руки, и Натан содрогнулся. Бэннон снова сцепил руки с такой силой, что Никки подумала, будто тот хочет сломать волшебнику хребет. Но вместо этого из рта Натана хлынула морская вода. Он снова содрогнулся и закашлялся. Он вяло ударил Бэннона, но молодой человек показал небывалую силу. Он снова перевернул Натана на спину и начал качать его длинные ноги, прижимая колени к груди изо всех сил.

Натан закашлялся, и из его рта снова потекла вода. Наконец, он окреп достаточно, чтобы оттолкнуть Бэннона.

— Полегче, мальчик мой! Я жив и не собираюсь умирать.

Натан выглядел весьма жалко. Он покачал головой и провел пальцами по волосам.

Никки заинтересованно посмотрела на молодого человека:

— Он ведь захлебнулся. Где ты этому научился?

— Жители Кирии умеют спасать утонувших рыбаков. Часто это не работает, но, если в нем осталась хоть искра жизни и мы можем удалить воду из его легких, Мать морей иногда позволяет человеку снова дышать.

— Я не просто человек, — раздраженно сказал Натан. — Я волшебник. — Он согнулся и исторг из себя огромное количество морской воды.

— Очевидно, Мать морей решила проявить к тебе милосердие, — сказала Никки.

Натан сел, покачиваясь, и положил руку на правый висок, где была кровоточащая длинная рана.

— Я рад вернуться в мир живых. Неплохой способ начать день. — Натан снова прикоснулся к ране и поморщился, а затем закрыл глаза, попытавшись сосредоточиться, но на его лице появилось отчаяние. Он поднял на Никки несчастный взгляд. — Увы, дар все еще ускользает от меня. Могу я смиренно молить тебя об исцелении, колдунья? Хотя бы убрать одно неудобство. — Внезапно он одарил ее обеспокоенным взглядом. — Или тебя тоже покинула сила? Во время боя у тебя возникли трудности...

— Со мной все в порядке, — ответила Никки. — Это последствия яда, которым меня отравили ныряльщики за жемчужинами. К счастью, у меня дела обстоят гораздо лучше, чем у них.

Бэннон повернулся к ней со странным выражением лица:

— Ныряльщики отравили вас?

Он вытер покрасневшие глаза от песка, а Никки внимательно следила за его реакцией.

— Да, яд был в принесенном тобой горшке с похлебкой. — По его лицу она поняла, что он ничего не знал, и почувствовала облегчение. — Вот почему я была так слаба, что едва могла сражаться с сэлками. Меня отравили.

Его выражение лица стало испуганным.

— Яд был в еде, которую я принес? Я отравил вас? Я не знал! Я не хотел! Пресвятая Мать морей, мне так жаль, я...

Никки знала, что Джегань убил бы юношу за такую ошибку, медленно и мучительно. Когда-то и Госпожа Смерть убивала за такое, но теперь она была другой. Ричард изменил ее. Угрызения совести Бэннона и его честность снова напомнили ей, почему она без опаски приняла еду из его рук.

Медленно кивнув своим мыслям, она сказала:

— Поэтому они и использовали тебя, Бэннон Фермер. Я бы никогда не подумала, что ты способен предать меня или причинить мне вред.

— Нет! Я бы никогда вас не отравил.

— Понимаешь, твоя невинность — это оружие, которое другие направили против меня. Они обманули тебя. — Ее голос стал тверже. — Не позволь этому случиться вновь. — Пока он что-то бормотал и слишком много извинялся, Никки согнула пальцы и почувствовала магию и свою силу. — Теперь это не важно. Я поправилась.

Она положила руку на висок Натана и легко призвала магию, чтобы срastить края его раны.

Он вздохнул с облегчением.

— Благодарю тебя. Это, конечно, было не смертельно, но весьма досадно.

Она повернулась к потрепанному Бэннону:

— Теперь твоя очередь.

Юноша шагнул в сторону, опасаясь магии Никки или, возможно, еще не поверив, что она простила его.

— В этом нет нужды, колдунья. Меня едва задело, само пройдет. — Он дотронулся до пореза на бедре.

Но Никки хотела увериться, что полностью контролирует свою силу, и схватила Бэннона за руку.

— Я настаиваю.

Она пустила поток магии. Его синяки исчезли, раны затянулись. От выражения страха на лице не осталось и следа.

— Великолепно! — Он крепко сжал свой меч. — Я вновь готов сразиться с сэлками!

— Давай надеяться, что нам не придется этого делать, мой мальчик, — сказал Натан.

Никки отряхнула свое черное платье от песка и откинула назад волосы, чтобы те не лезли в глаза.

— Я хочу, чтобы вы оба были здоровыми. У нас есть работа. — Она окинула взглядом побережье. — Мы должны выяснить, где находимся.

Глава 19

Смирившись со своим потрепанным видом, Натан настоял на том, чтобы осмотреть обломки и поискать его меч, а также другие полезные для выживания вещи. После всех пережитых бед он несильно надеялся вернуть свое драгоценное оружие, но по счастливой случайности нашел свой изысканный клинок. Меч был зажат между расколотой винной бочкой и ящиком с яркими тканями для продажи, которые уже пропитались водой и были испорчены. Волшебник вытащил клинок и поднял его к солнцу, облегченно вздохнув.

— Так-то лучше! — Он подмигнул Бэннону. — Теперь мы с тобой, мой мальчик, защитим нашу колдунью от кого угодно.

— Чайки и крабы уже трясутся от страха. — Никки закатила глаза и вернулась к более серьезным вопросам. — Прежде чем отправиться в путь, нужно собрать припасы. Неизвестно, насколько далеко мы от цивилизации и сколько времени понадобится, чтобы вернуться в Д'Харианскую империю. — Даже после всех испытаний она продолжала думать о том, что ей необходимо сделать для Ричарда и его видения будущего.

Возле нескольких израненных трупов моряков «Бегущего по волнам» они нашли уцелевший бочонок с питьевой водой и утолили жажду, а потом им попался ящик засоленного мяса. Натан расстроился из-за утраты всех своих новых рубашек, жилетов и плащей, купленных в Танимуре, но зато он нашел сундук моряка, в котором была чистая рубашка, подошедшая Бэннону по размеру, черепаховый гребень и мешок размокших писем, чернила на которых расплылись и размазались. Разобрав несколько слов, Натан понял, что письма были от возлюбленной, которая больше не получит ответа от потерянного любимого.

— Берите только то, что может пригодиться. — Никки взяла длинный боевой нож, который лежал на дне сундука безымянного моряка, и прикрепила ножны к поясу.

Отравление ослабило ее и временно вывело из строя, но и преподало урок. Даже если она не может использовать магию, Никки не останется безоружной. Больше никогда.

Из остатков парусины они изготовили мешки для найденных припасов. Когда солнце достигло зенита, троица отправилась по широкому пляжу.

Мыс переходил в сухие песчаные уступы, усеянные пучками пампасной травы и свежей лебеды. Путники поднялись на гребень и сделали передышку, чтобы посмотреть на сверкающую водную гладь. Никки не видела ни парусов, ни приближающихся кораблей, ни пограничной линии бушующей воды рифа, разрушившего «Бегущего по волнам».

— Должно быть, нас унесло далеко на юг, — сказала Никки, глядя туда, откуда они пришли.

Судя по картам капитана Эли, они были где-то на Призрачном берегу.

На лишенной признаков человека земле рукотворное сооружение было похоже на крик. Зоркий Бэннон заметил его первым и указал через продуваемое всеми ветрами нагорье на возвышенность. До нее было полмили, и на ней стоял каменный монолит — очевидно, построенный людьми и помещенный туда, где его заметят издалека.

— Не имея ориентиров, трудно сказать, насколько велико это сооружение, — шурясь, заключил Натан.

Никки зашагала вперед.

— Так пойдем и посмотрим. Вдруг разглядим оттуда еще что-нибудь или путь к ближайшему городу или заставе.

Мрачная и травянистая пустая земля над пляжем сыграла с ними злую шутку: возвышенность с каменной башней оказалась гораздо ближе, чем казалось. Когда они приблизились к ней, Бэннон разочарованно вздохнул:

— Это всего лишь груда камней.

— Это указатель. Пирамида из камней служит кому-то ориентиром, — сказал Натан.

Указатель представлял собой башню из плотно подогнанных камней: самые крупные лежали в основании, образуя прочный фундамент высокой и тонкой пирамиды, вершина которой была на голову выше Натана. Основание заросло кустарником, а грубые черные камни были покрыты пятнами рыжего и зеленого лишайника. Камни явно были не из этой местности.

— Кто-то потратил немало усилий, чтобы построить ее, — заметила Никки. — Видно, что пирамида здесь уже давно.

Натан заслонил глаза от света, глядя на сверкающий океан.

— Может, это ориентир для проходящих мимо судов — точка, которую можно отметить на карте. Или маяк... но не похоже, чтобы отсюда можно было подать сигнал. — Он вздохнул. — Веток не хватит, чтобы зажечь приличный костер.

Никки повернулась к нему и натянуто улынулась.

— Брошенный в воздух шар огня волшебника может привлечь внимание.

Бэннон обошел вокруг пирамиды, ища любые подсказки. Он присел на корточки и счистил лишайник и мох.

— Гляньте! На камнях основания высечены слова, — сказал он, показывая рельефные письмена. — Какое-то послание.

Никки и Натан подошли.

Взглянув на первый камень, колдунья застыла. Высеченные буквы гласили: «В Кол Адаир».

— Отлично, — довольно сказал Натан и отступил. — Думаю, это как раз тот указатель, который мы искали.

Никки пробрал озноб, когда она увидела обветренные слова, высеченные на следующем камне: «Оказавшись там, волшебник узрит то, что поможет ему вновь обрести целостность».

От слов на третьем камне у нее пересохло в горле. «А колдунья спасет мир».

Натан изумленно смотрел на нее. Он поднял руку и изогнул пальцы.

— Обрести целостность? Думаешь, это значит, я снова смогу прикоснуться к своему хань и использовать магию? Рэд знала! Она знала.

Никки нахмурилась, ее живот скрутило в узел.

— Невыносимо признавать, но это придает некую правдоподобность письмам ведьмы.

— Что? О чем вы? Это какое-то пророчество? — Бэннон в замешательстве переводил взгляд с волшебника на колдунью.

— Пророчеств больше не существует, — упрямо сказала Никки, но ее голос звучал неубедительно.

Может, если предсказание достаточно древнее, оно было выжжено на ткани мира до того, как изменились его законы...

— Я думал, мы потерпели крушение и заблудились, — сказал Натан с ноткой удивления в голосе. — Забавно, что кораблекрушение привело нас именно туда, куда мы направлялись.

— Предпочитаю сама выбирать направление, — сказала Никки, но спорить с очевидным было невозможно.

Ей не нужна помощь пророчества, чтобы спасти мир или служить Ричарду Ралу любым возможным путем. И если она должна добраться до таинственного Кол Адаира, она это сделает, как и Натан.

Волшебник поджал губы, рассматривая камни.

— Только дурак будет противиться четкому пророчеству. Он все равно не уйдет от своей судьбы, но обстоятельства будут гораздо хуже.

Никки тронулась в путь, оставив позади пирамиду.

— Мы идем в Кол Адаир, где бы он ни находился, — сказала она.

Когда они отошли подальше от высокой каменной пирамиды, в безветренной тиши раздался треск и грохот камней. Путники обернулись и увидели, как пирамида зашевелилась и начала разрушаться. Верхние камни полетели вниз, сердцевина сооружения просела, и вся конструкция рухнула на скалы.

Пирамида исполнила свое предназначение.

* * *

Покинув вершину, они спустились к пляжу и набрали на останки чудища. Длинный скелет растянулся среди камней и травы чуть выше линии прилива. Треугольный череп с впадинами глазниц и напоминающими кинжалы клыками был размером с фургон. Позвонки лежали меж камней, наполовину утонув в песке, и позвоночник походил на костяную веревку длиной в десять лошадей. Бесчисленные изогнутые ребра сформировали длинный разбитый туннель, сужающийся к кончику хвоста существа.

— Это не дракон, — заметил Натан.

— Драконы почти все вымерли, — сказала Никки.

Бэннон скрестил руки на груди.

— Это морской змей, но маленький. Мы часто видели, как такие плывут мимо Кирии во время брачного периода, когда цветут водоросли.

Глядя на длинный скелет, Никки предположила, что существо умерло в море, и его тело приливом вынесло на берег, где чайки и другие падальщики обглодали его. На изогнутых костях осталось только несколько твердых, как железо, кусков мяса.

— Если этот змей маленький, то я рада, что «Бегущий по волнам» не встретился с одним из них.

Они шли вдоль пляжа, пока не начался вечерний прилив. Солнце превратилось в красный шар, тонущий в морском просторе. Троица шла вперед, не видя ни тропы, ни деревень, ни доков, ни даже старых кострищ, которые бы говорили о человеческом присутствии. Эти земли казались дикими, незаселенными и неисследованными.

Бэннон поспешил к следующей вдававшейся в море скале, которая преградила им путь.

— Поспешите, начинается прилив, и скоро мы не сможем здесь пройти. Я бы предпочел идти по пляжу, а не карабкаться по этим скалам.

Они были уже по щиколотку в воде, когда обошли скалу, перелезая через покрытые водорослями камни.

— Сюда, — сказал Бэннон. — Осторожно.

Но когда они вошли в бухту, юноша замер и с трудом сохранил равновесие на высоком камне. Никки увидела, что привлекло его внимание. Потерпевший крушение корабль был заброшен на высокие скалы, словно игрушка. От него мало что осталось: несколько ребер каркаса с остатками обшивки и длинный киль. Время и погода превратили корабль в скелет.

Натан остановился, чтобы отдышаться.

— А это уже интересно. Что за корабль?

Изогнутый нос потерпевшего крушение корабля был украшен резными головами свирепых змей — Никки догадалась, что это морские змеи, останки одного из которых они недавно видели. Грубо обработанные доски корпуса были приделаны внахлест, а не плотно уложены встык, как на более изящном «Бегущем по волнам». Уцелевшие ребра каркаса изогнулись и поросли мхом и водорослями. Остальная часть корпуса развалилась.

Никки повернулась к Бэннону, который выглядел так, будто увидел злого духа.

— Тебе знакомы такие корабли?

Он слишком быстро помотал головой.

— Почему ты дрожишь, мой мальчик? — с нажимом спросил Натан.

— Я просто замерз и устал. — Он прочистил горло и забрался на камни. — Скоро стемнеет. Нам нужно идти дальше и найти место для лагеря.

Никки огляделась, принимая решение.

— Это подходящее место. Бухта закрыта от волн, а судно выше линии прилива. Оно послужит нам укрытием.

— И обеспечит готовыми дровами, — добавил Натан.

— Но, если мы пойдем дальше, можем наткнуться на деревню, — неуверенно сказал Бэннон.

— Чувствуй. Здесь спать намного лучше, чем на ветреном пляже. — Натан подошел к жуткому змеевидному кораблю. — Пылающий костер сделает его поуютнее. — Он начал собирать обломки досок для растопки.

Никки нашла укрытие в изгибе разрушенного корпуса.

— Здесь мягкий песок. Мы можем выложить круг из камней для костра.

— Пойду поищу что-нибудь на ужин, — покорно сказал Бэннон. — Принесу крабов, моллюсков и, возможно, медуз из приливных заводей.

Юноша устремился в сгущающиеся сумерки, а Натан собрал деревянные обломки и сложил костер. Правда, в разжигании огня ему пришлось положиться на магию Никки, но вскоре уже потрескивало жаркое пламя.

Разровняв песок и устроив себе сиденье, Натан сел на землю. Никки подтащила отполированное волнами бревно и расположилась на нем. Волшебник уперся локтями в колени и с несчастным видом уставился на яркий костер.

— Никогда еще не чувствовал себя столь утомленным и потерянным, хотя и знаю, что мы на пути в Кол Адаир.

— Мы преодолели много трудностей, волшебник, и это просто одна из них. — Она бросила в огонь ветку.

— Я растерян, потому что моя магия подвела нас, когда мы так нуждались в ней. У меня всегда был дар. Я столько веков просидел взаперти в ужасном дворце, где меня заставляли записывать полученные пророчества, чтобы любой мог их неверно истолковать. — Натан фыркнул. — Сестры действовали из лучших побуждений, но результаты были весьма плачевны. — Волшебник пересел, но так и не нашел удобного места. — Они считали меня опасным! Прорицание было моей неотъемлемой частью, пронизывало мою плоть, кости и кровь, и когда Ричард отправил машину предсказаний в подземный мир, он изъял эту часть меня.

— Ричард лишь сделал необходимое, — сказала Никки.

— Я не сомневаюсь в этом, колдунья, да и не жалею.

Он пошарил в своем самодельном мешке и вытащил черепаховый гребень, забранный из сундука матроса. Натан принялся за борьбу с колтунами, морщась, когда спутанные волосы сопротивлялись его усилиям.

— Мир точно стал лучше без этих проклятых пророчеств. — Он поднял руку, сконцентрировался и даже зажмурился, но ничего не произошло. — Похоже, я растерял всю свою магию. Я не мог нормально использовать дар еще до шторма и битвы с элками. Я пробовал, но... безрезультатно. Как же так, колдунья?

— Могла ли исчезнуть вся магия, а не только пророческий дар? Лично я не вижу тут связи. Мой дар работает нормально. — Подумав, она добавила: — Если я не отравлена.

— Но я был и пророком, и волшебником. — Его лазурные глаза, устремленные на колдунью, сверкнули. — Пророческий дар покинул меня, но не был ли он тесно связан со всей моей магией? Ведь нельзя вырвать из искусного гобелена одну нить, не затронув остальные. Может, нарушился весь мой хань? Быть может, вырвав пророчество, Ричард ослабил и другие связанные с ним нити магии? — Натан протянул руки к пламени и сосредоточился. — Вдруг я никогда не смогу сотворить даже простейшую магическую сеть? Или повелевать водой? Или зажечь огонь? Неужели мне придется опуститься до карточных фокусов, будто я бродяга шарлатан? Как мне вновь обрести целостность?

— У меня нет ответов на эти вопросы, волшебник, — сказала Никки.

— Может, не стоит больше так меня называть. — Он выглядел уязвленным.

Их разговор прервал Бэннон, вернувшийся с охапкой уродливых устриц и мидий. Он бросил добычу на песок близ костра.

— Там были и крабы размером с мою ладонь, — сказал юноша. — Я не мог унести всех, потому что крабы пытались сбежать. Могу поймать нескольких попозже.

Натан веточкой подтолкнул к углям раковины, и капли влаги на них зашипели, испаряясь. Задыхаясь, мидии распахивали створки, словно зевали, а потом умирали.

— Они быстро готовятся. — Бэннон веткой перекатил раковины в сторону от огня.

Никки и Натан взяли по одной горячей раковине, обжигая пальцы, и раскрыли створки, чтобы добраться до съедобных внутренностей. Когда все раковины опустели, Бэннон вытащил из костра пылающую головешку и снова ушел в темноту. Вскоре он вернулся с крабами, и странники зажарили их.

Присев на бревно рядом с Никки, Бэннон положил меч на колени и осторожно провел пальцем по краю лезвия.

Он все еще продолжал беспокойно оглядываться.

Наконец получив возможность поразмыслить и продумать план, Никки посмотрела на скелетообразные останки разбитого корабля, а потом подняла взгляд на изменившиеся созвездия.

— Завтра решим, куда идти.

Не обращая внимания на их разговор, Бэннон бросал пустые ракушки в деревянные ребра покинутого корабля.

Натан открыл кожаную сумку, радуясь, что у него по-прежнему есть книга жизни. Она уже почти просохла, а пустые страницы несильно пострадали. Используя свинцовое перо, которым разжился еще в Танимуре, Натан начал рисовать береговую линию на одной из пустых страниц.

— Конечно, картографических инструментов у меня нет, но у меня всегда был точный глазомер. — Он добавил на рисунок каменистую гряду, пляж в форме полумесяца, отметил каменную пирамиду и указал укромную бухту, в которой лежал остов разбившегося змеевидного корабля. — Нелегко создать точную карту без точек отсчета, но я сделаю все возможное. В конце концов, я посол по особым поручениям, а Ричард не откажется от карты, когда мы вернемся к нему. — Он сделал пасс руками, сосредоточенно глядя на страницу, а потом разочарованно вздохнул. — Заклинание сотворения карт справилось бы куда лучше, но и так вышло вполне неплохо.

— По крайней мере, в этой книге есть чистые страницы. Хоть какая-то от нее польза, — сказала Никки.

Натана посетила какая-то идея, и он выпрямился. Взглянув на Никки, он поднял палец.

— Ведьма не бесполезна. Она знала, что мы должны сюда попасть. Ты должна была оказаться здесь.

— Да, чтобы спасти мир и империю Ричарда. Уверена, все прояснится... как только мы найдем, кого можно расспросить.

Бэннон посмотрел на них:

— Значит, если мы найдем Кол Адаир, магия к вам вернется? А колдунья спасет мир.

— Да! — сказал Натан и нахмурился. — Возможно. А может, это просто дурацкое туманное предсказание, не имеющее никакой силы.

— Никто не может быть уверен в словах ведьмы, — добавила Никки. — И пророчество больше не существует.

— Разве у нас есть выбор? Мы все равно здесь. Мы с тобой собирались исследовать Древний мир. Раньше эта задача казалась бессмысленной, но теперь обретает важность.

— Тогда мы пойдем в Кол Адаир, — Никки встала и подошла к костру, — как только сообразим, где его искать.

Глава 20

Бэннон спал плохо, несмотря на кров бухты и знакомую колыбельную прибой. Ворочаясь, он боролся с водоворотом мыслей о событиях последних дней и страшился того, что ждет его впереди.

Проснувшись, он вызвался стоять на страже и провел самые темные ночные часы в размышлениях. Он подсказывал от каждого звука из темноты, боясь, что по пляжу крадутся сильные безжалостные мужчины, которые хотят схватить и связать его, а рот заткнуть кляпом. Но то было лишь воображение Бэннона... его воспоминания.

Пока прекрасная колдунья спала на песке недалеко от Натана, Бэннон призвал спокойствие и представил, что мир такой, каким он хотел его видеть. Юноша умиротворенно улыбнулся сам себе. Его тревожил волшебник, лежавший близ угасающего костра: он спал с открытыми глазами. Тем не менее, к рассвету его веки сомкнулись.

Юноша разбудил своих спутников, когда утренний свет озарил высокое побережье. Он поразился тому, что Никки проснулась в одно мгновение, без зеваний и потягиваний. Она поднялась на ноги, ее голубые глаза были яркими и настороженными, а лицо ясным. Она мельком осмотрела окрестности и смахнула песок со своего черного платья. Несмотря на все испытания, колдунья совсем не выглядела потрепанной; само по себе это казалось Бэннону волшебством.

Он уже влюблялся в симпатичных девушек на Кирии, но Никки отличалась от всех знакомых ему женщин. Она была красивее и умнее юных девушек с острова, но дело было в другом.

Колдунья была восхитительна, но опасна. Бэннон залился краской, когда Никки поймала на себе его взгляд и посмотрела в ответ: в ее глазах было мало тепла.

Путники тронулись в путь по пустынным землям. Когда маленькая бухта осталась позади, Бэннон тихонько вздохнул от облегчения: они ушли от остова зловещего норукайского корабля...

— Дальше пляж более каменистый, — сказала Никки, глядя на линию берега, идущую на юг. — Лучше идти вглубь материка.

— Так мы наверняка наткнемся на какое-нибудь поселение, — согласился волшебник. — Мы все равно не видели ни доков, ни кораблей в этой части побережья.

— Я найду, где можно подняться, — вызвался Бэннон.

Он пошел вперед в собственном темпе, выбирая удобный маршрут и зигзагом поднимаясь по осыпающемуся песчаному склону. Никки с Натаном проворно шли за ним, и вскоре все они вышли на ветреную равнину, возвышавшуюся над прибоем.

Холодный резкий ветер гнал по небу прозрачные облака. Высокая пампасная трава и низкорослая растительность колыхались, словно по равнине в панике носилось невидимое стадо. Темно-зеленые кипарисы согнулись из-за постоянных штормов, их растрепанные ветви показывали направление преобладающих ветров.

Натан и Никки обсуждали дальнейшие планы, но шелест ветра уносил их слова от идущего впереди Бэннона. Он был не в настроении — а может, недостаточно смел, — чтобы говорить с красивой колдуньей. Ему хотелось услышать, где Никки выросла, была ли у нее идеальная жизнь, мирное детство, любящие родители.

На самом деле, Бэннону и не нужно было это знать — да и не хотелось. Он просто представил себе все это.

Натан вспугнул сидевшую в густой траве чернокрылую крачку и наклонился.

— Посмотрите, гнездо — и, что еще лучше, три яйца. — Он перекачивал их на ладонях. — Хорошее дополнение к завтраку.

Бэннон вернулся, чувствуя, как заурчало у него в животе.

— Яйца? Мы снова разведем огонь?

Они шли всего час.

— Нет нужды останавливаться. Позволь. — Никки забрала яйца из рук Натана и обхватила их пальцами.

Бэннон увидел поднимающиеся вверх завитки пара, и спустя несколько мгновений колдунья отдала ему яйцо. Скорлупа была такой горячей, что Бэннону пришлось поупражняться в жонглировании.

— Можем есть на ходу, — сказала Никки. — Нам нужно преодолеть большое расстояние, хоть мы и не знаем, куда идем.

Натан покончил с завтраком, выбросил счищенную яичную скорлупу, отряхнул руки и вытер их о штаны.

С высоты они видели, что береговая линия простирается к югу на многие мили. Холмы на материке поросли темными соснами и серебристыми эвкалиптами с отслаивающейся корой.

Трое путников поддерживали равномерный темп, и волшебник окликнул Бэннона:

— Мой мальчик, если увидишь еще один указатель, ведущий к Кол Адаиру, не забудь сообщить нам.

Бэннон с воодушевлением согласился, а затем понял, что Натан просто дразнит его. А если все же нет?

Он бросился вперед, осматривая местность, пробрался через изогнувшиеся кипарисы и принялся исследовать стволы сосен и терпко пахнущие кипарисы. Не найдя следов обитания человека, юноша задумался, не были ли они первыми людьми, ступившими на эту дикую землю. Он почувствовал смесь восторга и ужаса.

Остров Кирия был заселен много столетий назад; люди выращивали капусту и рыбачили, а единственным развлечением были случайные торговые корабли, заплывавшие в маленькую гавань. Бэннон долго притворялся, что у него было прекрасное детство: каждый сосед сердечно здоровался, все с радостью помогало друг другу, погода всегда была солнечная, стол ломился от еды, а в очаге даже в самые холодные зимние ночи горело пламя.

Он покинул это место... место, которого никогда и не существовало.

Его ограбили в темном переулке Танимуры. Он сражался с кровожадными сэлками, видел, как убивали его товарищей, и был уверен, что тоже погибнет этой ночью. Но он пережил кораблекрушение на неизвестном берегу. Ради этого он оставил Кирию, сильные кулаки отца и его пьяные крики, кровь. И котят...

Бэннон вздрогнул от воспоминаний. Он раздвинул высокие ломкие стебли пампасной травы, обошел пригорок и нырнул в шуршащие заросли кипариса, которые защищали от ветра. Даже страшные испытания этого путешествия были лучше Кирии. В разы лучше.

Исследуя местность, он вошел в лес и услышал журчание ручейка, который тек меж сосен и впадал в красивый круглый пруд с гладким песчаным дном. Он заметил серебряные всполохи мелких рыбешек, быстро

уплывающих от его тени. Бэннон опустился на колени среди прибрежных трав и цветов, зачерпнул горсть холодной чистой воды и вволю напился. Пресная вода!

Он рассматривал шустрых рыбок, но они были слишком малы, чтобы возиться с ними. Если он сможет их поймать, целой горсти едва хватит, чтобы утолить голод. Но вода была чистой и вкусной. Он заполнил водой свой мех и вышел из сосен и эвкалиптов навстречу свежему ветру.

Теперь, разворошив свои самые темные воспоминания, Бэннон почувствовал, что идти стало легче. Да, он пережил много страданий, но он не будет унывать. Он напомнил себе, что покинул Кирию в поисках приключений — и нашел их. Крошечная потаенная часть его разума возразила, что он сбежал с острова в состоянии шока, отрицая все случившееся... но он снова отогнал эти мысли, моргая и рассматривая яркий мир. Он снова вдохнул чистый воздух.

— Я не сбегаю, а исследую! — твердо сказал он, пытаясь себя убедить.

Он шел по незнакомым землям с великим волшебником, который был его наставником, обучал его истории и обращению с мечом. А еще с ним была таинственная и прекрасная колдунья, которая с каждым днем все больше захватывала его мысли. Бэннон не мог бороться с влечением к ней.

Побродив по травянистой опушке, он отправился обратно к краю скалы, чтобы посмотреть на бушующие белые волны. Он размышлял, кто такая Никки и что ею движет. Думает ли она о нем? Бэннон задумался, как сделать так, чтобы колдунья его заметила и сочла достойным компаньоном, а не просто случайным попутчиком.

Бэннон смотрел за край скалы на то, как барашки посылают в воздух брызги. Его внимание привлекла цветная искорка, затерявшаяся в мшистом песчанике чуть ниже края скалы. Он опустился на колени, чтобы рассмотреть скопление необычных цветов, которые росли на расстоянии вытянутой руки. Яркие лепестки самого глубокого и интенсивного фиолетового оттенка, который ему доводилось видеть, были пронизаны малиновыми прожилками, а в центре цветка находился пучок желтых тычинок. У цветов были толстые мясистые стебли и зеленые мечевидные листья.

Красивые цветы подали ему идею, восхитительную идею. Прекрасные цветы для прекрасной женщины!

Бэннон протянул руку за край скалы, чтобы сорвать их, и собрал букет из четырех цветков. Это был скромный жест, но, возможно, Никки будет благодарна и обратит на Бэннона внимание.

Он продирался через траву в поисках своих спутников и совсем запыхался, когда, наконец, нашел их. Ветер развеивал его рыжие волосы, пока он спешил к Никки.

Когда он протянул ей цветы, все изысканные слова улетучились, будто их украл ветер, и он лишь пробормотал:

— Я нашел их для вас.

Никки раздраженно нахмурилась, но, когда взглянула на цветы, на ее лице появилась заинтересованность. Она прищурила голубые глаза и протянула руку, чтобы взять один цветок из букета, оставив Бэннону остальные. С огромной осторожностью она держала стебель кончиками пальцев.

Бэннон ожидал, что колдунья довольно улыбнется или хотя бы благодарно кивнет. Он не мог припомнить, видел ли вообще ее искреннюю улыбку.

— Где ты их нашел? — требовательно спросила она.

— У обрыва, — указал он. — Они росли в трещине между скал.

— Эти цветы редки. Я могла бы использовать их множество раз. —

Она взглянула на Натана.

Глаза волшебника расширились, когда он узнал цветы.

— Знаешь ли ты, что это, Бэннон Фермер?

— Красивые цветы?

— Гибельные цветы, — сказала Никки, разглядывая цветок в своей руке.

Бэннон смущенно посмотрел на остатки своего букета.

— Гибельные цветы, — повторила Никки. — Одно из самых опасных растений в мире. Их чрезвычайно сложно найти, и они очень ценны. Убийцы отдали бы целое состояние за эти четыре цветка, но мы никогда их не израсходуем. — Она подняла руку с цветком. — Одного более чем достаточно.

— Что... что вы имеете в виду? — Он глядел на фиолетовые цветы с малиновыми прожилками и чувствовал, как кожа покрывается мурашками.

— Хочешь убить целый город, мой мальчик? — спросил Натан. — Или, может, всего лишь деревню?

Бэннон заморгал, пытаясь понять, о чем они толкуют.

— То есть это... яд?

На лице Никки заиграла очаровательная улыбка. Колдунья крутила в своих пальцах толстый стебель, не касаясь сломанного конца.

— У гибельного цветка масса применений. Из лепестков можно сделать чернила столь смертельные, что любая жертва, прочитавшая написанное ими послание, будет умирать долго и мучительно. А если съесть хоть одно семечко, агония будет невыносимой, будто ты глотаешь осколки стекла, потом извергаешь их из себя и снова глотаешь. И так бесконечно долго.

Желудок Бэннона скрутился в узел.

— Я... я не хотел...

— Настойки, экстракты и зелья можно сделать из всех частей гибельного цветка, — продолжила Никки. — Алхимики и травники императора Джегана проверяли различные составы на пленниках. — Она приподняла брови. — В этих экспериментах погибло около пяти тысяч человек. Лагерь для испытуемых стали известны как Земли Криков, а император Джегань поставил рядом с ним палатку, чтобы засыпать под эти чудесные звуки.

Бэннон почувствовал тошноту. Он стоял и с дрожью смотрел на три цветка в своей руке, боясь пошевелить пальцами.

— Даже прикосновение к соку вызовет сыпь и нарывы на коже. — Никки взглянула на цветок в своей руке. Очевидно, Бэннон впечатлил ее, но совсем не так, как хотел. — Большое тебе спасибо. Никогда не знаешь, когда придется прибегнуть к таким мерам. — Она аккуратно завернула цветок в кусок ткани и спрятала в свою сумку. — Мне нравится ход твоих мыслей.

Смущение и страх, что на его ладонях и запястьях вот-вот появятся язвы прокаженного и нарывы, лишили Бэннона дара речи. Он повернулся и сломя голову бросился навстречу ветру, к соснам, стремясь как можно скорее добраться до пруда и ручья. Подбежав к поросшему травой берегу, он закинул цветы далеко в воду, затем упал на колени и сунул руки в пруд, зарывшись пальцами в песчаное дно. Он тер и скреб ладони, пальцы, тыльные стороны рук, запястья и предплечья. Он отчаянно пытался вспомнить, где его кожа контактировала с гибельными цветами. Он зачерпнул ладонями воду и уже хотел ополоснуть лицо, но не осмелился дотронуться до своего рта или глаз.

Несмотря на то, что руки выглядели чистыми, он снова погрузил их в песок, продолжая тереть. Он отмывал кожу уже и в третий, и в четвертый раз; с кончиков пальцев слезла кожа, ладони стали розовыми, а суставы заболели. Наконец, он отступил, тяжело дыша и все еще боясь, что яд мог проникнуть в организм.

Он сглотнул. Что еще он мог сделать? Он бы не нашел здесь противоядия... если оно вообще существовало.

Сердце его бешено колотилось, пока он пытался восстановить самообладание. В конце концов, он покинул пруд и побежал догонять Никки и Натана.

* * *

Когда наступили сумерки, из эвкалиптового леса вышли четверо карликовых оленей, которые целый день отдыхали в тени деревьев. Они с опаской шли по едва заметной звериной тропе, ступая по хворосту своими

маленькими копытами. Хотя возле побережья было мало крупных хищников, олени с инстинктивной осторожностью шли к пресноводному пруду, где пили каждый вечер на закате. Нерешительные и пугливые животные добрались до берега, сделали еще несколько шагов и замерли; их уши затрепетали, пытаясь уловить любую угрозу, затем олени снова пошли вперед. Один олень немного отстал, словно решил стоять на часах, а остальные трое подошли к воде.

Один олень почувал что-то неладное. Вода была гладкая и прозрачная, как и всегда, но животные заметили мерцающие серебряные очертания, которые качались на поверхности пруда. Сотни маленьких рыбок, которые обычно сновали в закатных лучах солнца подобно маленьким зеркальным вспышкам, сейчас дрейфовали брюшками вверх, как пятна на воде. Олень пытался понять, что же изменилось. Животные долго стояли в лесу, словно замершие статуи, но никто не приближался и не нападал. Наконец, один олень вошел в воду и стал пить. Двое других присоединились к нему и напились вдоволь. Когда настала очередь часового, он тоже принялся пить воду в стущающихся сумеречных тенях.

На следующие утро тела рыбок все еще плавали на поверхности воды, хотя некоторые уже начали тонуть. А на берегу лежало четверо бездыханных карликовых оленей.

Глава 21

Странники устроились на ночлег в густых зарослях кипариса. Ночью раздражающий заунывный ветер стих, и на землю опустился плотный туман. Из-за холодной влажной подстилки трое путников чувствовали себя отвратительно и ютились у маленького костерка, подбрасывая в него сырые ветки в попытке поддержать огонь. Никки с помощью магии не давала ему погаснуть, но пламя давало слишком мало тепла.

Никки никогда не волновал собственный комфорт. Если условия не угрожали ее жизни, ее все устраивало. Они потерпели кораблекрушение у неизвестного берега, и, хотя каменная пирамида неожиданно снова отправила их к Кол Адаиру, Никки даже представить не могла, сколько миль им придется пройти, чтобы найти поселение в этом диком прибрежном покинутом краю.

Никки напомнила себе, что эта земля, какой бы пустынной, суровой и дикой она ни была, теперь являлась частью Д'Харианской империи. Никки сдержит данное лорду Ралу обещание и, если потребуется, дойдет ради не-

го до края мира. Но ни она, ни Натан не могли продолжить свою миссию, пока не найдут деревню или город.

Когда утренний свет разогнал тьму, Никки прекратила тратить силы на поддержание бесполезного огня.

— Нужно идти. Согреемся на ходу.

Натан расчесывал черепаховым гребнем свои длинные белые волосы.

— Сомневаюсь, что даже от бега нам станет достаточно тепло. — Он разочарованно посмотрел на свою сырую измятую рубашку. — Никогда не осознавал, насколько привык полагаться на свой дар. Крупица магии всегда согревала меня в ветреные ненастные дни.

Никки закинула на плечо самодельный мешок.

— Холоднее нам уже не станет, а так мы хотя бы преодолеем какое-то расстояние.

Бэннон вглядывался в туман.

— Но как мы разглядим, куда идти?

— Начнем путь и увидим, — ответила Никки.

Натан спрятал свою книгу жизни в кожаную сумку и закрыл клапан.

— Сомневаюсь, что смогу сегодня дополнить карту.

Они тронулись в путь, руководствуясь громким рокотом океана справа и держась достаточно далеко от края утеса.

— Я боюсь не столько упасть со скалы, сколько дойти до края мира, — сказал Бэннон, тяжело дыша. — Тогда мы будем падать вечно.

Натан поднял кустистые брови:

— Ты веришь, что у мира есть край, мой мальчик?

— Я видел карты, которые обрывались...

— Если найдем край мира, это будет значить, что мы пришли к границе империи лорда Рала. — Никки не хотелось тратить время и силы на беспокойство о пустяках. — Тогда мы свернем и продолжим исследовать эти земли.

— Надеюсь, мы найдем Кол Адаир раньше, — сказал Натан.

После случая с гибельными цветами Бэннон казался подавленным. Прежде, чем отвергнуть его, Никки заметила огонек в его глазах и поняла, что он влюблен в нее. Это чувство было абсолютно неуместно. Юноша слишком много себе напридумывал.

Натан определенно привязался к Бэннону. Несмотря на многовековую разницу в возрасте, у них было много общего, да и старый волшебник, похоже, заразился его наивностью.

После часа пути туман стал прозрачнее, но холод усилился.

— Может, стоит пойти вглубь материка? В густом лесу деревья укроют нас от ветра. — Бэннона била дрожь.

Никки помотала головой и продолжила идти прямым и четким курсом, сражаясь с расстоянием, будто с врагом.

— Если продолжим идти вдоль береговой линии, то, скорее всего, найдем устье реки или порт. Мы сможем видеть намного дальше, когда туман рассеется.

Натан не отрывал взгляда от земли в надежде найти ягоды, дикий лук или птичьи гнезда с яйцами для завтрака. Бэннон шел впереди, как исполнительный разведчик.

Ветер снова стих, и туман сгустился. Никки не видела юношу, пока он не подошел к ней вплотную. Он застенчиво улыбался — впервые после своей неудачи с гибельными цветами. На этот раз в его руке был букет оранжевых лилий с длинными стеблями.

— Я нашел их для вас, колдунья. Надеюсь, они понравятся вам больше, чем те ядовитые цветы.

— Но я оценила гибельные цветы. — Никки холодно взглянула на него. — Я подробно рассказала тебе, как их можно использовать.

— А это просто красивые цветы, — сказал Бэннон, протягивая ей букет. — Травяные лилии. Их выращивали во всей Кирии. Срезанные лилии живут недолго, но я хотел подарить их вам. — Никки не взяла цветы, и он поник. — Вы такие не любите?

Она признавала, что Бэннон Фермер был довольно способным юношей и доказал свое мужество в битве с сэлками. Она позволит ему находиться рядом, пока он полезен или хотя бы не будет помехой. Ей не так уж не повезло с компанией, но она должна в корне пресечь его увлечение.

Она поняла, что ее вчерашнего ответа на его неуклюжий подарок было недостаточно. Нужно как следует осадить юношу, или ей придется убить его — рано или поздно.

Никки вспомнила времена, когда ее насиловали и вынуждали неделями находиться в палатках солдат Джеганя в качестве игрушки для удовлетворения их садистских наклонностей. Вспомнила, как Джегань сам брал ее силой, избивая до крови.

Обладая искаженным пониманием так называемой любви, она убедила себя в том, что влюблена в Ричарда Рала. В то время она была сестрой Тьмы, испорченной своим служением Владетелю и жестоким рабством у императора. Ее попытка выразить свою искаженную любовь Ричарду — она заставила его притворяться, будто они муж и жена — вызвала у него только негодование.

Никки все-таки усвоила тот урок. Она лично убила Джеганя и теперь всем сердцем служила Ричарду, но служила по-своему. Она знала, что любит Ричарда, что он был единственным мужчиной, которого она могла бы полюбить... но это была иная любовь. У Ричарда была Кэлен, и он никогда

бы не смог довольствоваться Никки никоим образом, независимо от того, как сильно уважал или ценил ее. Из-за своей непоколебимой преданности Ричарду Ралу Никки решила покорить для него Древний мир; даже в одиночку, если потребуется. У нее не было ни времени, ни терпения для дурачка, считавшего ее привлекательной.

Бэннон просиял, когда Никки потянулась к букету, но вместо цветов она крепко сжала его запястье и выпустила предупреждающий поток магии, которая впиалась в его плоть, как град стальных игл.

Его карие глаза округлились, а рот открылся от удивления. Не дав ему шанса заговорить, Никки процедила сквозь зубы:

— Я позволяю тебе оставаться с нами только из-за того, что ты нравишься Натану и можешь пригодиться в нашем путешествии. Но знай, — ее голос больше походил на рычание, — я тебе не деревенская девка, которая мечтает, чтобы ее без спроса поцеловали.

Его пальцы задрожали, и он выронил лилии. Никки даже не взглянула на них, продолжая крепко сжимать руку юноши.

— Я... простите, колдунья!

Она должна раз и навсегда прояснить ситуацию, чтобы эта проблема не повторилась.

— У нас серьезные неприятности. — Голос Никки был все так же тверд. — Мы заблудились и должны выяснить, где находимся, чтобы продолжить миссию. Если будешь мешаться под ногами, я без раздумий сдеру с тебя кожу. Живьем.

Он смотрел на нее с выражением ужаса, который очень скоро перерастет в уважение. Больше ей не придется беспокоиться о его глупостях.

Она отпустила его запястье. Бэннон согнул руку, а потом стал размахивать ею, словно пытался стряхнуть боль.

— Но... но... Я только... — бормотал он.

Ей совершенно не хотелось быть частью его мечтательного видения мира или его ностальгии по мирному острову.

— Я слышала твои истории, и я не являюсь частью твоего идеального детства. Ты понимаешь меня, дитя? — Она намеренно так его назвала.

Его перепуганное лицо внезапно потемнело, словно она вскрыла еще свежую рану.

— Оно не было идеальным. Никогда не было. — Устыдившись, он обернулся в поисках Натана, который стоял с выражением беспокойства и сострадания на лице.

Никки не стала вмешиваться, когда волшебник в знак утешения положил руку на плечо Бэннона.

— Будет лучше, если ты поймешь, как обстоят дела, мой мальчик. Не забывай, что ее звали Госпожой Смерть.

Бэннон понуро двинулся вперед. Углубившись в плотный туман, он сказал:

— Нет. Я никогда этого не забуду.

Туман вокруг него таял.

Глава 22

Спустя еще три дня скалы сменились лесистыми холмами и плодородными лугами. Нервный Бэннон держался на расстоянии от Никки и проводил еще больше времени с волшебником. Колдунья больше не говорила об инциденте, но с облегчением думала, что юноша усвоил урок.

Она слышала, как Натан рассказывает своему протеже исторические факты или размышляет о времени, проведенном в заточении во Дворце Пророков. Некоторые легенды и события из жизни волшебника казались Никки абсурдными, но Бэннон не мог отличить правду от вымысла и ловил каждое слово старика так же жадно, как кошка, лакающая сливки. По крайней мере, это занимало их обоих в пути, который Натан старательно фиксировал на простенькой карте в книге жизни.

На пятый день они вышли на широкую торную тропу, которая уже не походила на звериную тропку. Впереди показались пни от срубленных деревьев.

— Похоже, неподалеку живут люди! — воскликнул Бэннон.

Тропа вскоре расширилась до пешей дороги, а потом превратилась в настоящий тракт. Поднявшись на возвышенность, они увидели, что холмы обступают аккуратную круглую бухту, в которую впадает узкая река.

На обоих берегах, соединенных высоким деревянным мостом, раскинулась большая деревня с деревянными домами, торговыми лавками и складами. Пирсы вдавались в воду, образуя доки для небольших лодок. Дальний конец гавани переходил в скалы, на которых стояла дозорная башня.

На холмах были разбиты всяческие сады и пастбища, где паслись овцы и коровы. В доках люди выгружали улов с рыбацких лодок, рядом сушились на солнце натянутые на рамы сети. Поодаль от воды лежали пять перевернутых лодок, и плотники занимались их починкой.

— Я уж было подумал, что нам придется обойти весь мир, — сказал Натан.

Никки кивнула.

— Узнаем, где находимся, а затем выберем новый маршрут. Мы можем рассказать местным жителям о правлении лорда Рала. Возможно, кто-то подскажет нам, как добраться до Кол Адаира.

— Я смотрю, тебе прямо не терпится спасти мир, колдунья, — сказал Натан. — Как и мне обрести целостность.

Губы Никки сложились в жесткую прямую линию.

— Я оставляю при себе мнение о словах ведьмы.

Натан хмуро и разочарованно посмотрел на смятые, изорванные оборки своей рубашки, купленной в Танимуре менее двух недель назад.

— По крайней мере, в городе такого размера должен быть портной, который сможет починить мою одежду. Терпеть не могу чувствовать себя так... неряшливо.

Пройдя через пустынные земли на севере, Никки теперь задумалась, как часто эти люди встречают чужестранцев.

Когда она заметила другие дороги, ведущие вверх по реке, а еще рыбацкие лодки и неплохую пристань, она поняла, что местные точно должны поддерживали связь с другими поселениями — но, очевидно, не с безлюдными пустынями на Призрачном берегу.

Ведущая к деревне дорога проходила мимо кладбища на склоне холма — он был усыпан надгробиями. На одних могилах были невысокие каменные надгробия, а на других стояли деревянные столбы с высеченными именами. Столбы стояли слишком тесно, чтобы определить границы захоронений.

Увидев деревянные и каменные надгробия, Бэннон забеспокоился.

Натан провел пальцами по обветренной древесине, имя на которой уже почти не читалось.

— Возможно, два типа надгробий указывают на систему классов? Богатые могут позволить себе небольшие каменные надгробия и просторную могилу, а тех, кому повезло меньше, просто отмечают деревянными столбами.

— Или под столбами вовсе нет тел, потому что останков не было, — сказала Никки. — Например, погибшие в море рыбаки.

Лицо Бэннона приобрело пепельный оттенок.

— Полагаю, эти надгробия не для умерших, а для тех, кто покинул эти земли.

Натан нахмурил брови:

— Покинул? Мальчик мой, о чем ты?

— Быть может, их... забрали. — Юноша с трудом сглотнул.

Никки обернулась и сурово взглянула на него:

— Кто мог их забрать?

— Работоторговцы, — прошептал он.

Эта догадка встревожила Никки, и она быстро и решительно двинулась дальше. Работоторговле не место при новом правлении лорда Рала, и Никки собиралась как можно скорее покончить с этим.

Тем или иным способом.

Когда они достигли окраины деревни, дети, игравшие на грязных улицах, заметили трех путешественников, которые пришли с неожиданной стороны, и принялись взволнованно звать родителей. Тучные женщины занимались стиркой, две семейные пары постарше чинили сети, растянутые между деревянными скамьями. Мужчины и женщины, работавшие на огородах и в полях, подняли головы, провожая взглядами незнакомцев.

Натан недовольно стряхивал дорожную пыль со штанов и рубашки:

— Для д'харианского посла по особым поручениям я выгляжу не очень-то впечатляюще. — Он лязгнул мечом в ножнах на бедре. — Но прекрасный клинок указывает на мою принадлежность к какой-никакой знати.

Бэннон опустил руку на обернутую кожей рукоять меча, но не нашелся, что сказать.

— Не стоит обнажать мечи без необходимости, — предупредила обоих Никки. — Мы пришли сюда донести сообщение, что войнам в Древнем мире положен конец. Все будут рады это услышать.

Женщина средних лет с заплетенными в толстую косу темными волосами приветственно подняла руку.

Десятилетний мальчик рядом с ней уставился на новоприбывших так, словно те были морскими чудовищами.

— Они пришли с севера! — с жаром сказал он, указывая пальцем. — Но на севере ничего нет.

— Добро пожаловать в бухту Ренда, — сказала женщина. — Кажется, вы прошли долгий путь.

— Мы потерпели кораблекрушение, — ответила Никки.

— Мы в пути уже несколько дней, — вступил в разговор Бэннон, — и рады, что нашли вашу деревню.

— Бухта Ренда? — произнес Натан. — Укажу ее на своей карте.

Пока вокруг них собирались люди, Никки разглядывала непритязательные дома, деревянные здания, сады и клумбы. Дети не казались оборванными, изможденными или несчастными. Основным занятием в городе была чистка рыбы, которая лежала в больших корытах на деревянных столах у доков. Над дымящимися кострами из водорослей висели железные решетки, заполненные чищенной рыбой. Вдоль пляжа тянулись ряды широких водоемов с морской водой, которая испарялась на солнце и оставляла осадок из драгоценной соли.

Жители деревни засыпали путников вопросами. Натан и Бэннон рассказывали разрозненные фрагменты своей истории, а гул голосов вокруг становился все громче. Никки вмешалась:

— Созовите собрание. Мы обратимся ко всем сразу, чтобы не было нужды повторяться.

Они познакомились с главой поселения Холденом: мужчине было под сорок, и его густые темные волосы были тронуты сединой на висках. Он рассказал, что до недавнего времени у него была своя рыбацкая лодка, но сейчас он посвятил себя управлению деревней.

Холден отвел их на деревенскую площадь, где собралась уже целая толпа тех, кто жаждал услышать рассказ незнакомцев. Никки предоставила Натану право выступить с речью, потому что волшебнику нравился звук собственного голоса.

— Я Натан Рал, представитель магистра Д'Харианской империи Ричарда Рала — того, кто одержал победу над императором Джеганем. — Он взглянул на них, будто ожидая аплодисментов. — Вы, возможно, задавались вопросом, почему больше не находитесь под сокрушительной пятой Имперского Ордена?

На лицах селян не было ни намек на ужас или понимание ситуации.

— Мы слышали о Джегане, — заговорил Холден, — но уже три десятилетия, а то и больше, не видели ни его войск, ни представителей Имперского Ордена.

Слово взял Бэннон:

— Мы отплыли из Танимуры на корабле «Бегущий по волнам» под командованием капитана Эли Корвина, но на нас напали элки. Сотни или даже тысячи! Они перебили нашу команду, а корабль разбился о рифы. Выжили только мы трое. И вы первые люди, которых мы встретили после крушения.

Многие слушатели смотрели на них со страхом и восхищением, другие недоверчиво хмурились, полагая, что чужаки сильно приукрашивают свой рассказ.

— Мы несем с собой важные вести, — перебила юношу Никки. — Магистр Рал сверг злых тиранов, и теперь вы свободны. Вам не нужно бояться угнетения, рабства или тирании. Когда лорд Рал укрепит свою империю, он соберет представителей различных земель, чтобы совместно с ними принять общий свод законов, который всех устроит. Настанет золотая эпоха человеческой истории. — Колдунья скрестила руки на груди. — И вы ее часть.

Натан оживился, глядя на жителей деревни.

— У вас наверняка есть карты, вы должны знать эту местность. Выберите нескольких поверенных и отправьте их на север, в Новый мир, в самое

сердце Д'Хары — Народный Дворец — и присоединитесь к лорду Ралу. Он обеспечит вам защиту и удовлетворит все нужды поселения. Сейчас настало важное время для создания новой империи.

У Холдена была привычка искренне кивать, выслушивая людей — так он показывал, что внимательно относится к их словам. Но сейчас он не казался убежденным.

— Это благая весть, и я горжусь свершениями вашего лорда Рала. — Он указал на собравшихся людей. — Мы торгуем с деревнями, которые стоят выше по течению, и с более крупными городами на юге, но едва ли слышали о Д'Харе или Танимуре. Речи о нашей свободе от тирании и рабства звучат красиво... но услышат ли их те, кто может нам угрожать?

— Услышат, — заверила Никки.

— Ваш лорд Рал слишком далеко, чтобы оказать нам какую-то реальную поддержку, — глава поселения развел руками, приводя вполне разумные доводы. — Как Д'Хара поможет нам с другого конца света? Здесь мы сами по себе... против тех, кто нам угрожает.

— Он сможет защитить вас, — сказала Никки, которая знала, что не стоит недооценивать Ричарда.

Холден примирительно улыбнулся и больше не стал спорить.

— Как бы то ни было, мы рады это слышать и приветствуем вас в бухте Ренда. Мы окажем посильную помощь, ведь вы, похоже, всего лишились.

— Мы не отказались бы как следует подкрепиться, — сказал Натан. — И новая одежда будет кстати. — Он поднял свой потертый рукав. — У вас есть портной? Мне нужна парочка новых нарядов.

— А еще мы с радостью примем припасы и провизию, — сказала Никки, — чтобы продолжить наш путь. Мы ищем место под названием Кол Адаир.

Собравшиеся, казалось, не знали о таком месте, но готовы были предложить любую помощь.

Когда площадь загудела от разговоров, Холден объявил:

— Сегодня вечером будет приветственный ужин. Сейчас сезон рыбалки, и наши лодки возвращаются с отличным уловом красноперок. Мы пожарим их к застолью.

Натан улыбнулся.

— Мы ценим ваше гостеприимство и с превеликим удовольствием принимаем приглашение. А теперь, у кого я могу разжиться новой рубашкой?

* * *

К ночи жители города расставили длинные дощатые столы на праздничной площади, которая находилась прямо над доками. Окна домов источали теплый радостный свет, вокруг площади стояли факелы в высоких подставках, а деревянный мост через узкую реку был подсвечен свечами в плошках.

В сгущающихся сумерках люди стали собираться на приветственный ужин. Жирная красноперка, приправленная морской солью и острыми травами, жарилась на углях в костровых ямах. На гарнир были сваренные в огромных котлах клубни и салат из горьких цветов.

Вскоре Никки выяснила, что красноперка — это темная мясистая рыба с сильным запахом. Бэннон взял вторую порцию, разговаривая со своими соседями по длинному столу. К их великому восхищению, он описывал множество блюд, которые можно приготовить из капусты.

Натан обзавелся новой рубашкой — серой домотканой туникой со шнуровкой на вороте. Старый волшебник счел цвет неприглядным, но согласился, что это намного лучше, чем то, что осталось от его некогда добротной одежды.

— Огромное спасибо, дорогая Джэнн, — сказал он невысокой темно-волосой женщине с простым лицом, но красивыми глазами; она была одной из деревенских портних, сама ткала полотно и шила одежду для своей семьи и других. — У моих портных в Танимуре было огромное количество моделей и фасонов, великое множество видов тканей и кроя. — Натан вздохнул. — Но они даже близко не были так прекрасны и добры, как ты.

Джэнн хихикнула.

— Вам нужно благодарить моего мужа. Эта рубашка была сшита для Филлипа.

Рядом с Джэнн сидел широкоплечий мужчина немного старше нее. Он был почти также высок, как Натан, с сильно вьющимися темными волосами и обветренным лицом.

Натан спросил о шраме на его носу, и он рассказал, как однажды леска оборвалась и рыболовный крючок рассек его нос до хряща.

— У меня полно рубашек, и эта явно нужна больше вам, чем мне, — сказал Филлип. — Теперь я могу хвастаться, что посол лорда Рала носит одежду, сшитую моей женой. — Он сжал своей большой мозолистой рукой маленькую ручку Джэнн, а затем с удовольствием откусил еще рыбы. — Здорово есть на празднике рыбу, которую не пришлось ловить самому. Те дни для меня закончены.

— Филлип удачливый рыбак, но ему больше нравится быть судостроителем, — объяснила Джэнн. — Мы недавно поставили новый сухой док, и он будет ремонтировать рыбацкие судна и строить новые на продажу.

Филлип с гордостью улыбнулся.

— Свое новое судно я планирую назвать «Леди Джэнн».

— Такое имя наверняка увеличит стоимость, — заметил Натан.

В разгаре трапезы глава поселения Холден поднялся, и разговоры стихли.

— Мы приветствуем наших гостей из дальних земель. Мы делимся с ними, чем можем, и надеемся, что Мать морей запомнит нашу доброту по отношению к незнакомцам.

Пока жители деревни ободрительно гомонили и пили, Никки услышала бормотание некоторых из них о том, что Мать морей уже много раз подводи́ла их. Она поняла, что в бухте Ренда нет ни вооруженной охраны, ни армии, ни какой-либо другой защиты. Никки знала, что если полагаться в решении проблем на небесные божества, то эти проблемы так и останутся нерешенными.

Внезапно несколько человек вскочили из-за дощатых столов, указывая на темную гавань. В дозорной башне на южном краю волнореза вспыхнул яркий сигнальный огонь. Кто-то бросил факел в груды сухих дров, и она запылала подобно яркому маяку. Когда Холден увидел огонь, его лицо исказилось от смертельного ужаса. Обратив взор к гавани, Никки заметила зловещие силуэты четырех больших темных кораблей, которые с немыслимой скоростью приближались к бухте.

Холден беспокойно посмотрел на Никки:

— И где сейчас защита вашего лорда Рала?

Никки выпрямилась.

— Я здесь.

Глава 23

Жители деревни в панике разбежались от места празднования. Кто-то побежал к своим домам за ножами, дубинками, луками или тем, что можно использовать в качестве оружия. Натан и Бэннон обнажили свои мечи и встали рядом с дощатыми праздничными столами. Никки видела на лице юноши не то выражение, с каким он сражался против сэлок: сейчас к ужасу добавилось отвращение.

Огромные темные корабли стремительно скользили к берегу, хотя ночь была безветренной. На каждом судне была одна мачта с широким темно-синим парусом, почти невидимым в ночи.

Никки слышала плеск воды и грубые мужские крики. Пристально глядя в ночь, она усилила свое зрение заклинанием темной дали и

увидела четыре неприятельских корабля, которые плыли на веслах. Длинные вереницы весел прорезали водную гладь, словно лезвиями топоров, откидывались назад, проталкивая корабль вперед, затем поднимались в воздух, роняя сверкающие в лунном свете капли, и снова врзались в воду.

— Норукайские работорговцы! — хрипло крикнул Бэннон.

— Норукайские работорговцы, — повторил Холден, а затем закричал: — Приготовиться к обороне! У них очередной набег.

— Что это значит, мальчик мой? — спросил волшебник. — Кто они такие?

— Ночной кошмар.

Корабли работорговцев быстро приблизились и, смяв небольшую рыбацкую лодку, врзались в передний край пирсов бухты Ренда. С длинных кораблей доносились гортанные голоса, отдающие распоряжения. По спине Никки пробежал холодок: изогнутый нос каждого судна был украшен ужа-сающей резной фигурой морского змея — такой же, как на остовах корабля в той бухте, где они провели первую ночь после кораблекрушения.

Четыре корабля налетчиков ворвались в гавань подобно неистовым быкам. С палуб взмыли яркие оранжевые полосы и полетели по дуге к деревне, падая на улицы, крыши и несчастных жителей. Несколько огненных стрел застряли в соприкасающихся крышах домов и подожгли здания. Люди с ведрами воды пытались не допустить распространения огня, а другие защитники деревни собирались у доков, прихватив все оружие, какое у них было. Никки хватило одного взгляда, чтобы понять, что жители деревни никогда не сталкивались с таким яростным набегом. По ее подсчетам, на норукайских кораблях было около трех сотен воинов.

Она повернулась к Натану:

— Только мы сможем их остановить.

Он поднял меч:

— Читаешь мои мысли, колдунья.

Призвав магию, Никки зажгла на ладони яркий огненный шар и швырнула его высоко в небо, где он расширился и увеличился в размерах, а потом взорвался, посылая во все стороны волны света. Свет озарил огромные змееподобные корабли и налетчиков, хлынувших на палубы. Два ближних судна смели пирс и пришвартовались при помощи железных крюков и тяжелых трапов, а налетчики с двух других кораблей спустили на воду небольшие лодки и погребли к берегу.

Джэнн и ее муж Филипп сопровождали Натана, готовясь к атаке.

— Да спасут нас духи!

— Вас спасу я, — отозвалась Никки.

Волшебник повернулся к бывшему рыбаку:

— Вы ведете войну с Норукай? Почему они напали на бухту Ренда?

— Мы для них добыча, — сказал Филлип, лицо которого осунулось. — Обычно они посылают на берег одну лодку, хватают пять-десять человек и исчезают в ночи. Но сейчас... это настоящее вторжение.

— Тогда мы прибыли как раз вовремя, — сказала Никки.

Норукайские воины с кораблей с грохотом пронесли по докам, направляясь в деревню. Другие налетчики выпрыгивали из лодок и бежали по мелководью к берегу, разбрызгивая воду. Они сжимали в руках дубины, веревки и сети.

Магический свет над головой померк, но Никки еще только начинала. Она направила свой разум, прикоснувшись к магии Приращения и ее мощи, и одновременно с этим призвала магию Ущерба. Объединив два вида магии, колдунья послала зигзаги черной молнии в первых трех налетчиков, выбегающих из доков. Молния превратила их широкие груди в дымящиеся угли, и крупные мужчины рухнули наземь кучей костей.

Несмотря на неожиданный отпор, работорговцы не выказывали ни намека на страх или хотя бы опасение. Они рвались вперед, посмеиваясь над ее молнией, уверенные в своей неуязвимости. Из лодок вылезли четверо мужчин и вброд пошли к пляжу.

Их Никки тоже убила.

Норукайцы были приземистыми, с непропорционально широкими плечами, бритыми головами и голыми руками. Воины были одеты в чешуйчатые жилеты, сделанные из кожи какой-то рептилии. Самым ужасающим были их щеки, разрезанные от уголков губ до основания челюсти, а затем снова сшитые, чтобы их рты походили на змеинные пасти. Когда они взревели, издавая жуткий боевой клич, их челюсти открылись так широко, будто норукайцы были атакующими гадюками. Мечи или копья были лишь у нескольких налетчиков; видимо, остальные собирались захватить пленников живьем. Они пришли, чтобы собрать жителей бухты Ренда, как урожай.

С норукайского корабля на деревню полетела вторая волна пылающих стрел. Полыхало уже несколько деревянных домов. Никки заметила, что пламя сейчас перекинется на очередную крышу, и выбросила вперед руку, подчинив себе воздух и ветер. Ее направленный удар сбил пламя; обратным движением руки она высосала весь кислород, и огонь потух.

Натан взглянул на колдунью и застонал:

— Я не могу помочь тебе магией. — Он стиснул рукоять меча. — Но я все равно внесу свой вклад.

Натан и Бэннон подняли мечи и побежали навстречу мускулистым работорговцам, наводнившим берег. У готового к бою юноши было странное выражение глаз — и совсем не из-за страха. Он казался одержимым.

Жители бухты Ренда были вооружены мечами и копьями, но едва ли умели с ними обращаться. Холден, выкрикивая приказы, смело побежал навстречу врагам, хотя и не имел никакого плана.

На глазах Никки четвертый корабль разломал другой док, круша деревянный настил под крики налетчиков. Она не собиралась позволять им добраться до берега. Яд больше не сдерживал ее, она всецело контролировала свою магию и могла много больше, чем вызывать ветер и молнии.

Она сотворила большой шар бурлящего огня волшебника и швырнула его в нос корабля, когда норукайцы ринулись на полуразрушенный пирс. Волшебное пламя испепелило резного змея и взвилось над носовой частью судна. Пламя разлилось по палубе и подожгло полтора десятка облаченных в броню работорговцев — те пронзительно кричали, пока кожа отваливалась от их костей, раскрывая свои уродливые разрезанные рты так широко, что швы лопались.

Огонь волшебника было крайне сложно погасить, и он пожирал палубу корабля, перекинулся на высокую мачту и темно-синий парус, превратив его в мерцающую оранжевую занавеску. Когда сэлки напали на «Бегущий», Никки использовала меньшие шары огня волшебника, и дождь с волнами смягчили огонь. Но здесь, в доках бухты Ренда, волшебное пламя прожигало палубу насквозь и разъедало корпус.

Корабль больше походил на пылающий маяк. Норукайцы попрыгали за борт, у некоторых горела кожа. Предсмертные вопли горящих врагов ласкали слух Никки. Хотя колдунья изменилась, эти крики напомнили ей, как она заживо жарила на вертеле командующего Кардифа перед жителями недавно завоеванной деревни, чтобы доказать свою безжалостность.

К этому моменту сотни норукайцев приблизились к деревне. Подняв дубины и сети, они столкнулись с селянами, вооруженными чем попало. Уродливые воины не выказывали страха и намного лучше владели своим оружием, чем жители деревни.

Работорговцы накинули тяжелую сеть на троих защитников бухты, отбивающихся пиками и мечами. Опутанные сетью мужчины оступились и замахали руками, пытаясь сбросить ее, но норукайцы окружили их и стали бить дубинками, пока не оглушили. Действуя слаженно, работорговцы связали оглушенных мужчин, как диких животных. Они подняли пленников за руки и ноги и потащили на ближайший корабль.

В воздухе продолжали свистать пылающие стрелы, похожие на падающие звезды. Никки попыталась тушить их одну за другой, не давая им упасть на что-то горючее; она изо всех сил пыталась бороться и с другими пожарами, но не успевала. Возгораний было сотни. Норукайцы, казалось, стремились уничтожить всю деревню, чтобы посеять панику и захватить больше пленников. Работорговцы походили скорее на охотников, а не на

хорошо организованную армию. Они рассредоточивались и искали цели, а теперь ворвались в деревню.

* * *

Натан убеждал себя, что меч может быть таким же смертоносным, как магия, если находится в руках опытного мечника. Его новая рубашка не сковывала движения, была удобной и чистой... пока. Он напал на первый ряд крепких норукайцев, обрушив на них вихрь ударов.

Рядом с ним к битве без раздумий присоединились Джэнн и Филлип. У Филлипа было длинное копьё с крюком на конце, которым он пользовался, когда был рыбаком. Он метнул его, как гарпун, и пронзил грудь одному из работорговцев. Уже умирающий, с проткнутым сердцем, мужчина с жуткими шрамами нашел в себе силы схватиться за древко и рухнул на землю.

Невысокая жена Филлипа была весьма проворна. Джэнн ринулась в атаку с длинным мясницким тесаком, рубанула одного норукайца по рукам, а другому распорол бок. По его обнажившимся ребрам потекла кровь.

Натан рубил мечом, держа его обеими руками и вкладывая в удары всю свою силу. Клинок прошел прямо через широко открытый рот одного из уродливых норукайцев, отсекая верхнюю часть головы. Рядом с ним уподобившийся вихрю Бэннон слепо рубил и колол всех вокруг. Даже работорговцы отшатнулись от безумных неконтролируемых выпадов юноши.

Но норукайцев не получилось долго сдерживать. Они издали шипящее рычание, похожее на боевой клич, и новая группа налетчиков ринулась вперед, сжимая в руках длинные копья, у которых были наконечники с зазубренными краями, сделанные из клыков неведомых животных. Когда передние ряды работорговцев рванули вперед с тяжелыми дубинками наперевес, копьёметатели заняли позиции, высматривая очаги сопротивления.

— Не сдавайтесь! — подбадривая людей, кричал глава поселения Холден, стоя на одном из дощатых столов на праздничной площади. — Не дайте им забрать наших жен и детей! Не дайте...

Один из метателей отвел руку назад и с огромной силой метнул копьё. Оружие просвистело в воздухе и вонзилось в живот Холдена так глубоко, что из спины показался окровавленный клык.

На передовой Натан рубил мечом вправо и влево, отсекая руки и пронзая грудные клетки. Вовремя подняв взгляд, он заметил летящее в него копьё. Натан почувствовал глубоко внутри пульсацию и подрагивание, которые принял за искру магии. Он погрузился в себя, пытаясь ухватиться за

эту искру, чтобы отвести копьё — простое, инстинктивное заклинание. Время словно замедлило свой ход, но искра магии погасла и исчезла. Магия снова оставила его, и он был абсолютно беспомощен.

Бэннон схватил старика за руку и дернул его в сторону. Копьё со свистом пролетело мимо.

— Осторожнее, Натан, вы нужны мне живым. Поможете убить как можно больше этих тварей.

Язвительность его голоса удивила Натана. Казалось, в юноше что-то оборвалось. Его глаза стали дикими, а привычная жизнерадостная улыбка превратилась в смертельный оскал. Капли крови на его лице выделялись сильнее, чем веснушки.

Бэннон прыгнул вперед, не обращая внимания на дубинки, сети и мечи работорговцев. Рыжие волосы взмыли в воздух, и он нечленораздельно зарычал, разрубая шею одного из нападавших, а затем рассекая плечо другого.

— Твари! — заорал он.

Косой удар Крепыша вспорол брюхо очередному нападающему. Тот с ухмылкой посмотрел на свои змееподобные внутренности и потянулся, чтобы схватить рукой меч Бэннона. Но юноша отпрянул и крутанулся, отрубая врагу руку. Во власти бездумной ярости он отрубил и вторую руку, и теперь из обрубков хлестала кровь, заливая вывалившиеся внутренности.

— Так тебя быстро прикончат, мой мальчик, — предупредил Натан.

Волшебник побежал за Бэнноном, пытаясь не отставать, когда норукайцы навалились на этого ринувшегося в атаку безумца.

Один из вражеских копьеметателей швырнул в парня свое оружие, но Натан успел взмахнуть мечом; лезвие громко ударило по древку, сменив направление движения копья с костяным наконечником, и оно вонзилось между лопаток норукайца.

Работорговцы окружили швею Джэнн и накинули на нее сеть. Упав на землю, она боролась с путами. Ей удалось прорезать в сети дыру окровавленным ножом, но двое мускулистых норукайцев склонились над ней и замахнулись дубинами, чтобы оглушить ее. Приблизившись со спины, Натан ударил мечом одного из работорговцев. Когда его товарищ повернулся к Натану, Джэнн освободила руку и вонзила мясницкий нож в голень работорговца. Истошно закричав, тот потянулся к ножу в своей ноге, но Натан одним ловким ударом отрубил ему голову. Старый волшебник быстро освободил Джэнн от обрывков сети. Невысокая женщина, измученная и дрожащая, перешагнула через свою ловушку. К ним подбежал ее покрытый кровью супруг, преисполненный благодарности.

— Вы спасли ее. Спасибо, волшебник, — сказал Филлип и потянулся к жене, но ему в затылок вонзилась одна из сыпавшихся с неба горящих

стрел. Покрытый смолой стальной наконечник вышел из его горла. Филлип потянулся и схватил стрелу, будто раздраженный тем, что она отвлекла его в такой важный момент. Джэнн закричала. Филлип повернулся, с тоской глядя на жену полными слез глазами, а затем рухнул замертво.

Бэннон закричал на небеса и стал рубить мечом дождь горящих стрел. Он набросился на двух норукайцев с такой яростью, что те отшатнулись. Натану пришлось броситься на помощь юноше, оставив Джэнн оплакивать мужа.

* * *

Пламя начало распространяться по деревне. Никки потушила столько возгораний, сколько могла, но все равно проигрывала битву с огнем. Она поняла, что, если не сможет отогнать налетчиков, будет уже неважно, сгорела ли бухта Ренда.

Жители деревни хорошо проявили себя в бою, но к этому моменту минимум тридцать человек были оглушены, схвачены и унесены на первый корабль работорговцев. Десятки норукайцев вернулись на борт корабля, громко топя по палубе. Из трюма доносилась громкая барабанная дробь, в такт которой поднимались и опускались весла — рабы на веслах выводили корабль из доков.

Никки призвала еще одну черную молнию и убила шестерых норукайцев, которые чувствовали себя в безопасности на отступающем корабле. Она понимала, что не сможет остановить судно, поэтому сосредоточилась на налетчиках на берегу.

Более сотни работорговцев продолжали атаковать. Они видели Никки и ее силу, и некоторые, видимо, решили, что прекрасная и могущественная колдунья станет ценной рабыней. Глупцы!

Один монстроподобный воин размахивал кистенем, в то время как двое других окружили Никки, держа перед собой сети. Должно быть, они сочли колдунью легкой добычей.

У нее не было на это времени. Она вытянула руку, указывая на норукайцев по очереди и быстро останавливая их сердца. Они попадали в собственные сети.

Пытаясь отдышаться, она согнула пальцы. Ей хватило бы сил создать еще один шар огня волшебника. Можно поджечь уходящий корабль работорговцев, но так она убьет всех на борту, включая пленников. Что бы они предпочли? Не ей решать. Нет, она будет сражаться с норукайцами здесь.

Никки призвала огонь волшебника, но не стала придавать ему форму большого шара, а послала в приближающихся врагов целую россыпь

вспышек смертоносного пламени, затронув по крайней мере тридцать людей. Неумолимое пламя и не собиралось затухать; язычок огня волшебника даже размером с ноготь будет гореть, пока не прожжет свою жертву насквозь.

Норукайцы корчились и кричали, падая, как деревья от лесного пожара. Никки была истощена, потратив столько магии, но все же призвала обычный огонь и швырнула его на паруса и мачты двух кораблей. Крашеная ткань загорелась, и вскоре оба судна были охвачены огнем.

Натан и Бэннон сразили по полтора-два десятка работорговцев каждый. Они продолжали атаковать, как и сотни кричащих от гнева селян. Норукайские копьеметатели бросили в толпу последние копья, практически не выбирая целей. Из последних сил Никки послала на врагов стену ветра, и воздушный таран отбросил коренастых норукайцев. Разъяренные селяне усилили натиск, и работорговцы отступили.

Пока оставшиеся на борту полуразрушенных кораблей норукайцы отчаянно пытались потушить паруса, остальные налетчики с криками и проклятиями забрались на последнее судно. Рабы, подгоняемые угрожающей барабанной дробью, начали грести, уводя в море змееподобные корабли и оставляя позади обломки.

Никки достала из ножен кинжал и увидела, что у нее еще много работы. Она и без магии могла убить норукайцев, брошенных отступившими налетчиками. У нее и жителей бухты впереди была длинная ночь.

Глава 24

Норукайские корабли медленно уплыли в ночь, но боль и ужас от набега остались в бухте Ренда. Жители деревни сообща тушили пожары, оказывали помощь раненым и пересчитывали погибших и попавших в плен.

Натан посмотрел на свой окровавленный меч. Его новая домотканая рубашка, которую Джэнн шила для своего мужа, сейчас была разорвана и пропитана кровью. Волшебник поймал себя на том, что таращится на ткань, перебирая липкие, покрытые коркой обрывки. Магия действовала гораздо чище! Он понял, что беспокойство о таких банальностях — последствия пережитого потрясения.

Он осмотрел свои руки и ошупал голову, проверяя, нет ли на нем ран. В пылу сражения воин мог получить смертельную рану и не заметить этого, пока не свалится от потери крови. К счастью, Натан обнаружил только

незначительные порезы, царапины и шишку за правым ухом. Он даже не помнил, как получил этот удар.

— Кажется, я цел и невредим, — пробормотал он.

Натан оглянулся на толпу: кто-то беспомощно стоял в оцепенении, а другие сустились, отчаянно пытаясь помочь. С болью в сердце старик вспомнил, как ощутил во время боя искорку магии. Сейчас она вновь покинула его, и он не мог исцелить ни царапинки.

Бэннон Фермер выглядел потерянным и потрепанным, словно выжатая и оставленная сохнуть тряпка. Он был покрыт кровью, клочками вырванных волос и серыми кусочками мозга, а в складках рубашки застряли обломки костей. Во время боя он словно был одержим воинственной сущностью, и Натан никогда не видел ничего подобного. Но сейчас Бэннон казался просто сломленным мальчишкой.

Впрочем, Натану больше надлежало волноваться о раненых и умирающих. В бухте Ренда не было владеющих магией целителей, и селянам пришлось лечить своих раненых обычными методами. У них было всего несколько врачевательниц, которые умели лечить недомогания и небольшие раны — вроде того пореза от рыболовного крючка, который оставил на носу несчастного Филлипа длинный шрам.

Натан тяжело сглотнул, вспомнив об участии Филлипа. Джэнн стояла на коленях рядом с телом мужа на праздничной площади; потухшая стрела все еще торчала из его горла. Он умер с удивлением на лице. По крайней мере, Филлип не страдал. Джэнн рыдала, склонив голову, и ее плечи подрагивали.

Переходя от человека к человеку, Натан помогал врачевательницам перевязывать ножевые раны и разбитые головы. Самые тяжелые раны зашивали при помощи нитки и иголки, а раненые стонали и кричали от боли. В лицо Натану подул ночной ветер, заглушая солоноватый аромат моря запахами крови и гари. Так много потерь...

К счастью, Никки сражалась во всю свою мощь, а Натан хорошо знал, сколь грозна колдунья. Он сам был могущественным волшебником — по крайней мере, раньше. Если бы дар был с ним в эту ночь, он смог бы творить такие же разрушительные заклинания, как Никки, и многих жертв удалось бы избежать. Налетчики были бы отброшены много раньше и не смогли бы даже высадиться на берег. А раненые и мертвые жители деревни были бы невредимы и могли ухаживать за посевами, ставить сети или отплывать из бухты, чтобы на следующий день вернуться домой с уловом.

Он потерпел неудачу. Магия подвела его, а он подвел людей бухты Ренда. Натан Рал всех подвел.

Если бы он только мог наслать огонь волшебника на норукайские корабли, сжечь их паруса, помешать работоторговцам высадиться! Он мог бы

призвать связывающее заклинание, чтобы задержать норукайцев, или даже набросить на них сонную сеть, чтобы они попадали подобно стеблям пшеницы — и тогда жители бухты Ренда связали бы работорговцев, захватили их корабли и освободили пленных, прикованных к веслам, словно звери.

Натан сжал кулаки, стиснул зубы и крикнул:

— Я волшебник!

Пусть пророчество покинуло этот мир, не мог же Натан потерять все свои способности. Он отказывался верить, что вместе с прорицанием пропали и все остальные его умения, что бы там ни предсказывала ведьма. Нет, в нем все еще была магия. Он знал это. Магия была его частью. Он наделен даром!

Вместе с нарастающим гневом Натан почувствовал неожиданный жар в предплечьях, исходивший из его груди — словно по его жилам прокатилась тайная молния. Да, он узнал эту искру!

Магия могла уйти вглубь, но Натан сумел нащупать ее и остервенело вытаскивал наружу, словно был работорговцем, который тащит пленника на свой корабль.

— Я волшебник! И я контролирую свою магию! — сказал он сам себе.

Его магия поможет всем этим людям.

Он увидел двух пожилых врачевательниц возле мужчины, издающего низкие булькающие звуки. Все еще ощущая бодрящее покалывание в пальцах и во всем теле, Натан поспешил к ним. Он может помочь. Несчастный лежал на спине, а из его груди торчало обломанное древко норукайского копья. Зазубренный костяной наконечник не задел сердце, но проткнул легкое. Из его синих губ текла кровь, он заходился в кашле и корчился от боли, а две безутешные врачевательницы ничем не могли ему помочь.

Когда Натан подошел к ним, женщины лишь покачали головами. Лицо раненого исказилось от беззвучной боли, его глаза округлились, а взгляд остекленел. Он снова закашлял, и на его губах выступила розоватая кровавая пена.

— Остается лишь ждать, когда Мать морей заберет его, — сказала одна из женщин; ее лицо было залито кровью и слезами.

Натан посмотрел на сломанное древко, которое держало умирающего в почти вертикальном положении.

— Мы должны вытащить копьё, — сказал Натан.

Другая женщина покачала головой.

— Это убьет его. Дайте ему умереть с честью и обрести покой.

— Если не убрать копьё, он все равно умрет. — В голубых глазах старика блеснула сталь. — Но можно попытаться спасти его. Это не в ваших силах, но я обладаю магией, дайте мне попробовать. — Женщины устави-

лись на Натана, а он замахал на них. — Идите и помогите тем, кого еще можете спасти.

Они кивнули, бережно коснулись умирающего, а затем поспешили к другим раненым.

Когда врачевательницы ушли, Натан схватил скользкое от крови копьё. Действуя аккуратно, — хотя такая рана просто не позволяла действовать аккуратно, — волшебник вытащил древко из тела. Мужчина судорожно вскрикнул. Из его рта и из рваной раны в груди хлынула свежая кровь. Пока несчастный корчился от боли, рана в его легких громко всосала воздух. Жить ему оставалось считанные минуты.

Натан ухватился за легкое покалывание, прикоснулся к своему хань, призвал магию и раздул ее до бурного потока энергии. Магия Приращения. Он делал так миллионы раз. Для одаренного это были детские шалости, и Натан знал, что может контролировать магию. Он прижал руки к открытой ране, пережимая поток крови. Он чувствовал силу исцеления и позволил магии течь сквозь него. Своим возвратившимся даром он нащупал разорванные кровеносные сосуды, поврежденную ткань легких и жуткую рану от копья, пробившего грудь и спину. Он мог соединить мышечные волокна и срастить сломанные кости. Он все исправит! Он объединит разорванные фрагменты и снова сделает этого человека цельным. Натан тоже станет цельным, как и предсказывала ведьма. Он обретет целостность! Дар его не покинул. Магия была с ним, и он мог ее контролировать, хотя они еще не нашли Кол Адаир.

Натан стиснул зубы и сосредоточился еще сильнее, заставляя мужчину исцелиться. Магия извивалась, как пытающаяся уползти змея, но Натан не сдавался. Он мог исцелять. Он все контролировал. Он снова обрел силу!

Но магия, злобно извернувшись, нанесла ответный удар: она сделала совершенно не то, чего хотел Натан. Вместо того чтобы залечить кровоточащие раны, магия дала обратный эффект, превратившись в чудовище, которое уничтожает, а не исцеляет.

Магия вытекала из Натана, который прижимал ладони к ране в попытке остановить кровь. Последовал мстительный ответный удар — рана от копья быстро расширилась, ребра раскололись, и мужчину просто вывернуло наизнанку. Его сердце и легкие выскочили наружу в ужасном фонтане крови и тканей. Несчастный не успел даже вскрикнуть; он выгнул спину и рухнул наземь.

Натан с отвращением и недоверием взирал на свои покрытые кровью руки. Он чувствовал магию и пытался исцелить раненого, но вместо того, чтобы спокойно умереть, мужчина раскололся как перезрелый плод. И это сделал Натан! Раненый все равно бы погиб, но не так ужасно!

Волшебник отшатнулся, беззвучно открывая и закрывая рот. Он думал, что потерял свою магию; но такой результат был куда хуже беспомощности. Дар обернулся против него. Что, если его способности вернулись, но теперь он не может их контролировать? Он в ужасе смотрел на изувеченный труп. Натан был уверен, что сейчас соберется толпа, которая обвинит его в зверском преступлении. Он задумался, творила ли Никки столь ужасные вещи в свою бытность Госпожой Смерть.

Подняв глаза, Натан наткнулся на остекленевший взгляд Бэннона. Казалось, юношу настолько переполнял ужас от событий этой ночи, что еще одна смерть почти не затронула его чувств.

Волшебник почувствовал во рту горечь и отвернулся; его плечи поникли. Он не хотел, чтобы Никки это видела, хотя она и могла помочь ему разобраться в произошедшем. Как мог его дар так жестоко обернуться против него? Сейчас, даже если бы он почувствовал, как магия возвращается к нему, он бы не посмел ее использовать. Он мог причинить еще больший вред.

И тут его снова осенило: а если бы он решил метнуть огонь волшебника в один из норукайских кораблей, а магия обратилась бы против него? Неистовое белое пламя уничтожило бы половину бухты Ренда. Натан тяжело застонал и отстранился от людей, занятых оказанием помощи раненым: перевязывали раны, накладывали шины на сломанные кости, подкладывали под головы раненых свернутые тряпки. Натану было стыдно и страшно.

Он опасен для окружающих.

Старик схватил ведро воды и присоединился к огнеборцам, чтобы помочь потушить последние пожары, которые все еще распространялись по деревне. По крайней мере, так вреда от него будет гораздо меньше.

Глава 25

Пожары в бухте Ренда полыхали до утра, и потом дым продолжал клубиться в сером небе, омрачая рассвет. Дома и лодочные сараи все еще тлели, от некоторых из них остались лишь почерневшие разрозненные каркасы. Группа рыбаков спасла из разрушенных доков шесть лодок, пока потрясенные жители деревни оценивали ущерб, приглушенно переговариваясь.

Никки вспоминала вчерашнюю праздничную суету, непринужденную болтовню соседей, милые городские заботы и маленькую, но многочисленную

рыночную площадь. Жизненный уклад горожан пал под ударами мечей, сгорел в пожарах и увяз в крови.

Бэннон в оцепенении сел на расщепленную деревянную скамью рядом с опрокинутым корытом для потрохов, пытаясь прийти в себя. Серебристые чешуйки украшали древесину корыта, напоминая в утреннем свете миниатюрные монеты. Юноша обеими руками сжимал обернутую кожей рукоять Крепыша, словно черпал силу в мече. Его рубашка была разорвана и испачкана сажей и кровью.

Подходя к нему, Никки заметила как минимум пять глубоких порезов на его руках и еще на спине и плече. Молодой капустный фермер был погружен в свои мысли, снова и снова переживая битву. Он выглядел постаревшим.

Никки была истощена, потратив так много магии во время битвы и для исцеления тяжело раненных, но она нашла в себе силы залечить порезы и раны Бэннона, которых он словно и не замечал.

Натан подошел к ним. В его глазах было затравленное выражение, длинные белые волосы и новая рубашка были измазаны красными сгустками, а руки покрыты засохшей кровью. Бэннон поднял взгляд на своего наставника, почти не узнавая его.

— Прошлой ночью ты неистово сражался, как настоящий воин, — мягко сказал волшебник, — будто кто-то наложил на тебя заклинание берсерка. Но я знаю, что этого никто не делал.

Лицо юноши было бледным и осунувшимся.

— Работорговцы напали на деревню. Мне пришлось сражаться. Что еще оставалось?

— Ты неплохо сражался, — признала Никки, — причем куда яростнее, чем против эзлок.

— Потому что они работорговцы, — ответил он, будто это все объясняло. С очевидным усилием Бэннон попытался успокоиться и даже выдавил фальшивую жутковатую улыбку. — Я должен был это сделать. Мне ненавистна мысль, что этим людям причинят вред... и заберут в рабство. Их... их жизнь в бухте Ренда прекрасна, и я не хотел, чтобы ее разрушили.

Никки взглянула на скептически нахмурившегося Натана. Они оба не поверили в объяснения Бэннона.

— Это приемлемый ответ, — сказала Никки. — Но неполный. Скажи правду.

Его лицо стало встревоженным.

— Я... я не могу. Это секрет.

Она знала, что пришло время быть жесткой и заставить его ответить. Его травмы были намного глубже видимых и могли превратиться либо в загрубелые шрамы, либо в опасные, плохо затянувшиеся раны. За прошлую

неделю ее отношение к Бэннону изменилось, и она подозревала, что он не просто наивный неосторожный деревенщина. Она должна узнать правду.

Схватив Бэннона за рубашку, колдунья подняла его на ноги и приблизила к нему свое лицо, чтобы он утонул в ее обжигающих голубых глазах.

— Твои секреты нужны мне не из праздного любопытства, Бэннон Фермер. Я спрашиваю, потому что нуждаюсь в ответе. Ты путешествуешь со мной, а значит, твои действия могут повлиять на мою миссию. Ты ненадежен? Станешь ли ты помехой для меня и для задания, о котором попросил меня лорд Рал? — Она смягчила голос. — Или ты просто смелый, но безрассудный боец?

Бэннон колебался, умоляюще глядя на колдунью и на Натана. Он посмотрел на сожженный остов норукайского корабля, наполовину затонувшего в тихой бухте. Никки внезапно вспомнила, как странно юноша себя вел, когда они разбили лагерь у намного более старого корпуса змееподобного корабля.

— Ты уже видел эти корабли, — прошептала она. — Ты знал, кто такие норукайцы.

— Это из-за Яна... моего друга Яна. — Наконец произнес он. — Работоводцы... — Он глубоко вздохнул.

Его карие глаза покраснели не только от огня и дыма, но и от судорожных рыданий. Его глаза хранили гораздо более глубокие тайны; воспоминания о чистом и красочном детстве отпали, обнажая голые кости истины.

— Ян был моим другом на Кирии. — Бэннон выцеживал слова, словно человек, отдающий свои драгоценности ростовщику. — Мы ходили на побережье или гонялись друг за другом по лугам. А однажды решили обойти весь остров и потратили на это целый день. Остров был для нас целым миром. Как и все мальчишки, мы пропалывали поля и помогали собирать капусту, но у нас было и свободное время. У нас была особая пещера на другой стороне острова, возле которой мы исследовали приливные заводи. Часто мы просто играли. Мы были лучшими друзьями, одноклассниками, нам было по тринадцать в тот год... последний год. — Его голос стал резким и жестким. — Однажды утром мы встали пораньше, чтобы застать отлив. Мы шли в свою пещеру, спускаясь по песчаным утесам и находя крошечные уступы, как могут только мальчишки. К нашим поясам были привязаны мешки, и мы предвкушали, как к ужину принесем домой богатый улов моллюсков и крабов. Как правило, мы наслаждались спокойствием нашей компании, вместо того чтобы возвращаться домой... — Помолчав, он мрачно добавил: — Где было не очень спокойно.

— Ты всегда описывал свой остров идеальным и совершенным, но скучным, — заметила Никки.

Он обратился на нее свой холодный и опустошенный взор:

— Ничто не идеально, колдунья. Разве не вы мне об этом говорили? — Он покачал головой и перевел взгляд на еще дымящийся норукайский корабль. — В тот день наше с Яном внимание было поглощено приливными заводами. Мы наблюдали за раками-отшельниками, спящими среди морских анемонов, и за мелкими рыбешками, пойманными в ловушку до следующего прилива. Мы не заметили появления лодки работорговцев, но шестеро норукайцев углядели нас, подплыли и высадились на берег. Не успели мы с Яном ничего понять, как нас окружили. Они были крепкими и мускулистыми, с бритыми головами и этими отвратительными разрезанными и заново зашитыми щеками. У них были сети, веревки, дубинки. Они были охотниками... а мы лишь добычей. — Он моргнул. — Я вспомнил, как охотники из нашей деревни идут по травянистому мысу, вооружившись сетями и грохоча пустыми горшками — так они загоняют и окружают козлов перед зимней резней. Норукайцы вели себя также. Они пришли за мной и Яном. Мы закричали и побежали. Ян обогнал меня. Я добежал до основания скал и даже успел полезть наверх, пока двое работорговцев пытались меня догнать. Я уже почти спасся, но нога соскользнула, и я упал. Мужчины схватили меня, развернули и с такой силой швырнули на каменистый пляж, что у меня дух перехватило. Я не мог издать ни звука. Но закричал Ян, который преодолел уже полпути наверх. Он почти ушел. — Бэннон шмыгнул носом. — Он мог бы уйти. Я отбивался, но их было двое, и норукайцы сильны. Они пытались свести мои руки, чтобы связать запястья. Третий работорговец схватил мои ноги. Я не мог убежать, не мог даже кричать. Хотя я и сумел сделать вдох, голос мой совсем охрип. Я бился и лягался. Когда они уже обматывали мои запястья веревкой, я услышал громкий крик. Ян спустился и бежал к нам, крича на работорговцев. Они бросили в него сеть, но промахнулись. Он лишь увернулся от них и побежал ко мне. В борьбе Ян выхватил дубинку у одного из норукайцев и помчался по скалистому пляжу, прыгая через приливные заводы. Он пришел спасти меня. Ян взмахнул дубинкой, и я услышал треск черепа — удар пришелся по мужчине, пытавшемуся связать меня, и из его носа и глаз хлынула кровь. Второй зарычал и попытался схватить Яна, но мой друг ударил его по зубам, превратив губы в кашу. Ян крикнул, чтобы я бежал, и я высвободил свое запястье, вскочил на ноги и понесся к утесу из песчаника. Я бежал как никогда. Достигнув утеса и стряхнув с запястий веревку, я начал карабкаться наверх. Я спасал свою жизнь. Ян снова закричал, но я не обернулся. Я не мог! Я нащупал первый уступ и подтянулся выше. Пальцы были в крови, ногти обломаны.

Бэннон тяжело дышал, рассказывая свою историю. На его лбу блестел пот.

— Я подтянулся, нашел уступ, забрался на него и только тогда обернулся. Работорговцы приближались к моему другу. Двое снова бросили сеть. Мужчины, которых он ударил, теперь колотили его кулаками. Они столпились вокруг него, и он не мог убежать. Он кричал. — Голос Бэннона сорвался, и он всхлипнул. — Ян вернулся, чтобы спасти меня. Он рискнул жизнью, чтобы не дать им связать меня. Он сделал так, что я смог уйти! Но когда они схватили его, я не двинулся с места и лишь наблюдал, как норукайцы опутывают его сетью и бьют, бьют, бьют... Когда он зарыдал от боли, они засмеялись. Я видел, как кровь льется из глубокой раны у него на лице — и ничего не сделал. Они стянули его запястья и лодыжки веревкой, а я просто смотрел. В этой сети должен был оказаться я. Ян помог мне, а я просто смотрел!

Бэннон ослабил хватку и позволил Крепышу со звоном упасть на землю. Он закрыл глаза ладонями, будто хотел спрятаться.

— Я уже преодолел половину подъема, когда работорговцы снова за мной погнались. Я запаниковал. Добравшись до верха, я оглянулся на пляж. Норукайцы тащили Яна к лодке. Он все еще боролся, но я знал, что он потерян. Потерян! Я в последний раз взглянул в лицо друга, полное отчаяния. Он знал, что не сможет вырваться... и знал, что я не вернусь его спасти. Даже на таком расстоянии наши взгляды встретились. Я бросил его. Я хотел крикнуть, что мне жаль, пообещать прийти за ним, но голос пропал. Я задышался. — Он отвернулся. — Все равно это была бы ложь. Ян смотрел на меня в шоке и смятении, будто не мог поверить в предательство. Я увидел ненависть в его глазах, а потом норукайцы швырнули его в лодку. И я просто убежал. — Бэннон покачал головой, шмыгая носом. — Я бросил своего друга, не помог ему. Он вернулся спасти меня, а я... просто спасался. Я убежал. — Его голос надломился, он снова заплакал. — Пресвятая Мать морей, он сражался, чтобы спасти меня, а я его бросил.

Юноша посмотрел на свою окровавленную рубашку и порезы на руках. Он коснулся глубокой раны на шее и вздрогнул от удивления — он явно не помнил, как ее получил. Слезы не смогли смыть жальщее, болезненное воспоминание.

— Вот почему я так яростно бился с работорговцами здесь, в бухте Ренда. Вот почему я их так ненавижу. Я струсил, когда норукайцы схватили Яна. Тогда я не сражался, но теперь у меня есть меч, и я буду биться до последнего вздоха. — Он поднял с земли Крепыша и удостоверился, что лезвие не потеряло остроты. — Я не могу спасти Яна и больше никогда его не увижу... Но я могу убивать работорговцев при каждой встрече.

Глава 26

Выжившие обитатели бухты Ренда целый день убирали обломки, и это порядком измотало скорбящих людей. После смерти Холдена пост главы поселения занял мужчина по имени Таддеус, крепко сложенный рыбак с квадратным лицом и длинной кудрявой бородой. Таддеус пользовался уважением среди жителей деревни, но на посту главы чувствовал себя не в своей тарелке.

Никки наблюдала за людьми весь день. Она ненавидела рабство и считала своей миссией остановить тиранию и притеснения во имя лорда Рала и ради собственной души. Таким способом она могла помочь Ричарду спасти мир, но сомневалась, что пророчество ведьмы говорило именно об этом.

Натан и Бэннон отмыли от грязи руки и лица, но их волосы были по-прежнему спутаны, а одежда покрыта засохшей кровью.

Все жители деревни присоединились к торжественной процессии, которая шла к кладбищу на склоне холма. Мулы и лохматые волы тянули телеги с мертвыми. Усталые, измученные и подавленные люди рассредоточились, чтобы отметить места захоронения для тридцати девяти погибших в битве односельчан. Местные держали в руках лопаты и заступы, но казались обескураженными необходимостью копать все эти могилы.

— Мы должны установить двадцать два деревянных столба, — дрожащим голосом сказал Таддеус, — в память о хороших людях, которых забрали работорговцы.

— Высекайте имена на надгробиях и ставьте деревянные столбы, — сказала Никки. — Я воспользуюсь даром, чтобы сделать остальное.

Она высвободила поток магии, который вынул траву и землю из склона холма, создав аккуратную могилу. Это оказалось совсем несложно. Рядом она сделала вторую могилу, потом третью... но их требовалось еще много.

Жители деревни наблюдали за ее работой, слишком усталые, чтобы удивляться, и слишком напуганные, чтобы выразить благодарность.

Закончив тридцать девятую могилу, Никки отступила, чувствуя изнурение.

— Я искренне надеюсь, что в скором времени вам не понадобятся новые могилы.

Обитатели бухты Ренда похоронили погибших скромно — они решили, что будут скорбеть потом. Мужчины и женщины произносили имена тех, чьи тела брали из телеги и предавали земле: фермеров, плотника, веселого пивовара; двух маленьких мальчиков, погибших в огне — дом, в котором они укрылись, сгорел дотла; главу поселения Холдена, отказавшегося от жизни в море, чтобы возглавить бухту Ренда.

Швея Джэнн произнесла имя своего мужа и теперь плакала, склонив голову над могилой, в которой покоилось укрытое землей тело Филлипа.

— Он просто хотел делать лодки, — сказала она. — После случая с крючком он предпочитал оставаться на суше. Думал, так безопаснее. — Ее плечи содрогнулись. — Безопаснее.

Натан, опустив голову, стоял рядом с хрупкой женщиной, и его взгляд был мрачен.

Швея неловко протянула ему сверток серой ткани:

— Это еще одна рубашка Филлипа, Натан. Вы сражались с нами, вы спасли меня, и... — ее голос прервался от всхлипа. Она шмыгнула носом, ее губы дрожали. — Первая рубашка превратилась в лохмотья. Филлип хотел бы, чтобы я отдала вам эту.

— Это честь для меня. — Волшебник прижал к груди чистую ткань.

Хотя они сражались на стороне жителей бухты Ренда, Никки чувствовала, что еще не все здесь сделала.

Когда все могилы были закопаны, а резчики по дереву высекали имена в свежесрубленных столбах, Никки обратилась к собравшимся уходить с кладбища селянам:

— Вот почему вам нужен лорд Рал. Его цель — остановить жестокость и кровопролитие, прекратить работоторговлю, чтобы все могли жить свободно. Да, он далеко, но д'харианская армия не станет терпеть такое беззаконие и угнетение. Может, не сразу, но мир изменится — уже изменился. Вы, должно быть, замечали новые звезды.

Люди забормотали, по-разному относясь к ее словам после пережитого испытания.

— Но вы должны отвечать за себя сами, — она заговорила громче. — Когда восстановите деревню, отправьте своего представителя далеко на север — в Народный Дворец. В Д'Харе он должен засвидетельствовать вашу верность лорду Ралу и сообщить о случившемся. Пусть расскажет о землях старой империи, которые нуждаются в помощи лорда Рала. Он не подведет вас.

Слово взял Натан:

— Прежде чем вы отправите представителя, мы напишем для магистра письмо и кратко изложим то, что увидели. Если кто-то сможет его доставить, мы были бы весьма признательны.

Таддеус тяжело сглотнул.

— Этой ночью мы победили, но норукайцы вернуться. Как скоро ваш лорд Рал сможет прислать свою армию?

Но Никки еще не закончила.

— Вы не можете просто ждать помощи. Каждый человек отвечает за свою жизнь и свою судьбу. Вы должны укрепить оборону, и вам нужно

что-то более серьезное, чем сигнальный костер и дозорная башня. Работорговцы считают вас слабыми, и поэтому охотятся на вас. Лучший способ обеспечить себе мир — проявить силу. Может, эта ночь стала для них уроком. Мы оказались здесь и помогли вам, но нам не пришлось бы вас спасать, если бы вы не вели себя как жертвы.

— Вы можете научиться защищаться, — сказал Бэннон и отвел взгляд. — Я научился.

— Но как? — спросил Таддеус. — Построить стену вдоль берега? Натянуть цепь поперек входа в бухту? Как нам собрать армию, где взять оружие? Бухта Ренда — просто рыбацкая деревня.

— Вдобавок к сигнальному костру и дозорной башне, постройте сторожевые вышки по обеим сторонам бухты, — предложил Натан, — и будьте готовы пролить дождь из огненных стрел на приближающихся налетчиков. Пусть несколько лодок будут готовы выйти в море и затопить вражеские корабли еще до того, как они войдут в бухту. Их корабли превратятся в пылающие развалины, не успев добраться до берега.

— Норукайцы — работорговцы, а не завоеватели, — жестко заметила Никки. — У вас есть преимущество, потому что они хотят захватить вас живыми — от мертвых им никакой пользы. Но другие враги могут просто перебить всех вас.

— Буду счастлива убить их, — прорычала Джэнн.

— Пусть вас ничто не сдерживает, — одобрила ее порыв Никки. — Вооружите людей, и они будут биться эффективнее.

— Держите в доках багры и копья, — добавил Бэннон. — Даже если работорговцы прорвутся к берегу, вы сможете встретить их, когда они попытаются высадиться.

— Заставьте их подумать дважды, стоит ли сюда возвращаться, — сказала Никки. Она с удовлетворением наблюдала, как в людях подобно медленно разгорающемуся огню растет решительность. — Когда ваши раны превратятся в шрамы и вы восстановите свои дома, не забывайте о том, что здесь произошло, иначе это повторится.

* * *

На следующий день Никки, Натан и Бэннон вошли в маленькое здание, служившее ратушей бухты Ренда. Внутри пахло гарью, три стеклянных окна были выбиты, крыша частично сгорела, но сельчане успели справиться с огнем раньше, чем он успел нанести серьезный ущерб.

Недужинный глава поселения, казалось, сгорбил под тяжестью своего поста.

— Мне понадобятся рабочие, чтобы отреставрировать ратушу, но это может подождать. Наша главная задача — укрепить оборону бухты Ренда, как вы и сказали. — Таддеус с надеждой посмотрел на троих путников. — Не могли бы вы остаться и защитить нас? Мы видели, насколько могущественна ваша магия, колдунья. Волшебник тоже мог бы попробовать использовать свои силы.

Натан приобрел болезненный вид.

— Нет... это может быть опасно.

Никки прикусила нижнюю губу.

— В первую очередь я служу лорду Ралу, и теперь мы должны двигаться дальше. Шторм сильно сбил с курса «Бегущий по волнам», поэтому нам необходимо взглянуть на карты и определить, где мы.

— Мы ищем место под названием Кол Адаир, — сказал Натан и похлопал по кожаной сумке, в которой лежала книга жизни. — Нам сказали, что там нас ждет что-то важное.

— У нас есть карты, они где-то здесь, — сказал расстроенный и встревоженный Таддеус.

Он стал рыться в шкафах Холдена, откладывая в сторону старые документы: списки зарегистрированных рыболовных судов, реестры налогов, схемы с границами земельных участков. Наконец, он нашел старую не слишком подробную карту, на которой были указаны Призрачный берег и южная часть Древнего мира, исчерченная паутиной четких прямых линий, соединявших открытые земли.

— Это имперские дороги, построенные для передвижения армий императора Джегана, но он провел на крайнем юге совсем мало времени. Я знаю, что где-то здесь есть портовые города Серримунди и Керим. — Он указал на верхнюю часть карты. — И Танимура на севере. Еще до меня доходили слухи о Новом мире, но я о нем совсем ничего не знаю.

Пока Никки изучала карту, Натан вытащил свою книгу жизни и быстро перерисовал некоторые детали в свою карту, исправляя неточности, которые допустил ранее при зарисовке.

— Кол Адаир... — Таддеус тяжело опустился на стул, стоявший возле старого стола Холдена; он хмурился, просматривая карты, но они казались ему незнакомыми. Он поскреб кудрявую бороду. — Я сам едва бывал за пределами бухты Ренда. Даже в своей рыбацкой лодке я никогда не упускал из вида берег. Впрочем, я слышал истории о дальних землях. Думаю, Кол Адаир находится в глубине материка: за предгорьями и горным хребтом лежит огромная плодородная долина, за которой начинаются новые горы. Место, которое вы ищете, где-то в тех горах... если верить сказкам. — Он провел рукой у самой восточной части карты, словно дорисовывая ее на изрезанной столешнице. — Мы уже давно не встречали путников из

столь дальних земель. — Он указал на середину карты. — Но нам известно о других поселениях выше по реке, о портах, горных селениях и деревушках. — Он вздрогнул. — И о том, что лежит в противоположном направлении — суровых скалистых островах посреди моря, где живут норукайцы. — Он оборвал себя, а затем добавил с холодной невозмутимостью. — Не думаю, что вы отправитесь туда.

— Мы и не собирались, — сказал Натан. — Мы ищем Кол Адаир.

— Вы можете обеспечить нас провизией, сумками, одеждой и утварью для путешествия? — спросила Никки. — Мы лишились почти всего из-за кораблекрушения.

— Бухта Ренда обязана вам и никогда не сможет расплатиться сполна, — сказал Таддеус.

— Меня устроит, если вы отправите в Д'Хару своих представителей с нашим посланием магистру Ралу.

* * *

Потратив еще один день на отдых и оказание помощи жителям деревни, которые собирали обломки своих жизней, трое снова отправились в путь. На всех была чистая одежда. Меч Бэннона, теперь отточенный и смазанный, лежал в простых ножнах у его бедра. Изысканный меч Натана тоже почистили, отполировали и наточили.

Когда они отправились в дорогу, Бэннон занервничал.

— Мы можем сделать небольшой крюк на кладбище? Мне кое-что нужно.

— Мы уже почтили павших, мой мальчик, — сказал Натан.

— Это нечто большее, — ответил Бэннон.

Никки видела, как юноша изменился после пережитого здесь. Он больше не казался таким жизнерадостным и наивным... или, может, его жизнерадостность была лишь наигранной.

— Только недолго, — сказала она.

— Спасибо, — сказал Бэннон.

Они шли по склону холма, пока не добрались до линии свежих могил, где под земляными насыпями покоились тридцать девять тел. Бэннон направился напрямик к участку с деревянными столбами. В землю были вбиты двадцать два новых столба с именами селян, которых забрали работники.

Бэннон сжал кулаки и пошел мимо столбов, пока не выбрал один — чистый, светлый, недавно отшлифованный. На одной стороне было вырезано имя: «Мерриам». Бэннон упал на колени с другой стороны столба. Он

обнажил меч, неловко взял его и острием вырезал две буквы на свежей древесине. Когда он взглянул на надпись, в его глазах блеснули слезы.

«Ян».

Натан торжественно кивнул.

Бэннон встал и убрал меч в ножны.

— Теперь я готов идти.

Глава 27

Они шли вдоль реки, ведущей от бухты Ренда вглубь материка, и с нетерпением ожидали найти «Неизведанные земли» — фермы, города лесорубов, шахтерские поселения, которые им описал Таддеус. Кто-нибудь по пути, наверное, знает больше о Кол Адаире и сможет помочь им.

Мимо проплывали плоскодонные лодки, на которых фермеры и торговцы везли товары в бухту Ренда. Рулевые пользовались шестами, чтобы направлять загруженные лодки по течению. Некоторые приветливо махали путникам рукой, другие же просто глазели на незнакомцев, идущих вдоль реки.

После кораблекрушения Никки почувствовала, что им дана новая отправная точка. Ее длинное черное платье было выстирано и заштопано, Натан был одет в домотканую рубашку Филлипа, и на Бэнноне тоже была новая одежда.

Пока они шли по речной долине, Бэннон, казалось, снова поверил в свою приятную фантазию о жизни, но теперь Никки знала, что его улыбка и оптимизм — лишь маска. Она научилась заглядывать за эту ширму. По крайней мере, юноша больше не пытался флиртовать с ней: она выбила из него эту глупую увлеченность. Но Бэннон не был окончательно запуган.

Он поравнялся с ней и завязал разговор:

— Колдунья, я тут подумал, что желания, как и пророчества, иногда исполняются самым неожиданным образом. И ваше желание исполнилось.

Ее голубые глаза сузились.

— Какое желание?

— Помните жемчужину желаний, которую я отдал вам на «Бегущем по волнам»?

— Я бросила ее за борт, чтобы успокоить королеву сэлок, — ответила Никки.

— Обдумайте всю цепь событий: после того, как вы загадали желание, мы поплыли на юг, на нас напали сэлки, шторм разрушил корабль, но мы

нашли каменный указатель, подтверждающий пророчество ведьмы. Потом мы пришли в бухту Ренда, сразились с работоторговцами, а глава поселения рассказал, что знает о Кол Адаира. Понимаете? Ваше желание помогло нам добраться до Кол Адаира. — Он развел руками. — Это же очевидно.

— Твоя логика столь же прямолинейна, как путь пьяницы, спускающегося по ледяному холму во время бури, — возразила Никки. — Я сама исполняю свои желания и творю свою удачу. Никакая магия сэлок не могла из-за моего желания изменить события, чтобы мы оказались именно в этом месте. Мы бы нашли дорогу в любом случае.

— Желания опасны, как и пророчества, — вставил свое слово Натан, подходя ближе. — Они часто приводят к непредвиденным результатам.

— Тогда постараюсь больше не загадывать необдуманных желаний, — сказала Никки. — Я сама определяю свою жизнь.

* * *

Они несколько дней шли вглубь материка, встречая на своем пути большие и малые поселения. Никки и Натан собирали информацию и рассказывали о Д'Харианской империи и новом правлении Ричарда. Жители изолированных деревень слушали новости, но эта непонятная и далекая власть мало влияла на их повседневную жизнь. Натан отмечал на своей рукописной карте названия деревень, и путники отправлялись дальше.

Однажды он представился волшебником Натаном Ралом, и горожане попросили его продемонстрировать свою силу, но он замялся в нерешительности.

— Ну, магия — вещь особая, друзья мои. Она не для того, чтобы играть с ней или выставять напоказ.

Услышав это, Никки скептически взглянула на него. Когда Натан владел своими силами, то часто использовал их как раз для таких глупостей. Впрочем, теперь старик был вынужден притворяться, что он выше подобных демонстраций.

Когда деревенские дети узнали, что Никки колдунья, они стали донимать ее своими просьбами. Но одного ее взгляда хватило, чтобы они быстро передумали. Бэннон предложил показать свое мастерство в обращении с мечом, но дети не заинтересовались.

Когда они покинули эту деревеньку, Натан тихо поклонился:

— Больше не буду упоминать о своей магии... пока не обрету целостность в Кол Адаире. До тех пор я не осмелюсь даже и пытаться использовать магию.

— Не оставляй попыток, — сказала Никки, когда они шли по лесной дороге. — Ты вообще чувствуешь свой хань? Ты лишился дара, но вдруг получишь его восстановить?

— Или учинить катастрофу. — Лицо Натана посерело. — Я не рассказывал тебе, что произошло в бухте Ренда, когда я... попытался исцелить человека.

Они шли по добротной тропе, ведущей к предгорьям, а когда достигли притока реки, выбрали северное направление.

— Я видела, как ты помогал раненым, — сказала Никки.

— Ты видела не все. — Натан отмахнулся от мухи, вившейся перед его лицом. — Бэннон видел... но мы не обсуждали это.

Юноша моргнул.

— Я многое повидал той ночью. Кажется, мой взгляд так был застлан кровью, что я с трудом что-то воспринимал. Я не помню... я почти ничего не помню.

— Одно из норукайских копий пронзило грудь мужчины, и он умирал, — сказал Натан. — Даже врачевательницы понимали, что его нельзя спасти. Но я почувствовал тень магии. Я был в отчаянии и хотел проявить себя. Я видел, как ты своим даром спасла город, и знал, что мог бы оказать неоценимую помощь. Я был в ярости и хватался за любую искорку магии. Я что-то почувствовал и попытался использовать это.

Он замер на тропе, тяжело дыша, хотя склон был пологим. Натан вытер пот с шеи.

Тяжесть его рассказа была столь велика, что он не мог идти и говорить одновременно.

— Я хотел исцелить его... но во мне многое изменилось. Добрые духи, я больше не понимаю свой дар. Я думал, что прикоснулся к хань, и выпустил ту мизерную часть силы, которую отыскал в себе. Это должна была быть магия Приращения. Я намеревался срастить ткани, исцелить легкие и остановить кровотечение. — Небесно-голубые глаза Натана заблестели от слез.

Никки и Бэннон остановились подле него.

— Я пытался его исцелить... — Голос Натана сорвался. — Но моя магия сделала нечто совершенно противоположное. Она срикошетила, и вместо того, чтобы исцелить раны и остановить кровотечение, мое заклинание... разорвало его на куски. Оно вывернуло беднягу наизнанку, а я лишь пытался спасти его.

Бэннон ошеломленно посмотрел на волшебника:

— Думаю, теперь вспомнил. Я смотрел прямо на это, но... не видел или не верил тому, что вижу.

Никки пыталась понять, о чем говорит Натан:

— Ты почувствовал, что магия вернулась к тебе, но совершила противоположное тому, что ты хотел?

— Я не знаю, было ли это противоположным... магия была неконтролируемой. Дикой. Хань словно мстил мне, сопротивляясь моим намерениям. Этот несчастный... — Старик поднял взгляд. — Подумай, колдунья: если бы я использовал такую магию в битве с норукайцами, я мог бы уничтожить всю бухту Ренда. Я мог убить тебя и Бэннона.

— Сейчас ты можешь ощутить свой дар? — спросила Никки.

Натан засомневался.

— Может быть... Не могу сказать наверняка. Уверен, ты понимаешь, почему я боюсь пробовать. Как я могу так рисковать? Не собираюсь даже пытаться. Вдруг я попробую сотворить огонек на ладони, а вместо этого вызову огромный лесной пожар? А эти деревенские дети, просившие показать маленький фокус... Я мог убить их всех. Неконтролируемая магия хуже, чем полное ее отсутствие.

— Зависит от обстоятельств, — возразила Никки. — Если бы за нами гналась армия монстров, даже неконтролируемый лесной пожар был бы полезен.

Как обычно, Бэннон попытался их приободрить:

— Очевидно, лучшее решение для нас — найти Кол Адаир как можно быстрее. Тогда наш волшебник вернется.

— Да, мой мальчик, — сказал Натан. — Идеально простое решение.

Волшебник вновь шустро зашагал по тропе.

* * *

Три дня спустя, идя по почти необитаемой местности меж поросших лесом холмов, они вышли к широкой имперской дороге. Она прорезала холмистую местность и вела к просторной долине. Дорога шла на север, как копье, пущенное Джеганем в Новый мир. Они смотрели с вершины холма на заброшенную дорогу, много лет назад проложенную великой армией. Теперь она обветшала и поросла травой.

Натан повернулся к Никки.

— Когда ты была Госпожой Смерть, экспедиции Джеганя отправлялись так далеко на юг?

Она покачала головой.

— Джегань считал, что на эти дебри не стоит тратить силы. Хотя по древним картам мы видели, что за Призрачным берегом некогда были великие города и центры торговли.

— Дорогу мог построить и другой император. — Натан улыбнулся. — В истории Древнего мира их было предостаточно. Слышала об императоре Кергане? Полководце, которого прозвали Железным Клыком?

Они ступили на пустую широкую дорогу.

Никки приподняла брови:

— Я что-то помню из истории, которую изучала во Дворце Пророков, но это имя мне незнакомо. Насколько известным правителем был Железный Клык?

— Дорогая колдунья, я провел тысячу лет, изучая историю, и могу сказать, что на историческую значимость претендовали бесчисленные правители. Но император Керган был самым печально известным правителем со времен войны волшебников. По крайней мере, если верить летописцам тех времен. Я удивлен, что ты о нем не слышала.

— Джегань предпочитал, чтобы я помогала ему творить историю, а не рассуждать о ней, — ответила Никки.

Она определенно перевернула ход истории, когда убила Джеганя — без шумихи и представлений, как и просил Ричард.

— Впереди долгий путь, так что у нас полно времени для историй. — Натан пошел вперед по внушительной пустой дороге, которая вела в нужном им направлении. — Пятнадцать веков назад император Керган завоевал большую часть Древнего мира и обширные территории на юге. — Он ухмыльнулся Бэннону, шагавшему по заросшей сорняками брусчатке. — Не так уж давно, всего за пятьсот лет до моего рождения.

— Всего лишь пятьсот лет? — Бэннон едва мог даже представить себе такой отрезок времени.

— Керган был жестоким и безжалостным, но получил прозвище Железный Клык из-за внешности. Он заменил свой левый клык. — Натан открыл рот и постучал пальцем по своему клыку. — Заменил его длинным железным конусом. Не сомневаюсь, что это придавало ему устрашающий вид, хотя с трудом понимаю, как он ел с этой штукой во рту. — Он фыркнул. — И ему приходилось регулярно заменять клык из-за ржавчины.

— Звучит не слишком грозно, — сказала Никки.

— О, он был весьма могущественен и умел нагнать страху. Неустанные армии Железного Клыка покоряли земли одну за другой, забирая по пути всех юных бойцов в свою растущую армию... так армии завоевывали все больше земель и становились все многочисленнее. Этот поток было невозможно остановить. Боюсь, наш дорогой Ричард только начинает понимать, что завоевать территорию — это одно, а вот управлять ею — совсем другое. Падение Кергана вызвано тем, что он принимал за чистую монету восхваления менестрелей и глашатаев, но на самом деле, насколько

я могу судить, истинным гением был главный военачальник Железного Клыка — генерал Утрос.

— Даже императору нужны выдающиеся военачальники, чтобы завоевывать и удерживать земли, — согласилась Никки.

Натан говорил нараспев.

— Генерал Утрос был стратегом, который вел армию Кергана к одной победе за другой. Утрос захватил всю территорию Древнего мира от имени императора Кергана. — Шагая по ровной древней имперской дороге, он устремил взгляд к предгорьям на востоке, за которыми предположительно находился Кол Адаир. — Когда Утроста не стало, Железный Клык просто не смог ничего делать без своего генерала.

— Что случилось с Утростом? — спросил Бэннон. — Его свергли или убили?

— Как ни странно, это неизвестно. Но у меня есть некоторые догадки. Эта история намного сложнее, чем перечень военных кампаний. Видите ли, император Керган женился на прекрасной королеве одной из крупнейших завоеванных им земель. Ее звали Мэджел. Некоторые говорят, она была колдуньей, потому что ее красота завораживала. — Он саркастически улыбнулся Никки. — Совсем как у нашей колдуньи.

Никки нахмурилась.

— Красота Мэджел была столь невероятна, что генерал Утрос попал под ее чары, — продолжал Натан. — Она считала его привлекательным мужчиной, не говоря уж о силе и смелости — помощник императора явно превосходил самого Железного Клыка, каким бы грозным ни пытались его представить. — Волшебник пренебрежительно махнул рукой. — А может, никакой магии там не было и императрица Мэджел с генералом Утростом просто влюбились друг в друга. Для меня и многих историков очевидно, что Утрос хотел завоевать мир, свергнуть Кергана и забрать Мэджел себе.

— Что случилось потом? — спросил Бэннон.

Натан остановился возле обветренной каменной пирамиды высотой ему по плечо, которая стояла на обочине и служила вехой. Высеченную на ней надпись давно стер ветер. Натан достал свою книгу жизни, открыл карту и взглянул на предгорья, пытаясь сориентироваться, но в горных склонах не было ни намека на пугающее пророчество или Кол Адаир. Никки почти расслабилась...

— Утрос повел девятьсот тысяч лучших солдат — большую часть армии Кергана, — намереваясь завоевать могущественный город Ильдакар. А потом бесследно исчез со всеми своими воинами. Все они считаются дезертирами — девятьсот тысяч солдат. Возможно, они присоединились к силам Ильдакара. Внезапно лишившись своей армии, император Керган стал слаб и совершенно потерян. Затем он обнаружил доказательства любовной связи

между императрицей Мэджел и Утросом. Керган пришел в ярость от предательства, сорвал со своей жены одежды и распял ее голую на центральной площади. Он заставил свой народ смотреть, как обсидиановым ножом он полосками сдирает прекрасное лицо Мэджел. Он не тронул ее глаза, чтобы она видела, как он сдирает кожу с ее тела, полоску за полоской. Закончив, он выдавил глаза и, убедившись, что Мэджел еще жива, высыпал урны изголодавшихся плотоядных жуков на сырое кровоточащее мясо, оставшееся от тела императрицы.

Бэннона замутило. Никки мрачно кивнула, подумав, что Джегань вполне мог устроить такую же казнь.

— Как правило, императоры... импульсивны, — сказала она.

— Железный Клык сделал это, чтобы вселить ужас в сердца своих подданных, но добился лишь того, что они от него отвернулись, потому что все искренне любили императрицу Мэджел. Народ впал в такое отвращение и негодование, что восстал и сверг императора. У Кергана не было армии, которая могла бы защитить его; осталась лишь горстка императорских стражей, многие из которых тоже были возмущены совершившимся на их глазах преступлением. Народ убил Кергана и тащил его тело по улицам, пока плоть не слезла с его костей, а затем труп подвесили за лодыжки на самой высокой башне дворца. Галки обглодали его скелет дочиста.

— Так и должны кончать тираны, — сказала Никки. — Джегань был без всяких почестей похоронен в братской могиле.

Натан шагал дальше, улыбаясь.

— И разумеется, народ выбрал нового императора, который был столь же безжалостен и деспотичен. Некоторые люди не учатся на своих ошибках.

Глава 28

Предгорья поднимались со дна речной долины, переходя в горный кряж. По словам Таддеуса, за этими горами должна быть широкая плодородная долина, которая упирается в еще более высокие горы. За этими горами они и найдут Кол Адаир.

Натан сперва счел путешествие довольно сложной задачей, но тут же поправил себя, назвав это приключением. Проведя многие века в плену Дворца Пророков, волшебник жаждал приключений, хотя и не думал, что утратит по пути свой дар.

Свернув с имперской дороги, стрелой идущей на север, трое путников направились к поросшим осинами холмам. Роща обладала пугающей красотой: гладкие стволы зеленовато-серого цвета устремлялись ввысь, а трепещущие листья шелестели и шептались на ветру.

Они шли по ковру опавших желтых листьев, окутанные их сладковатым запахом.

К вечеру Натан заприметил поляну возле ручья и предложил разбить там лагерь. Бэннон отправился на охоту за кроликами к ужину, но принес только несколько крупных диких яблок и охапку рогозы, сказав, что из ее мякоти можно приготовить начинку или пюре. Вдобавок они достали из сумок копченую рыбу, которую им дали жители бухты Ренда. После ужина Никки заснула под рассказы Натана о запутанных и варварских моментах истории, но Бэннон слушал старика с интересом.

На следующий день они продолжили идти по тропе среди холмов, которая была достаточно широка для лошади — хотя они уже несколько дней не видели деревень. Натан заглянул в свои записи.

— Если верить карте, впереди должен быть город — Локридж. — Он насупил брови, глядя по сторонам и пытаясь сориентироваться. — По крайней мере, насколько я могу судить. Мы легко доберемся туда к ночи.

— Я просто счастлив путешествовать с такими компаньонами, — сказал Бэннон, — пока вы позволяете мне идти с вами.

Натан размышлял, сколько дней, месяцев или даже лет займут поиски Кол Адаира.

Но как только они доберутся до этого загадочного места — горы, города или колдовского источника — он снова обретет целостность. А пока что он чувствовал себя опустошенным и неуверенным.

Он обладал и другими способностями: был прекрасным фехтовальщиком и истинным искателем приключений; но магия была его частью, и ему не нравилась мысль о том, что его хань стал беспокойной и непокорной силой.

Увы, чем дальше они уходили от бухты Ренда, тем меньше доверия вызывала грубая карта Таддеуса.

— Уверен, жители этого города смогут нам помочь, — громко сказал Натан.

Когда они дошли до поворота горного кряжа и ступили на голые скалы, на которых росли только искривленные горные растения, Натан остановился, чтобы оглядеться с этой точки обзора.

Бэннон указал на самый высокий горный хребет в нескольких милях от них. Огромный гранитный пик возвышался над остальными, словно цитадель.

— Там какая-то башня. Вы знаете, что это?

— Еще одна каменная пирамида? — предположила Никки.

— Нет-нет. Эта гораздо больше. Мне кажется, это гигантская башня.

Натан приставил ладонь козырьком ко лбу. Утреннее солнце било в глаза, скрывая детали, но он смог разглядеть каменную сторожевую башню, увенчанную частично обрушенными зубцами.

— Да-да, ты прав, мой мальчик. Но я не вижу ни людей, ни признаков движения. — Он прищурился посильнее. — Башня выглядит заброшенной.

— Отличное место для сторожевой башни, — сказала Никки. — Это охранный аванпост.

Натан медленно повернулся, окидывая взором гряды гор, деревья и окружающий пейзаж.

— Да, это самая высокая точка в округе. С нее можно разглядеть что-то на огромном расстоянии. — Он вошел в азарт, когда ему пришла в голову идея. — Я мог бы дойти до башни, а через несколько часов вернуться на дорогу. Возможность хорошенько осмотреться стоит того, чтобы сделать крюк.

Никки пожала плечами.

— Если считаешь, что это необходимо, волшебник, я пойду с тобой.

Натан повернулся к ней, чувствуя непривычную необходимость зашищаться. С тех пор, как он утратил дар, колдунья явно ощущала потребность опекать его и заботиться о нем.

— Необязательно всем отклоняться от маршрута. С магией или без, Натан Рал не ребенок, нуждающийся в няньке. — Он фыркнул. — Предоставь это мне. Я поднимусь, осмотрю окрестности и обновлю карту, пока вы двое продолжите путь. Я рассчитываю, что вы доберетесь до города, найдете ночлег и раздобудете еду. Определенно, я буду голоден, когда догоню вас.

Бэннон, сверкнув улыбкой, сделал шаг вперед.

— Я отправлюсь с вами, Натан, — мы с Крепышом пригодимся в случае опасности. К тому же, я составлю вам компанию, и вы сможете повесть мне несколько историй.

Натан знал, что юноша говорит искренне. Вероятно, Бэннона пугала мысль остаться наедине с Никки, но Натан хотел сделать все сам. С того момента, как он потерял контроль над своей магией, он не осмеливался даже на попытку из опасений вызвать какую-то неизвестную катастрофу, и теперь чувствовал потребность доказать свою полезность.

— Звучит заманчиво, мой мальчик, но мне не нужна твоя помощь. — Он понял, что ненамеренно сказал это слишком резко, и смягчил тон. — Я справлюсь, уверю. Отпустите меня одного. Я пойду вдоль того хребта — видите, там несложно пройти. — Он обезоруживающе усмехнулся. — Доб-

рые духи, если я не смогу найти самое высокое место в округе, то я бесполезен! Вам ни к чему делать такой большой крюк.

Увидев его решимость, Никки не стала спорить.

— Как пожелаешь, волшебник.

— Просто удостоверьтесь, что в мое отсутствие вам не понадобится моя помощь, — добавил Натан с ноткой сарказма и легонько ударил Бэннона по плечу. — Иди с колдуньей. Вдруг ей понадобится защита твоего меча? Не покидай ее.

Никки скривилась, а Бэннон кивнул, воодушевленный своей новой задачей.

Без лишних прощальных речей волшебник шагнул в густую осиновую рощу и пошел вдоль горного хребта, прикидывая расстояние до сторожевой башни. Он спешил уйти из поля зрения Никки и Бэннона, не желая, чтобы они передумали и пошли с ним.

— Я все еще волшебник, проклятые духи! — бормотал он.

Хань все еще был где-то внутри, даже если походил на посаженную на цепь бешеную собаку, а не на верного друга. Но у Натана оставался меч и боевые умения, а еще тысячелетний жизненный опыт. Он вполне мог справиться с простенькой разведывательной вылазкой.

Волнистая гряда холмов вела его вниз по склону вдоль речного русла, а затем к другой возвышенности. Он бросил взгляд на башню, которая все еще казалась далекой, но решил не унывать. Он достигнет своей цели, найдет башню и выяснит, что получится. Он находился на неисследованных территориях, был первым странствующим послом Д'Хары и открывал эти земли во имя лорда Ричарда Рала.

Ноги заняли от ходьбы по пересеченной местности. Натан остановился и с удивлением уставился на загадочные символы, вырезанные на коре большой упавшей осины — древние и нечитаемые рубцы, раздувшиеся и размывшиеся по мере роста дерева. Символы не походили ни на один известный ему язык — ни на древнед'харианский, ни на какой-либо язык заклиний из свитков и книг, изученных им в Танимуре. Знаки напомнили ему, что он находился в совсем не знакомых землях...

Когда Натан удалился от своих компаньонов на несколько миль и остался один в этих предположительно безопасных дебрях, он позволил себе поразмыслить, как изменились его положение с тех пор, как они с Никки покинули Д'Хару. Да, он определенно был в хорошей форме для своего возраста: мускулистый, подтянутый, энергичный и подвижный. И хорошо владел мечом — хотя слышал это только из своих уст. Но его магия изменилась, и он не мог сформулировать, что именно его тревожит, — а Натан Рал считал себя человеком, который умеет четко выражать свои мысли.

Волшебник никогда не сможет забыть ужас от обратного удара магии при попытке исцелить раненого в бухте Ренда: магия извернулась и искажилась в его руках. Натан боялся других возможных последствий. Всякий раз, когда он старался дотянуться до хань, прикоснуться к нему, схватить, он чувствовал только намек, эхо... а потом боль. Он не хотел быть рядом со своими друзьями, если произойдет какая-то чудовищная ответная реакция. И все же ему нужно узнать больше о своем состоянии.

Теперь ему представился шанс. На поросшем деревьями хребте, вдалеке от всех, Натан решился на попытку.

Учитывая обстоятельства, он не собирался использовать огненные заклинания — они могли вызвать большой пожар, который он не сможет потушить. Раньше он, как и Никки, легко манипулировал воздухом, перемещал воздушные массы и создавал ветер. Он мог попробовать сделать что-то с воздухом. Натан посмотрел на головокружительно одинаковые стволы осин с кронами из круглых листьев. Ветер шелестел ветками над головой.

Что ему терять? Он потянулся внутрь в поисках хань и попытался вытащить столько, сколько нужно для создания дуновения воздуха — ветерка, который всколыхнет ветки и листья. Легкий маленький вихрь...

Сначала ничего не происходило. Он напрягся сильнее, потянулся глубже, выпустил свой хань и подтолкнул его, чтобы создать нежное дуновение ветерка.

Листья действительно всколыхнулись, и вдруг воздух стал стягиваться к волшебнику. Ветер кружился и извивался подобно смерчу. Натан намеревался лишь слегка подтолкнуть, но воздух вокруг него взревел и понесся вверх, как в бурю.

Он отчаянно хватал руками пустоту, пытаясь втянуть вихрь и обуздать свою силу, но ветер только усиливался — магия боролась с волшебником. Ветки над его головой затрещали, толстый осиновый сук надломился и рухнул на землю совсем рядом. Ветер рвал листья на части и разбрасывал их, как зеленое конфетти. Нарастающий шторм трепал ветви, словно в порыве ярости.

— Стой! Добрые духи, хватит! — Натан попытался сосредоточить свой хань, потянув за какой-то внутренний клапан, чтобы перекрыть его и успокоиться. Наконец, шторм прекратился, ветер стих.

Старик стоял в лесу, тяжело дыша, его седые волосы были спутаны и взлохмачены. Натан облокотился на крепкую осину. Он хотел совсем не этого! Это было более чем зловещее предупреждение об опасных последствиях, которые могла вызвать его магия. Большую часть времени он вообще не мог ощутить дар, но когда пытался наложить заклинание, то понятия не имел, что из этого выйдет. Произошло совсем не то, чего он добивался.

Его утешало, что Никки и Бэннон ничего не видели. Он больше не мог ручаться за то, что произойдет, если он снова ошибется. В горле пересохло, но через некоторое время Натан отдышался.

— Довольно необычный опыт, — сказал он, — но я не хотел бы это повторить, пока не узнаю больше.

* * *

Через час он дошел до очередной возвышенности и увидел, что прошел половину пути до сторожевой башни. Натан ускорил шаг. Уже наступил полдень, а он хотел до наступления темноты осмотреться, сделать записи и вернуться на основную дорогу — где, как он надеялся, его будет ждать уютный городок.

И он больше не будет возиться с магией.

Сторожевая башня стояла на вершине утеса, усеянного приземистыми соснами, которые росли меж больших валунов. Ближняя сторона утеса была гладкой и отвесной, поэтому Натан пошел к более пологому склону, где обнаружилась исхоженная тропа, достаточно широкая для троих мужчин... или для боевого коня.

Ветер усилился, когда Натан вышел из леса и поднялся на открытую площадку у основания сторожевой башни. Каменное строение было куда внушительнее, чем ему сперва показалось, — оно взмывало прямо в открытое небо. Нависшая над ним башня была восьмиугольной, а ее гладкие стены были выложены из огромных каменных блоков. Для такого грандиозного сооружения потребовалась бы либо неисчерпаемая рабочая сила, либо мощная магия.

Он остановился, чтобы отдышаться, и посмотрел на открывшийся вид. Из этой высокой цитадели часовые могли бы видеть на многие мили во всех направлениях. Натан задавался вопросом, не построена ли эта башня императором Керганом во время Срединной войны. Он представил, как сам генерал Утрос поднимается на эту вершину, чтобы окинуть взглядом только что завоеванные земли.

На волшебника давила угнетающая тишина. Он задрал голову, глядя на вершину одинокого строения, и заметил большие смотровые окна, в части из которых уцелели стекла. Несколько зубцов башни были обрушены, и обломки лежали возле основания, напоминая огромные игрушки.

— Эй, есть тут кто-нибудь? — крикнул Натан.

Любые дозорные заметили бы его еще час назад; одинокий человек, поднимающийся по широкой тропе, был отличной целью. Если бы кто-то

собирался напасть на него, он бы давно это сделал. Натан хотел начать знакомство с дружелюбия.

— Эй! — снова крикнул он, но ответом был лишь тихий шепот ветра в разбитых окнах. Даже гнездовый птиц было не видеть.

Несмотря на беспокойство, Натана обнадеживало присутствие меча у бедра. Он больше не станет использовать магию, но напомнил себе, что отнюдь не беспомощен. Он подошел к разбитому входу в башню; массивная деревянная дверь была сорвана с петель и лежала внутри. Натан глубоко вдохнул и взял себя в руки. Он дал обещание своим спутникам и после такого тяжелого пути не мог не подняться и не осмотреть окрестности из-за трусости.

— Я пришел с миром! — крикнул он, а затем пробормотал про себя: — Во всяком случае, пока вы не заставите меня передумать.

Он перешагнул лежавшую на полу дверь, прошел через арку и увидел череду дверей и железных опускающих решеток — все они были сорваны и разбиты. Железные прутья были вырваны из блоков и перекручены какой-то высшей силой.

В главном зале обнаружилась широкая лестница, которая восьмьюгольной спиралью поднималась вдоль внешней стены. На первом этаже лежали пять древних скелетов в прогнивших доспехах — похоже, они упали с верха лестницы.

Хотя Натан не мог найти свой хань и не смел его призвать, он чувствовал внутри сторожевой башни силу, пульсирующую энергию — будто вражеский волшебник обстрелял это строение магией... или башня была пропитана магией защитников, которые пытались ее спасти.

Натан поднялся по лестнице и с удивлением обнаружил, что запыхался. Он был поджарым и привычным к путешествиям, но возраст в тысячу лет брал свое.

Завывание ветра стало громче, когда он поднялся на вершину сторожевой башни и вышел на просторную пустую смотровую площадку. Деревянные доски пола, обитые железом, окаменели от времени. Во внешней стене зияли дыры, но эти разрушения были вызваны не временем. Каменные блоки, вместо того чтобы упасть под действием гравитации вниз, валялись далеко от основания башни... словно их вышибла неведомая сила.

В каждой из восьми стен смотровой площадки было большое окно, которое позволяло дозорным видеть во всех направлениях. В окна были вставлены панели из багрового стекла. Три из восьми стекол были разбиты — временем или грубой силой, — и теперь осколки торчали из оконных рам, словно малиновые кинжалы. Остальные пять окон чудом уцелели, несмотря на их древний возраст. Натан предположил, что стекла были усилены магией. Ветер зашептал громче, проникая внутрь через разбитые окна.

Стоя в центре площадки, волшебник медленно повернулся, пытаясь понять, что здесь произошло. На твердом, как железо, полу лежали скелеты, облаченные в древние доспехи. Каменные блоки стен были покрыты пятнами почерневшей крови и длинными белыми бороздами — словно чьи-то ногти в отчаянии процарапали камень.

Натан пошел по деревянным доскам, и одна из них тревожно скрипнула, словно собиралась провалиться. Он инстинктивно отпрянул назад, и его ботинок задел бедро одного из павших воинов. Споткнувшись, он потерял равновесие, врезался в стену и протянул руку, чтобы схватиться за что-нибудь и устоять. Он оперся рукой на открытый подоконник, из которого торчали осколки красного стекла. Зашипев от боли, волшебник отшатнулся и устался на глубокий порез на ладони. Кровь тут же начала капать на пол, и он поморщился.

— Я бы легко исцелился, будь у меня магия, — пробормотал он, глядя на кровь.

Он был раздосадован своей неуклюжестью, хотя этого никто не видел. Теперь придется перевязать рану и подождать, пока Никки о ней не позаботится. Именно тогда он заметил, что звук ветра приобрел странный характер. Сама башня вибрировала. Смотровую площадку заливал яркий алый свет, который волнами расходился от пятна крови, оставленного Натаном.

Пять красных стекол засветились.

Глава 29

Никки продолжила идти по лесной тропе, и Бэннон поспешил за ней.

— Не беспокойтесь, колдунья, я успеваю. Одинокая женщина на пустой дороге может попасть в неприятности, но, если опасные люди увидят меня с мечом, они дважды подумают, прежде чем потревожить вас.

Она холодно взглянула на него.

— Ты видел, на что я способна. Сомневаешься, что я могу справиться с любой возникшей проблемой?

— О, я знаю о вашей силе, колдунья, — а другие нет. Само мое присутствие с острым клинком определенно предотвратит проблемы. — Он погладил меч. — Лучший способ выйти из сложной ситуации — не допустить ее. — Он понизил голос: — Вы сами меня этому научили, когда спасли от грабителей в Танимуре.

— Я помню. — Никки коротко кивнула, соглашаясь с его словами. — Но не заставляй меня снова тебя спасать.

— Этого не случится, обещаю.

— Не давай обещаний, потому что обстоятельства могут заставить тебя пожалеть о них. Ты обещал своему другу Яну всегда быть рядом? Обещал, что не бросишь его в беде?

Бэннон тяжело сглотнул, но не отстал от колдуньи.

— У меня не было выбора. Я не мог ничего с этим сделать.

— Я не обвиняла тебя и не говорила, что у тебя был выбор. Я лишь указала, что если ты давал такое обещание, то не сдержал его.

Он молча размышлял о чем-то, но через десяток шагов заговорил:

— Знаете, мое детство было не таким идеальным, как мне бы хотелось. Это не значит, что я не могу надеяться на лучшее.

Он увернулся от нависшей над тропой осиновой ветки. Никки нырнула под нее и продолжила путь.

— А что насчет вас, колдунья? Ваше детство было ужасным? Должно быть, кто-то причинил вам нестерпимую боль, раз у вас столь жесткий характер. Это отец?

Никки остановилась. Бэннон сделал еще несколько шагов, а потом заметил, что колдунья отстала, и обернулся.

— Нет, отец не обижал меня. Вообще-то, он был довольно добрым. Он изготавливал доспехи и был довольно известным мастером. Он научил меня читать созвездия. Думаю, я росла в довольно милой деревне, пока не пришел Имперский Орден. — Никки подняла глаза, высказав вслух то, о чем давно знала. — Мать превратила мое детство в ночной кошмар. Она искалечила меня своими уроками, которые называла истиной, и заставила меня поверить, что мой трудолюбивый отец — злой, что его верования жестоки по отношению к людям. А Имперский Орден укрепил эту веру. — Она устремилась вперед, не заботясь о том, поспевал Бэннон за ней или нет. — Она заставляла меня жить в ужасных, грязных местах. Снова и снова у меня появлялись вши, но она говорила, что так только лучше для меня: это должно было укрепить мой характер и заставить меня понять. — Никки усмехнулась. — Сейчас я ненавижу свою мать, но мне понадобилось полтора столетия, чтобы это осознать.

— Полтора столетия? — переспросил Бэннон. — Но это невозможно. Вы, вы...

Она повернулась и взглянула на него.

— Мне больше ста восьмидесяти лет.

— Так вы бессмертны? — спросил он, распахнув глаза.

— Сейчас я старею, как все люди, но у меня впереди еще долгая жизнь, и я собираюсь многое совершить.

— Как и я, — сказал Бэннон. — Я составлю вам компанию и приложу все силы, чтобы помочь вам и волшебнику Натану достичь цели. Я могу проявить себя.

Она едва взглянула на него.

— Можешь оставаться с нами, пока не станешь помехой.

— Я не стану помехой. Обещаю. — Поняв, что сказал, он взял свои слова назад: — То есть, не обещаю, а постараюсь.

— А ты узнаешь, когда станешь помехой?

Он кивнул.

— Конечно. Без сомнений.

Никки была удивлена такой уверенностью.

— Как?

— Вы сами мне скажете. — Выражение его лица было таким серьезным, что она не могла не поверить ему.

Хотя ширина тропы указывала на то, что когда-то ее часто использовали, поваленные осины и дубы не убрали уже несколько лет, и Никки с Бэнноном часто приходилось перелезать через них или обходить их. Если впереди и был город, его жители редко ходили этой дорогой. Колдунья не видела ни следов, ни любых признаков других путешественников и решила, что им снова придется разбивать лагерь в лесу.

— Как думаете, кто-нибудь живет идеальной жизнью, какую я представляю? — вновь нарушил молчание юноша. — Верите, что существует такое идиллическое место?

— Мы сами должны сотворить его, — ответила Никки. — Если люди создают угнетающую их культуру, позволяют править тиранам, то получают то, что заслужили.

— Неужели нет мирной страны, где люди могут быть просто счастливы?

— Наивно верить в такую сказку. — Никки поджала губы. — Но лорд Рал пытается построить мир, где все люди свободны. Если они пожелают создать идиллическое место, у них будет такая возможность. Вот на что я надеюсь.

Тропа расширилась, превратившись в дорогу, а лес сильно поредел. Оказавшись на открытом пространстве, путники увидели фермы с участками посевов. Фермерские дома были сложены из бревен, а крыши покрыты расшатанной черепицей.

— Это, должно быть, окольные фермы города, который мы ищем, — предположил Бэннон. — Видите, деревья вырублены, а земля расчищена под посевы? А вон и каменные изгороди.

— При этом я не вижу никого поблизости, — сказала Никки.

Хотя дорога осталась заметной, она вся заросла травой, и на ней не было свежих следов копыт или колес. Путники прошли мимо обветшавших каменных изгородей; в трещинах между камней проросла трава. Даже поля были одичавшими и заросшими. Местность казалась совершенно заброшенной. Тишина начала давить, и Никки стала настороженнее. На одной из ферм было целое поле поникших подсолнухов; на крупных головках горели желтые лепестки, окаймляющие коричневый круг.

— Эти поля одичали несколько сезонов назад. Смотрите, как они беспорядочно растут. — Бэннон указал на подсолнухи и покачал головой. — Ни один капустный фермер не допустил бы такого. — Он шагнул к ближайшему цветку и провел руками по ворсистому стеблю. — Несколько лет назад они росли рядами, но никто не собрал урожай, и новые подсолнухи начали расти как им было угодно. Птицы разнесли семена, и с каждым годом все сложнее разглядеть первоначальные ряды. — Он огляделся. — Взгляните на огород. Он совершенно заброшен.

Никки стало неуютно.

— Эту ферму покинули. Они все брошены.

— Но почему? Земля кажется плодородной. Видите эти зерновые? Почва темная и богатая.

Услышав странный звук, она крутанулась на месте, готовая применить магию против врага, но это было лишь блеяние коз. Двух серо-белых коз привлек звук их разговора.

Бэннон улыбнулся.

— Посмотрите на себя! — Козы подошли ближе, и каждая позволила ему погладить себя по шее. — Выглядите так, будто хорошо питаетесь. — Он в замешательстве нахмурился, обратившись к Никки. — Если коз оставить без присмотра, они перероят весь огород. Мама никогда не подпускала коз к дому.

Они подошли к бревенчатому дому, шаткая крыша которого уже пришла в негодность. Перевернутая тачка с расколотым колесом заросла сорняками.

— Здесь никто не живет, — сказала Никки. — Это совершенно очевидно.

За углом фермерского дома они наткнулись на две декоративные статуи в натуральную величину — мужчина и женщина в фермерских одеждах. На их каменных лицах было выражение безутешного горя. Мужчина в отчаянии оскалился, обратив лицо к небу и уставившись в него мраморными глазами. Его рот был широко открыт в безмолвном горестном вопле. Женщина сгорбилась, прижав к лицу ладони, то ли рыдая, то ли пытаясь выцарапать себе глаза от ужаса.

Бэннон казался выбитым из колеи, а Никки вспомнила каменные изваяния, которые заказывали император Джегань и брат Нарев в Алтур'Ранге, заставляя скульпторов изображать извращенность и страдания человечества вместо его величия. Джегань и Нарев хотели, чтобы у всех статуй были ужасные выражения лиц — совсем как те, на которые сейчас смотрела Никки. Была ли это работа одного из последователей учения Нарева?

Когда она жила с Ричардом в Алтур'Ранге, он работал резчиком по камню и напоследок создал поразительное отражение человеческого духа — статую, которую он назвал Жизнь. Именно тогда на Никки снизошло истинное прозрение. Она изменилась.

Это был конец жизни Госпожи Смерть и сестры Тьмы.

Но тот, кто создал здешние статуи, определенно не испытал такого прозрения.

— Нам надо найти другую ферму, — сказал Бэннон. — Мне не нравятся эти статуи. Кому бы захотелось поставить такое возле своего дома?

Никки взглянула на него.

— Видимо, тому, кто не разделяет твоего видения идеального мира.

Глава 30

Ветер, свистящий вокруг дозорной башни, стал завывать ниже и походил на сорвавшийся с чьих-то губ стон. Уцелевшие панели багряного стекла в окнах мерцали и пульсировали, словно оживая.

Натан приподнял порезанную руку, его ладонь быстро наполнялась кровью.

— Добрые духи, — пробормотал он.

Пока верхняя смотровая площадка сторожевой башни пульсировала глубоким резким светом, он смотрел на светящиеся красные стекла скорее с увлечением, чем со страхом.

Хотя он не мог использовать свой дар, он по-прежнему ощущал в себе беспокойную магию, дергающуюся и неуправляемую. Его врожденный изменчивый хань настроился на происходящее.

В сознании волшебника мелькнуло воспоминание, и он с узнаванием улыбнулся.

— Кровавое стекло! Да, я слышал о кровавом стекле.

Температура вокруг повысилась, будто стекло отражало какой-то далекий неуправляемый огонь, но эта магия подогревалась кровью. Заинтере-

сованный волшебник подошел к одной из неповрежденных панелей, в то время как гудение становилось громче и сильнее.

Кровавое стекло было боевым инструментом волшебников. Стекло было связано с кровью — ему придали форму и закалили кровью жертвоприношений, — поэтому панели были настроены на кровопролитие. Во время самых жестоких войн провидцы при военачальниках смотрели в кровавое стекло, отслеживая продвижение своей армии, наблюдая за битвами, победами и жесткими боями. Кровавое стекло показывало не местность, а рисунок боли и смертей, и это позволяло командирам зарисовать схему боя.

Натан стоял около ближайшего окна и вглядывался в пылающее багровое стекло. С вершины сторожевой башни он рассчитывал увидеть то, что находится вдали, — древние имперские дороги, горные кряжи, может, даже огромную плодородную долину, которая лежит между ним и Кол Адаиром. Вместо этого он наблюдал воспоминание о неумолимом марше армий из сотен тысяч воинов с мечами и щитами, сметающих все на своем пути, как саранча. Кровавое стекло было настолько прозрачным, что он смотрел сквозь время, как сквозь расстояние. Открывшийся ему вид был увеличен примесью крови в стекле.

Древний мир был огромным и очень старым, и Натан смотрел на водоворот вторжений и решающих битв, на сменявшие друг друга армии, на императоров и на бесчисленные поколения кровопролития. Варвары нападали на деревни, насилуя женщин, обезглавливая детей и убивая тех, кто вставал на защиту своих домов и семей. После диких и недисциплинированных воинов пришел новый тип хищников: организованные бесстрастные армии, которые всегда идеально держали строй и убивали без азарта, но с неумолимой точностью.

Натан прошел вдоль стены восьмиугольной башни и заглянул во второе окно с кровавым стеклом. Оно было еще ярче, а армии на картинке казались ближе. Стекло вибрировало, и огромная башня гудела, словно пробудилась... или испугалась.

Натан повернулся, услышав звук — треск полых костей. Он посмотрел на расчлененные скелеты на твердом, как железо, деревянном полу площадки. Они сдвинулись? Заполнивший сторожевую башню свет казался изменчивым и стал еще багрянее. Солнце снаружи клонилось к горизонту, но смертоносный магический свет был совершенно независим от светила. Волшебник нервно положил на рукоять меча скользкую от крови руку. Он поднял ладонь, чтобы посмотреть на алые капли, бегущие по запястью.

Он снова повернулся на более громкий стук костей, но ничего не увидел. Скелеты и правда сместились. Натан поспешил взглянуть на еще две

неповрежденные багровые панели и увидел приближение другой армии. Эта казалась более зловещей, чем другие, более реальной.

На воинах были стальные шлемы, чешуйчатые доспехи и щиты со стилизованным пламенем. Натан помнил это пламя... знак армии императора Кергана. Благодаря магическому увеличению, Натан разглядел в авангарде грозного полководца, и предположил, что видит самого генерала Утроса, восстановленного кровью и временем.

Ветер все громче завывал вокруг разрушенных стен, словно на утес накатывала невидимая буря. Ветер принес с собой крики солдат, звон стали и грохот марширующих сапог. Красный свет стал более интенсивным, словно он сиял сквозь мелкодисперсный кровавый туман.

Натан обнажил меч, крепко сжав пальцами изысканную рукоять, но из-за крови рука так и норовила соскользнуть. Он медленно повернулся, но не увидел движения разбросанных костей. Он поспешил заглянуть в другое окно и увидел, как армия генерала Утроса идет к высокой цитадели: неумолимый поток вооруженных солдат направлялся к сторожевой башне. Каким-то образом магия вернула их, и эти беспощадные солдаты казались абсолютно реальными. Они поднимались по широким каменным тропам, приближаясь к башне с трех сторон. Волшебник смотрел, как надвигается ошестинившаяся и безжалостная сила.

Стук снова отвлек внимание Натана от кровавого стекла. Резко обернувшись, он увидел, как кости давно забытых защитников дрожат, дергаются и снова собираются. Окутанные красным светом из жутких окон скелеты поднялись, будто марионетки. Волшебник поднял меч, готовый сразиться с ними, но скелеты были слишком неуклюжи. Намного сильнее его волновали полчища призрачных солдат, надвигающихся на башню. Он слышал их, слышал приближение мечей, доспехов и силы. Грубый голос — должно быть, Утроса — отрывисто выкрикнул на языке, который Натан каким-то образом понял:

— Захватить башню. Убейте их всех!

Натан, окруженный удушливым красным светом, приготовился сражаться со скелетами. Он слышал грохот сапог тех, кто поднимался по ступеням башни. Волшебник попытался отыскать внутри себя магию, готовый высвободить свой непокорный дар, уже не заботясь о возможных разрушениях. Он был здесь один, и даже если магическая отдача нанесет урон и сравняет с землей сторожевую башню, Никки и молодой Бэннон не пострадают. Но, возможно, он повергнет призрачных воинов.

Один из восставших солдат с грохотом двинулся на него, вытянув костлявые руки, словно считал Натана захватчиком. Волшебник взмахнул мечом и перерубил шейные позвонки скелета. Череп упал и покатился по деревянному полу, клацая челюстями. Лишенные плоти руки махали в по-

пытке схватить старика, но он сломал их, ударив по месту сочленения костей. Он развернулся и разделался с другим скелетом, на котором были остатки доспехов. Натан ударил ботинком по третьему противнику, рассыпав его кости.

А потом появилась настоящая угроза. В дверь по двое за раз протискивались закованные в доспехи призрачные воины с изображением пламени на щитах и широкими мечами, которые сверкали в густом красном свете.

Натан попятился к стене, надеясь, что каменные блоки прикроют его спину. Прятаться было негде.

Через дверь хлынул поток давно погибших воинов, словно они хотели захватить сторожевую башню, попросту подавив своей численностью ее защитников.

Волшебник выступил против них, собрав все свои силы.

— Нападайте, ну же!

Он рубанул клинком воздух, оставив надежды отыскать оборванную нить своей магии. Хань не наполнит его, ему оставалось рассчитывать только на меч.

Он с удивлением отметил, что хотел бы, чтобы рядом был Бэннон. Они с юношей могли бы расправиться с десятками скелетов, прежде чем потерпят поражение.

— Я просто должен разобраться с ними сам!

Его прямые белые волосы взмыли в воздух, когда он ринулся на древних противников.

Багровый свет кровавых стекол пульсировал, и волшебнику казалось, что он вошел в транс. Натан замахнулся мечом на одного из древних воинов, приготовившись к жесткому сопротивлению чешуйчатого доспеха, плоти и крови, но клинок прошел насквозь, и противник рассыпался. Не медля, Натан рубанул по другому солдату, вспоров подернутую дымкой броню.

Он ощутил острую боль в лодыжке — когтистая рука скелета словно тисками сжала его ботинок. С силой махнув ногой, Натан отбросил руку и нырнул в сторону, когда на него кинулся еще один древний воин. Он понял, что кричит во все горло и едва может что-то разглядеть в густом, почти осязаемом свете.

Натан уже не контролировал свои движения, впад в неистовую боевую ярость. Им овладела магия кровавого стекла и история этой башни, пропитанная насилием и убийствами. Ему осталось лишь сражаться и убить столько врагов, сколько сумеет, прежде чем его кровь прольется на доски пола, а тело упадет рядом с древними мертвецами и медленно превратится в такой же скелет.

Он бросился через площадку, глядя на врагов, которые превратились в малиновые тени, и услышал звон разбитого стекла, похожий на хрустальный крик. Натан крутился, атаковал и рубил, но не мог ничего разглядеть. Он бил и рубил, снова и снова. Его кровь и меч сами знали, что делать.

Жесткий удар и громкий лязг стали о камень стал неожиданностью, и затуманившее зрение красное сияние рассеялось. Натан вышел из транса. Врагов больше не было.

Измученный волшебник надрывно дышал, его руки дрожали. Кровь из пореза на руке текла по рукояти и лезвию — но больше ее нигде не было. Он моргнул, и воздух наполнился желтым солнечным светом. Кровавого стекла не было.

В своей ярости Натан разбил все пять панелей. Красные окна больше не показывали видения резни и убийств. Через оконные проемы была видна только окружающая местность в косых лучах вечернего солнца. Призрачная армия и отголоски многовековых войн исчезли, а заклинание кровавого стекла было разрушено.

Он сражался с иллюзиями. Повсюду валялись кости разломанных скелетов, и Натан не мог сказать, правда ли они восстали или он бился только с собственными кошмарами.

Волшебник долго стоял, дрожа от слабости и пытаясь отдышаться, а потом выдавил из себя улыбку.

— Вот это приключение. Причем весьма захватывающее.

Раненой рукой он вытер со лба пот, не беспокоясь о кровавом следе, оставшемся на его лице.

Он был в башне один, и шепот ветра сквозь разбитое стекло казался отдаленным криком призраков.

Глава 31

Оставив позади встревожившую их заброшенную ферму, Никки с Бэнноном пошли по заросшей дороге мимо домов и полей. Бесхозные козы какое-то время шли за ними, но в конце концов свернули к одичавшему кукурузному полю, которое привлекало их больше, чем чесавший их за ушами Бэннон.

Жилища пустовали, а кое-где во дворах стояли нервирующие страдальческие статуи. С чего люди захотели обзавестись подобными изображениями страдания? Никки с нарастающим напряжением шла к центру

поселения, боясь того, что ждет впереди. Почва казалась плодородной, погода стояла благоприятная, но дома пустовали уже не один год.

— Бессмыслица какая-то. Куда все делись?

Никки остановилась возле крыльца большого дома с неухоженными клумбами. Огород выглядел плачевно, ветви яблонь стбились под весом гниющих яблок, поклеванных птицами. Рядом были еще две статуи: мальчик и девочка около девяти лет. Оба стояли на коленях с выражением отчаяния на лице и вытирали каменные слезы.

Пока Бэннон глазел на зловещие фигуры, Никки злилась на сумасшедшего скульптора, который упивался своей возможностью продемонстрировать боль, а также на жителей города, установивших статуи. Колдунья не сильно печалилась, когда император Джегань заказывал подобные скульптуры — она знала, что он безжалостный и извращенный человек. Потягаться с ним в этом могла только Никки с сердцем из черного льда. Но обитатели этого изолированного города, бывшего вне досягаемости Имперского Ордена, почему-то решили изобразить похожие страдания. Никки это сильно беспокоило.

Они вышли к ручью, который тек по поросшему деревьями склону холма, вращая колесо водяной мельницы. Вода толкала лопасти, поворачивая жернова, но за несколько лет без присмотра колесо сдвинулось с оси и теперь громко скрипело. В стенах мельницы недоставало деревянных досок.

Никки и Бэннон добрались до центра поселения. Вокруг главной площади и рынка стояли около сотни домов. Многие могли вместить только одну семью, но были здесь и двухэтажные здания, построенные из древесины из ближайшего леса и камней из соседнего карьера.

Город казался совершенно необитаемым.

На открытой площади стоял пересохший каменный фонтан; кузница пришла в негодность, горн давным-давно остыл; гостиница и таверна были тихими и безлюдными. Неподалеку виднелись несколько торговых контор, склад, харчевня, конюшня без лошадей и сенные сараи, забитые старым сеном. Деревянные столы и прилавки по периметру площади — вот и все, что осталось от шумного рынка. На торговых лотках валялась иссохшая скорлупа и гнилые ядра орехов. По городской площади носились одичавшие куры.

Разум Никки фиксировал второстепенные детали, в то время как ее внимание было сосредоточено на многочисленных статуях. Каменные фигуры стояли повсюду: на рынке, в дверных проемах, возле овощных прилавков, у колодца. Бэннон выглядел так, словно ему стало дурно. Каждая статуя выражала все те же ужас и страдания; гладкие мраморные глаза бы-

ли распахнуты в смятенном неверии или зажмурены в яростном отрицании; каменные губы искривились от рыданий.

Бэннон замотал головой:

— Пресвятая Мать морей, зачем кому-то создавать такое? Я всегда пытался представить себе прекрасный мир, но кто захочет представлять вот это? Зачем ставить в городе эти статуи?

— Потому что все они виновны, — раздался низкий голос.

Резко обернувшись, они увидели лысого мужчину, который вышел из темного деревянного здания, похожего на жилище высокопоставленной персоны. Высокий и худой мужчина с неестественно вытянутым черепом шагал по улице к ним. Чуть выше линии бровей на его голове была золотая диадема; длинные черные одежды плыли вслед за незнакомцем. Рукава расширялись книзу, а вместо пояса на талии была толстая золотая цепь. Его пронизывающие глаза были необычайно светлого голубого оттенка — как чистая вода в горном ручье. Лицо его было столь мрачно, что по сравнению с ним даже Владелец выглядел дружелюбным.

Бэннон инстинктивно обнажил меч, защищаясь от угрозы, но Никки выступила вперед.

— Виновны в чем? Кто ты?

Сухопарый мужчина остановился перед ними, и теперь казался еще выше. Он словно наслаждался видом бесчисленных страдающих статуй.

— Каждый виновен в собственных преступлениях и неосмотрительности. Слишком долго перечислять все прегрешения.

Никки посмотрела в неумолимые блеклые глаза.

— Я спросила, кто ты. Ты здесь один? Куда все ушли?

— Я Судия, — сказал он глубоким баритоном. — Я принес правосудие в Локридж, как и во многие другие города.

— А мы просто путники, — сказал Бэннон. — Мы искали, где поужинать и остановиться на ночлег, и, возможно, купить припасы.

Никки не сводила глаз со странного человека.

— Ты волшебник.

Она чувствовала внутри него дар, ощущала его магию.

— Я Судия, — повторил он. — Я несу бремя дара и ответственности, обладаю орудиями и властью вершить правосудие. — Он сурово взирая на Никки и Бэннона своими бледно-голубыми глазами, прошивая их насквозь — словно мужчина препарировал их в поисках порочности.

— Кто наделил тебя такой властью? — спросила Никки.

— Само правосудие. — Он вел себя так, словно Никки была самым глупым собеседником за всю его жизнь. — Много лет назад я был обычным мировым судьей, по общему соглашению странствовал по областям, потому что людям требовался беспристрастный закон. Я скитался из города

в город, люди показывали мне обвиняемых, а я судил их. Я слушал, какие законы они нарушили, смотрел на обвиняемого и устанавливал, как все было на самом деле, а потом назначал кару за преступление. — Он положил свою длиннопалую руку на центр груди, скрытой темными одеждами. — Это мой дар. Я знаю, правду ли говорит человек. Посредством магии я определяю, виновен ли он, а потом объявляю соответствующий приговор от имени главы города. Таково было наше общее соглашение. Таков наш закон.

— Как исповедница, — сказала Никки. — Точнее, исповедник.

Станный мужчина обратил на нее свой безразличный взгляд.

— Я ничего не знаю об исповедниках. Я Судия.

— Но где же все люди? — спросил Бэннон. — Если горожане согласились с вашим приговором, то где они? Почему они ушли из города?

— Они не ушли, — сказал угрюмый волшебник. — Но мое призвание изменилось и стало сильнее. Я стал сильнее. Амулет, с помощью которого я устанавливал истину и невиновность, стал частью меня и наделил меня могуществом.

Судия откинул полы черной мантии и выставил напоказ свою голую грудь и висевший на тонкой золотой цепочке амулет — треугольную золотую пластину с вырезанными на ней замысловатыми петлями, тайными символами и заклинаниями; в центре амулета был темно-красный гранатовый камень. Но это было не просто украшение — золотой треугольник врос в плоть волшебника. Кожа возле амулета вздулась и была покрыта шрамами, словно кто-то вдавил раскаленную пластину в грудь, как в мягкий воск, а потом расплавленная плоть застыла. Звенья цепочки проходили сквозь ключицы и сухожилия на шее Судии и были частью его тела. Гранат в центре амулета светился от бурлящего внутри магического пламени.

Бэннон ахнул:

— Что с вами случилось?

— Я стал Судией. — Его твердый осуждающий взгляд обратился на юношу. — Годами я судил за довольно небольшие проступки — разбой, воровство, поджоги, измены. Иногда попадались убийства и изнасилования, но здесь, в Локридже... — Его глаза цвета воды скользнули над головами Никки и Бэннона и посмотрели вверх, словно взывая к духам. — Здесь я изменился. Тут жила женщина по имени Рева, у которой было три прекрасные дочери — старшей было восемь, а младшей всего три. Мать обладала притягательностью, как и ее маленькие девочки, но ее муж Эллис возжелал другую женщину. Он изменил своей жене, и когда Рева узнала об интрижке, то решила, что это ее вина, что она уделяла слишком много внимания своим дочерям и проводила мало времени с мужем. Рева отчаянно хотела вернуть любовь супруга. — Судия с отвращением вздохнул. —

Она была безумна. Рева задушила дочерей во сне, чтобы те больше не стояли между ней и Эллисом. Она думала, он станет любить ее сильнее. Ночью муж пришел домой после тайных любовных утех, и Рева с гордостью показала ему результат своих трудов. Она раскрыла свои объятия и сказала, что теперь все ее время и сердце всецело в его распоряжении. Увидев мертвых детей, Эллис взяв с кучи дров колун и убил свою жену. Он нанес ей шестнадцать ударов.

Выражение лица Судии даже не дрогнуло, пока он рассказывал эту историю.

— Когда я пришел судить Эллиса, то прикоснулся к центру его лба. Все мы думали, будто знаем, что произошло. Я воззвал к силе своего амулета и познал истинную историю; прочел все его мысли и узрел его черное отравленное сердце. Я уже знал об ужасном преступлении его жены, но теперь открыл то, что сотворил этот мужчина. Да, он убил свою жену после того, как она задушила дочерей. Эллис несомненно совершил убийство, но некоторые даже сочувствовали ему. Только не я. Я разглядел в Эллисе еще более отвратительную порочность. Он убил Реву не из-за ужаса от ее поступка, как всем нам казалось. Нет, я видел в сердце Эллиса, что он был только рад гибели членов своей семьи и использовал это как оправдание, чтобы избавиться от опостылевшей жены и детей. Он думал, ему все сойдет с рук. Когда его вина устремилась в меня, преступления зарядили амулет. Магия окрепла, и я высвободил ее дикую мощь. Я был зол и испытывал отвращение. Я заставил Эллиса прочувствовать свою вину и испытывать величайший и сильнейший ужас. Когда его разум был переполнен ужасом, я заморозил Эллиса, обратил его в камень в тот момент, когда он испытывал сильнейшее чувство мучительной вины, и навеки обрек его переживать тот миг своей жизни. — Судия издал долгий вздох. — Когда я выпустил магию, это освободило меня. — Волшебник дотронулся до шрамов вокруг вплавленного в плоть амулета. — Я стал не просто мировым судьей, не просто человеком, который открывает истинную виновность. Я стал Судией. — Его голос помрачнел и зазвучал зловеще. — Я должен защитить эти земли, таково мое призвание. Я должен отыскать всех виновных и не могу позволить путникам перейти через горы и войти в плодородную долину. Я обязан остановить распространение порока.

Бэннон с трудом сглотнул и шагнул назад, поднимая меч.

Никки не шелохнулась — она и так была готова сражаться.

— И ты судил всех этих людей?

— Всех. — Судия обратил на нее ледяной взгляд бледно-голубых глаз. — Лишь невинный может продолжить путь. — Он сузил глаза. — В чем виновна ты, колдунья?

— Моя вина тебя не касается, — с вызовом ответила Никки.

Впервые она увидела, как тонкие бледные губы Судии искривились в подобии улыбки.

— Ах. Как раз-таки касается.

Гранат в его амулете засветился.

Никки потянулась внутрь себя, готовая распрямить свернувшуюся в пружину магию, но вдруг поняла, что не в силах этого сделать. Ее ступни приросли к земле, и она не могла пошевелить ногами. Руки отказывались гнуться.

— Что... что происходит? — ахнул Бэннон.

— Я Судия. — Мужчина сделал шаг вперед, вплавленный в его грудь амулет пульсировал. — Для всех преступников у меня одно наказание: снова и снова переживать момент своего величайшего греха. Бесконечно. Я обращаю тебя в камень в этот восхитительный миг, и ты до конца времен будешь видеть свои ужасные преступления.

Ноги Никки стали холодны, словно налились свинцом. Она не могла повернуть головы, но краем глаза видела, как белеют рука и черное платье. Колдунья обращалась в камень.

— Тебе нечего бояться, если ты непорочна, — сказал мужчина. — Суд будет честным, ведь я — Судия.

Волшебник приблизился к ним. Никки пыталась сражаться, призвать свою магию, но ее зрение затуманилось. В ушах нарастал жужжащий рев, словно ее голова была наполнена тысячами пчел. Хотя Никки едва могла видеть угрюмого волшебника, она слышала его слова:

— Увы, я пока так и не встретил в этих землях невинного человека.

Глава 32

Магия Судии сомкнулась вокруг Никки подобно кулаку. Колдунья сопротивлялась, но ее тело оставалось неподвижным, а разум постепенно каменел. Она едва могла думать. Судия поймал ее в ловушку. Должно быть, темный волшебник почуял мощь ее дара и ударил так, чтобы она не могла ему противостоять. Никки никогда не сталкивалась с подобным заклинанием. Ее плоть уплотнялась и твердела, тело костенело. Время словно замерло... Теплый оттенок ее кожи сменился холодным серовато-белым мрамором; легкие сдавило, кости стали невыносимо тяжелыми.

Зрение все больше затуманивалось, глаза каменели. Голубая радужка треснула, затвердела... последнее, что увидела Никки — юного Бэннона с длинными рыжими волосами и бледным веснушчатым лицом. На его лице

часто бывало наивное, жизнерадостное и оторванное от реальности выражение, так раздражавшее Никки. Но сейчас его лицо переполняли отчаяние и мука, рот был открыт в оскале, и, хотя Никки была оглушена накатывающим безмолвием, ей показалось, будто Бэннон прокричал «...котята...», а потом превратился в окаменевшую скульптуру мужчины, на которого обрушилась лавина невыносимого горя и вины.

Зрение Никки померкло, и теперь она могла видеть только кошмарные отголоски своих прежних деяний. Воспоминания окрепли, словно тоже были запечатлены в искусно вырезанном камне. Ужасные, тяжелые воспоминания.

* * *

Натан вышел из сторожевой башни, пошатываясь после столкновения с призрачной армией, появившейся из кровавого стекла. Солнце уже опустилось за линию холмов, и одинокий волшебник настороженно пошел через темный зловещий лес.

Он не ожидал, что его вылазка займет так много времени, но все же увидел и узнал много ценного в историческом плане. Эти земли Древнего мира были пропитаны кровью многовековых войн — мелкие правители нажились друг на друга после того, как путь в Новый мир был перекрыт великим барьером, возведенным во времена древней войны волшебников. Читать об истории и проживать ее — совсем разные вещи.

Старик шел сквозь стужающиеся тени, держа направление на заброшенную имперскую дорогу. Натан переживал, что в сумерках может проглядеть ее и пройти мимо. Он хотел присоединиться к Никки и Бэннону в городе, надеясь на добротную гостиницу и горячую пищу, но решил разбить лагерь. Ему не терпелось рассказать своим спутникам о сторожевой башне и отведать местного эля, но придется провести ночь в лесу в полнейшем одиночестве.

— В приключениях приходится мириться и с такими не очень-то и заманчивыми и приятными моментами, — сказал он.

Он нашел укромную поляну, окруженную вязами, и решил, что подушкой ему послужит дорожный мешок. Ночь становилась темнее и холоднее, а Натан сидел под ветвями, размышляя об утрате своего дара и о том, что случилось, когда он попытался использовать магию по пути к башне. Сейчас, глядя на груды собранного им сухого хвороста, он не мог отделаться от мысли, как просто было бы разжечь прекрасный костер, будь у него магия, чтобы высечь хоть искорку. Он никогда не был мастаком в использовании кремня и кресала — у него не хватало терпения. Да и зачем

Натану Ралу такое примитивное умение, если он может высечь огонь щелчком пальцев?

Смирившись с неудачей, он поел холодной еды, завернулся в коричневый плащ, которым обзавелся в бухте Ренда, и провалился в беспокойный, тревожный сон. Домотканая льняная рубашка, прежде принадлежавшая Филипу, сохраняла тепло.

С первыми лучами солнца Натан двинулся в путь. Пробираясь через низкий кустарник и молодую поросль, он держал в уме нужное направление. Наконец он вышел на основную дорогу и ощутил внезапный прилив удовлетворения. Теперь он мог догнать Никки и Бэннона. Если верить карте, довольно большой город — Локридж — находился всего в нескольких милях.

Наступило позднее утро, когда волшебник увидел первые заброшенные фермы. Он попил воды из колодца — вряд ли кто-то будет возражать — и прогнал двух надоедливых коз, которые жаждали его внимания. Причудливые омерзительные скульптуры казались неуместными, но Натан за свою жизнь повидал много странного и необъяснимого. Люди часто обладали дурным вкусом — а эти скульптуры и правда были сомнительными.

Дорога шла мимо других ферм и домов, но все они были безмолвны, и только уродливые статуи оживляли пейзаж. Возможно, местный мелкий правитель вообразил себя скульптором и приказал, чтобы у каждого подданного стояла отвратительная статуя его работы.

К полудню Натан добрался до города. Его глазам предстало обычное горное поселение с обычными магазинами, домами, рынком, площадью, конюшней, гостиницей, кузницей, гончарной и столярной мастерскими — только вот повсюду стояли сотни каменных статуй, изображавших людей в момент нестерпимых душевных страданий.

Натан поскреб ногтями щеку и пошел вперед, осторожно ступая ногами в легких кожаных ботинках — он опасался, что может пробудить эти жуткие статуи, и ощущал себя здесь незванным гостем. В обычных обстоятельствах он смог бы ощутить волшебство или опасность. Натан погрузился в себя и отыскал искаженную спящую магию — измочаленный клубок, оставшийся после того, как дар пророчества был грубо вырван с корнем. Хань был беспокойным и враждебным, поэтому Натан не осмелился его использовать. Уж на это ему хватило ума.

Он мог бы громко крикнуть, но тишина была слишком зловещей — даже хуже, чем в древней сторожевой башне. От почти осязаемых ужаса и страданий на лицах статуй по его коже забегали мурашки. Натан видел самых разных людей: торговцев, фермеров, прачек и детей.

Две статуи на площади Локриджа выглядели блее и чище остальных: наверняка это новые творения безумного скульптора. Ужас до неузнавае-

мости искажил черты молодого мужчины, но Натан все же узнал его. Бэннон!

Рядом с ним стояла прекрасная колдунья; изгибы ее тела и изящное платье были произведением искусства наделенного воображением скульптора. На лице Никки было меньше страдания, чем на лицах других статуй, но все же оно выражало явную боль, словно вина и сожаления были разбиты на бесчисленные острые осколки, а потом неправильно собраны вновь.

Натана прошиб озноб, когда он медленно повернулся. Здесь потрудились некая ужасная магия. Он не знал, что за заклинание тому причиной, но был уверен, что это не просто скульптуры его друзей, а обращенные в камень Никки и Бэннон.

Мощный баритон прорезал хрустальную тишину города.

— Ты непорочный человек? Или пришел, чтобы быть осужденным, как остальные?

К волшебнику шел высокий мужчина в черных одеждах с вытянутым лысым черепом и золотой диадемой на лбу. Мантия была распахнута на груди, обнажая шрамы на восковой коже, в которую врос золотой амулет.

Натан настороженно ответил:

— Я прожил тысячу лет. Довольно трудно все это время хранить непорочность и невинность.

— Праведный человек способен на это.

— Впрочем, я не отягощен виной. — Натан не сомневался, что этот мрачный волшебник сотворил заклинание статуи, превратившее его жертв в камень — в том числе Никки и Бэннона. — Я путешественник, посланник Д'Харианской империи. Можно сказать, посол по особым поручениям.

— А я Судия. — Мужчина шагнул вперед, и багровый гранат на вплавленном в плоть амулете начал светиться.

В прежние времена Натан высвободил бы свою магию и атаковал, но теперь дар не мог ему помочь. Его рука метнулась к рукояти меча, но двигалась слишком медленно, словно во сне. Натан почувствовал, как его ноги приросли к земле, и догадался, что происходит.

Судия приблизился, уставившись на него своими светло-голубыми глазами:

— Лишь невинный продолжит путь, но я отыщу твою вину, старик. Я узнаю все.

* * *

Никки застыла в окаменевшей галерее своей жизни, глядя на обличительные картины прошлого. Ей пришлось столкнуться со своими ужасны-

ми поступками, с темной стороной своей жизни... Госпожа Смерть... слуга Владетеля. Это бремя было тяжелее многотонной скалы.

Неотъемлемой частью ее служения Джеганю были пытки и убийства. Она содействовала Имперскому Ордену и ошибочно полагала, что служит человечеству: насаждает равенство, помогает бедным и немощным, перераспределяет богатство жадных манипуляторов. Она не чувствовала вины за это.

Она уже очень давно жалела, что не пришла на похороны отца, но сестры не позволили ей покинуть Дворец Пророков. Ее отец был трудолюбивым оружейником, рачительным хозяином (теперь она это понимала), мастером, чью работу ценили клиенты — пока Орден не сокрушил его. Никки приложила руку к этому краху, будучи целеустремленной юной девушкой, которой мать запудрила мозги. Она была ярой и искренней последовательницей своей веры. Когда кто-то искренне следует за чем-то неправильным, разве он виновен?

Годами не покидая Дворца Пророков, Никки пропустила кончину своей властолюбивой матери. На этот раз она смогла посетить похороны, хотя и не горевала из-за утраты столь жестокой женщины. Чтобы заполучить прекрасное черное платье для церемонии, Никки позволила гадкому портному похотливо облапать ее тело. Она готова была заплатить такую цену, и считала, что должна так поступить. Тут ей не за что себя винить. С тех самых пор она предпочитала носить черные платья.

Темные воспоминания росли в ее разуме, и она ощутила необходимость искупить вину за то, что насильно увела Ричарда от его возлюбленной Кэлен и заставила его притворяться своим мужем на пути в Алтур'Ранг. Ужасный поступок, даже несмотря на то, что Никки всего лишь желала убедить Ричарда в правильности ее верований. За это время она влюбилась в него, но это было извращенное и надломленное чувство, которого не понимала даже сама Никки.

Но самым худшим ее деянием было другое: когда в Алтур'Ранге Ричард отверг ее и отказался заняться с ней любовью, она легла под другого мужчину и позволила ему грубо обращаться с собой, бить и насиловать — хотя это было не совсем изнасилование, ведь она сама настояла на этом. И она прекрасно знала, что из-за материнского заклатья Кэлен передадутся все физические ощущения Никки... и Кэлен поверит, что Ричард изменил ей, что он наслаждается телом Никки, неистово и страстно.

Должно быть, это сильно ранило Кэлен... И Никки была рада этому.

Да, в этом она виновна.

Но Никки уже давно смирилась с этим, а Кэлен и Ричард простили ее. Давным-давно она была ожесточенным и злым человеком, Госпожой Смерть, но теперь Никки стала другой. Она не погрязла в своем прошлом,

ее не преследовали призраки собственных деяний. Она служила Ричарду, сражалась за него и помогла сокрушить Имперский Орден; лично казнила Джегана; служила Ричарду с неизменной преданностью, убила бесчисленное множество кровожадных полулюдей из Темных Земель. Она выполняла все просьбы Ричарда и даже остановила его сердце, отправив в преисподнюю, чтобы он мог спасти Кэлен.

Она отдала ему все, кроме своей вины. Никки не держалась за вину. Совершая эти преступления, она ничего не чувствовала.

А сейчас, в этом новом путешествии, она служила еще более важной цели — не столько Ричарду Ралу, которого она любила, сколько его мечте. В этом служении не могло быть никакой вины. Никки — колдунья, обладающая силой убитых ею волшебников. В ее распоряжении были заклинания, которым научили ее сестры. В ее душе была сила, которая превосходила любое воображаемое призвание этого самозваного Судии.

Она могла контролировать магию, и не в его власти было назначать наказание.

Ее тело могло обратиться в камень, поймав ее мысли в удушливом чистилище, но чувства Никки прежде уже были подобны камню, у нее было сердце из черного льда. Это было ее защитой. Теперь она снова обратилась к этой защите, выпуская любую искорку магии, которую смогла призвать, ища проблеск решимости и отказываясь принять наказание, которое наложил на нее мрачный волшебник.

Ее ярость набирала силу, внутри пробуждалась магия. Она не была невежественной убийцей-деревенщиной или мелким воришкой. Она колдунья. Госпожа Смерть.

Никки почувствовала, как камень вокруг и внутри нее начал трескаться...

* * *

Вытянутое лицо Судии было бескровным и непреклонным, словно вся эмоциональность была выщелочена. Он сухо объявил наказание Натана и сотворил заклинание, чтобы поймать его в ловушку.

— Все они виновны, — сказал он. — Каждый. У меня так много работы...

Натан напрягся, пытаясь пошевелить окаменевшей рукой.

— Нет, ты этого не сделаешь.

Его рука почти дотянулась до меча, но даже если он прикоснется к рукояти, пользы от этого не будет. Заклинание камня окружило Натана и быстро обращало плоть в камень, останавливая время для его тела. Натан

не мог сражаться, не мог сбежать и едва мог шелохнуться. Единственным доступным ему средством была магия — нужно ударить ответным заклинанием. Но если он не смог даже разжечь костер, то куда ему сражаться с таким могущественным волшебником?

Если он сумеет призвать свою непредсказуемую силу, то не сможет контролировать ее. Натан еще не забыл попытку исцелить раненого в бухте Ренда, которого разорвало на части то, что должно было быть исцеляющей магией. Натан просто пытался помочь бедняге...

Может, это и была та великая вина, которую Судия заставит прожить его снова и снова до тех пор, пока стоит камень.

Он услышал тихий треск, когда заклинание сковало камнем кожаную сумку, в которой лежала дорожная одежда и книга жизни. Натан не мог вдохнуть.

Он чувствовал, как внутри корчится магия, ускользая подобно змее, уползающей в заросли. Какая разница, если высвобожденная им магия работает неправильно? Какой вред может быть хуже того, с чем он уже столкнулся? Даже Никки закована в камень, а Бэннон — бедный Бэннон — застыл в бесконечной муке. Натану было нечего терять. Неважно, какой побочный эффект вызовет магия, если он выпустит ее. Даже если все пойдет не так, он хотя бы попытается.

Его легкие сокрушились под каменным весом вины, которая сжимала его и душила, но Натану удалось выдавить из себя несколько слов:

— Я Натан... Пророк Натан. — Он сумел сделать еще один крошечный вдох и прохрипел: — Волшебник Натан!

Магия выползла из него подобно ядовитой мурене, которую спугнули с ее темного подводного алькова. Натан отпустил ее, не зная, что та будет делать... его это уже не волновало. Неконтролируемая магия вырвалась на волю.

Он слышал и чувствовал, как в его теле с шипением нарастает белый жар. В какой-то миг он был уверен, что его тело взорвется, а череп расколется от безграничной мощи.

Стоявшая перед ним статуя Никки словно изменялась и смягчалась, по белому камню, пленившему ее совершенное тело, побежали бесчисленные тонкие трещины. Натан сомневался, что имеет к этому отношение. Его собственная магия была здесь... она выкипала и брызгала на Судию, словно раскаленное масло.

Мрачный волшебник отшатнулся и попятился.

— Что ты творишь? — Он воздел руку, а вторую прижал к своему амулету. — Нет!

Заклинание окаменения Судии, которое обернулось вокруг Натана подобно удушающему плащу, теперь соскользнуло, скрикошетило и объеди-

нилось с одичавшей магией Натана. Эта волшебная смесь ударила в Судию. Угрюмый мужчина расправил плечи, а потом вздрогнул от ужаса. Его узкая нижняя челюсть отвисла, на лице появилось выражение крайнего отчаяния. Бледно-голубые глаза стали белеть, мантия застыла, превращаясь в камень.

— Я Судия! — вскричал он. — Я судья. Я вижу вину...

С громким треском Никки вырвалась из окаменения — каким-то образом она смогла воспользоваться своей силой. Зрение Натана обострилось, он ощутил, как камень вытекает из его тела, словно песок из песочных часов. Плоть стала мягкой, по жилам снова потекла кровь.

Необузданная магия Натана хлестала, крутилась и крушила. Судия корчился и кричал, постепенно застывая. Даже его одежды превращались в мрамор.

— Ты. Виновен! — сказал Натан преображающемуся Судии, когда смог сделать вдох. — Твое преступление в том, что ты судил всех этих людей.

Камень поглощал Судию, с треском захватывая его кожу, обращая в мрамор веки его широко открытых глаз.

— Нет! — Это было не отрицание, а полное ужаса понимание. — Что я натворил? — Его голос стал хриплым и грубым, когда горло начало твердеть; грудь застыла, он больше не мог вдохнуть. — Все эти люди! — Камень охватил его лицо, полное неизмеримого сожаления и стыда. Рот открылся в последнем незаконченном «нет», и Судия стал самой новой статуей в Локридже.

Уставившись на каменную фигуру, Натан ощутил, как его неистовая магия рассеялась. Она опять была вне его досягаемости. Он глубоко вздохнул, чувствуя, как его снова переполняет жизнь.

Глава 33

Когда Судия превратился в камень, его заклинание во всем городе разбилось и рассеялось.

Освободившаяся от камня Никки медленно выпрямилась и выдохнула, почти ожидая увидеть, как из ее легких выходит пыль. Светлые волосы и кожа шеи снова стали податливыми, ткань ее черного платья струилась по телу. Колдунья подняла руки, разглядывая ладони.

Силой воли она разбила пленившее ее заклинание окаменения, но Натан сверг господство извращенного Судии. Теперь старый волшебник

сгибал руки и топал ногами, восстанавливая кровообращение. Он озадаченно покачал головой.

Стоявшая рядом статуя Бэннона, на лице которого застыла безнадежная мука, медленно наливалась цветом. У него снова была розовая кожа, рыжие веснушки и огненные волосы. Но вместо того чтобы удивиться своему спасению, юноша упал на колени посреди городской площади и издал вопль отчаяния. Он склонил голову, его плечи содрогались от рыданий.

Натан попытался утешить убитого горем юношу, молча положив руку ему на плечо. Подойдя к Бэннону, Никки мягко заговорила:

— Нам больше ничего не угрожает. Что бы ты ни испытывал, оно осталось в прошлом. Ты видел того, кем ты был, но сейчас ты другой. Не вини себя за то, кто ты есть.

Она предположила, что он оплакивает потерю своего друга Яна, которого схватили работоторговцы. Но почему он произнес слово «котятта», когда начал превращаться в камень?

Тихое потрескивание на площади и улицах города медленно переросло в грохот, который сопровождался всплесками пыли, звучащими как изумленный шепот.

Никки обернулась и увидела горожан, закованных в камень жестоким правосудием Судии: один за другим они начали шевелиться. Измученные скульптуры ожили, но еще не оправились от кошмарных воспоминаний, которые так долго их истязали.

Послышались вопли и рыдания, которые переросли в какофонию проклятых. Люди слишком сильно погрузились в свои страдания и были не в состоянии оглядеться и понять, что освободились от жестокого заклинания.

Бэннон наконец поднялся. Его глаза были красными и опухшими, а лицо мокрым от слез.

— Нам больше ничего не угрожает, — сказал он, словно мог утешить горожан. — Все будет хорошо.

Некоторые обитатели Локриджа слышали его, но многие были в состоянии шока и не понимали слов. Мужья и жены находили друг друга и сплетались в отчаянных объятиях. Дети с плачем подбегали к родителям и находили утешение в тепле воссоединившейся семьи.

Растерянные горожане наконец обратили внимание на трех чужаков. Один мужчина представился Раймондом Барре, мэром Локриджа.

— Я говорю от имени всех жителей города, — он перевел взгляд с Никки на Натана и Бэннона. — Это вы спасли нас?

— Мы, — ответил Натан. — Но мы просто путники, которые искали горячий ужин и хотели спросить дорогу.

С нарастающим гневом горожане заметили гротескную статую пораженного ужасом Судии. Никки указала на этого извращенного человека, теперь обращенного в камень:

— У цивилизации должны быть законы, но справедливость невозможна, пока аморальный человек назначает наказание без сострадания и милосердия.

— Если каждый из нас виновен, — вступил в разговор Бэннон, — то мы ежедневно несем свое наказание. Как я смогу забыть?..

— Никто из нас этого не забудет, — сказал мэр Барре. — И никто из нас не забудет о вас, странники. Вы спасли нас.

На площадь подтянулись остальные горожане. На трактиршике был фартук, запачканной едой, которую он подал на стол много лет назад. Фермеры и торговцы смотрели на обветшавший город, провалившиеся прилавки, гнилые ошметки фруктов и овощей, на потрепанные ставни окон гостиницы, рухнувшую крышу конюшни и посеревшее от времени сено в сарае.

— Сколько времени это длилось? — спросила женщина, каштановые волосы которой выбивались из небрежного пучка на голове. Она вытерла руки о юбку. — Я помню, что была весна. А сейчас, кажется, лето.

— Но лето какого года? — спросил кузнец. Он указал на дверные петли полуразрушенного сарая. — Взгляните на эту ржавчину.

Натан назвал им год по д'харианскому летоисчислению, но городок, который находился далеко на юге в глуши Древнего мира, все еще придерживался календаря древнего императора, и д'харианская дата ни о чем им не говорила. Они даже не помнили Жеганя и Имперского Ордена.

Хотя мэр Барре был потрясен так же сильно, как и остальные горожане, он созвал всех на городскую площадь, где Никки с Натаном помогли ему объяснить, что произошло. Каждая жертва помнила свою встречу с Судией, и многие вспомнили те времена, когда странствующий мировой судья приходил судить мелких преступников и назначал разумные наказания — еще до того, как мужчину поглотила магия и амулет превратил его в монстра.

Мать, за руки которой держались маленькие сын и дочка, подошла к статуе злого человека. Мгновение она молча стояла, ее лицо наливалось ненавистью, а потом она плюнула на белый мрамор. Остальные приблизились и последовали ее примеру.

Потом хозяин конюшни предложил взять кузнечные молоты и зубила, чтобы разбить на куски статую Судии. Никки лишь мрачно кивнула.

— Я не буду вас останавливать.

Превратившись в жестокую разъяренную толпу, жители Локриджа ломали и крушили ненавистную статую, пока Судия не превратился в ка-

менные осколки и крошку. Когда от него осталась груда щебня, люди отступили, опустошенные, но не удовлетворенные.

Первым заговорил мэр Барре:

— Мы должны вернуться в свои дома и восстановить нашу жизнь. Сделайте уборку, приведите в порядок сады. Найдите других жертв этого человека и объясните им, что произошло.

— Магия изменилась, и мир тоже изменился, — сказал Натан. — Даже звезды на небе переместились. Когда наступит ночь, вы увидите незнакомые созвездия. Мы еще не постигли всех произошедших в мире перемен.

Речь взяла Никки:

— Лорд Рал, правитель Д'Харианской империи, сверг императоров, которые угнетали и Древний, и Новый мир. Мы пришли сюда, чтобы увидеть его новые земли и рассказать всем вам, что отныне мир свободен и спокоен. Мы нашли этот город, освободили вас и уничтожили Судию. — Она взглянула на неузнаваемые обломки и заметила изогнутый фрагмент, напоминавший ухо. — Этот человек относится к тому виду чудовищ, которым противостоит лорд Рал. — Она расправила плечи. — И мы выступили против этого чудовища.

Люди перешептывались, обсуждая новые сведения, а Натан озабоченно кивал. Он обратился к Никки:

— Я много веков изучал магию и помню истории о древних волшебниках Ильдакара и их умении обращать людей в камень. Некоторые из них даже называли себя скульпторами. Они практиковали свои умения не только на осужденных преступниках, но и на воинах, потерпевших поражение на их великой боевой арене. Такие статуи использовались в качестве украшений. — Он провел большим и указательным пальцами по своему гладкому подбородку. — Этот вид магии не просто преобразовывает плоть в мрамор, запуская алхимическую реакцию. Нет, это заклинание — совершенно иная форма магии, которая способна замедлять и останавливать ход времени, заставляя плоть каменеть, словно прошли тысячи веков. Мне еще нужно об этом поразмыслить.

Чуть позже Никки и ее спутники узнали, что в этих горах есть много других городов, объединенных сетью дорог — и многие из поселений обращались к этому странствующему мировому судье. Никки боялась, что Судия обратил в камень и других людей. Но теперь заклинание разрушено, и население других городов тоже пробудится.

Возможно, целый район Древнего мира только что очнулся...

— Спасение мира, как и предсказала ведьма, — задумчиво сказал колдунья Натан.

— Ты сделал не меньше моего, — ответила она.

Волшебник лишь пожал плечами.

— Доброе дело есть доброе дело, и неважно, чья это заслуга. Я покинул Народный Дворец, чтобы помогать людям, и я счастлив, что мне это удалось.

Никки не могла с ним не согласиться.

Выбитые из колеи горожане разбрелись, чтобы осмотреть свои заброшенные жилища и обустроить жизнь заново. Никки, Натан и Бэннон присоединились к трактирщику и его жене, чтобы пообедать овсяной кашей, сваренной из чудом уцелевшего мешочка зерна.

Бэннон по-прежнему был безутешен и тщетно пытался обрести мир и покой. Юноша был раздражителен, несдержан и мрачен. Когда они, наконец, остались наедине в одной из пыльных комнат гостиницы, Никки спросила:

— Я вижу, что ты еще страдаешь от пережитого испытания, но теперь заклинание разбито. Что ты видел, когда оказался в каменной ловушке?

— Скоро я буду в норме, — хрипло сказал Бэннон.

Никки надела на него:

— Выражение вины на твоём лице куда хуже, чем когда ты рассказывал нам о Яне и работягах.

— Да, это хуже.

Никки ждала ответа, поощряя его своим молчанием, и наконец он выпалил:

— Это были котята! Я вспоминаю о мужчине с моего острова, который утопил в мешке котят. — Бэннон отвел взгляд и продолжил: — Я пытался помешать ему, но он бросил мешок в ручей, и они утонули. Я хотел спасти их, но не мог. Они пищали и мяукали.

Никки подумала о всех ужасных испытаниях, выпавших на её долю; о вине, которую она взяла на себя, а потом отбросила; о крови, которую она пролила и о жизнях, которые разрушила.

— И это твоя величайшая вина?

Она не верила ему. Большой ореол боли, чем от потери Яна?

— Кто ты такая? — Когда юноша повернулся к ней, его карие глаза полыхали от ярости. — Судия? Не в твоей власти измерять мою вину! Ты не знаешь, как это разбило мне сердце, как мне было плохо. — Он побрел прочь, чтобы найти свободную комнату и устроиться там на ночлег. — Оставь меня. Я не хочу об этом вспоминать. — Он захлопнул дверь, не дав ей продолжить задавать вопросы.

Провожая взглядом уходящего Бэннона, Никки пыталась понять, сколько правды было в его словах. В глазах юноши и в выражении его лица было что-то неправильное. Он скрыл настоящий ответ, но она решила пока не давить на него. Впрочем, рано или поздно она узнает правду.

Каждый в Локридже прошел через свое собственное испытание. Усталая, Никки побрела к своей кровати, надеясь, что хотя бы этой ночью все заснует спокойно, без кошмаров.

Глава 34

Оставив жителей Локриджа собирать обломки своих жизней, Никки, Натан и Бэннон направились в горы по сузившейся старой дороге. Несмотря на то, что мэр Барре был занят помощью горожанам, он подтвердил, что Кол Адаир находится за горами и огромной долиной. После испытания с Судией Натан еще решительнее настроился восстановиться, во что бы то ни стало.

Некогда широкая дорога, по которой путешествовали торговые караваны, заросла из-за того, что по ней никто не ходил. Темные сосны и толстые дубы медленно захватывали ее, намереваясь стереть шрам, оставленный человечеством.

Бэннон был непривычно отрешенным и не проявлял особого интереса к путешествию.

Его обычные жажда разговоров и жизнерадостный облик испарились; юношу все еще терзало то, что Судия заставил его увидеть и снова пережить. Никки столкнулась с последствиями своего темного прошлого и давно справилась с этой виной, но юноша был намного менее опытным в претворении свежих, кровотокающих ран в шрамы.

Натан пытался подбодрить его.

— У нас хороший темп. Может, хочешь остановиться и отдохнуть, мой мальчик? Сразиться на мечях?

— Нет, спасибо. — Ответил Бэннон с необычным для него отсутствием энтузиазма. — Я достаточно сражался с сэлками и норукайскими работниками.

— Верно, мой мальчик, — с наигранным весельем сказал волшебник, — но тренировочный поединок может развлечь тебя.

Никки обошла покрытый мхом валун на тропе и оглянулась.

— Может, он считает развлечением настоящее убийство, волшебник.

Бэннон выглядел уязвленным.

— Я сделал то, что должен. Люди нуждаются в защите. Ты можешь не успеть, но если уж успел, то будь добр сделать все, что в твоих силах.

Они подошли к быстрому ручью, который журчал меж скользких камней. Никки подобрала юбки и пошла по мелководью, не обращая внимания

на то, что ботинки тут же промокли. Натан прошел вдоль ручья и наткнулся на упавший ствол, который служил подобием мостика. Балансируя, он прошел по бревну на другую сторону, а потом повернулся к Бэннону, который шел по природному мосту, почти не глядя под ноги.

Никки наблюдала за юношей, все больше беспокоясь из-за его неутрахающей душевной боли. Апатичный компаньон, погруженный в свои мысли и терзания, мог стать обузой в случае опасности. Никки не могла этого допустить.

Она взглянула на Бэннона, когда он сошел с бревна на мягкий мох берега.

— Нам нужно поговорить об этом, Бэннон Фермер. Рану нужно вскрыть, пока она не загноилась. Я знаю, что ты не открыл мне правду — по крайней мере, не всю.

Бэннон мгновенно насторожился, и вспышка страха скользнула на его лице, когда он отпрянул.

— Правду о чем?

— Что показал тебе Судия? Какая вина гложет тебя?

— Я уже сказал вам. — Бэннон сделал шаг назад, словно хотел убежать. Он побледнел. — Я не смог помешать мужчине утопить мешок с котятами. Пресвятая Мать морей, я знаю, что это может показаться вам ребячеством, но не вам судить, как на меня действует вина!

— Я тебе не судья, — сказала Никки, — и не хочу быть. Но мне нужно понять.

Натан подошел к ним по берегу ручья и вмешался в разговор:

— Ты же не думаешь, что мы поверим, будто Судия осуждает гибель котят сильнее, чем утрату похищенного работоторговцами друга? — Он задумчиво улыбнулся, пытаясь проявить сострадание. — Хотя, честно говоря, мне нравятся котята. Сестры во Дворце Пророков однажды позволили мне завести котенка — о, это было четыреста лет назад. Я растил и любил его, но кот ушел — полагаю, чтобы счастливо ловить мышей и крыс во дворце, который был просто огромен. Прошло несколько веков... — Его голос перешел в тоскливый вздох. — Этот кот наверняка уже умер. Давно я не вспоминал о нем.

Никки попыталась смягчить свой суровый тон, но не слишком преуспела:

— Ты наш компаньон, Бэннон. Ты преступник? Я не собираюсь наказывать тебя, но мне нужно знать. В таком состоянии ты стал помехой для нашей миссии.

Он вскипел:

— Я не преступник!

Он пошел вдоль ручья прочь от своих спутников. Никки ринулась за ним, но Натан положил руку ей на плечо и легонько покачал головой.

— Как бы то ни было, я не буду тебя осуждать, — сказала она вслед юноше. — Я могу потратить несколько месяцев на перечисление имен людей, которым я причинила вред. Однажды я прямо посреди деревни заживо зажарила на костре генерала нашей армии, чтобы показать селянам, сколь я безжалостна.

Бэннон обернулся и уставился на нее, в его взгляде была смесь удивления и отвращения.

Колдунья скрестила руки на груди.

— Ты не смог помешать ему утопить котят. Может, это и правда. Но я не верю, что Судия обрек тебя на вечные муки из-за котят.

Бэннон плеснул себе в лицо холодной водой, а потом свернул от ручья и начал подниматься по склону холма, усеянному луговыми лилиями.

— Это долгая история, — выдохнул он, не оглядываясь.

Натан сказал ему в спину:

— Может, она подождет до вечерней стоянки, когда мы раздобудем еду.

Бэннон прошел через кусты и спугнул пару куропаток. Упитанные птицы закудахтали и быстро побежали, разгоняясь перед взлетом.

Никки небрежно взмахнула рукой, призывая магию. Едва успев об этом подумать, она остановила сердца двух куропаток, и те замертво упали на землю.

— Что ж, теперь у нас есть ужин, а это место вполне подходит для лагеря. У нас есть ручей с водой, хворост для костра — и время для истории.

Бэннон выглядел раздавленным. Не сказав ни слова, он принялся собирать с земли ветки. Натан ошипал птиц, а Никки с помощью магии разожгла костер. Пока готовилась еда, Никки следила за выражением лица Бэннона, который копался в своих воспоминаниях, словно шахтер, который перелопачивает горную породу и просеивает щебень, решая, что стоит оставить.

Бэннон обглодал свою часть куропатки и сходил к ручью, чтобы помыться. Вернувшись, он задрал подбородок и с трудом сглотнул. Никки поняла, что он готов рассказать.

— На Кирии... — его голос надломился. Он сделал глубокий вдох. — Дома... Я сбежал оттуда не потому, что моя жизнь была слишком спокойной и скучной. Она была далека от идеала.

— Это не редкость, мальчик мой, — сказал Натан.

Никки была более категорична:

— Она всегда не идеальна.

— Мои родители совсем не такие, какими я их описывал. Ну, мама такая, как я рассказывал: я любил ее, а она любила меня. Но отец... мой отец был... — Его глаза метались, пока он искал правильное слово, а потом все же решился его произнести. — Он был гадким. Он достоин осуждения.

Бэннон поймал себя на мысли, что боится, будто духи могли его ударить. Юноша ходил взад-вперед, а потом на его лице снова появилось странное выражение — словно он пытался чем-то закрасить свои воспоминания.

— У мамы была полосатая кошка, которую она очень любила. Обычно кошка спала возле очага, где горел жаркий огонь, но больше предпочитала лежать на маминых коленях, свернувшись в клубок. — Глаза Бэннона сузились. — Мой отец — пьяница и мужлан. Он жестокий человек и сам виноват в том, что его жизнь была жалкой, но он делал жалкими и наши с мамой жизни, потому что хотел обвинить во всем нас. Он бил меня, иногда даже палкой, но обычно просто кулаками. Думаю, ему нравилось меня избивать. Но я всегда был лишь второстепенной целью. Я мог убежать от него, а отцу было лень прилагать слишком много усилий; поэтому он бил мою мать. Он запирали ее в доме и избивал всякий раз, когда проигрывал в азартной игре в таверне, когда у него кончались деньги на выпивку, когда ему не нравилась приготовленная мамой еда или ее количество. Он вынуждал мать кричать, а потом наказывал ее за крики и за то, что их могли услышать соседи — хотя все они знали, что он уже долгие годы измывает над ней. Отец любил, когда мама кричала, и, если она старалась молча стерпеть боль, он избивал ее еще сильнее. Ей приходилось идти по узкой дорожке ужаса и боли, чтобы выжить — чтобы мы оба выжили. — Бэннон опустил голову. — В детстве я был слишком мал, чтобы противостоять отцу. А когда я вырос и уже имел силы защититься от него, я просто не мог этого сделать — отец приучил меня бояться.

Он тяжело сел — почти рухнул — на ствол поваленного дерева.

— Кошка была маминым сокровищем, ее утешением, — продолжил Бэннон. — Она гладила лежавшую на коленях кошку и тихо плакала, после того как отец уходил. Кошка словно забирала ее боль и страдания, придавала ей сил, как никто другой. Это была не магия, но в этом было особое исцеление.

Натан доел свою долю куропатки и отбросил кости. Он подался вперед, с нетерпением слушая рассказ. Никки была неподвижна. Она смотрела на выражение лица юноши, на его нервные жесты и впитывала каждое слово.

— Кошка родила пятерых котят — мяукающих, беззащитных и таких прелестных. Но она умерла при родах. Мы с мамой на следующее утро нашли котят в укромном уголке. Они пытались сосать молоко своей окочев-

невшей, холодной матери и тщетно пытались согреться в ее шерсти. Они так жалобно пищали... — Он сжал кулаки, его взгляд был устремлен в глубины воспоминаний. — Когда моя мать подняла мертвую любимицу, я увидел, как в ней что-то надломилось.

— Мой мальчик, сколько тебе было лет?

Бэннон поднял взгляд на старого волшебника, пытаясь сформулировать ответ.

— Это произошло меньше года назад.

Никки удивилась.

— Я хотел спасти котят — ради матери. Они были совсем крошечными, с мягкой шерсткой и острыми как иголки коготками. Когда я взял их в руки, они принялись вырываться. Нам приходилось выкармливать их молоком из наперстка. Мы с мамой нашли утешение в этих котятках... но даже не успели дать им имена — ни одного — потому что их нашел отец. Одной ночью он пришел домой, пребывая в бешенстве. Я понятия не имел, что его так разозлило. Впрочем, причина никогда не была важна — нам с матерью и не нужно было ее знать. В темном углу задурманенного алкоголем разума засела идея о том, что мы виноваты. Он знал, как причинить нам боль — о, он знал это слишком хорошо. Отец вломился в дом, схватил мешок с луком, висевший на стене и вытряхнул его содержимое прямо на пол. Мы пытались не пустить его к котяткам, но отец хватал их по одному и засовывал в мешок. Они мяукали и пищали, прося о помощи, но мы не могли им помочь. Он не позволил. — Лицо Бэннона потемнело, но он не взглянул на своих слушателей. — Я бросился на отца с кулаками, но он наотмашь ударил меня. Мать умоляла его, но ему нужны были котята. Он знал, что так ранит маму гораздо сильнее, чем кулаком. «Их мать подохла, — прорычал он, — и я не хочу, чтобы вы тратили молоко». — Бэннон издал странный звук отращения. — Мысль о «трате» нескольких наперстков молока была столь абсурдна, что я не нашелся с ответом. А потом он распахнул дверь и умчался в ночь. Мама стонала и плакала навзрыд. Я хотел бежать за отцом и хорошенько его проучить, но вместо этого остался с мамой, чтобы утешить ее. Она обняла меня и рыдала, уткнувшись в мое плечо. Мы с ней раскачивались из стороны в сторону. Отец забрал последнее, что любила моя мать, последнюю память об ее обожаемой кошке.

Он тяжело сглотнул.

— Я решил хоть что-то предпринять. Я знал, куда он направился — неподалеку был глубокий ручей, и он собирался бросить мешок именно туда. Я знал, что если не спасу их, то мокрые, продрогшие и беспомощные котята непременно утонут. Что бы я ни сделал, я знал, что отец мне устроит взбучку. Но он и так избивал меня, только вот у меня никогда не было шанса спасти то, что люблю я или моя мама. Поэтому я выбежал в ночь

вслед за своим отцом. Я хотел преследовать его, кричать на него и проклинать, обзывать его мужланом и монстром, но мне хватило ума помалкивать. Я не собирался выдавать свои намерения. Ночь была облачная и темная, а отец был так пьян, что не замечал ничего вокруг. Ему бы и в голову не пришло, что я могу выступить против него, ведь прежде я этого не делал. Он дошел до берега ручья, и я увидел подергивающийся и раскачивающийся мешок в его руке. Он не злорадствовал и словно даже не задумывался о том, что делает. Без всяких проявлений жалости он просто бросил завязанный луковый мешок в быструю воду. Для тяжести он положил внутрь камни, течение подхватило мешок, он несколько раз показался на поверхности, а потом ушел под воду. Я был уверен, что слышу плач котят. Пресвятая Мать морей...

Его голос сорвался.

— У меня было мало времени — котята захлебнулись бы через мину-ту-другую. Я боялся попасть в руки отца. Если бы я подошел слишком быстро, он бы схватил меня своими ужасными лапами, а потом держал бы меня за рубашку или за руку и избивал до потери сознания. Он вполне мог сломать мне кость или две — и, что еще хуже, не дал бы мне спасти котят! Я затаился в темноте на одну мучительную минуту. Сердце бешено коло-тилось. Отец даже не задержался, чтобы насладиться плодами своей убий-ственной работы. Он стоял на берегу ручья на протяжении десяти вдохов, а потом устремился в ночь — туда, откуда пришел. Я со всех ног побежал вдоль ручья, спотыкаясь о камни и врезаясь в низкие ивовые ветви. Следуя за холодным течением в тусклом лунном свете, я пытался углядеть хоть какие-то намеки на тонущий мешок. Я карабкался по крутому берегу ручья, шлепая по воде и оступаясь, но я должен был поспешить. После весенних дождей воды в ручье было много, и течение было быстрее, чем обычно. Я не мог разглядеть, далеко ли унесло котят, но впереди была излучина — и я заметил всплывший на мгновение луковый мешок. Споткнувшись о мши-стые камни и поскользнувшись на грязи, я упал в воду, но меня это не забо-тило. Я ринулся вглубь, обшаривая руками воду перед собой и пытаюсь нащупать мешок. Я хватался за сорняки, резал руки о спутанные ветви, но мешок по-прежнему был где-то под водой. Я больше не слышал плача ко-тят и знал, что уже поздно... Но не прекращал поиски. Я шлепал по воде и нырял, пока наконец не нашарил мешок; я вцепился пальцами в складки грубой ткани. У меня получилось! Плача и смеясь, я выдернул из воды и поднял над головой потяжелевший мешок, с которого струйками текла во-да. Пospешив к берегу, я кое-как выбрался из ручья. Мои оцепеневшие бледные пальцы никак не могли развязать мешок, и я царапал его ногтями, пока, наконец, не разорвал ткань. Из мешка хлынула вода, и я вывалил ко-тят на берег ручья. Помнится, я снова и снова повторял слово «нет». Хруп-

кие и скользкие от воды несчастные котята хлопнулись на землю, словно рыба, вытряхнутая из сетей. Они не шевелились. Ни один. Я брал их в руки, нежно сжимал их, дул в их крошечные мордочки, пытаюсь пробудить их. Их милые маленькие язычки были высунуты. Я не мог прекратить представлять, как они плакали и пытались сделать вдох, захлебываясь в ледяной воде. Крохотные котята не знали своей матери, и я знал, что они звали на помощь меня и мою маму. И мы не спасли их! Не спасли!

Бэннон сгорбился и всхлипнул.

— Я бежал со всех ног. Я пытался вытащить мешок из воды. Я действительно старался! Но все пятеро котят были мертвы.

Натан участливо нахмурился, слушая рассказ Бэннона. Сидя на камне возле костра, он поглаживал свой подбородок.

— Ты старался изо всех сил и сделал все возможное. Ты не можешь винить себя за это вечно. Вина убьет тебя.

Никки пристально смотрела на рыдающего Бэннона.

— Он винит себя не за это, — тихонько сказала она.

Старый волшебник удивился, но Бэннон поднял на Никки свои вмиг постаревшие глаза.

— Нет, — сказал он скрипучим голосом. — Не за это.

Он заламывал пальцы, набираясь храбрости продолжить.

— Я нашел мягкое место под ивой возле ручья и голыми руками выкопал яму. Я положил в могилу котят и накрыл их мокрым мешком, как одеялом, которое могло бы согреть их в холодную ночь. Закопав могилу, я соорудил на ней пирамиду из камней, чтобы показать своей маме это место. Но я не хотел, чтобы отец узнал, где котята и что я сделал. Я долго стоял там и плакал, а потом отправился домой. Я знал, что не смогу скрыть от отца слезы и мокрую одежду, знал, что он наверняка изобьет меня или просто самодовольно посмотрит на меня. Котята были мертвы, и я решил, что он не может причинить мне еще большую боль. Я устал бегать. — Юноша тяжело сглотнул. — Но дома меня ждало нечто гораздо худшее.

Плечи Никки заострелись от напряжения, и она собралась. Бэннон говорил бесцветным голосом, словно в его памяти не осталось эмоций.

— Утопив котят, он вернулся в наш дом, где его ждала мать. С нее было достаточно. Он причинил ей немало боли, ужаса и страданий, но убийство несчастных невинных котят стало последней каплей. Когда он, шатаясь, переступил порог, мама его уже поджидала. Позже, увидев эту сцену, я понял, как все было. Как только отец вошел в дом, мама, держа в руке топориче, напала на отца. Она с криком ударила его по голове и почти преуспела, но удар пришелся вскользь. Она ранила отца до крови, возможно, даже оставила трещину в черепе — и, конечно же, разозлила его. Она тщетно пыталась ранить его, а может, и даже убить. Но отец вырвал топо-

рище из ее рук, хотя она держала его крепко, и обратился против нее... — Бэннон проглотил комок в горле. — Он забил ее до смерти этим топориком. — Он крепко зажмурился. Когда я вернулся домой после погребения котят, мать уже была мертва. Отец изуродовал ее лицо, чтобы я ее даже не узнал. Там живого места не осталось. У нее не было левого глаза, а куски разломленного черепа выступали наружу, обнажая мозг. Рот превратился просто в рваную дыру; повсюду россыпью валялись зубы, торчать из мяса остались лишь единички, будто украшения. — Бэннон заговорил тише, его голос дрожал. — Отец шел на меня с окровавленным расколотым топориком, а мне нечем было защититься, даже меча не было. Но я все равно с воем бросился на него. Я... Я даже не помню этого. Я бил его, царапал ногтями и колотил в грудь. Соседи слышали крики моей матери, которые были сильнее, чем когда-либо, и прибежали через пару мгновений после моего прихода. Они спасли меня, ведь отец убил бы и меня. Я кричал, порывался сражаться с ним, пытался ранить его, но соседи оттащили меня прочь и усадили отца, боевой запал которого к тому времени уже утих. Кровь покрывала его лицо, одежду и руки. Часть этой крови вытекла из раны на голове, нанесенной матерью, но в основном он был измазан ее кровью. Кто-то поднял тревогу, и одна из женщин отправила своего маленького сынишку в город за мировым судьей.

Бэннон делал судорожные вдохи и сплетал пальцы, неприкаянно глядя на небольшой костерок. Ночная птица где-то наверху закричала и сорвалась в полет с одной из сосен.

— Я не мог спасти котят, не мог помешать отцу утопить их, но все равно побежал за ним. Я бросился в ручей и пытался выловить мешок, пока не стало слишком поздно. Но я же знал, что мне нипочем не успеть. Когда они умерли, я тратил драгоценное время на похороны и оплакивание котят... хотя мог пойти домой и спасти свою мать.

Он взглянул на своих слушателей, и опустошающая боль в его карих глазах пронзила сердце Никки ледяной иглой.

— Если бы я остался с мамой, то, возможно, сумел бы защитить ее. Если бы я не убежал за котятами, то был бы с ней. Я бы воспротивился отцу и спас мать. Мы с ней встретили бы его вдвоем и, объединив силы, прогнали бы его. После этой ночи отец никогда больше не причинил бы мне боль. Или маме. Вместо этого я отправился спасать котят и оставил маму наедине с этим чудовищем.

Бэннон поднялся и отряхнул штаны. Он говорил, словно просто излагал факты:

— Я задержался на Кирии, чтобы увидеть, как отца повесили за убийство. К тому времени я скопил несколько монет, а сочувствующие жители деревни дали мне денег на жизнь. Я мог бы остаться в небольшом домике,

завести семью и трудиться на капустных полях. Но в доме слишком сильно пахло кровью и кошмарами. Ничто не держало меня на Кирии. Поэтому я нанялся на борт первого же корабля, который зашел в нашу маленькую гавань — это был «Бегущий по волнам». Я оставил свой дом и не собираюсь туда возвращаться. Я хотел найти лучшее место, хотел жить так, как в своих мечтах.

— Выходит, ты изменил свои воспоминания, прикрыв тьму фантазиями о том, какой должна была быть твоя жизнь, — сказал Натан.

— Ложью, — добавила Никки.

— Да, ложью, — ответил Бэннон. — Истина — это... яд. Я просто пытаюсь сделать все лучше. Что в этом дурного?

Теперь Никки была уверена, что у Бэннона Фермера доброе сердце. Юноша, рассказывая остальным свою давнюю ложь, по-своему боролся за то, чтобы сделать мир таким, каким он никогда не был.

Когда волшебник сочувственно положил руку на плечо Бэннона, тот вздрогнул, словно вспомнил, как отец бил его. Натан не убрал руку и сжал ее сильнее, давая юноше точку опоры.

— Теперь ты с нами, мой мальчик.

Бэннон кивнул и провел по лицу тыльной стороной руки, вытирая слезы. Он распрямил плечи и слабо улыбнулся.

— Согласен. И это довольно неплохо.

Никки одобрительно кивнула:

— В тебе куда больше стали, чем я думала.

Глава 35

Следующие четыре дня путники поднимались в горы. Погода выдалась мрачная и дождливая: утром стоял туман, днем моросил дождь, а по ночам на них обрушивался настоящий ливень. Низкие облака и густые деревья, с которых капала вода, мешали увидеть что-то на расстоянии, и странники не могли оценить, насколько высокие и крутые горы ждут их впереди.

Никки знала, что рано или поздно они достигнут вершины и увидят плодородную долину, которая лежит между ними и Кол Адаиром.

Колдунья куталась в серый шерстяной плащ, который дал ей локриджский трактирщик, но ткань пропиталась влагой и потяжелела. Бэннон и Натан были столь же несчастны, а сырой сумрак давил на всех так же сильно, как и молчаливость юноши.

На пятую ночь после ухода из Локриджа ливень усилился и температура упала; холод пронизывал до костей. Никки обрадовалась, найдя приют-сосну: дерево имело форму пирамиды, а густые ветви спускались до земли. Путешественникам, знавшим о таких деревьях, приют-сосны могли послужить надежным лесным укрытием. Ричард показывал Никки, как находить и использовать такие сосны.

Никки встряхнула ветки с длинными иглами, смахнув бусинки дождевой воды, а потом раздвинула их, открывая темное и уютное пространство внутри.

— Переночуем здесь.

Волшебник нашел себе уютное местечко под нависающими ветвями.

— Если б ты еще могла отыскать немного жареной баранины и кружку эля, колдунья, у нас бы выдалась отличная ночь.

Погруженный в себя юноша сел на землю и подтянул к груди колени.

— Довольствуйся тем, что есть, — сказала Никки.

С помощью магии она разожгла внутри убежища небольшой костер; выходящий дымок поднимался к наклонным ветвям и выходил наружу. Все промокли и замерзли, поэтому Никки призвала немного волшебства, чтобы выпарить влагу из их одежды. Впервые за несколько дней они ощутили настоящие тепло и уют.

— Я могу терпеть лишения, но только когда это необходимо, — пояснила она. — Нам нужно отдохнуть и восстановить силы. Трудно сказать, сколько еще предстоит пройти.

— Путешествие тоже является частью нашей цели, — сказал Натан. — Когда мы найдем Кол Адаир и я снова стану одним целым со своей магией, у нас для исследований будет весь остальной Древний мир.

— Дай нам сегодня хорошенько выспаться, — ответила колдунья, — а завтра исследуй хоть весь мир.

Вскипятив воду на костре, они сварили сытную похлебку из ячменя, вяленого мяса и специй. А потом в выставленный за пределы приют-сосны горшок набралось достаточно дождевой воды, чтобы заварить чай.

Бэннон завернулся в свой высушенный плащ и притворился спящим. Натан с беспокойством посмотрел на юношу.

— Приключения редко оказываются такими, как ты ожидаешь, — тихо сказал он Никки, но Бэннон не мог не услышать этих слов — для него они и предназначались.

* * *

На следующий день они продолжили свой путь под дождем, расплескивая лужи и поскользываясь на дорожной грязи. Внезапно Натан с воодушевлением обнажил свой меч и бросился на Бэннона.

— У тебя походка лентяя, мальчик мой. Твой взор потуплен, ты даже дракона не заметишь. — Волшебник поднял меч и шагнул к юноше, предлагая ему путь. — Защищайся или будешь для нас бесполезен!

Бэннон застыл в оцепенении, и старик взмахнул мечом, но не всерьез — его движения были достаточно медленными, чтобы растерявшийся юноша мог уклониться.

— Прекратите, Натан! Что вы делаете?

— Хочу тебя растормошить. — Волшебник снова описал клинком дугу, на этот раз быстрее.

Бэннон отскочил в сторону и достал Крепыша из ножен.

— Я не хочу с вами драться.

— Какая жалость, — сказал Натан, преследуя его. — Когда ко мне приближается кровожадный враг, я всегда встречу его, даже если не в настроении для драки. Это решает исход дела.

Натан замахнулся, и Бэннон поднял меч. Раздался звон стали о сталь. Воробьи над их головами спорхнули с веток, чтобы поискать себе сук посуше и поспокойнее. Никки прекрасно знала, чего добивается Натан. И в то же время она понимала апатичность юноши. Бэннон был вынужден посмотреть в лицо фактам: вся его прошлая жизнь была глупой выдумкой. Он был похож на корабль, плывущий по течению без штурвала и парусов. Никки годами возводила щиты вокруг своего разума и сердца, но Бэннон был еще слишком молод.

Натан закричал от радостного удивления, когда его противник контратаковал, со свистом рассекая воздух. Частый звон стали далеко разносился по пропитанному сыростью лесу.

— Так-то лучше, мой мальчик! Я хочу быть уверен, что ты совладаешь с собой, если на нас снова нападут монстры.

Натан ринулся за Бэнноном, с шумом продираясь сквозь подлесок. Юноша обернулся, чтобы защититься, а потом атаковал, вынудив волшебника отступить. В неистовом вихре ударов они упорно не сдавали позиций. Лицо Бэннона оживилось, он усилил напор и толкнул Натана. Ноги волшебника заскользили по жиже на тропе, и он упал на спину; Бэннон тоже потерял равновесие и шлепнулся в грязь рядом со своим наставником. Мужчины поднялись, тяжело дыша и смеясь. Оба порядком вымазались в грязи.

Никки наблюдала за ними, скрестив на груди руки и завернувшись в дорожный шерстяной плащ. Встретившись взглядом с Натаном, она понимающе кивнула.

Волшебник взял руку юноши и подтянул его к себе.

— Добрые духи, дождь так и не прекратился, но нам удалось разогнать твоё уныние.

— Простите, — пробормотал Бэннон. — Когда я хотел покинуть Кирию... то думал, что просто сбегая. Но теперь я понимаю, что это не так.

Юноша задрал измазанный грязью подбородок. Дождь не утихал, и тяжёлые капли падали с плотного переплетения ветвей, словно непрерывный ледяной душ.

— Я хочу пойти с вами. Это приключение, о котором я всегда мечтал.

— Хорошо, — сказал Натан. — Тогда продолжим исследовать эти земли.

Никки пошла вперед:

— Если продвинемся достаточно далеко, то можем даже выйти из этого дождя.

Чем выше они поднимались в горы, тем холоднее становились ночи, но дождь, наконец, прекратился. Ливень шел так долго, что вымыл всю грязь с одежды путников.

Через два дня небо очистилось от облаков и стало ярко-голубым. Никки ускорила шаг, словно солнечный свет придавал ей сил. Тропа стала неотличима от звериной, и они так никого и не повстречали после ухода из Локриджа.

Никки понимала, почему император Джегань не потрудились отправить армию в эти глухие земли, где было почти некого покорять.

Периодически им попадались руины больших каменных строений, которые пришли в полную негодность, заросли лесом и утратили форму от времени.

— Должно быть, эти земли процветали несколько тысяч лет назад, — сказал Натан. — После создания великого барьера и окончания войн волшебников Сулакан и его преемники были вынуждены покорять юг, раз уж Новый мир оказался для них недостижим. Здесь были города и дороги, центры торговли, шахтерские городки, великие лидеры и междоусобные войны. Император Керган завоевывал в основном южные территории Древнего мира.

— Вот почему в нашей истории о нем так мало говорится, — сказала Никки. — Он был неважен для нас.

— Но был важен для этих людей, — сказал волшебник.

— Я не вижу никаких людей, — возразил Бэннон.

— Включи воображение. Когда-то они здесь были.

Путники остановились на заросшем мхом и травой фундаменте здания. Выложенные на земле прямоугольники отмечали место, где некогда стояла

огромная крепость, но теперь от нее остались лишь ветхие обломки и беспорядочные валуны.

— Как правило, жизнь мира проходит мимо, пока ты живешь в башне, — проговорил волшебник, когда Никки и Бэннон пошли за ним прочь от руин. — Я не рассказывал о временах, когда самонадеянно пытался сбежать из дворца? Я был молод и едва понимал, сколь неприступна моя тюрьма.

Никки нахмурилась:

— Сестры никогда не говорили, что ты пытался сбежать.

— Мне было всего сто лет — совсем мальчишка. Я был дерзким и жаждал риска... И мне было невыносимо скучно. Да, я мог беспрепятственно бродить по комнатам высокой башни и читать в библиотеке удивительные книги. Но такие развлечения могут отвлечь юношу лишь до тех пор, пока он не начнет мечтать. Я не хотел быть их ручным пророком, поэтому месяцами строил планы. Да, они нацепили мне на шею железный ошейник и через Рада-Хань могли контролировать меня и мою магию. — Его губы искривились в улыбке, и он отбросил на спину свои прямые белые волосы. — Поэтому для побега мне пришлось проявить изобретательность, а не просто использовать парочку заклинаний. Я твердил сестрам, что мерзну, и они приносили мне одеяла. С помощью крохотной искорки дара я распускал ткань и собирал веревку, добавляя к ней нить за нитью, — очень длинную веревку. Она была достаточно прочной, чтобы выдержать мой вес. Я целую неделю с интересом и усердием учился, чтобы усыпить бдительность сестер и расположить их к себе, а потом безлунной ночью отправился в одну из самых высоких комнат. Сообщив, что собираюсь всю ночь штудировать книги заклинаний, я забаррикадировал дверь. Я был любознательным юношей и хотел развить свои возможности волшебника, хотя и знал, что сестры никогда меня не отпустят. — Он неосознанно потер шею, словно все еще чувствовал давление железного ошейника. — Потому что пророк слишком опасен, видите ли. — Он взглянул на Бэннона, проверяя, внимательно ли тот слушает. — Я открыл высокое окно и крепко привязал веревку к штырю в стене. У меня не было возможности использовать заклинание левитации, поэтому я прибег к более традиционному способу. Когда я залез на подоконник и посмотрел вниз, мне показалось, что, если упасть, можно улететь напрямик в преисподнюю. — Он покосился на Бэннона, вскинув бровь. — Когда живешь среди каменных стен, трудно смириться с необъятностью неба или с долгим спуском к далекой земле. Но я был настроен решительно. Обмотав веревку вокруг талии, я начал спускаться по стене.

Никки отнеслась к этой истории скептически.

— Дворец Пророков охраняется изолирующими заклинаниями и щитами. Нельзя просто пробежать через окно.

Натан воздел палец:

— А как ты думаешь, с чего вдруг сестры наставили этих защитных заклинаний? Тогда женщины считали, что щитов на нижних дверях будет достаточно. Они и помыслить не могли, что я буду столь глуп и решу спуститься с самой высокой башни. — Он прочистил горло. — Суть истории состоит в том, что я висел на веревке у стены башни — весьма храбро, скажу я вам — но я просчитался. Подо мной оставалась еще сотня футов, а веревка уже кончилась. Я просто повис! — Он замолчал и взглянул на Бэннона. — Я, конечно, знал, как использовать магию Приращения, поэтому легко заставил веревку удлиняться. Я догадывался, что сестры узнают об этом через связь с Рада-Хань, но что мне оставалось делать? Не мог же я вернуться в башню! Я наращивал веревку фут за футом и, когда достиг земли, был так измотан, что едва стоял на ногах. — Он издал долгий задумчивый вздох. — К тому времени сестры уже знали о моих действиях и схватили меня, едва мои ноги коснулись плиток брусчатки.

— Даже если бы тебе удалось покинуть Дворец Пророков и перейти через мост в Танимуру, Рада-Хань не дал бы тебе уйти далеко. Сестры в любое время могли бы прервать твою прогулку, — сказала Никки. — Не слишком-то правдоподобная история.

— Моя история весьма занята, и в ней есть мудрость. — Он повернулся к Бэннону: — Иногда тебе приходится решиться на великое дело, но, как бы ты ни был отважен, все усилия будут тщетны, если ты позабудешь все верно спланировать.

Они взбирались по крутой извилистой тропе. Деревья поредели, и впереди показался перевал.

Натан развел руками:

— После этого случая сестры столь тщательно держали меня взаперти, что я так и не придумал серьезный план нового побега. Поэтому я посвятил себя описанию приключений и тайно распространял свои книги по миру. Они стали довольно популярными и многим нравились.

Запахавшись, они наконец добрались до вершины хребта, и им открылся внушительный, захватывающий дух вид.

Когда они спрашивали дорогу в Кол Адаир, им неоднократно говорили об огромной плодородной долине с зелеными лесами, пашнями и деревнями. Но они увидели совсем не то, что ожидали.

Троица смотрела на пейзаж внизу, и Никки видела только коричневую пустыню, простиравшуюся до самого горизонта. Вместо плодородной долины здесь был сухой, покрытый трещинами кратер, заканчивающийся высоким плато на севере. Заросшие лесом предгорья простирались до сла-

бой и нечеткой границы смерти. По сухому дну долины проносились пылевые смерчи. Белые пятна сверкающей соли отмечали места пересохших озер, оставивших после себя лишь отравленную почву. Страшное запустение распространялось из центральной точки, до которой было очень много миль.

Мертвая зона явно продолжала распространяться.

Натан испустил глубокий вздох разочарования.

— Мне придется обновить карту.

Глава 36

Вся растительность вокруг давно зачахла, и старая дорога была пуста. Странники спускались по горной тропе в широкую пустынную долину, и Никки вдыхала пыльный воздух с привкусом гари и гнили — словно теплые воздушные потоки несли испарения к предгорьям.

Они остановились на изгибе каменистой тропы и посмотрели на огромную пустошь. Никки различила на бесплодной земле прямые линии — проложенные людьми дороги, которые теперь были покрыты бурой пылью. Она видела следы маленьких деревень, больших поселений и даже руины большого города.

— Некогда здесь жили люди и ходили путешественники, но что-то словно высало отсюда всю жизнь, — сказала колдунья.

— На краю пустоши еще остались обитаемые области. — Натан показал на участок, где зеленая растительность переходила в потрескавшуюся бурую землю. Он заслонил глаза от солнца и вгляделся в подернутый дымкой дальний край долины. — Из-за пыльной бури видно плохо, но я могу разглядеть высокие горы далеко на востоке. — Он показал направление. — Кол Адаир может быть за одним из этих перевалов.

— Но как нам пересечь пустошь? — спросил Бэннон.

Никки всматривалась вдаль.

— Можно обойти долину по северному краю, держась зеленых предгорий.

— Предлагаю посетить одну из тех деревень, — произнес Натан. — Если раньше это было чудесной плодородной долиной, то хотелось бы знать, что с нею приключилось. — Он скривил лицо от отвращения. — Не похоже на творение природы.

Никки закусила нижнюю губу.

— Согласна. Лорд Рал должен об этом узнать.

— Возможно, мир нуждается в спасении, колдунья, — сказал Натан без всякого намека на веселье.

Никки не ответила.

Тропа вела все ниже, и они углублялись в бесплодные земли, шагая мимо подобных монолитам валунов и красноватого песчаника, источенного водой и ветром.

Высокие сосны сменились искривленными низкими дубами, мескитами и колючими юкками, которые сумели выжить в таких неблагоприятных условиях.

Когда наступила полуденная жара, Никки убрала дорожный плащ. В черном платье было вполне комфортно, но камни впивались в ступни через подошву ботинок. Лицо Бэннона быстро обгорело на солнце.

Дорога вела самым простым путем, следуя изгибам отвесных скал и петляя вдоль пересохших рек. Когда сверху посыпались мелкие камешки, путники заметили слабое движение — ящерицы соскользнули с нагретых солнцем камней и убежали в тенистые расселины.

Никки вслушивалась в тишину, нарушаемую лишь шепотом заплывавшего ветерка и шорохом веток. Она прищурилась, почувствовав движение кого-то покрупнее ящерицы. Она и Натан мгновенно насторожились, но Бэннон продолжил брести вперед, глаза по сторонам, и остановился не сразу.

— Что это? Нас преследуют? — Юноша обнажил клинок.

— Пока не знаю, — сказала Никки. — Я что-то услышала. — Она оставалась неподвижна, призывая внутренние силы в попытке ощутить неведомую угрозу.

Все ждали в напряженной тишине.

Натан нахмурился:

— Вообще-то, лично я ничего не слышу.

Внезапно раздался живой и радостный высокий смех — смех ребенка. Все трое подняли взгляд на скалы: в гладких стенах попадались уступы, на которых можно было спрятаться. На самом верхнем стояла девочка, худенькая и миниатюрная; ей было не больше одиннадцати лет.

— Я уже давно слежу за вами. — Она прижала ко рту ладошки и снова захихикала. — Мне было интересно, когда вы наконец меня заметите. Я собиралась удивить вас!

Она выглядела как одетая в лохмотья беспризорница; непослушная копна пыльно-каштановых волос больше походила на клубок, чем на кудряшки. Девочка разглядывала путников своими сверкающими глазами цвета темного меда. У нее была кожа карамельного оттенка и лицо в форме сердечка — с острым подбородком и высокими скулами. Руки были жилистыми, худые ноги торчали из-под неровной юбки, сшитой из лоскутов. На

обязанную вокруг талии веревку были подвешены за хвосты четыре ящерицы с разбитыми окровавленными головами.

— Подождите! — крикнула она. — Я сейчас спущусь.

— Кто ты? — поинтересовалась Никки.

— И почему шпионила за нами? — требовательно спросил Натан.

Девчушка с ловкостью ящерицы спускалась с каменной стены, находя почти неосязаемые опоры для рук и ног. Казалось, она совсем не боится упасть. На ее ногах были мокасины, грубо сшитые из ткани и кусочков кожи.

Когда до земли оставалось пять футов, она прыгнула и упруго приземлилась на каменную почву. Тела ящериц возле ее бедра раскачивались взад-вперед.

— Я следила за вами, потому что вы чужаки... и интересные. — Она смотрела на них снизу вверх. — Меня зовут Чертополох.

— Чертополох? — спросил Бэннон. — Странное имячко. Это потому что ты колючая?

— Или потому, что от меня сложно избавиться — как от сорняков. Я из деревни Верденовы родники. Вы туда идете? Могу проводить.

— Мы не знаем, куда держим путь, — сказала Никки. — Ты здесь одна?

— Здесь лишь я и ящерицы, — ответила Чертополох. — И ящериц тут осталось не так уж и много — для охоты выдался удачный денек. — Она присела на корточки и откинула клапан набедренной сумки. — Я нечасто встречаю здесь людей. Обычно только я рыскаю по округе. Все остальные жители Верденовых родников трудятся днями напролет, чтобы выжить. — Она развязала тесемки на сумке и достала оттуда сероватые полоски вяленого мяса. — Это вчерашние ящерицы. Хотите? Они сушились весь день, поэтому мясо получилось что надо.

Девочка вцепилась зубами в одну из полосок, оторвала кусок и принялась жевать, продолжая протягивать путникам мясо.

Бэннон, Никки и Натан взяли по кусочку высушенного мяса. Юноша смотрел на полоску скептически, но волшебник принялся жевать без малейших колебаний.

— Дядя Маркус и тетя Луна научили меня гостеприимству, — сказала Чертополох. — Они говорят, мы должны быть добры к незнакомцам — вдруг они смогут нам помочь.

— Мы действительно могли бы помочь, — сказала Никки, размышляя о своей основной цели. — Только сначала расскажи, что здесь произошло. Далеко твоя деревня?

— Недалеко. Я пробыла здесь всего пару дней, а еды теперь хватит на неделю. Маркус и Луна не ждут, что я вернусь так рано. — Улыбка Черто-

полох стала еще шире. — Вот они удивятся, когда я приведу домой гостей. Вы точно сможете нам помочь? Остановите распространение Язвы? — Она неприкрыто уставилась на них, а затем фыркнула. — Кажется, вы не слишком-то сильны.

— Что за Язва? — спросил Бэннон.

— Должно быть, речь о запустении, — предположил Натан. — По всей долине.

— Мы называем это Язвой, ведь так оно и выглядит, — ответила девочка. — Я слышала рассказы о том, как прекрасна была долина, когда я была совсем крохой. Фермерские угодья, фруктовые сады и леса... были даже цветочные сады! Представляете? — Она хмыкнула. — Цветочные сады! Тратить воду, удобрения и хорошую почву на выращивание цветов!

Никки стало жаль девочку: ее невинные замечания недвусмысленно указывали на тяжелую жизнь в Верденовых родниках, под угрозой постоянно растущего запустения.

Девочка продолжала щебетать:

— Если сможете спасти нас, разрушить заклинание Поглотителя жизни и вернуть землям плодородие, я была бы так рада! Я всю жизнь мечтала снова сделать эту землю красивой. — Она с готовностью вскочила и ринулась вперед, говоря через плечо: — Вы действительно думаете, что можете уничтожить Поглотителя жизни?

— Кто такой Поглотитель жизни? — спросил Натан.

— И мы не обещали разобраться со всеми вашими бедами, — предупредила Никки.

Когда девчушка покачала головой, ее спутанные каштановые кудряшки подпрыгнули подобно траве, которую шевелит ветер.

— Все знают о Поглотителе жизни! Это злой волшебник, который живет в сердце Язвы и высасывает из мира жизнь, чтобы заполнить пустоту своей души. — Она понизила голос: — Так говорит мой дядя Маркус. Больше я ничего не знаю.

— Твоего дядю разве не тревожит, что ты по несколько дней проводишь в этой пустоши в одиночку? — поинтересовалась Никки.

— Я могу позаботиться о себе.

Чертополох бойко шла вперед, перепрыгивая через большие камни. Не замедляя шага, она нагнулась, схватила правой рукой камешки и продолжила идти по пересохшему руслу, зная, что путники следуют за ней.

— Мне пришлось рано стать самостоятельной. Я была совсем маленькой, когда умерли мои родители. Дядя Маркус и тетя Луна заботятся обо мне, но у них нет лишней воды и еды, поэтому по большей части я сама добываю себе пропитание. И стараюсь принести достаточно, чтобы поделиться с ними.

Чертополох дернула головой влево, сосредоточившись на еле заметном движении. Никки даже не смогла разглядеть, как девочка швырнула камешки, которые попали в цель и, постукивая, покатались по земле. Чертополох подбежала, присела на корточки и подобрала только что убитую маленькую ящерицу.

Подняв добычу, она поджала губы:

— Такая мелочь не стоила сил. — И все же девочка подвесила тушку на пояс к остальным ящерицам. — Тетя Луна велит не выбрасывать еду. В наши дни слишком сложно добыть пропитание.

Неугомонная девчушка шла так быстро, что Никки еле за ней поспевала. Натан и Бэннон начали отставать, петляя между грубых камней, а Чертополох неслась вперед, радуясь новой компании.

— Ты очень красивая, — сказала она Никки. — А какой у тебя дом? Откуда ты пришла?

— Я издалека, с севера, — ответила Никки. — Из Нового мира.

— Мне известен лишь этот мир. А там, где ты живешь, есть деревья? А вода? Цветы?

— Да. И города... и даже цветочные сады.

Чертополох нахмурилась:

— Цветочные сады? Чего ради ты оставила такое прекрасное место и явилась сюда?

— Мы не знали, что попадем именно сюда. У нас позади долгие странствия.

— Я рада, что вы пришли, — сказала девочка. — Вы можете сразиться с Поглотителем жизни и найти способ возродить долину и весь мир.

По спине Никки пробежал холодок, когда она вспомнила слова Рэд.

— Быть может, мы здесь поэтому.

— Мы поможем, дитя, — произнес Натан, — если это будет в наших силах.

Они шли между расширившимся безводным руслом и утесами. Ручьи здесь давно пересохли, а последние деревья погибали.

Девочка с гордостью указала вперед:

— А вот и моя деревня.

Никки, Натан и Бэннон остановились. Зрелище путников явно не впечатлило.

Несомненно, когда-то Верденовы родники были довольно крупным процветающим поселением на пересечении имперских дорог, лесных троп и торговых путей, которые вели к плодородным пашням и торговым деревенькам в глубине долины. Но теперь жавшиеся друг к другу низкие домики из глинобитного кирпича выглядели убогой деревенькой. Словно население вымирало — так же, как и окружающая природа.

Улицы были припорошены пылью, возле зданий лежали груды камней. К каменной насыпи была прислонена незапряженная телега со сломанным колесом. Многочисленные пустые строения были покрыты пылью, а некоторые и вовсе разрушились.

Никки насчитала не более двадцати человек, трудившихся под палящим солнцем. На людях были потертые одежды и широкополые шляпы, сплетенные из сухой травы. Несколько мужчин суетились у городского колодца. Один из них висел на веревке внутри колодца. Слышались слова: «Продолжайте копать! Выкопаем поглубже и обязательно снова найдем чистую воду». Другие тянули за прикрепленную к шкиву вторую веревку, на конце которой было ведро, полное ила и грунта.

Чтобы сообщить о своем прибытии, Чертополох издала громкий, пронзительный свист. Мужчина у колодца поднял глаза, остальные в измощении бросили работу и оглянулись.

— Это мой дядя Маркус, — возвестила Чертополох, — я говорила вам о нем. Дядя, эта женщина — колдунья, а старик — волшебник, у которого нет магии.

— Моя магия по-прежнему со мной, — поправил Натан. — Просто в настоящий момент она недоступна.

— Другого зовут Бэннон, — продолжила Чертополох. — Но я не знаю, что он умеет.

Юноша досадливо нахмурился.

Маркусом оказался худой мужчина с колючей бородой и темно-каштановыми волосами с проседью. Его рубашка была забрызгана грязью от возни в колодце; поверх нее был накинут выцветший и потертый кожаный жилет.

— Приветствую вас в Верденовых родниках, странники, — сказал он. — К сожалению, я не могу проявить должное гостеприимство. И никто из нас не сможет.

— Я принесла ящериц! — сказала Чертополох.

— Ну, тогда мы можем устроить пиршество, — улыбнулся Маркус. — Ты всегда приносишь больше своей доли, Чертополох. Сегодня у нашей семьи и гостей будет хороший ужин.

Также представилась тетя Луна — темнокожая женщина в блеклой юбке и с косынкой, сшитой из лоскутов ткани. Косынка, ныне выцветшая, когда-то была ярко-красной.

Перед домом Луны стояли большие глиняные кадки с зелеными овощами, и женщина удобряла их жирной черной грязью, перемешанной с содержимым ночных горшков. Луна вытерла руки о подол и взъерошила волосы девочке.

— Мы можем даже найти поспевшие овощи. Лучше съесть их сразу, чтобы Поглотитель жизни не дотянулся до них.

Чертополох фыркнула:

— Пока овощи находятся в горшках, Поглотитель жизни не сможет до них добраться. Пройти сквозь кадки он не в силах.

— Может, он просто не очень усердствует, — сказала тетя, поправив выцветший красный платок.

Сельские жители зароптали, словно само имя Поглотителя жизни наполняло их страхом.

— Мы рады, что вы пришли к нам, — сказал Маркус, ведя их по главной улице. — Если бы вы зашли в другие окрестные поселения, то встретили бы лишь пустоту. Уцелели только Верденовы родники. Остальные люди ушли или просто... пропали. Мы не знаем, что с ними случилось.

Он вытер пыль со лба.

— А почему вы не покинули это место? — спросил Натан, указывая на полупустую деревню, высохший колодец и запыленные улицы. — Вы, несомненно, могли бы найти лучшее место для жизни.

— Когда-нибудь здесь снова будет пышная долина — как десять лет назад. Мы знаем, сколь прекрасной она может быть, — сказала Луна, и несколько селян рядом с ней согласно кивнули.

— Я же могу это только представить, — засияв, сказала Чертополох.

— Я уговаривала своего мужа собраться и уйти в горы, — продолжила Луна. — Мы слышали, будто за хребтом есть другие города и даже океан, если пройти достаточно далеко на запад. — Женщина тяжело вздохнула. — Океан! Я уже не могу вспомнить такое количество воды. Когда родилась Чертополох, в долине было озеро, но потом Язва расширилась.

— Мы не уйдем. — Маркус стряхнул со своего кожаного жилета высохшую грязь. — Мы будем изо дня в день биться за наше существование. — Мужчина расправил плечи и с большой гордостью добавил: — Мы смелые.

— Смелые? — Никки подняла брови, думая, что «безрассудно смелые» — более подходящее описание.

Глава 37

Когда опустилась ночь, Никки и ее спутники расселись вокруг костровища из глиняных кирпичей возле дома Маркуса и Луны. Их жилище было просторным и прохладным, с большой комнатой в центре, потолком из де-

ревянных балок и маленькими окнами под самой крышей, покрытой глиняной черепицей. Этот большой дом был отражением более благополучных времен.

Сидя снаружи в теплых сумерках, пока готовился ужин, Натан и Бэннон рассказывали историю своих странствий, а Никки толковала о новой золотой эпохе лорда Рала, хотя было ясно, что ни Маркус, ни Луна уже ни на что не надеялись.

— Нам едва хватает воды, чтобы выжить, — сказал Маркус, — а количество продовольствия все сокращается. Как я уже говорил, другие поселения, располагавшиеся в этой долине двадцать лет назад, ныне тихи и мертвы. — Он крепко сцепил руки, ссутулился и посмотрел на Никки. — Я рад слышать о свержении тиранов, но может ли ваш лорд Рал прийти и помочь нам? Язва продолжает расти.

Никки сузила глаза.

— Мы уже здесь. Но нам нужно узнать больше о Поглотителе жизни.

Лицо Натана прочертили морщины озабоченности.

— Не уверен, что буду полезен, колдунья — по крайней мере, пока мы не попадем в Кол Адаир.

Чертополох сидела в пыли рядом с Никки, скрестив ноги, и свежевала ящериц к ужину.

— Кол Адаир? Это далеко.

Девочка своим маленьким окровавленным ножиком сняла шкуру очередной ящерицы, насадила тушку на палочку и передала Бэннону, чтобы тот зажарил ее на костре. Юноша привередливо поморщился, но опустил ящерицу к углям, и вскоре мясо стало пузыриться и шипеть.

— Как быстро растет Язва? — Бэннон вытер ладонью рот, медленно крутя палочку, чтобы ящерица не сгорела.

— За двадцать лет вымерла вся долина, и опустошение продолжает распространяться, — ответила Луна. — Наша деревня — одна из последних на окраине.

— Язва растет быстрее, когда Поглотитель жизни набирает могущество... а он просто ненасытен, — добавил Маркус. — Я помню, когда начало погибать сердце долины: незадолго до нашей с Луной свадьбы. Мы до сих пор живы, и значит, останемся здесь и дальше.

Ночь была тихой, но ветерок обдавал их своим дыханием с горьким привкусом пепла. Жители деревни, сидя перед глинобитными или более крупными каменными домами, молча ели свой ужин и держались обособленно. Верденовы родники погрузились в гнетущее безмолвие, словно вызванное упоминанием Поглотителя жизни.

Луна выглядела грустной.

— Раньше в Верденовых родниках жило больше тысячи людей, а теперь осталось меньше десятка семей.

— Мы — двадцатка сильнейших, — настаивал Маркус. Было ясно, что они уже не раз спорили об этом.

— По другую сторону гор есть леса и плодородные земли, — сказал Бэннон. — Там полно места, чтобы поселиться и жить счастливо.

— Это только отсрочит нашу судьбу, — возразил Маркус, упрямо нахмурившись. — Язва растет, и рано или поздно Поглотитель жизни иссушит весь мир.

— Если кто-нибудь не остановит его, — твердо сказала Никки.

Чертополох была настроена более оптимистично:

— Я хочу остаться и дожждаться, когда эта земля вновь станет плодородной и прекрасной — какой она была до смерти моих родителей. Я помню это... совсем немного.

— Ты была слишком маленькой, — сказал Маркус.

Бойкая девочка закончила свежевать самую мелкую ящерицу, которую готовила для себя. Она слизнула с пальцев кровь, испачкав губы красным.

Никки потянулась к ней, чтобы стереть пятно:

— У тебя все лицо в пыли.

— Нам негде помыться, — отозвался Маркус.

Хихикнув, Чертополох послунывила пальцы и размазала слюну по грязному лицу — но от этого было мало толку.

Путешественники дополнили трапезу, достав из мешков сушеные фрукты и остатки копченой рыбы. Красноперка из бухты Ренда была в диговинку для девчушки; она поморщилась от вкуса и сказала, что предпочитает мясо своих ящериц.

Никки вернулась к разговору:

— Кто такой Поглотитель жизни? И как его можно победить? У него есть слабости?

Возможно, именно по этой причине путники оказались здесь. Никки вспомнила слова ведьмы: «Колдунья спасет мир».

Маркус впечатал каблук в пыль.

— Мы не знаем всей истории. Мы всего лишь простые деревенские жители, пострадавшие от постоянно растущей порчи. Нам известно, что он был волшебником из Твердыни, а потом произошло нечто ужасное. — Он отщипнул со скелета ящерицы последние кусочки мяса, потом обсосал кости и принялся грызть их по одной. — Там вы и найдете способ его уничтожить — если это еще можно сделать.

— Что за Твердыня? — поинтересовался Натан.

— Огромный архив магических знаний. На протяжении веков это место считалось легендой, — ответила Луна.

Чертополох вскочила с места:

— Это место действительно существует, я сама его видела!

— Ты не забредала так далеко, дитя, — упрекнул ее Маркус.

— А вот и забредала! Мне пришлось четыре дня идти до плато, но я это сделала.

— Оно было скрыто со времен древних войн волшебников, — продолжила Луна, — но вновь появилось пятьдесят лет назад.

Волшебник поднял брови и посмотрел на Никки.

— Огромный архив? Мы непременно должны исследовать его. Возможно, там найдется то, что поможет моему... положению... раньше, чем мы доберемся до Кол Адаира. — Он погладил подбородок. — И разумеется, там мы сможем узнать о прошлом Поглотителя жизни.

В глазах цвета темного меда заплескались искорки.

— Я могу отвести вас туда. Я видела это место своими глазами!

— Так, девочка... — Маркус бросил на нее гневный взгляд.

— Говорят, кто-то разрушил заклинание сокрытия Твердины несколько десятилетий назад, — сказала Луна. — Ее местоположение все еще держат в секрете, но таинственные люди, которые охраняли архив, пригласили к себе нескольких ученых из городов в долине. Это произошло незадолго до того, как Язва начала свое распространение и принялась уничтожать города и фермы.

Налетел порыв ветра, принесший с собой еще больше пыли. Никки услышала крик ночной хищной птицы, какое-то шевеление в пустых домах, и заметила тени в темных переулках между заброшенными каменными строениями. Колдунья села прямо, тотчас насторожившись, и попыталась разглядеть что-то в темноте.

Она ощутила в воздухе магию — но это не была привычная вездесущая вибрация, которой она всегда могла коснуться. С самого прибытия в Верденовы родники Никки чувствовала странные и тревожные нотки того, что сочилось из Язвы, но теперь этот поток резко усилился, словно кто-то резко открыл печную дверцу. Напряженная колдунья поднялась на ноги и бросила палочку с остатками жареной ящерицы. Отойдя от огня, она вышла на широкую пыльную улицу.

Ни Маркус, ни Луна не успели спросить, что случилось — ночь наполнилась криками.

Глава 38

Существа двигались сквозь ночь, сопровождаемые тихим шелестом пыли. От одного из немногих обитаемых домов на окраине деревни, где старик со старухой засиделись у небольшого костра, доносились испуганные крики. Никки уже бежала в ту сторону, ее черное платье в темноте можно было принять за более глубокую тень. Раздался еще один крик. Колдунья приблизилась к костру пожилой пары и увидела множество силуэтов: седовласый мужчина и женщина боролись с окружившими их странными фигурами.

Нападавшие существа, освещенные слабыми всполохами костра, выглядели изможденными и костлявыми. Бэннон без раздумий бросился вперед, извлекая Крепыша из ножен. Никки разглядела тварей, которые походили на высушенные останки людей — их кожа ссохлась и приняла бурый оттенок вяленого мяса.

Чертополох с трудом нагнала Бэннона и Никки.

— Пыльные люди! Прежде они не приходили в город.

Три оживших трупа обступили пожилую пару, отчаянно пытавшуюся отбиться. Оружия у стариков не было, в отличие от Никки, которая протянула руку и выпустила свою магию. Воздушный молот подбросил одного из пыльных людей в воздух, будто тот был набит соломой. Когда он врезался в кирпичную стену дома, его тело развалилось и рассыпалось, словно сухая трава.

Старуха боролась со своим противником, царапая ногтями высохшую плоть, но мумия обхватила женщину руками. Сухая земля под их ногами изменилась и стала не плотнее вспененной воды. Иссохшая тварь потащила старуху вниз, в пыльный провал, и вскоре они вдвоем исчезли под землей.

Увидев пропажу своей жены, старик стал отбиваться еще яростнее. Сильным взмахом руки он снес череп костлявого существа, но даже без головы тварь продолжала наступать. Земля под ногами старика превратилась в жижу, и он провалился в нее по колено. Крича от ужаса, он протягивал руки в попытке за что-то ухватиться.

Никки снова нанесла удар уплотненным воздухом, настолько резкий и мощный, что нападавшая на старика нежить рассыпалась на куски; но из-под земли появилось еще четверо жутких пыльных монстров. Они выпрыгнули из жидкой грязи подобно разящим гадюкам, схватили старика и потащили с собой. Крики несчастного заглушил песок.

Никки и Бэннон прибыли слишком поздно. Земля разгладилась, монстры исчезли, оставив только рябь на сухой пыли.

Бэннон встал в боевую стойку и поднял меч, готовый к новой атаке. Он поворачивался из стороны в сторону в поисках противника, но Никки

схватила его за рубашку и оттащила с того места, где земля только что была зыбучим песком.

В следующий миг ночь разорвали крики из других домов умирающей деревни — на остальных тоже напали.

Натан с мечом наизготовку, наконец, добрался до своих спутников.

— Кто напал? Вы их видели?

— Пыльные люди, — ответил Чертополох. — Поглотитель жизни засасывает людей под землю везде, где только может, а затем превращает их в своих марионеток.

Никки встала рядом с девочкой.

— Иди в безопасное место.

— А где сейчас безопасно? — спросила она, и Никки не смогла ей ответить.

На улицах Верденовых родников лежала тьма, а костры и лампы в каменных домах давали слишком мало света, но было заметно, как рябит земля. Поднявшийся ветер принес в город удушающий пыльный туман.

Никки осторожно повела свою группу к центру города.

— Держитесь возле меня.

Грязь на обычно спокойных улицах корчилась и шевелилась, порождая все новые ужасы. Из пыли поднимались костлявые руки с длинными ногтями и серо-коричневой кожей, затвердевшей на суставах. Сухая земля становилась жидкой как вода, и пыльные люди всплывали на поверхность, чтобы поохотиться на выживших.

Цепкие руки мумий поднялись из земли возле ног Натана. Одна из них вцепилась в его темный сапог, но волшебник взмахом меча отсек кисть и страхнул ее с ноги.

Бэннон рванул вперед и рубанул Крепышом по груди ожившего трупа, раздробив позвонки, но существа продолжали выползать из-под земли подобно армии отвратительных марионеток.

Никки разрушила магией двух существ, отбросив их от девочки, а потом схватила ее за руку.

Бэннон разрубил очередного монстра, а затем обратным движением меча рассек пополам другого противника. Едва юноша бросился к третьему, как грязная улица под его ногами превратилась в сыпучее месиво, и он споткнулся. Бэннон взвизгнул от испуга, когда стал тонуть, но волшебник схватил его за запястье и вытащил из пыльной западни.

В центре городка возвышался кирпичный помост, мощеный плиткой, — сцена, на которой некогда выступали менестрели и произносили речи городские правители.

— Бежим к каменной платформе! — крикнула Никки.

Все еще держа Бэннона за руку, Натан пошатнулся и потерял равновесие, когда земля снова пришла в движение. Оба споткнулись, но продолжили двигаться к каменной платформе. Никки с помощью магии приподняла их и подтолкнула, помогая миноватьzybучий песок. Оказавшись на твердой почве, мужчины вскарабкались на помост — маленький безопасный островок. По наполнившимся гором крикам ужаса Никки понимала, что пыльные люди напали и на другие семьи, уничтожая их дома. Она должна отвести своих спутников в безопасное место, а уже потом пытаться спасти остальных.

Чертополох, мчавшаяся на своих худых ногах, ахнула, когда грязная улица под ней провалилась. Девочка по пояс погрузилась в пыль, но Никки успела ее подхватить. Одним мощным рывком колдунья выдернула ее из цепких рук пыльных людей и бросила к каменной платформе. Щуплая девочка перекатилась, вскочила на ноги и преодолела остаток пути бегом.

Никки, выставив перед собой ладони, описала полукруг и магией отшвырнула иссохших атакующих, а потом присоединилась к своим спутникам на помосте. Плитка под ногами не шевелилась, но мумии неуклонно наступали.

Бэннон и Натан расположились на противоположных углах помоста, высоко подняв мечи, и крушили всех подступающих противников. Когда высохшие монстры приблизились, еле волоча ноги, Никки подумала о ломкой сухой древесине, которую жители деревни собирали для своих очагов. Все дерево в Язве было высохшим, как трут, жестким, плотным... и хорошо горело.

Она выпустила поток магии, увеличивая температуру внутри врагов и зажигая искры. Сгустки горячего оранжевого пламени вырвались из груди созданий, но объятые пламенем пугала продолжали тащиться вперед. Воздух наполнился запахом горящих костей и сухожилий и черным масляным дымом, поднимающимся от каждой шаткой фигуры.

Натан и Бэннон продолжали рубить противников мечами, а неугомонная Чертополох вытащила свой нож для свежевания.

Почти все крики в отдаленных домах сменились зловещей тишиной, но возгласы неподалеку звучали знакомо.

— Это дядя Маркус и тетя Луна, — воскликнула Чертополох, — мне нужно домой!

Никки увидела вдалеке опекунов девочки, которые отбивались от пыльных людей. Чертополох попыталась к ним удрать, но Никки схватила ее за плечо.

— Нельзя. Улицы поглотят тебя.

— Я должна! Надо их спасти!

Никки чувствовала необходимость спасти дядю и тетю девочки — или хотя бы попытаться.

— Мы можем пробиться, — крикнул Бэннон, отрубив голову очередного монстра. Та упала на землю и покатилась, как пустотелая тыква.

— Не выйдет, — сказал Натан. — Мы не успеем сделать и трех шагов, как земля проглотит нас.

Из своего ненадежного убежища они смотрели, как Маркус швырнул в одного из пыльных людей камень из костровища. Красный платок Луны сполз, когда она кинулась на врагов, сжимая в руках деревянные вертела. Она воткнула крепкую палку прямо в пустую глазницу ближайшего монстра, но даже с пробитым черепом он продолжил наступать.

В мгновение ока Никки придумала план, как добраться от каменного помоста до дома Чертополох.

— Мне нужно обезопасить путь.

Открытые грязные улицы смертельно опасны, но можно преобразовать саму землю и помешать пыли стать проводником. Колдунья направила поток магии Приращения на грязь и песок, чтобы уплотнить песчинки и сплавить их. Зыбучий песок затвердел, превратившись в узкую дорожку, похожую на лед на поверхности ручья.

— Бежим! Твари все еще могут прорваться, но это сдержит их и даст нам время. Бежим!

Остальные не стали задавать вопросов и спрыгнули с безопасной платформы. Никки помчалась вперед, чувствуя хруст остекленевшего песка под ботинками. Почва вибрировала: обозленные пыльные люди двигались под землей, пытаясь пробить барьер своими когтями. Если твердая поверхность продержится еще хоть несколько секунд, они успеют добежать.

Они сумели добраться до дома девочки. Ее тетя и дядя были покрыты кровью, царапинами и ранами от когтей пыльных людей. Выцветший красный платок Луны сбился набок, и женщина убрала его с глаз. Никки выпустила еще один поток силы и подожгла двух ближайших монстров.

— Берите Чертополох и скорее внутрь! — крикнула она женщине.

Маркус и Луна, шатаясь, пошли к двери. Пол в доме был выложен глиняной плиткой, и Никки надеялась, что это защитит их от атаки снизу.

Хрупкое жилище было их последним убежищем. Освободившиеся от цепких рук нежити Маркус и Луна отступили вглубь дома.

Бэннон и Натан, прежде чем войти в дверь, сокрушили еще двоих монстров у порога. Дорожка из расплавленного песка дала трещину, а затем распалась на части. Пыльные люди полезли из-под земли, раздвигая твердые плиты.

Маркус и Луна стояли в углу дома, прижимаясь друг к другу. Луна всхлипывала, а Маркус открывал и закрывал рот, словно собирался выр-

гаться. Когда опекуны увидели, что с Чертополох все в порядке, они вскрикнули от облегчения и поманили девочку к себе.

Натан захлопнул деревянную дверь и запер ее на засов, но это была довольно ненадежная преграда. Высохшие существа принялись колотить по двери и царапать ее когтями. Доски затрещали и стали раскалываться.

Никки осмотрела дом, оценивая, сколько он продержится. Бэннон и старый волшебник стояли спиной к спине с мечами наизготовку, а стук в дверь все не прекращался. Лишь вопрос времени, когда пыльные люди ворвутся внутрь.

В глазах стоявшей возле Никки Чертополох испуг смешался с решимостью.

— Здесь безопасно? — спросила она.

Луна протянула руки:

— Иди сюда, девочка. Вместе мы будем в безопасности.

Чертополох не успела сделать и шага в их сторону, как твердые глиняные плитки в углу потонули в жиже; пол разверзся, словно под ним была звероловная яма. Луна и Маркус закричали, когда костлявые руки схватили их за ноги и потащили вниз.

Никки бросилась им на помощь, но в этот момент армия пыльных людей, выломав запертую дверь, ворвалась внутрь. Натан и Бэннон пытались сдерживать их мечами. Оба угрюмо молчали, сражаясь изо всех сил.

Никки почувствовала, как плитка под ее ботинками зашевелилась, когда основание подалось. Взглянув вверх в поисках выхода, колдунья заметила обитые железом деревянные балки, которые шли вдоль потолка кирпичного здания. Балки вели к окну в крыше, открытому на ночь. Это был единственный выход.

— Чертополох, я подброшу тебя вверх. Хватайся за балку и ползи к окну.

Колдунья схватила тощую девочку. Безо всяких препирательств Чертополох вытянула руки и Никки подкинула ее. Девчушка схватилась за балку и ловко закинула на нее свои тонкие ноги. Встав и поймав равновесие, она побежала по балке к открытому окну.

Никки повернулась к двум мужчинам.

— Бэннон, Натан, вам тоже нужно туда забраться.

— Нас ты тоже подбросишь, колдунья? — спросил Натан, а затем отшатнулся и расколол сухой череп очередного нападавшего. — Или думаешь, я умею летать?

— Нет, не летать. С помощью магии я возьму под контроль воздух и изменю твой вес. Я смогу поднять тебя.

Без лишних церемоний она выпустила свою силу и подкинула Натана, чтобы тот схватился за балку; то же самое она проделала и с Бэнноном. От

неожиданности юноша замахал руками и чуть не выронил свой меч, но сумел ухватиться за балку, не потеряв оружие.

Чертополох уже почти дошла до окна. Двое мужчин, балансируя на балке, протянули вниз руки. Никки подпрыгнула и ухватила за них, а в это время с десяток монстров ворвались в жилище. Бэннон и Натан ловко подтянули к себе колдунью. Пыльные люди заполонили дом, протягивая руки к потолку, не в силах добраться до четырех жертв над их головами.

У открытого окна Чертополох оглянулась и уставилась в пустой угол, который только что поглотил ее тетю и дядю. Слезы текли по узкому личику девочки, оставляя дорожки на пыльных щеках.

— Полежай на крышу, — сказала Никки. — Там должно быть безопасно.

В этот момент фундамент кирпичных стен сдвинулся с места, и те стали рушиться, будто их прочная структура превращалась в пыль.

— Живо!

Девочка пролезла в окно и выскочила на черепичную крышу, а Бэннон и Натан спешно двинулись за ней. Никки, которая шла по деревянной балке позади всех, посмотрела вниз и увидела, как еще больше пыльных людей вылезает из разломанного пола; стены дрожали и стремительно покрывались трещинами. Она поняла: даже на крыше не будет безопасно.

Они сидели на черепице, жадно глотая ночной воздух и слушая глухое шипение армии тварей, наводнивших улицы Верденовых родников.

Дом Чертополох начал рушиться. Одна стена просела, сделав неустойчивой крышу, и черепица посыпалась на землю, словно выбитые зубы. Бэннон попытался сохранить равновесие, но, когда под ним сломалась черепица, он поскользнулся и съехал вниз. Он смог зацепиться за деревянную анкерную балку, и Натан схватил юношу за рубашку и затащил в их временное укрытие.

Никки стояла на коньке крыши, ища возможный путь отхода. Осиротевшая девочка бросилась к краю и указала на соседнее здание, квадратное, с плоской крышей — магазин был сложен из каменных блоков, а не из глинобитных кирпичей.

— Сюда! Здесь, кажется, безопаснее!

Здания разделяли шесть футов. Но от безысходности все четверо, подталкиваемые магией, побежали по осыпавшейся черепице, прыгнули и приземлились на плоскую крышу каменного здания.

Дом Чертополох позади них рухнул: кирпичные стены обвалились, и крыша упала внутрь. Девочка с ужасом смотрела на это.

Стоя на крыше прочного здания, Бэннон топнул ботинком.

— По крайней мере, эта крыша довольно крепкая, хотя и сделана из старой древесины и залатана. Каменные стены не должны так просто рухнуть.

Натан указал на проем, ведущий в помещение магазина вниз:

— Но эти существа могут подняться на крышу.

Пыльные люди, преследовавшие их, сорвали незапертую входную дверь и наводнили заброшенный магазин. Они неумолимо карабкались по лестнице, ведущей на крышу.

— Мы все еще в западне. — Никки обвела взглядом окраину города, скалистые утесы и каньоны за пределами Верденовых родников. — Если мы выберемся из города и окажемся среди скал, то пыльные люди не смогут атаковать нас из-под земли. Думаю, мы сможем укрыться в горах.

— Они слишком далеко, — Бэннон, стоявший на краю крыши, тяжело сглотнул.

— А эти твари слишком близко, — добавил Натан.

— Они медленные... не догонят, если нам будет, куда бежать, — сказала Никки.

Со скрежетом и кряхтением двое монстров вскарабкались по лестнице и вылезли через люк на крышу. Быстрым ударом Никки бросила обоих на ступени, но по внутренней лестнице поднималось еще больше трупов.

Колдунья взглядела в ночь и поняла, что во всем городе царит тишина. Криков больше не было слышно.

— Остались только мы? — прошептала Чертополох.

Никки не стала отпираться.

— Да. Но мы выберемся отсюда.

Она с тревогой наблюдала, как обвалились два недавно опустевших кирпичных здания — магия Поглотителя жизни превратила кирпичи в пыль. Разозлившись, Никки сосредоточилась на массивных скалах за городом — на убежище, где твердая земля могла бы их защитить. Лучше там, чем здесь.

— Приготовьтесь, — сказала колдунья. — Я собираюсь сплавить пыль, как в прошлый раз. Я сделаю дорожку, но она не продержится долго, а пыльные люди будут преследовать нас так быстро, как только смогут. Нам просто нужно двигаться быстрее них. — Она повернулась к девочке: — Сможешь?

— Конечно, — ответила Чертополох. — Только скажи, когда.

Никки прикинула самый короткий путь к скалам и махнула рукой.

— Вон туда. Не оглядывайтесь и ни в коем случае не останавливайтесь — просто бегите. Я сделаю землю твердой, но с крыши все-таки придется спрыгнуть.

— Я мог бы напомнить о своих старых костях, — пробормотал Натан, — но сейчас не время.

Бэннон указал вниз:

— Меня больше беспокоят вон те старые кости.

Никки призвала магию и наметила путь. Магией Приращения она создала монолитную структуру, сплавив песок и пыль в плоские твердые островки. Получились только каменные плитки, поскольку у нее не хватило сил, чтобы сделать твердой всю поверхность. Но этого было достаточно. Плитки стали возникать друг за другом.

— Вперед! — крикнула она. — Доделаю на бегу.

Чертополох без колебаний прыгнула с крыши и приземлилась в мягкую грязь. Не дожидаясь, когда пыльные люди среагируют, она прыгнула на ближайшую каменную плитку, затем на следующую и убежала вперед. Никки прыгнула вслед за ней, стараясь не отставать, чтобы успеть создать тропу перед бегущей девочкой.

Натан и Бэннон прыгнули следом. К этому времени кто-то из пыльных людей понял, что делает их добыча, и мумии устремились следом за ними, обходя уцелевшие городские здания. Два сухих трупа поднялись слева от Чертополох, пронырнув под затвердевшим песком. Заметив это, Никки зарычала от ярости и ударила по пыльным людям воздухом, превратив их в осколки костей и обрывки сухой плоти.

Но монстров было все больше.

Никки с девочкой бежали к скалам, Бэннон и Натан не отставали. Наконец, все они покинули заброшенный город. Добравшись до скал, Чертополох стала карабкаться наверх, находя опоры для рук и ног и стремясь убраться подальше от пыльных людей. Трое взрослых лезли вслед за ней по отвесной скале, пока не достигли относительно безопасного монолитного уступа.

Чертополох и не думала останавливаться.

— Я знаю путь, следуйте за мной. Если мы углубимся в каньоны, эти монстры никогда нас не отыщут.

Беглецы устремились в ночь. Поднявшись выше, Никки оглянулась и увидела, как последнее кирпичное здание обратилось в пыль. Затем зашатались и каменные постройки; земля под ними растаяла и поглотила здания. Вскоре Верденовы родники бесследно исчезли.

Глава 39

Даже напуганная и шокированная, Чертополох хорошо ориентировалась в темной пустоши. Девочка, подстегиваемая адреналином, вела их под светом звезд вдоль гладких скал в глубины каньонов, подальше от пыльных людей. Все были слишком измучены и потрясены, чтобы разговаривать. Сирота пыталась принять случившееся, но несла это бремя с такой яростной и молниеносной решимостью, что Никки восхитилась.

Когда путники достигли вершины утеса и оказались вне досягаемости миньонов Поглотителя жизни, Чертополох присела на плоскую скалу. Ее угловатые коленки торчали вверх, а плечи поникли. Она положила руки на свою лоскутную юбку и уставилась в пустынную даль.

Никки встала рядом с ней.

— Полагаю, теперь мы в безопасности. Спасибо.

Девочка задрожала, а Никки не знала, как ее успокоить.

К счастью, подошел волшебник и склонился к сироте:

— Мне очень жаль, дитя. Это был твой дом, твои тетя и дядя...

— Они заботились обо мне, — дрожащим голосом сказала Чертополох, — но чаще я проводила время в одиночестве. Я была в порядке — и буду в порядке. — Она с пламенной решимостью посмотрела вверх, но когда ее медово-карие глаза встретились с глазами Никки, то сразу наполнились слезами. Губы девочки задрожали, плечи затряслись. — Дядя Маркус и тетя Луна всегда говорили, что я беру на себя слишком много обязательств. Слишком колючая, говорили они. — Она шмыгнула носом, но Никки видела ее железную волю. — Со мной все будет в порядке.

— Я знаю, — сказала Никки. — Так и будет.

Через мгновение девочка зашлась в рыданиях, потирая глаза. Бэннон неловко обнял ее за плечи, прямо как старший брат. Она повернулась, обняла его в ответ и плакала, уткнувшись в его грудь. Юноша моргал, не зная, чем помочь ее горю, и просто сжимал ее в объятиях.

— Здесь мы отдохнем, — объявила Никки, осматриваясь по сторонам. — Тут нам ничего не угрожает. Выдвинемся завтра утром.

— Сейчас нигде не безопасно, — голос Чертополох снова был тверд. Она встряхнулась. — Разве что с вами. Вместе мы справимся.

Никки встала на часы первой, а остальные попытались уснуть. Беглецы растеряли свои рюкзаки и дорожные принадлежности во время безумного отступления, но все же они выбрались. Никки могла поддерживать своих спутников посредством магии, но считала, что способности Чертополох к выживанию будут незаменимы даже вдалеке от распространяющегося запустения.

Бэннон и Натан растянулись на голых камнях, чтобы отдохнуть. Измотанный старый волшебник крепко спал с полузакрытыми глазами, и меж век виднелись только белки глаз. Колдунья привыкла к тому, что волшебники спят с открытыми глазами: жуткая особенность, которая шокировала непривычных к такому зрелищу. Но теперь она больше беспокоилась о том, что глаза Натана Рала чаще были закрыты — возможно, то был еще один признак того, как сильно старик отделился от магии после перемен в мире. Он утратил целостность. Откуда Рэд знала, что их ждет?

Сидя в тишине, Никки смотрела на звезды, все еще пытаясь увидеть новые созвездия, но не могла найти в небе никакого послания. Она с подозрением прислушивалась к каждому шороху листвы и стуку падающих камушков в ночи, но все звуки издавали снующие туда-сюда грызуны.

Наконец-то у нее выдалось время поразмыслить. Она задумалась о Д'Харианской империи, об обширном Древнем мире — почти неизведанном континенте, который лорд Рал поручил ей исследовать. Как ей спасти мир? Сама эта идея казалась смешной. Ее нынешняя забота — Поглотитель жизни, кем бы он ни был. Язва распространялась, охватывая все большую площадь. А теперь он наслал на них своих пыльных людей.

Это была первая ошибка Поглотителя жизни. Теперь дело стало для нее личным.

Ей нужно узнать больше об этом злом волшебнике: какова его цель, как и почему он высушил тех людей из долины и превратил в своих оживших слуг. Может, он так питался — похищая души и поглощая их энергию?

Темная магия Поглотителя жизни, какой бы она ни была, распространялась подобно сильнейшему яду, более смертоносному, чем тысячи губительных цветов. Один из таких цветов, завернутый в тряпицу, лежал в кармане ее черного платья.

Она знала, что сейчас им нужно отыскать Твердыню.

Никки видела, как людей Верденовых родников, включая тетю и дядю Чертополох, утащили под пыльную землю, и теперь ей овладела непоколебимая решимость. Она глубоко ненавидела угнетение, истребление и порабощение добрых людей. Поглотитель жизни олицетворял собой тиранию, и Никки считала борьбу с этой угрозой частью своей миссии во имя Ричарда. Колдунья и без пророчества знала, что делать дальше.

Сирота проснулась перед рассветом и мгновенно насторожилась. Чертополох огляделась, увидела Никки и подбежала к ней. Они долго молча сидели рядом, а потом девочка заговорила:

— Я могу провести вас в архив Твердыни — знаю, что смогу. Там ты встретишь ученых и узнаешь у них, как уничтожить Поглотителя жизни. Ненавижу его! Я отведу тебя туда.

— Я тебе верю, — сказала Никки. — И скоро ты докажешь нам свою правоту. Натан и я долго изучали магию. Если ответ существует, мы найдем его. — Колдунья сощурила голубые глаза и посмотрела на растерянную маленькую девочку. — Независимо от того, что находится в библиотеке, я клянусь тебе: мы найдем способ избавить мир от человека, который это сделал.

Чертополох серьезно кивнула. Невыплаканные слезы полились из ее больших глаз.

— А после этого я смогу остаться с тобой? У меня... больше никого нет. — Под конец фразы ее голос сорвался, но девочка скрыла это, громко прочистив горло. Она отвела взгляд, словно стыдилась своего отчаяния.

Никки не могла представить, как возьмет Чертополох, какой бы талантливой та ни была, в трудное путешествие к Кол Адаиру. Но сирота слишком много пережила за одну ночь, и колдунья просто ответила:

— Посмотрим.

Лучше так, чем лишать ее всякой надежды.

* * *

Как только рассвело, Чертополох потрясла Бэннона и Натана за плечи, чтобы разбудить их, и вскоре все были готовы тронуться в путь.

— Возможно, потребуется несколько дней, чтобы добраться до Твердыни. Каньоны на вершине плато похожи на лабиринт, но, если пойдете за мной, — Чертополох вымученно улыбнулась, — я проведу вас быстрым и безопасным путем.

Бэннон зачесал назад свои распушенные волосы.

— Но у нас нет ни воды, ни пищи. Все осталось в сумках.

Чертополох уперла кулаки в бедра, обтянутые поношенной юбкой, и вскинула подбородок.

— Я найду все необходимое.

Девочка резво повела их вдоль гребня утеса, а затем в каньоны с высокими стенами, уводившие прочь от превратившейся в Язву плодородной долины.

Казавшиеся бесконечными гладкие скалы были прорезаны вертикальными полосами красной породы, которые напоминали позвонки мифического чудовища.

Они шли по головокружительному лабиринту из расщелин, каньонов и глубоких ущелий. Никки казалось, что бездонные пропасти ведут в небытие. Приглушенные красные и коричневые оттенки скал перемежались темно-зелеными пятнами пиний, мескитов и высоких кактусов. Дно тени-

стых каньонов поросло пышными бледно-зелеными кустами тамариска с колючими черными ветками.

Это была здоровая пустыня с естественной растительностью; порча Поглотителя жизни еще не дотянулась до этой земли... но Никки подозревала, что очень скоро все изменится.

Натан, заслонив рукой глаза от солнца, осмотрел пустынное нагорье.

— Должен признать, здесь очень красиво. — Он положил руку на кожаную сумку, в которой хранилась его книга жизни — одна из немногих вещей, что ему удалось сохранить. — Но я отчаиваюсь при одной мысли, как перенести все это на карту. Как нам здесь не заблудиться?

— Я уже сказала, что буду вашим проводником, — напомнила девочка. — Я могу показать место, где многие тысячи лет была скрыта Твердыня. Я уже все тут изучила и знаю, куда идти.

— Все? — недоверчиво спросил Бэннон.

— Мне уже одиннадцать, — фыркнула Чертополох.

— Не вижу оснований не доверять ей, — сказала Никки и пошла за девочкой, когда та снова тронулась в путь, перескакивая с камня на камень и карабкаясь по крутым склонам.

Бэннону и Натану было сложно не отставать.

Чертополох провела их вдоль перстов каньонов, а затем они нырнули в глубокое ущелье. Когда они остановились для отдыха, сирота не отходила от Никки. Чертополох посмотрела на бесплодную пустошь Язвы, до которой теперь было много миль, и издала долгий, задумчивый вздох. Ее лицо было преисполнено печали.

— Я слышала разговоры о том, какой прекрасной была эта земля — с лесами, полями и реками. Она была раем, идеальным местом для жизни. Когда мои дядя и тетя рассказывали об этом, то начинали плакать от того, насколько все изменилось за мою жизнь. Их рассказы были так удивительны. — Она шмыгнула носом. — Вот почему дядя Маркус и тетя Луна не хотели уходить. Они верили, что наша долина когда-нибудь станет прежней. — Девочка посмотрела на Никки. — Ты ведь сможешь все вернуть, Никки? Я буду тебе помогать! Вместе мы будем сражаться и вернем жизнь в долину.

Надежда девочки была столь непоколебима, что Никки не хотела ее разочаровывать.

— Возможно, так и будет.

В конце долгого дня пути Чертополох вывела их к устью широкого каньона, на дно которого вела труднопроходимая тропа.

— Там будут вода и место для лагеря.

Чертополох без труда нашла отличное убежище под каменным выступом, и путники сложили костер из хрупкого тамариска и мескитов. Вскоре

у них был жаркий костер, источающий ароматный дымок. Они напились воды из небольшого родника поблизости и умылись.

Когда сгустились сумерки, девочка сбегала за поворот каньона и вернулась с четырьмя ящерицами для ужина, которых они зажарили целиком. Никки принялась грызть хрустящую кожицу и косточки.

Три дня Чертополох вела их вперед, поднимаясь на плато по зарослям мескитов, полыни, кустов креозота и колючей юкки. Они уже были значительно выше уровня Верденовых родников, петляя по предгорьям вокруг огромной долины. Их целью было высокое плато.

По мере подъема каньоны стали глубже. Девочка уверенно нырнула в лабиринт из скал, хотя Никки, Натан и Бэннон понятия не имели, где находятся и как вернуться назад. И все же колдунья всецело доверяла этой девушке.

Одним ясным утром путники шли по широким каньонам, каменные стены которых иногда перемежались выветренными столбами, напоминавшими жутких бесформенных стражей.

Никки спросила девочку:

— Сколько тебе было лет, когда умерли твои родители?

— Я была очень маленькой, — ответила Чертополох. — В то время в Верденовых родниках жило много людей. Язва еще не дотянулась до нашего поселения, но Поглотитель жизни представлял опасность. Я помню лицо мамы... она была очень красивой. Вспоминая о ней, я думаю о зеленых деревьях, широких полях, ручьях и красивых цветах... цветочных садах. — Она посмеялась над казавшейся ей нелепой идеей тратить место в саду на обычные цветы. — Когда Язва поглотила долину, мои родители стали заниматься сбором уцелевшего урожая. Однажды они отправились в миндальный сад, потому что даже на мертвых деревьях могли остаться высохшие орехи. Мама с папой так и не вернулись... — Чертополох долго шла молча, ведя всех через обветренные столбы. — Язва кажется мертвой, но некоторые существа связаны с Поглотителем жизни. Он не просто убивает, а изменяет своих жертв и использует.

— Как пыльных людей? — спросила Никки.

Чертополох кивнула:

— Не только людей. Еще пауков, сороконожек и вшей — ужасных, омерзительных вшей.

Живот Никки скрутило в узел.

— Ненавижу вшей.

— Вши тоже поглощают жизнь, — сказал Бэннон. — Неудивительно, что они нравятся злему волшебнику.

— Кто убил твоих родителей? — спросил Натан.

— Скорпионы — большие скорпионы, поселившиеся среди миндальных деревьев. Когда родители пришли собрать орехи, скорпионы напали на них и изжалили. Через несколько дней дядя Маркус и двое односельчан пошли на их поиски и обнаружили тела: их лица распухли от укусов... но даже их трупы Поглотитель жизни превратил в пыльных людей. Мои родители напали на дядю Маркуса... — Чертополох осеклась, но ей не было нужды продолжать рассказ о том, что пришлось сделать односельчанам. — После этого я осталась с тетей и дядей. Они сказали, что присмотрят за мной и позаботятся. — Ее голос стал мрачным. — Теперь нет и их. Как и Верденовых родников. — Чертополох тяжело сглотнула. — Мой мир исчез.

— Но ты с нами, дитя, — сказал Натан. — Мы сделаем все, что в наших силах.

Бэннон пробился вперед:

— Да, обязательно, — подхватил Бэннон. — Если мы когда-нибудь доберемся до Твердыни.

Взглянув для уверенности на Никки, сирота кивнула:

— Мы будем там уже завтра.

* * *

Следующим утром Чертополох повела их по каменистому дну каньона, которое выглядело так, словно когда-то давно его неоднократно затапливало во время штормов. Гладкие и неприступные стены каньона стали еще выше и почти сомкнулись, закрыв небо.

Волшебник нахмурился, пытаясь угадать направление по удлинвшимся теням.

— Ты уверена, что это не тупик, дитя?

— Нам нужно туда. — Чертополох поспешила вперед.

Каньон сузился, и Никки почувствовала себя неудобно — место идеально подходило для засады.

— Стены смыкаются, — сказал Бэннон. — Посмотрите вперед — там тупик.

— Нет, — настаивала девочка. — Идите за мной.

Она повела их туда, где каменные стены соединялись, оставляя лишь узкую щель меж двух скал. Чертополох оглянулась на своих спутников, затем повернулась боком, проскользнула в трещину и... исчезла.

Никки шагнула вперед и увидела, что трещина была хитроумно скрытым проходом сквозь, на первый взгляд, глухую стену. Протиснувшись через невероятно тесный проход, Никки увидела впереди свет.

Девочка выскользнула в расширяющийся каньон. Никки присоединилась к ней, а следом появились Бэннон и Натан. Колдунья перевела дух. Перед ними предстала Твердыня.

Глава 40

По другую сторону узкого каменного прохода оказалась целая сеть запутанных узких каньонов, отрезанная от внешнего мира. Напоминавшие пальцы каньоны с крутыми стенами простирались по высокому плато подобно вытянутым ладоням. Зрелище было ошеломительное — тайная, укрытая паутина каньонов.

Главный каньон, проходивший через плато, был широким и плодородным, с извилистой серебряной лентой ручья, который собирал по каплям воду из многочисленных источников. На пышных зеленых пастбищах паслись овцы; на огороженных полях росла высокая пшеница и кукуруза; на узких уступах среди скал располагались грядки с тыквами и бобовыми. Вдоль ручья росли сады, и многие деревья были в цвету. Возле деревянных ульев сновали пчелы, наполняя воздух слабым гудением. Сотни людей работали на полях, пасли стада и сновали туда-сюда по деревянным лестницам вдоль стен каньона. Это была процветающая, благополучная община.

Большие уступы и ниши в скалах создавали естественные защищенные пещеры, в которых были постройки из глиняного кирпича. В некоторых гротах было лишь по два-три жилища, но на более массивных выступах стоял настоящий город с глинобитными башнями, соединенными переходами.

На противоположной стороне каньона находился пещерный грот невероятных размеров — зияющий альков, в котором располагались внушительные каменные здания с фасадами из блоков. В их архитектуре чувствовался дух древнего величия. Никки поняла, что это и есть легендарный архив волшебников, открытый сравнительно недавно.

Архив Твердыни, стоявший в огромном укрывающем его алькове, был похож на крепость: строения из каменных блоков были высотой в пять и десять этажей, на массивных квадратных стенах были укрепления. Узкая извилистая тропа, высеченная прямо в скале, была огорожена переплетенными канатами, а кое-где были короткие лестничные марши, помогавшие подняться со дна каньона к зияющему гроту.

Натан прошел в каньон через узкий проход и теперь с благоговением взирал на открывшийся ему вид, откинув голову и разинув рот.

— Напоминает Дворец Пророков. Ах, я скучаю по его библиотеке.

На лице Бэннона было такое же восторженное удивление, как и при виде Танимуры.

— Дворец Пророков и правда был таким большим? — спросил он.

Натан усмехнулся.

— Размер — понятие относительное, мой мальчик. Утесы и уступы, безусловно, выглядят внушительно, но Дворец Пророков был как минимум в десять раз больше.

— В десять? — воскликнул Бэннон. — Пресвятая Мать морей, просто немыслимо!

— Нет нужды в сравнениях, — вмешалась колдунья Никки. — Твердыня выглядит впечатляюще, и у нее есть неоспоримое преимущество — она не разрушена. Возможно, здесь мы найдем сведения о Поглотителе жизни.

При ярком дневном свете кто-то из местных жителей заметил гостей, вошедших в каньон через скрытый проход. Двое мальчишек, работавших на овощной грядке на полпути к скале, засвистели, объявляя тревогу. Пронзительный звук отразился от угловатых стен каньона и усилился.

Заслышав сигнал тревоги, люди направились к чужакам.

Никки предпочла бы сначала рассмотреть постройки в каньоне и оценить, насколько опасны защитники Твердыни, но Чертополох помахала приближающимся людям и крикнула:

— Привет! Мы чужаки с той стороны. Нам нужно заглянуть в ваш архив.

Еще больше тревожных свистов раздалось из поселений алькова, и в высокой крепости архива Твердыни десятки людей бросились к окнам и дверям.

Никки не смогла удержать Чертополох, и девочка смело шагнула в каньон, уверенная, что им будут рады.

К четверем путешественникам спешила группа обитателей архива.

— Мы здесь, чтобы сразить Поглотителя жизни! — продолжила кричать Чертополох, уперев руки в бедра. — Я привела вам колдунью, храброго мечника и старого волшебника.

— Я выгляжу не таким уж старым, — проворчал Натан, чья гордость была задета. — И я не только волшебник, но и пророк... хотя пока что не могу использовать ни одну из этих способностей. — Он постучал по виску. — Тем не менее знания остались при мне.

— Они пришли узнать, как остановить Язву, — возвестила Чертополох.

Натан оглядел приближающихся людей.

— Здравствуйте! Мы так понимаем, у вас есть архив знаний? Древние записи, которые могут оказаться полезными в борьбе с ужасным врагом, терзающим землю?

— У вас есть информация, которая даст нам средства и оружие победить его? — твердо спросила Никки. — Нам нужно все это.

— Тогда вам нужен Саймон, — сказал фермер средних лет в коричневой тунике, усыпанной соломой после жатвы пшеницы. — Он старший ученый-архивариус Твердыни. — Мужчина указал на крепость в высоком алькове, из которой по узкой тропе спускалась группа из дюжины людей.

— И Виктория. Им нужно встретиться с Викторией, — добавила женщина с пучком светлых волос, подвязанным серым платком; у нее были широкие бедра и короткие натруженные пальцы, а бицепсы были мощнее, чем у Натана и Бэннона вместе взятых. — Лишь она решает, какие знания оберегаются помнящими.

Фермер отряхнул жилетку и сунул между зубов травинку.

— Ладно-ладно. Зависит от знаний, которые им нужны, — сказал он.

— Давненько мы не видели чужаков и ученых с той стороны; они перестали приходить еще до того, как Язва уничтожила долину, — сказал краснолицый запыхавшийся пастух, слышавший конец разговора.

— Ученые нуждаются в новой крови, — сказала крупная женщина. — Никто здесь не нашел способа остановить Поглотителя жизни, и мы нуждаемся в помощи.

— Твердыня тысячи лет была укрыта маскирующим саваном, — сказал рыжеволосый мужчина. — Заклинание развеяно, но духи наших предков будут терзать нас, если мы передадим знания любому чумазому посетителю, который ими заинтересуется! Мы с великой осторожностью относимся к допущенным сюда ученым.

— Мы пришли помочь, — сказала Никки.

— И не такие мы и чумазные, — добавил Натан.

— А я не чужеземка, — настаивала Чертополох. — Примерно год назад я наблюдала за вами, а вы меня даже не заметили. Я единственная выжившая из Верденовых родников.

— Никогда не слыхал об этом месте, — пробормотал пастух.

— Потому что вы были заперты в этих каньонах, — сказала Чертополох. — Внешний мир исчезает, пока вы тут прячетесь. Все умирает, а вы этого даже не знаете.

Чтобы успокоить девочку, Никки положила руку ей на плечо.

— Мы хотим помочь. Если у меня будут нужные сведения, то я наверняка найду способ остановить вашего врага.

— И возродить зеленую долину, — вставила Чертополох. — Они могут это сделать.

Все повернулись к группе облаченных в мантии ученых, спешивших к ним из высокой крепости архива. Люди заговорили все разом:

- Саймон, эти люди пришли с той стороны.
- Их привела эта девочка. Говорит, она из Верденовых родников.
- С ней колдунья, а вон тот — волшебник.
- И пророк.
- Виктория, смотри, это колдунья!
- Они хотят получить наши знания и заглянуть в архивы...
- Нам ведь нужны были новые ученые?

Пока Никки пыталась разобраться что-либо в этом гвалте, один мужчина шагнул вперед — видимо, он был тут главным.

— Я Саймон, старший ученый-архивариус Твердыни. Я руковожу систематизацией знаний, сохраненных здесь мудростью древних.

— Старший ученый-архивариус? — Натан поднял брови. — Не слишком ли ты молод для такой должности?

Саймону на вид было чуть за тридцать, непослушные каштановые вихры торчали во все стороны, поскольку у мужчины явно не было желания следить за прической. Его подбородок и щеки были покрыты редкой клочковатой бородой.

— Я достаточно зрел и начал свою работу еще совсем молодым. Двадцать лет назад меня привезли из одного из городков долины, потому что у меня был выдающийся ум.

— Маскирующий саван спал всего пятьдесят лет назад, — сказала почтенная женщина, стоявшая рядом с архивариусом.

Никки предположила, что это и есть Виктория. Ей было за шестьдесят, тронутые сединой каштановые волосы были заплетены в косу, уложенную вокруг головы. У нее было гладкое лицо с морщинками в уголках глаз, а на круглых щеках горел здоровый румянец. Ее голос напоминал Никки о доброй бабушке из детских сказок, но в нем были твердые нотки.

— Мы являемся хранителями знаний Твердыни еще со времен древних войн волшебников, — продолжила женщина, — и лишь недавно открыли архивы для посторонних. Ученики Саймона завершили только часть работы по систематизации, но мои помнящие могут дать вам знания прямо из наших воспоминаний — как только вы убедите нас в необходимости этого.

Глава 41

Саймон, Виктория и остальные ученые повели посетителей к стоявшей на утесе крепости архива. Узкая тропа зигзагами шла вдоль скалы, и Никки смогла сполна оценить колоссальные размеры зданий, построенных в природной нише. Древняя библиотека впечатляла ее все больше. Огромные каменные фасады построек Твердыни оказались выше, чем она сперва полагала.

— Впечатляет, — сказала колдунья, пытаясь представить, каким образом построили гигантский город в столь изолированном месте. — Возможно, Дворец Пророков был только в пять раз больше.

Чертополох стремглав бежала по опасной тропе, не пропуская ни ступенек, ни упоров для рук. В нетерпении девочка остановилась на полпути и оглянулась.

— Вперед, Никки! Разве ты не хочешь увидеть библиотеку?

Натан, поднимаясь по склону, восхищался огромными зданиями, башнями, окнами, арками и внушительными входными дверями в два человеческих роста.

— Взгляните на массивные каменные блоки в стенах. Единственный способ возвести такую крепость — особенно в изолированном каньоне — прибегнуть к магии.

— К могущественной магии, — согласилась Никки. — Видимо, крепость была построена еще до того, как Древний мир очистили от магии.

Волшебник остановился на крутой тропе, положив левую руку на гладкую скалу, и кивнул:

— Да, усилий тут приложили немало.

Когда они взобрались к громадному алькову, Чертополох уже поджидала их возле колоссальных каменных зданий.

— Пресвятая Мать морей, — прошептал Бэннон. — Никогда не видел ничего подобного.

Почтенная Виктория посмотрела на него, выражение ее розовощекого лица предвещало бурю.

— Твоя Мать морей не имеет к этому никакого отношения, юноша. Она слишком далеко и не помогала нам. Все было достигнуто человеческим трудом и стоило жизни и сил многих одаренных волшебников.

Саймон с почтением взирал на здания.

— Самые могущественные одаренные тайно пришли сюда во времена древних войн волшебников. Им потребовались годы, чтобы построить и спрятать это место под величайшим покровом секретности, но цель того стоила. Император Сулакан и его опустошительная армия не обнаружили спрятанных здесь обширных знаний. Маскирующий саван держался столе-

тиями, скрывая Твердыню от посторонних глаз, и только жители близлежащих каньонов помнили о существовании города.

— Все изменилось пятьдесят лет назад, — сказала Виктория с гордостью в голосе. — И теперь древнее знание вновь доступно всем.

Никки оглянулась на каньон, тонувший в полуденных тенях. Некоторые из пастухов спали в палатках возле пасущихся на дне каньона стад. В многочисленных нишах на противоположной скале располагались освещенные очагами и лампами жилища, но внушительная Твердыня сияла ярче, ведь одаренные использовали магию для освещения архива.

— Мы усердно учимся и практикуемся, — с энтузиазмом сказал Саймон.

Взгляд Никки зацепился за самое дальнее строение в правой части алькова. Большая башня была повреждена и оплавлена, будто камень превратился в воск. Каменный свес прогнулся, напоминая опустившееся веко. Окна заплыли, будто ледяная скульптура таяла и оползала, а затем замерзла от резкого похолодания. Колдунья не успела спросить об этих повреждениях, потому что ученые открыли высокие створки и Саймон провел всех через главные каменные ворота передней башни.

— Это только внешние укрепления. Сама Твердыня гораздо больше, чем вы сейчас видите. Целый комплекс тоннелей проходит через сердце плато и достигает скал на другой стороне.

В главном здании библиотеки были высокие сводчатые потолки, опиравшиеся на толстые стены из карьерного камня. Обувь громко стучала по синей плитке входного портика, яркий свет исходил от настенных негасимых ламп, зажженных с помощью магии.

Каменные залы были заставлены рядами деревянных полок с разношерстными томами: здесь были всевозможные кожаные обложки, свитки и даже обожженные глиняные таблички, испещренные незнакомыми Никки символами.

Натан жадно глазел на полки.

— Не могу дождаться, когда приступлю к чтению.

— Этого? — усмехнулся Саймон. — Но это лишь малая часть томов, которые ученые отобрали, потому что сочли интересными. Основные хранилища знаний находятся в глубинах меса — и они гораздо обширнее. Там хранится информация обо всем.

К Виктории подошли три очаровательные молодые послушницы, милостивые и бойкие, на вид не старше двадцати. Почтенная женщина кивнула им с легкой улыбкой.

— Спасибо, что присоединились к нам, мои дорогие. Нам потребуется ваша помощь и внимание. — Она представила их гостям: — Это мои самые преданные послушницы: Одри, Лорел и Сейдж.

Девушки были одеты в белые туники, стянутые на талии тканевыми поясами. Послушницы были чарующе красивы, но каждая по-своему. У Одри были высокие скулы, полные губы и пышные иссиня-черные волосы. У Лорел были волосы пшеничного цвета, которые она носила распущенными, и только прядь возле виска была заплетена в косичку; у нее были зеленые глаза, тонкие губы, готовые улыбнуться, и белые зубы. У Сейдж были каштановые волосы с бурым оттенком, густые и блестящие, а грудь была больше, чем у остальных девушек.

Никки и Натан вежливо поприветствовали послушниц, а Бэннон ответил глубокий поклон. Лицо юноши покраснело от смущения, когда девушки стали заискивать перед ним, выделяя его среди остальных.

Виктория фыркнула:

— Чужестранцы, должно быть, устали и проголодались, поэтому давайте послушаем их рассказ за обедом. Ступайте и поставьте на стол приборы для них. Скоро все соберутся на полуденную трапезу. — Немолодая женщина улыбнулась. — Нас ждет жареная антилопа и свежая кукуруза. А на десерт будут медовые фрукты и кедровые орешки.

Никки с удивлением поняла, что не на шутку проголодалась.

— Мы были бы очень признательны.

— Гораздо лучше, чем жевать жареных ящерц, — усмехнулся Натан. Когда Чертополох метнула в него рассерженный взгляд, он примирительно поднял руку: — Не пойми неправильно. Мы ценим еду, дитя. Я лишь хочу сказать, что был бы рад разнообразию.

В обеденном зале стояли длинные дощатые столы, накрытые льняными скатертями, за которыми собрались на полуденную трапезу разновозрастные мужчины и женщины. Некоторые приглушенно беседовали, обмениваясь найденными в забытых свитках открытиями. Многие казались слишком занятыми, чтобы замечать незнакомцев; проглотив мясо и овощи, они возвращались к своим книгам, не дожидаясь десерта.

Когда все расселись на длинных скамьях, Саймон отрезал себе ломоть пряного мяса и передал блюдо Никки и Натану. Наполнив свою тарелку, Натан сказал:

— Пожалуйста, расскажите нам о Твердыне — как и для чего она была построена.

Саймон взял на себя роль рассказчика, считая это обязанностью ученого-архивариуса:

— Три тысячи лет назад, в начале Великой войны, в Древнем мире преследовали и убивали волшебников, и всякое проявление магии было под запретом. Император Сулакан посылал отряды обыскивать округу и уничтожать любую магию, которой не мог завладеть. Он и его предшественники не желали, чтобы кто-то владел могущественными знаниями,

которые собирались на протяжении многих поколений. Но волшебники не сдались и распространили известия от города к городу, от архива к архиву. Императорские армии намного превосходили их по численности, и волшебников ждало неизбежное поражение. Они знали, что жизненно важные знания будут уничтожены, поэтому величайшие из одаренных ученых собрали все магические книги и книги пророчеств, изъяли их из всех известных библиотек и спрятали все тома, которые не успели перекопировать.

Чертополох вразвалку сидела на скамье, не особо интересуясь разговором. Руками она наложила себе вторую порцию мяса антилопы и кукурузы. Девочка явно давно не ела такой еды — возможно, вообще никогда.

Саймон перевел взгляд с Натана на Никки:

— Волшебники-отступники обнаружили в лабиринте каньонов плато это место, которое никто не смог бы выследить. Сулакан долгие годы продолжал свои завоевания, а доведенные до отчаяния волшебники тайно перевозили в укрытие книги, свитки, глиняные таблички и магические артефакты. Они построили Твердыню ради сохранения знаний, и многие из создателей крепости отдали свои жизни, чтобы защитить ее. Они умерли под ужасными пытками, но не раскрыли местонахождение этого каньона. Когда последние экземпляры книг и словарей оказались на полках бесчисленных залов, волшебники поняли, что не могут положиться на изолированность этих каньонов. Чтобы сохранить знание, им требовалось что-то более могущественное.

— Более долговременное, — добавила Виктория.

Глаза Саймона сверкнули.

— Волшебники создали непроницаемый щит — необнаружимый маскирующий саван, который перегородил вход в грот пещеры. Все по эту сторону от савана оказалось скрыто, а снаружи можно было увидеть только гладкую естественную скалу.

Виктории не очень нравилось, как архивариус ведет рассказ.

— Саван был не только заклиниванием сокрытия, но и физическим барьером. Никто не мог ни обнаружить его, ни пройти через него. Твердыня должна была оставаться запечатанной — до тех пор, пока враги магии не будут уничтожены.

Никки взглянула на Натана:

— Барах тоже спрятал Храм Ветров — поместил в него самые важные магические знания и отправил в подземный мир, где никто не мог до него добраться.

— Вот так множество знаний было сохранено во времена великих потрясений, — закончил Саймон. — Без Твердыни и маскирующего савана все было бы утрачено в зачистках Сулакана. Вместо этого знания тысячи лет оставались нетронутыми.

— Мы бы не утратили все, — резко сказала Виктория. — У нас имелся запасной план.

Саймон неохотно позволил женщине продолжить повествование, а сам взял с блюда початок жареной кукурузы и стал с шумом его есть.

— Материальные документы были запечатаны в архивах, — пояснила Виктория, — но у древних волшебников был запасной план, гарантирующий, что знания не будут утрачены. Они позаботились, чтобы кто-то навсегда запомнил информацию. Кто-то особенный. — В ее добрых глазах мелькнул огонек. — Твердыню охраняли мирные жители каньона. Волшебники отобрали тех, кто был наделен способностями к запоминанию и хорошей памятью. Помнящие, усовершенствованные заклинанием совершенной памяти, смогли запомнить и сохранить тексты бесчисленных документов.

— С какой целью? — спросил Натан.

— Чтобы помнить, разумеется, — ответила Виктория. — Прежде чем волшебники наложили маскирующий саван и запечатали Твердыню, помнящие изучили труды в архиве, фиксируя каждое слово в памяти. — В ее голосе прозвучали нотки гордости. — Мы — живое воплощение архивов, и пока они были запечатаны, только мы хранили знания. Мы все помним.

Никки вспомнила, как Ричард, будучи простым лесным проводником в Вестландии, запомнил Книгу Сочтенных Теней, строку за строкой, страницу за страницей. Джордж Сайфер заставил сына заучить книгу от корки до корки, а после сжег ее, чтобы безжалостный Даркен Рал не смог получить доступ к ее содержимому. В конечном счете эта книга оказалась фальшивкой, но Ричард использовал ее, чтобы одержать победу сначала над Даркеном Ралом, а потом и над императором Джеганем.

Но Книга Сочтенных Теней — лишь одна книга, а каждый помнящий хранил в памяти сотни томов. Никки с трудом могла представить невероятный размах их задачи.

Виктория постукивала пальцами по столу.

— Я помнящая, как и все мои послушники.

Словно по сигналу, Одри, Лорел и Сейдж вошли в столовую с чашами медовых фруктов. Три молодые девушки нарочно сперва предложили десерт смущенному Бэннону, а затем расставили тарелки и чаши, чтобы все могли отведать угощение.

Натан взял блестящий ломтик персика, с наслаждением съел его и слизал мед с пальцев. Он посмотрел на Викторию, нахмутив лоб:

— Каждый из вас поместил в свой разум тысячи и тысячи томов? Я нахожу это удивительным — и, признаюсь, с трудом в это верю.

Виктория поморщилась:

— Нет, один человек не в состоянии вместить все эти знания, даже обладая нашим даром и усиленной заклинаниями памятью. Волшебники разделили задачу среди наших предшественников. Каждый из первых помнящих занимался изучением конкретных томов. Помнящих было достаточно, чтобы сохранить большую часть архива, но книги оказались разделены по множеству разных разумов. Помнящие передавали свои знания от поколения к поколению, и книги становились все более разрозненными — все зависело от количества послушников. И все же, знание вот здесь. — Она постучала пальцем по виску.

Никки не заинтересовалась сладкими фруктами и передала чашу Чертополох, которая тут же принялась рыться в десерте.

— Так вы заучивали и пересказывали все эти тома в течение тысяч лет? Ничего не потеряв? Не допустив ошибки?

— Опытные помнящие занимались с несколькими послушниками, — сказал Саймон, — а те заучивали строчку за строчкой, запоминая каждое слово каждого заклинания. Так помнящие пронесли знания сквозь века, хотя сами книги были закрыты за неизменным барьером. Маскирующий саван охранял нашу безопасность. — Он сделал паузу, чтобы хлебнуть из кубка родниковой воды, а потом вытер рот и тяжело вздохнул. — К сожалению, в древних войнах погибли все волшебники, которым по силам было снять саван. Никто не мог получить доступ к скрытым здесь знаниям — они были навсегда утрачены и запечатаны непроницаемой маскировкой. Никто не мог прорваться сквозь саван.

Виктория перебила его:

— Пока я не выяснила, как рассеять его и тем самым снова открыть архив. Это случилось пятьдесят лет назад. — Она взяла три большие клубничины, быстро съела их и вытерла пальцы и губы платочком. — Я была юной семнадцатилетней девушкой.

Саймон взглянул на сидевших за столами ученых, большинство из которых были поглощены чтением даже во время еды.

— Да, и это изменило все. Жители каньонов тысячелетиями охраняли скрытый архив, а потом вдруг получили доступ к огромной сокровищнице информации. Но что с ней было делать простым деревенским жителям, ведущим тихую размеренную жизнь? Все это время они мало знали о внешнем мире. А помнящие, хоть и могли повторить заученные слова, далеко не всегда понимали, что именно говорят. Некоторые тома были на языках, которые никто не мог понять.

— Мы понимали достаточно, — резко вмешалась Виктория. — Но признавали, что нуждаемся в помощи. Жители каньонов время от времени торговали с городами большой долины, хотя нас считали чужаками. Войны волшебников давно закончились, и, насколько мы мог-

ли судить, в Древнем мире воцарилось спокойствие. Когда маскирующий саван исчез, мы решили привлечь специалистов извне — самых лучших и усердных ученых долины, наделенных даром. Мы были осторожны и пригласили только самые выдающиеся умы, а затем провели их через лабиринт каньонов на плато.

— И теперь в этом архиве обитает сотня преданных делу ученых, — снова взял слово Саймон. — Я пришел сюда гораздо позже как одаренный ученый — одаренный в обоих смыслах этого слова. Меня призвали, когда я был юн и нетерпелив, чтобы я мог посвятить свою жизнь изучению утраченных знаний. Я уже был довольно опытен в чтении и устном переводе и знал немало языков. Благодаря своему таланту со временем я занял видное положение. — Его удивленная улыбка сменилась хмурым беспокойством. — Я пришел двадцать лет назад, сразу после бегства Поглотителя жизни.

Настроение Виктории тоже заметно ухудшилось.

— Долгие годы у нас нет новых ученых. Города долины были поглощены растущей Язвой. — Ее голос стал мрачным. — Остались только мы. Опустошение Поглотителя жизни еще нас не коснулось, но это лишь вопрос времени — максимум нескольких лет.

Саймон угрюмо кивнул.

— Наша основная задача — просто понять, что есть в архиве. Так много знаний, но в таком беспорядке! Даже спустя полвека две трети книг остаются неупорядоченными и неклассифицированными.

— Все мои помнящие хранят в памяти отдельные фрагменты, — сказала Виктория. — Мы пытаемся обмениваться информацией, чтобы можно было хотя бы объяснить друг с другом, но это как гигантская головоломка.

В голосе Саймона прозвучали нотки сарказма:

— Да, а то, что заперто в умах помнящих, не всегда можно проверить с помощью текстов, написанных на бумаге. — Он взял медовый ломтик апельсина и высосал из него сок. — К счастью, мы можем изучить все свитки и тома, и специализированные помнящие станут не нужны. Целые группы ученых читают книгу за книгой, разбираются в текстах и переводят их, чтобы выучить все эти знания... и использовать их. Когда-нибудь мы станем великими волшебниками, но это займет время. Мы все самоучки, кто-то одарен сильнее, кто-то слабее. Мы пытаемся найти достаточно мощное заклинание, чтобы сразиться с Поглотителем жизни. — Он тяжело слотнул и отвернулся. — Если мы осмелимся на это.

— Волшебники-самоучки? — Никки не скрывала своего скептического настроения. — Сестры Света годами обучали каждого одаренного молодого человека использовать хань и понимать свой дар, а вы пытаетесь трениро-

ваться самостоятельно? Используете древние и, возможно, неверно переведенные книги?

Брови Натана сошлись на переносице, выдавая его озабоченность.

— Меня беспокоит, что помнящие вполне могли исказить некоторые строки, неверно запоминая слова из поколения в поколение. Мелкие неточности могут ничего не значить для легенды или рассказа, но ошибки в мощном заклинании могут привести к ужасающим последствиям.

Виктория тут же обиделась, а Саймон принялся бормотать оправдания. Никки вспомнила оплавленную башню в алькове Твердины и сделала собственные выводы.

— Вы уже допускали ошибки, не так ли? Опасные ошибки.

Саймон и Виктория смутились.

— Был один... несчастный случай, — признался ученый-архивариус. — У одного из наших амбициозных учеников вышла промашка: эксперимент пошел не так, и главное библиотечное хранилище с книгами о пророчествах было сильно повреждено. Мы многое потеряли. — Он проглотил комок в горле. — Стены оплавилась и затвердели, и с тех пор мы больше туда не ходим.

— Помнящие еще вспоминают некоторые из утраченных томов, — сказала Виктория. — Мы прикладываем все силы для их восстановления.

Натан и Никки озабоченно переглянулись, и волшебник обратился к ученым:

— Я настоятельно прошу вас быть осторожнее. Некоторые вещи слишком опасны, чтобы забавляться с ними. Этот ваш «несчастный случай» уничтожил здание-другое. Что, если следующая ошибка причинит больший вред?

Саймон отвернулся и встал из-за стола.

— Боюсь, вы правы. Другой наш ученый уже совершил серьезную ошибку и превратился в Поглотителя жизни. Возможно, теперь всему миру придется иметь дело с последствиями.

Глава 42

После обеда Саймон повел путников в недра Твердины. Они прошли по задворкам каменных зданий и попали в лабиринт рукотворных тоннелей, пронизывавших огромное плато. Просторные залы были залиты светом множества магических ламп. Никки надеялась, что на этом и заканчивается их неумелое обращение с магией. С простенькими заклинаниями

света она еще могла смириться, но высвобождение мощной неконтролируемой магии было гораздо опаснее.

Главные постройки в гроте пещеры были огромны, но хранилища архивов впечатляли еще больше. Вдоль стен просторных залов со сводчатыми потолками выстроились полки с книгами. В комнатах ученики сидели в длинных креслах или горбились при ярком свете масляных ламп над длинными столами, на краю каждого из которых стояла набитая свитками корзина. У стен стояли приставные лестницы, дававшие доступ к томам на верхних полках.

Воздух был пропитан напряженной тишиной, пока множество людей посвящали себя изучению утраченных знаний.

— Подобные места назывались центральными узлами, — сказал Натан. — Огромные хранилища книг, скрытые под кладбищем, в катакомбах под Дворцом Пророков или в древней Каске. — Он с любопытством огляделся. — Кажется, это хранилище самое большое из тех, что я видел.

— Сейчас вы увидели только его малую часть, — сказал Саймон. — Напомню, эти архивы открылись всего пятьдесят лет назад, а изобилие информации просто ошеломительно — здесь десятки тысяч бесценных томов. — Он развел руками. — Даже спустя десятилетия мы все еще пытаемся классифицировать имеющиеся знания и даже до конца не знаем, что здесь хранится. Мы делаем первый важный шаг.

— Когда волшебники древности собирали этот архив, — добавила Виктория, — они ужасно спешили и были в смертельной опасности. Они отчаянно старались уберечь от Сулакана как можно больше знаний. В скрытые каньоны шли целые караваны магических книг и свитков, прибывали всадники с тюками книг и обгоревших рукописей, спасенных из библиотек и университетов, которые были сожжены ищейками императора. Когда время вышло, собранные книги были запечатаны почти в полном беспорядке. — Виктория смахнула со лба непослушную прядь каштановых с проседью волос. — Помнящие распределяли тома по уровню важности, а не по категориям, поэтому одни могли знать о погодных чарах, пророчествах и устрашающих предупреждениях о магии Ущерба, а другие — о манипуляциях с землей, глиной и камнем, о контроле над молниями и, например, о том, как менять морские течения, хотя мы далеко от океана.

— Довольно беспорядочно, — сказал Натан. — Как кто-то сможет найти определенные знания?

Саймон пожал плечами.

— Придется искать. Такова жизнь ученого: все знания полезны.

Никки высказалась более резко:

— Некоторые знания полезнее других. Прямо сейчас нам нужно знать о Поглотителе жизни. Язва продолжает расти, и ее необходимо остановить.

На лице Саймона появилось беспокойство.

— Позвольте рассказать вам — а лучше показать, чтобы вы поняли.

Он провел их через напоминавшие кротовые норы проходы в самое сердце огромного плато, а потом они поднялись по извилистому склону к противоположной стороне меса.

Из естественного отверстия в отвесной стене плато открывался вид на холмы и раскинувшуюся внизу долину. Путники стояли у проема и смотрели на отвратительную Язву вдаль.

День клонился к вечеру, и солнце превратилось в размытое красное пятно на горизонте. Никки видела опустошение, волнами распространяющееся из далекой центральной точки.

— Когда-то долина была прекрасна, — вздохнул Саймон. — Была зеленым, безмятежным раем. А потом Поглотитель жизни все уничтожил.

Преисполненная решимости Никки нахмурилась.

— До того, как сразиться с Поглотителем жизни, мы должны узнать, кто он такой и где черпает свою силу. Откуда он пришел?

Саймон вздохнул.

— Он был одним из самых амбициозных ученых Твердыни, и звали его Роланд.

Бэннон не мог отвести взгляда от запустения.

— Это сделал один из ваших людей?

— Непреднамеренно, — сказала Виктория, словно защищала этого человека. — Это был несчастный случай. Я тогда была зрелой замужней женщиной-ученым. Роланд был одним из первых чужаков, приглашенных после того, как я рассеяла маскирующий саван, и долгое время изучал архивы.

— Роланда уважали, — со вздохом заметил Саймон. — Я хотел походить на него — все хотели. Он был первым ученым-архивариусом Твердыни, но даже величайшие ученые подвержены человеческим слабостям. — Мужчина покачал головой. — Роланд не был стариком, но страдал от ужасной изнурительной болезни, которая ослабила и истощила его. Опухоли внутри его тела росли, словно змеи. Лучшие наши целители были бессильны против этой заразы.

Виктория подхватила рассказ:

— Слабеющий Роланд терпел страшные муки и знал, что скоро умрет. Мы все это понимали. Его глаза запали, щеки ввалились, руки дрожали. У него был великий ум, и все мы были опечалены, что потеряем его. Нам казалось, что ничего нельзя сделать. Но Роланд не смирился со своей немощью и не сдался. Он боялся смерти и поэтому поклялся спасти себя любой ценой. Роланд говорил, что у него здесь слишком много работы. — Виктория тяжело сглотнула. — Он задавал вопросы, пытаясь найти кого-то с не-

обходимым ему знанием. Изучал свитки и книги, отчаянно выискивая то, что даст ему силы бороться с болезнью. Он обнаружил заклинание, и весьма опасное, которое могло позволить ему впитать жизненную энергию и выжить. Один из моих помнящих нашел заклинание в своей памяти — по крайней мере, часть его — и дал Роланду ключ к поиску в неклассифицированных архивах. Он знал, что это неразумно, но никому ничего не сказал. Чувствуя приближение смерти, он безо всяких колебаний применил заклинание жизненной энергии, хотя едва ли понимал, что делает. Он привязал заклинание к себе, чтобы позаимствовать частички энергии из окружающего мира и восстановить свое больное тело. — Виктория сжала губы так крепко, что они побелели. — Это сработало. Роланд был слаб и худ, находился на грани смерти... но снова окреп. Заклинание сотворило чудо, вернув ему здоровье. Я помню, как увидела его. — Выражение ее лица стало еще тревожнее. — Но Роланд не знал, как остановиться, не мог себя контролировать.

— Я помню те дни нарастающего страха, — перебил ее Саймон. — Я тогда только прибыл сюда в качестве ученика. Роланд чувствовал себя виноватым и был напуган происходящим с ним — и тем, что он делал с другими. Он высасывал все больше жизни из своего окружения, даже если не хотел этого. Мы пытались ему помочь. Его друзья наперебой предлагали помощь в решении этой проблемы, но всякий коснувшийся Роланда умирал. Он крал их жизни и поглощал. Мы все начали слабеть.

— Он убил моего мужа, — сказала Виктория. — Чтобы защитить нас от самого себя, Роланд покинул Твердыню. Не имея возможности контролировать призванную магию, он убежал в самую глушь долины, подальше от городов... хотя, как оказалось, не достаточно далеко. Роланд надеялся дожить там свои дни, никому не вредя. Но заклинание Поглотителя жизни, неудержимое и ненасытное, продолжало действовать. Роланд был похож на губку, впитывавшую жизнь из окружающих лесов и лугов. Само его присутствие убивало деревья и осушало реки. Опустошение вокруг его логова стало постоянно растущей Язвой. Он уничтожал пахотные земли и стирал целые города. — Женщина выпрямилась и вытерла ладонью глаза. — Роланд не хотел этого.

Никки подумала о семье Чертополох и о Верденовых родниках, жители которых цеплялись за свою непростую жизнь, а потом погибли.

— Его намерения не имеют значения. Подумайте, что натворил этот человек. Его нужно остановить, иначе пропасть его бездонной магии поглотит весь мир.

Ей ответил Саймон:

— Ученые Твердины уже много лет изучают книги, пытаясь отыскать какое-либо смягчающее заклинание. Но никто не смог найти даже намека на него.

На мертвую долину опустилась ночь, а Натан все смотрел на Язву, следя за движением теней.

— Я и не ожидал, что вы знаете, как остановить такого могущественного врага. Все вы неподготовленные волшебники. Вы читали книги, но никогда не учились у волшебника и не доказывали своих способностей. Ах, хотел бы я, чтобы здесь была аббатиса Верна. Она помогла бы вам. Нельзя доверять непроверенным заклинаниям.

— Вы старались изо всех сил, — сказала Никки. — Теперь мы сами примемся за исследования. Если этот архив так велик, как вы говорите, здесь должен быть ключ — контрзаклинание. Просто нужно его отыскать.

— Мы сделаем все, чтобы помочь вам спасти нас, — сказал Саймон. — Но после тех... «несчастных случаев» мы боимся прибегать к крайним мерам.

— Это мудро, — заметил Натан, — но все же нужно что-то делать.

— Вот почему мы здесь, — сказала Никки, а затем, наконец, призналась. — Чтобы спасти мир.

— Я хочу видеть долину такой, какой она и должна быть, — с тоской в голосе сказала сирота. — Хочу увидеть плодородную землю, зеленые поля и высокие деревья.

Никки посмотрела на девочку.

— Еще увидишь.

Глава 43

Никки не терпелось приступить к поискам способа совладать с Поглотителем жизни, но она понимала, что все измотаны долгим путешествием. К тому же, наступила глубокая ночь.

— Позвольте показать ваши комнаты, — предложила Виктория. — Вам нужно отдохнуть. — Она взглянула на Чертополох. — Девочке не мешало бы поспать.

— Я еще не хочу спать и могу помочь, — возразила сирота и решительно посмотрела на Никки. — А завтра я могу изучать с тобой книги.

— Ты умеешь читать? — удивилась Никки.

— Я знаю буквы и могу прочесть много слов. И стану читать лучше, когда ты меня научишь. Учусь я быстро.

Натан добродушно хохотнул.

— Милая моя, я ценю такое стремление к учебе, но это довольно сложная задача. Некоторые из древних языков и алфавитов неизвестны даже мне.

Никки пристально посмотрела на чумазое лицо Чертополох с яркими умными глазами.

— Когда сестры обучали меня во Дворце Пророков, я провела в послушницах более сорока пяти лет, изучая основы.

Девочка изумилась:

— Я не хочу ждать сорок пять лет!

— Никто не хочет, но ты смышленная девочка. Поскольку ты учишься быстро, это может занять всего сорок лет. — Чертополох не сразу поняла, что Никки ее дразнит, и колдунья продолжила серьезным тоном: — Нам нужно одолеть Поглотителя жизни гораздо раньше, иначе от мира ничего не останется.

Виктория подтолкнула их:

— Сначала отдохните, утро вечера мудренее. У нас найдутся для вас отдельные комнаты — с простой обстановкой, но просторные. Отнесите туда вещи и отдохните.

— Вещей у нас немного. Мы почти все растеряли при нападении пыльных людей, — сказал Бэннон. — Осталось только то, что было на нас и в заплечных мешках.

— Мы дадим вам чистую одежду из запасов Твердыни, — пообещала Виктория с теплой улыбкой, — а вашу выстираем и починим.

Почтенная женщина показала им покои в глубине плато, где воздух был сухим и веяло прохладой. В маленьких нишах на каменных стенах горели восковые свечи, распространяя теплый желтый свет и слабый сладковатый запах. Убранство каждой комнаты состояло из письменного стола, овечьей шкуры на каменном полу, ночного горшка, кувшина с водой, таза для умывания и узкого тюфяка. В каждой комнате лежала чистая просторная одежда ученых, приготовленная для гостей.

Виктория предложила бойкой сироте занять отдельные покои, но Чертополох последовала за Никки в ее комнату и прыгнула на соломенный тюфяк.

— Он мягкий, но солома может колоться. Я лучше буду спать на полу, а ты можешь брать тюфяк. Овчина выглядит довольно теплой. Я буду рядом, если понадобится.

Девочка вроде была довольна таким соглашением, но Никки спросила ее:

— Почему ты не хочешь в свою комнату? Сможешь спать сколько угодно.

Чертополох заморгала, уставившись на Никки глазами цвета темного меда.

— Я должна оставаться рядом. Вдруг тебе понадобится защита?

— Мне не нужна защита. Я колдунья.

Но девочка, сидевшая скрестив ноги на овечьей шкуре, довольно улыбнулась:

— Лишняя пара глаз не помешает. Я буду тебя охранять. — Чертополох, очевидно, не хотела оставаться одна, но не признавалась в этом.

— Очень хорошо. Можешь меня охранять, если хочешь, — сказала Никки, думая о том, через что пришлось пройти девочке. — Но, если хочешь быть хорошим стражем, тебе тоже нужно отдохнуть.

Когда они переоделись в выданную одежду, один из слуг Твердины подошел к их двери и забрал для стирки и штопки их вещи. Прохудившиеся одежды девочки нуждались в серьезной починке, как и черное дорожное платье Никки. После ухода слуги колдунья принялась разбирать скудные пожитки, которые ей удалось спасти из Верденовых родников.

Желавшая помочь Чертополох выкладывала на письменный стол предметы: длинный острый нож, веревку, полупустые свертки с едой. Несмотря на усталость, девчушка продолжала болтать:

— У меня никогда не было ни братьев, ни сестер. А у тебя есть семья? — На ее миниатюрном личике было вопросительное выражение. — У тебя есть дочь?

Никки поправляла постельное белье на тюфяке, не оборачиваясь и обдумывая ответ. Дочь? Может, похожая на Чертополох? Подобные мысли даже изредка не приходили ей в голову. Она коснулась нижней губы, в которой когда-то носила золотое кольцо.

— Нет, у меня нет дочери. — Ответ был простым, и Никки немного озадачило, почему она так долго размышляла. — Так уж сложилось.

Когда Джегань превратил ее в шлюху для солдат и сам насиловал ее, Никки могла забеременеть, но благодаря способностям колдуньи ей никогда не приходилось беспокоиться о ребенке. Она всегда предотвращала зачатие. Никки довольно быстро научилась не чувствовать — ни страсти, ни любви.

Девочка рассматривала предметы, которые Никки достала из карманов потрепанного дорожного платья, пояса и кошель. Она развернула тканевый сверток, лежавший среди личных вещей.

— Ой, цветочек! — сказала Чертополох, глядя на фиолетовые лепестки с малиновыми прожилками. — Ты носила его с собой?

Никки мгновенно выхватила из рук ошарашенной девочки сверток с высушенным бутоном.

— Не трогай это! — Ее сердце бешено колотилось.

Чертополох вздрогнула.

— Прости! Я не хотела сделать ничего плохого. Я... — Она прочистила горло. — Видимо, он значит что-то особенное. Ми-и-иленький сувенир от ухажера?

Никки сузила голубые глаза, позабавленная такой догадкой. Бэннон действительно подарил ей цветок в знак симпатии — и она задушила на корню этот его настрой.

— Нет, тут совсем другое. Гибельный цветок содержит смертельный яд — один из самых сильных известных токсинов, очень опасный. — Она снова осторожно завернула цветок в ткань, а затем положила в верхнюю нишу над тюфяком. — Он приводит к долгой и мучительной смерти. Может, самой мучительной на свете.

Чертополох заметно расслабилась.

— Значит, ты меня защищала! И я тоже буду в безопасности, потому что мы защищаем друг друга. — Девочка передвинула овечью шкуру на свободное место на каменном полу, собираясь свернуться калачиком и заснуть.

Никки задула одну из свечей, но прежде чем успела потушить другую, Чертополох спросила:

— Если этот яд настолько смертелен, разве ты не можешь убить им Поглотителя жизни?

— Нет. Думаю, яд слишком слаб для Поглотителя жизни.

Чертополох кивнула, затем завернулась в овечью шкуру и легла на твердый каменный пол, на котором, как она утверждала, ей совершенно комфортно.

— Тогда нам придется поискать другой способ.

Никки с помощью магии затушила свечу на противоположной стене, и комната погрузилась во тьму.

* * *

Несмотря на стремление начать изучение удивительных книг и свитков архивов Твердыни, Натан в эту ночь спал долго. Впервые за долгое время он оказался в безопасности, в тепле и комфорте.

Проснувшись отдохнувшим, он поспешил в обеденный зал, где пожилился остатками завтрака — большинство ученых поели гораздо раньше и уже принялись за работу. Выданная ему роба была удобной, хотя и немного скучной и совсем не модной. Придется ходить в ней, пока более привычная одежда не вернется из стирки и штопки. А сейчас ему предстоит

рыскать в библиотеке в надежде найти способ остановить ненасытное за-
клинание Поглотителя жизни, вышедшее из-под контроля.

Натан стоял в первом из библиотечных залов и рассматривал стену
пухлых книг в кожаных обложках. Как же их было много! На столах лежа-
ли развернутые свитки, и ученые сосредоточенно обсуждали значение не-
ясных строк; другие чтецы склонялись над открытыми томами, делая мел-
лом пометки на плоских табличках.

Волшебник смотрел на бесконечные ряды книг перед ним и на других
стенах и думал о том, сколько еще в Твердыне таких залов. Размах знаний
архива одновременно пугал и восхищал.

На протяжении тысячи лет, проведенных во Дворце Пророков, книги
были его безмолвными товарищами и источником информации о внешнем
мире. Недавно Ричард Рал также предоставил ему доступ ко всем книгам
Народного Дворца Д'Хары, но большинство тех работ касались пророчеств
и были уже неактуальны. Сейчас будущее мира может зависеть от того, что
он прочитает здесь.

А здесь было гораздо больше, чем в загадочных строках ведьмы из его
книги жизни.

В окружении этих фолиантов он чувствовал себя как дома — и пусть в
этом огромном доме царил абсолютный беспорядок.

— Добрые духи, как я могу найти здесь какую-либо информацию,
кроме как случайно?

Он шагал мимо полок и размышлял, пока послушники-архивариусы
сворачивали свитки или возвращали тома на место.

К Натану подошла Виктория в сопровождении трех прекрасных по-
слушниц.

— Я и мои помнящие с радостью поможем вам, волшебник Натан. Си-
стема каталогов Саймона многих сбивает с толку, и только он знает, где
находятся нужные книги. Но я храню в памяти многие из этих трудов, а
мои замечательные послушницы заучили более сотни томов. Я могу по-
звать Глорию, Франклина, Перетту и еще с десятков хорошо обученных
помнящих. Вы сможете спокойно сидеть, пока мы излагаем наши знания.

Натан не уставал поражаться, как эти юные девушки — и другие пом-
нящие — смогли запомнить тысячи страниц запутанных и сложных маги-
ческих знаний, хотя и не всегда были способны систематизировать эти све-
дения или даже понять слов, которые произносили.

Одри, Лорел и Сейдж смотрели на волшебника так пристально, что он
почувствовал, как к его щекам прилила кровь. Натан вежливо и скромно
улыбнулся Виктории.

— Я впечатлен вашими умениями, мадам, и, безусловно, был бы рад
компании таких прекрасных барышень... Но я боюсь, что они меня только

отвлекут. Я много лет читал книги с помощью своих глаз и именно так я должен искать информацию.

Радужное лицо Виктории скривилось от разочарования.

— Поколения помнящих обладают умениями, которые высоко ценятся. У нас есть необходимая вам информация, и, если вы скажете, что ищете, мы процитируем для вас соответствующие абзацы, если вспомним их. — Виктория пренебрежительно махнула рукой. — Эти книги — застывшие вместилища слов, а мы способны донести до вас живые слова. Мы можем рассказать все, что знаем.

Целеустремленность женщины ставила его в неловкое положение, но волшебник хотел работать по-своему.

— К сожалению, это кажется мне непрактичным. Я не смогу изучить столько магических знаний, запертых в ваших головах: и у меня просто нет времени слушать, как ваши люди рассказывают по одной книге за раз. — Он провел пальцами по заинтересовавшим его символам на корешке черного тома. — Некоторые из них написаны на незнакомых мне языках, но я свободно говорю на многих других и могу читать довольно быстро.

— Но вам доступны не все книги, — возразила Виктория. — Вы же видели архивную башню, которая растаяла при... несчастном случае. Все книги в ней были уничтожены.

— Ваши помнящие хранят в памяти утраченные тома? — спросил Натан.

Три молодые послушницы кивнули. Виктория с гордостью подняла подбородок.

— Большую часть. Мы точно не знаем, что именно было в башне. В основном, там хранились книги пророчеств, но многие так и остались не классифицированы.

Натан с облегчением вздохнул.

— Пророчества? После перемещения звезд пророчество ушло, и вряд ли книги пророчеств имеют практическую ценность. Они для нас бесполезны и едва ли помогут остановить Поглотителя жизни.

Но от предсказания, сделанного Рэд, он не мог так просто отмахнуться. «А колдунья спасет мир».

Виктория не смогла скрыть возмущения:

— Если вы действительно этого желаете, то мы не будем мешать вам. Мои помнящие всегда будут рядом, чтобы помочь. Мы можем вспомнить множество вещей, которые Саймон и его ученые еще не удосужились прочесть.

Натан продемонстрировал женщине свою самую очаровательную улыбку.

— Благодарю вас. Все в Твердыне очень великодушны. Если знания спрятаны где-то здесь, мы найдем их и одолеем Поглотителя жизни. — Волшебник подавил смущение от осознания, что досадное отсутствие магии делает его бесполезным в реальном сражении против злого волшебника. — Никки — могущественная колдунья, не стоит ее недооценивать. Когда-то ее называли Госпожой Смерть, и она держала в страхе многие земли.

На лице Виктории появилось раздражение, словно она питала к Никки неприязнь.

— Госпожа Смерть? Нам не нужно еще больше смертей. Будем надеяться, что она вдохнет жизнь в нашу плодородную долину.

Женщина и послушницы ушли, оставив волшебника наедине с беспорядочными книгами, свитками и томами. Он не знал, с чего начать поиск исходного заклинания Поглотителя жизни или подходящего контрзаклинания.

Но у Натана была и другая цель: если он восстановит свою магию, то вместе с Никки сразится с Поглотителем жизни. В библиотеке должна храниться информация о том, как и почему он потерял свой дар, а может, точная карта с местоположением Кол Адаир. Все взаимосвязано.

Натан ходил вдоль полок от одной стены большой комнаты к другой, водя пальцами по кожаным корешкам и не зная, с чего начать.

В итоге он взял том наугад, отнес его к столу и сел рядом с сосредоточенным молодым ученым, который даже не оторвал глаз от чтения. Натан открыл книгу и пробежался взглядом по рукописным символам на странице.

Он не знал, что именно ищет, но надеялся прочесть в этой книге что-то полезное.

Глава 44

Пока Натан постигал масштабы бесконечных магических знаний Твердыни, Никки решила, что нуждается в сведениях о Поглотителе жизни из первых рук. Ее по праву можно было назвать опытным ученым, и она хотела исследовать Яззу лично.

Бэннон, которому не сиделось на месте, блуждал по тихим лабиринтам гигантского архива. Он носился по залам, упражняясь с мечом, поскольку его наставник был слишком занят в библиотеке. Юноша танцевал, рубил воздух и кружил по комнатам архива, пугая изредка попадавшихся рассе-

янных ученых, пока сражался со своей собственной тенью — и обычно побеждал.

Когда Никки предложила отправиться на разведку в Язву с целью раз-
узнать о Поглотителе жизни, Бэннон ухватился за эту возможность.

— Я пойду с вами, колдунья. — Он поднял свой меч. — Мы с Крепы-
шом защитим вас.

Чертополох, хвостиком ходившая за Никки, фыркнула при виде
напускной храбрости молодого человека.

— Это я ее защищаю.

— Я не нуждаюсь в защите, но возьму тебя с собой, Бэннон Фермер.
Возможно, придется сразиться с пыльными людьми. — Она повернулась к
сироте. — А ты останешься здесь, в безопасности.

— Но я не хочу оставаться, мне безопаснее с тобой.

Никки покачала головой.

— Мы с Бэнноном пойдем на разведку и вернемся через день-другой.
Ты остаешься.

В глазах девочки полыхнуло разочарование, но она не стала спорить и
бросилась на поиски Натана, чтобы узнать, не нужна ли ему помощь.

Никки снова надела свое черное дорожное платье, теперь чистое и за-
штопанное. Обитатели Твердыни снабдили разведчиков сумками с водой и
провизией.

Никки и Бэннон стояли у внешней стены плато, собираясь начать
спуск к разросшейся пустоши, когда к ним подошел Саймон.

— Большая часть тех, кто отправился искать Поглотителя жизни, так и
не вернулась, — сказал он.

— Мы пока не собираемся с ним сражаться, — ответила Никки. — Мы
просто идем на разведку, чтобы оценить его защиту. Когда я вернусь, во-
оруженная новыми сведениями, то помогу Натану найти нужное среди бес-
конечных томов.

Разведчики покинули Твердыню ранним утром, ступили на крутую из-
вилистую тропинку и спустились по голому склону к предгорьям, где рас-
стительность уже начала чахнуть от запустения, распространяемого Погло-
тителем жизни. Низкие мескиты и пинии склонились, будто в медленной
агонии от яда. Колочая сорная трава рвала одежду, когда путники спуска-
лись по холмам. По земле ползали черные жуки, а пауки одиноко висели в
своих пустых паутинах.

В глубине долины земля была растрескавшейся, словно в безжизнен-
ной пустыне. Никки попыталась представить на месте этой пустоши паш-
ни, процветающие деревни и наезженные дороги — все это за последние
двадцать лет поглотила пыль. С предгорий волны надвигающегося опусто-
шения напоминали рябь в пруду.

Никки сузила глаза, изучая сердце кратера.

— Поглотитель жизни должен быть там. Мы подберемся как можно ближе и соберем информацию, но биться с ним я буду позже — когда узнаю, как его убить.

Бэннон прищурился, глядя на их цель, и быстро кивнул.

Когда они преодолевали последние холмы, Никки услышала позади шорох кустов, стук упавшего камня и треск сухой мескитовой ветки. Бэннон развернулся с мечом наготове, колдунья тоже приготовилась сражаться.

Раздвинулись засохшие ветви пинии, и через них, озираясь, протиснулась Чертополох. Заметив Никки, девочка улыбнулась.

— Я знала, что рано или поздно догоню тебя. Я пришла на помощь.

— Я велела тебе остаться, — сказала Никки.

— Многие мне указывают, но я сама принимаю решения.

Никки уперла руки в бедра.

— Тебе нельзя здесь находиться. Вернись в Твердыню.

— Я пойду с тобой.

— Нет, не пойдешь.

Чертополох явно была не склонна к послушанию.

— Я знаю эти земли, ведь я жила здесь всю жизнь. Ведь это я привела вас в Твердыню! Вы бы нипочем не нашли ее без меня! Я могу позаботиться о себе — и о тебе. — Она уперла руки в свою лоскутную юбку, подражая позе Никки. На губах девочки заиграла вызывающая улыбка. — А если я продолжу идти за тобой, как ты меня остановишь?

— С помощью колдовства, — незамедлительно ответила Никки.

Девочка фыркнула.

— Ты бы никогда не использовала колдовство против меня.

Такая самоуверенность вызвала у Никки кривую усмешку.

— Возможно, я бы этого не сделала. И я прекрасно понимаю, как ты полезна в глуши. Возможно, даже полезнее Бэннона.

Юноша покраснел.

— Но я доказал свою полезность в битве. Вспомните, скольких пыльных людей я убил в Верденовых родниках, и сколько элоков до этого.

— И тебе, возможно, придется снова сражаться и убить еще больше врагов. — Никки не хотела тратить время на споры. — Ладно, пойдем вместе. Осмотрим Язву и быстро вернемся. Но будьте бдительны: мы знаем не все о защите Поглотителя жизни.

Миновав последние предгорья, троица направилась по изломанным каньонам к Язве. Ветры взметали с сухой земли соленую белую пыль, и Бэннон закашлялся, вытирая лицо от горьковатой пудры. Глаза Никки щипало, черное платье покрылось бурыми и белыми пятнами от щелочной

пыли. Колдунья берегла воду, зная, что они не найдут источника в этом запустении.

Казалось, разоренная местность становилась все злее с каждым их шагом. Солнце ударило по глазам, когда путники вышли из устья пересохшей реки, от которой осталось лишь пустое каменистое ложе. Покрытые солью каменные глыбы выступали из почвы, а на месте круглых озер была только потрескавшаяся мозаика сухой грязи. Над землей кружились смерчи, взмывая мучнистую пыль.

Угнетенные обстановкой путники почти не разговаривали и изредка останавливались отдохнуть. Когда они отхлебывали воду, та была с отвратительным вкусом едкой пыли.

Трещины в земле стали выделять испарения, которые поднимались из подземных каналов. Никки почувствовала запах горелой серы.

Пузырящиеся грязевые гейзеры выглядели как свежие раны; взрываясь и раскидывая брызги, они испускали зловонный запах тухлых яиц. Чертополох прыгала с камня на камень, выбирая для всех безопасный путь.

Из-за частичек грязи в воздухе вечернее солнце казалось распухшим, и Никки беспокоила перспектива ночевки в Язве.

— Последнее мертвое дерево мы видели несколько часов назад, — сказал Бэннон.

— Можно поискать убежище в скалах, — предложила Никки. — Или продолжим идти ночью: я зажгу огонек на ладони, чтобы он вел нас.

Девочка выглядела встревоженной.

— Ночью выходят опасные твари.

Бэннон с опаской огляделся, но сернистый пар из горячих источников и пузырьки грязи наполняли воздух густым туманом. Звуки замаскировали бы любое осторожное движение.

— Даже днем мы легкая цель, — заметила Никки.

Пока они размышляли, сухая спекшаяся грязь под их ногами зашевелилась. Моментально среагировав, колдунья оттолкнула Чертополох в сторону, а сама отпрыгнула назад.

Из пыли тянулись темные, иссушенные руки. По земле разошлись трещины, и из-под нее стали выползать пыльные люди. Бэннон закричал и, подняв меч, ринулся на врагов.

Никки позволила магии вскипеть в своей руке. С этими тварями она уже встречалась, поэтому выпустила всплеск огня, сжигая ближайшего нападавшего, не успевшего толком вылезти из трещины в почве.

Запрыгнув на плоскую скалу, Бэннон ожесточенно взмахнул мечом и обезглавил трех мумий в грязных лохмотьях. Но даже лишившись голов, существа слепо брели вперед, пытаясь ухватить жертву. Петляя меж скал,

Чертополох увернулась от вытянутых рук, а Бэннон надвое рассек торс нежити и рубанул по хрупким коленям.

Никки создала воздушный молот, который раздробил кости и иссохшие мускулы другого существа, превратив в груды обломков то, что успело появиться из-под земли. Еще один толчок воздуха швырнул неустойчивых монстров в пузырящиеся грязевые ямы, и создания, извиваясь, утонули в бурлящей жиже.

Чертополох прыгнула на спину иссохшего существа, подступавшего к Никки сзади. Девочка потянула его за плечи и принялась бить кулаками по торчащим ребрам, вонзая нож в сухое тело. Мумия развалилась и упала, обратившись в прах.

Не успела Никки повернуться и поблагодарить сироту, как еще двое пыльных людей выползли из-под земли и бросились к Чертополох. Одной из тварей оказалась сморщенная женщина с выцветшим красным платком, обернутым вокруг клочков жестких волос на черепе. Другой — мужчина — был одет в лохмотья кожаного жилета.

Чертополох вскинула нож, готовая к новой драке, но застыла в ужасе от узнавания.

Пыльные люди подступили к ней слишком близко и схватили девочку цепкими руками.

— Тетя Луна? Дядя Маркус!

Никки тоже узнала их и в два прыжка оказалась рядом, заслонив собой ошеломленную девочку. Создания, совсем недавно бывшие тетей и дядей Чертополох, уже собирались утащить девочку с собой.

— Вы ее не получите!

Туго обтянутые кожей мертвые руки коснулись рук колдуньи, ее черного платья — и Никки выпустила яростную волну магии, призвав огонь в мертвые тела Маркуса и Луны.

Стремительное пламя разгорелось добела, в мгновение ока поглотив останки. Отброшенные от Никки создания упали на землю мелким серым пеплом с прерывистым звуком, похожим на вздох. Чертополох отчаянно закричала.

Тяжело дыша, троица сгрудилась, готовая к дальнейшим атакам, но Поглотитель жизни больше не посылал своих марионеток. Битва закончилась так же быстро, как и началась. Вдалеке они слышали скребущий звук, шорох гальки... на этот раз к ним приближались не ожившие трупы, а другие существа — бронированные твари с множеством ног, прятавшиеся в тени.

Чертополох обхватила Никки за талию.

— Поглотитель жизни знает, где мы. Он шпионит за нами.

— Вы уверены, что нам стоит продолжать путь в темноте? — спросил Бэннон, едва сдерживая дрожь в голосе.

— Было бы глупо напрасно жертвовать собой, — сказала Никки. — Пока мы не нашли способ отсечь магию Поглотителя жизни, увиденного достаточно. Сейчас достаточно.

Они быстро возвращались по своим следам к холмам на севере огромной мертвой долины, но уже давно стемнело, когда путники достигли умирающих лесов и остовов деревьев у предгорий. Сухая трава, мертвый бурьян и кривые голые деревья, казалось, приветствовали их. Все трое изрядно устали к тому времени, когда нашли место для лагеря.

— По крайней мере, древесины тут хватит для костра, — сказал Бэннон. — Очень большого костра.

Чертополох, которая еще не отошла от встречи с дядей и тетей, принесла несколько охапок сухого мескита и бросила их возле лагеря.

— Будет очень светло и тепло, но разве Поглотитель жизни не заметит такое большое пламя?

— Он прекрасно знает, где мы, — ответила Никки. — Благодаря огню мы заметим любую атаку с его стороны.

Колдунья разожгла хворост с помощью магии, и вскоре от потрескивающего яркого костра стало исходить тепло и завитки ароматного дыма.

Бэннон и Чертополох сели возле успокаивающего пламени.

— Вы оба спите, — сказала Никки. — А я посторожу.

Они улеглись спать, хотя сон их был тревожен. Никки, сидя в одиночестве, пыталась расслышать что-то кроме потрескивания дров.

Язва оставалась тихой. Темная пустота словно поглощала звуки и саму жизнь. И все-таки Никки ощутила какое-то постороннее присутствие вдалеке — кто-то рыскал по мертвым холмам. Насторожившись, колдунья вглядывалась во тьму, но ничего не видела и не слышала. И все-таки она его почувствовала... кого-то сильного и смертельно опасного.

Кто-то охотился на них.

Глава 45

Окружение самоотверженных одаренных ученых взбодрило и вдохновило Натана.

— Если бы я провел тысячу лет в такой великолепной библиотеке, то стал бы величайшим из когда-либо живших волшебников, — сказал он с

добродушной утомленной улыбкой, когда Саймон принес ему очередную кипу книг.

— Целое тысячелетие... — протянул ученый-архивариус, качая головой. Он сложил принесенные тома в аккуратные стопки на загроможденном столе Натана. — Хотел бы я провести столетия за чтением, изучением и познанием... увы, мне отведена обычная продолжительность жизни.

— Магический кокон и заклинания, замедляющие старение, — одно из малочисленных преимуществ заточения во Дворце Пророков, — сказал Натан. Он взглянул на горы принесенных книг, разложенных по темам; они пестрели цветными закладками или перьями на нужных страницах. — Но, если Язва продолжит расти с той же скоростью, у всех нас может остаться лишь обычная продолжительность жизни.

Ученики Твердыни, увлеченные поиском полезной информации о Поглотителе жизни, просматривали книгу за книгой, свиток за свитком, выделяя любые сколь-нибудь важные записи. Натан хотел найти исходное заклинание, использованное Роландом для борьбы с изнурительной болезнью и превратившее его в Поглотителя жизни.

За годы пребывания во Дворце Натан наострился читать очень быстро. Тогда у него было все время мира, но Натану, имевшему доступ к многим тысячам книг, всегда казалось, что времени не хватает. Он мог бегло читать документы, быстро листая страницы, и за час «проглатывать» несколько увесистых томов.

Всего за два дня в архивах Твердыни волшебник прочел уже целые полки книг, но для изучения всего остального требовалось больше времени. Куда больше... О заклинании Поглотителя жизни он пока узнал крайне мало.

Натан провел пальцами по подбородку.

— Напомни: ты сказал, Роланд использовал заклинание, сохраненное помнящими?

— Один из помнящих нашел в памяти часть заклинания и поделился с Роландом своими соображениями, дал направление для поиска. — Саймон хмуро взглянул на кожаный том с тиснением и отложил его в сторону. — Нам еще не удалось восстановить исходный текст заклинания, чтобы изучить его, поэтому мы можем полагаться лишь на слова Виктории. — Когда архивариус хмурился, морщины на лице делали его намного старше. — Воспоминания могут быть ошибочными. Я бы предпочел независимую проверку текста.

Словно по зову вошла главная помнящая в сопровождении своих очаровательных послушниц. Лицо женщины потемнело от раздражения, когда она услышала речь Саймона. Одри, Лорел и Сейдж держались рядом, глядя такими же возмущенными.

— Помнящих не в чем упрекнуть. — Виктория встала перед столом, заваленным книгами. — Если бы не я, вы бы не увидели ни одну из этих книг, и вам нечего было бы изучать. Если бы я не нашла способ рассеять маскирующий саван, никто не получил бы доступ к архиву.

— И Роланд в том числе, — заметил Натан. — Он не доставил бы столько проблем.

Саймон собрал все свое достоинство и выпрямился в полный рост в попытке принизить Викторию.

— Все в Твердыне ценят ваши прошлые заслуги. Помнящие были важны в свое время, но теперь их способности неактуальны. Одаренные и умные люди имеют доступ ко всей библиотеке, а не только к избранным томам, записанным в вашу память поколения назад.

Виктория вздохнула.

— Слова, написанные на бумаге, отличаются от слов, хранящихся в уме. — Она постучала пальцем по виску и подалась вперед. — Важно не то, что записано пером, а то, что мы знаем.

Саймон явно был не согласен с ней.

— Знания, которые не были записаны, нельзя рассортировать. Как я могу изучить содержимое ваших разумов, если даже не знаю, что там? Как наши ученые могут до чего-то додуматься, не видя ваших мыслей? Как вы можете поделиться знаниями с волшебником Натаном?

— Мы расскажем все, что ему нужно знать, — парировала Виктория.

Натан в раздражении вскинул руки.

— Добрые духи, не ссорьтесь! Твердыня — это просто пиршество исключительных знаний, на которое все мы приглашены. Зачем спорить из-за пары лакомых кусочков?

Саймон удержался от дальнейшей дискуссии и повернулся, чтобы уйти.

— Продолжу собирать для вас подходящие тома, пока эти женщины рассказывают небылицы, хранящиеся в их головах.

Виктория одарила спину ученого-архивариуса снисходительным хмурым взглядом.

— Не волнуйтесь о юном Саймоне, волшебник Натан. Он достиг уровня ответственности, который выходит за рамки его возможностей. — Его голос звучал по-матерински ласково. — Архивирование всех томов в библиотеке — колоссальная и непомерная задача, и для должного ее выполнения потребуется много поколений. Помнящие занимались проблемой сохранения информации на протяжении тысяч лет, и мы понимаем, почему Саймон чувствует такую безотлагательность.

— Но это действительно крайне срочно, мадам, — сказал Натан. — Если Поглотитель жизни продолжит истощать мир, времени ни у кого из

нас не останется. — Он провел пальцами по белым волосам длиной до плеч. — Мне нужна информация из вашей памяти, но, как уже заметил Саймон, я не могу проникнуть в ваши мысли.

Виктория терпеливо улыбнулась.

— Тогда мы покажем вам путь — процитируем нужные вам книги, которые знаем наизусть.

Натан мог читать слова быстрее, чем любой помнящий в состоянии их произнести. Если бы Виктория и ее помощницы могли отсортировать заученные знания и выдать только соответствующие разделы, было бы гораздо проще.

Взглянув на послушниц, он увидел три разных типа красоты.

— Они не ваши дочери, хотя я вижу, как вы о них заботитесь. Должно быть, вы очень близки?

— Эти славные девочки провели со мной всю свою жизнь. Я считаю всех послушников своими приемными детьми. — На лицо Виктории легла пелена печали. — У меня никогда не было собственных детей, хотя мы с мужем пытались их родить. Вступая в брак, мы с Бертрамом мечтали о большой семье, но... — Ее лицо помрачнело, и она отвернулась. — Но я оказалась бесплодной. Детей у нас никогда не было. Три раза я беременела, и у нас появлялась надежда. Я даже начинала готовить детскую одежду... но каждый раз теряла ребенка. А потом Бертрам умер. — Женщина закрыла глаза, тяжело вздохнула, а потом с любовью посмотрела на трех молодых послушниц. — Я направила все свои материнские инстинкты на наставление моих помощников и за все эти годы воспитала гораздо большую семью, чем мы с Бертрамом могли даже мечтать. Я выполнила свой долг по сохранению помнящих — знание должно передаваться от родителя к ребенку, независимо от того, что записано в архиве. — Она будто оправдывалась. — Я отказываюсь отвергать наше наследие. Мы хранили знания на протяжении веков, пока Твердыня была сокрыта.

Одри, Лорел и Сейдж со слезами на глазах кивнули. Виктория заключила их троих в объятия.

— Иногда мне даже жаль, что я вспомнила заклинание, которое распустило маскирующий саван. — Виктория покачала головой.

— Вы должны были это сделать, — сказала Лорел.

— Время настало, — добавила Сейдж.

Натан, заинтересовавшись, отодвинул стопку книг.

— Как именно вы убрали барьер спустя тысячи лет? Я думал, никто не знает, как справиться с заклятием маскировки.

— Это было досадной ошибкой — для помнящих и для меня.

Натан сложил руки и поднял брови.

— Слушаю.

— Как мы и говорили, маскирующий саван был не просто вуалью. Это барьер, охранное заклинание. Твердыня была запечатана за преградой времени, и не просто спрятана — она буквально исчезла. Но первым помнящим было дано знание о том, как убрать эту тайную преграду, когда придет время. Если бы никто не вспомнил, как развеять саван, знание могло быть уничтожено. Ключ запоминался и передавался из поколения в поколение. — Она кивнула самой себе. — Прошло три тысячи лет, войны волшебников давно закончились, и жители каньонов посчитали, что угроза миновала. Увы, заклинание рассеивания, которое мы запомнили тысячелетия назад, не сработало. — Виктория положила руку на грудь и судорожно вдохнула. — В каком-то месте мы запомнили его неверно! Мы действительно не могли вспомнить тонкости формулировки. Видимо, когда знание передавалось от родителя к ребенку, от учителя к ученику, кто-то допустил ошибку. — Она смущенно отвела взгляд, словно это признание позорило всех помнящих.

— Добрые духи... — пробормотал Натан.

— Однако мы никому в этом не признались, — продолжила Виктория. — Жители изолированного каньона посвятили свои жизни сохранению тайны — и делали это тысячелетиями! Они доверяли помнящим, верили в нас. Мы не могли им сказать, что забыли! Некоторые тянули время, придумывая неловкие оправдания и заявляя, что еще не пришло время вскрыть архив. Но ведь никто не знал, как это сделать! Более века мы надеялись, что кто-то найдет ошибку. Помнящие тайно молились, чтобы кто-нибудь исправил заклинание и снова открыл библиотечные хранилища. — Виктория посмотрела в лазурные глаза Натана. — Этим человеком оказалась я... допустив ошибку. Я неправильно запомнила заклинание и произнесла неверное сочетание слогов на древнем наречии Ильдакара. — Она говорила с придыханием в голосе. — Но это сработало! Я была семнадцатилетней девочкой на обучении у своих родителей... и неверно произнесла заклинание.

Натан восхищенно хохотнул.

— Любезная мадам, вы ненароком сделали все правильно. Вы ошиблись, но произнесли нужные слова. Маскирующий саван спал, открыв архив. Вы ведь этого и хотели, не так ли?

— Да. — В голосе Виктории звучало разочарование. — На протяжении тысячелетий помнящие были могущественными и уважаемыми хранителями недоступных знаний. Но, распахнув двери и пригласив одаренных ученых извне, я, возможно, сделала нас неактуальными

— Возможно. — Натан энергично потер руки. — Но теперь у всех есть доступ к знанию, и это может помочь нам победить Роланда.

Лицо Виктории оставалось обеспокоенным.

— Опасная информация, которой может воспользоваться любой дурак! Знание, предоставленное неподготовленным и необученным людям, и породило Поглотителя жизни. Моя мать была строгим учителем, — пожаловалась Виктория, — и заставляла меня повторять ее слова снова и снова, пока каждое заклинание не стало частью моей души и каждое слово не впечаталось в подкорку. Каждый раз, когда я ошибалась, она била меня ивовым прутом. Мать кричала, предупреждая меня об опасностях всему миру, причиной которым может стать ошибка. — Плечи Виктории поднялись и опустились. — Я помню улыбку отца и его терпение, но мать не верила, что отец достаточно серьезно относился к своей роли. Она обвинила его в том, что он обучил меня неверным фразам, — а тот просто рассмеялся, радуясь, что проблема с саваном решена его собственной дочерью, и сказал: «Время праздновать. Маскирующий саван, наконец, исчез». — Виктория склонилась над Натаном, который была зачарован историей: — И моя мать убила его за это. Сбросила со скалы, прежде чем он успел понять, что происходит. Она даже не потрудилась взглянуть на его падение. Я слышала, как кричал отец; крик оборвался, когда он ударился о землю. «Разве ты не знаешь, насколько это важно? — ругала меня мать за ошибку. — Разве не понимаешь, что каждое слово должно быть безукоризненным? Если ты не чтить слова, последствия могут быть невообразимыми!». Я была в ужасе. Все, что я слышала, это крики на дне каньона, где люди нашли тело отца. Но внимание матери было сосредоточено на мне. Глаза ее были дикими, и я чувствовала на своем лице ее горячее дыхание. «Я убила твоего отца, чтобы защитить всех нас. А если б он неверно произнес заклинание огня? По ошибке научил бы одного из нас, как пробить брешь в завесе, освободив тем самым Владетеля?». Я просто кивала и признавала глупину ошибки отца. Мы его даже не оплакивали.

Глаза Виктории наполнились слезами.

— Но, если ваша ошибка исправила неточность, почему вы должны винить себя? — спросил Натан.

— Потому что ошибка показала всем, что наша невероятная память не так уж идеальна.

Глава 46

Жаркий костер из мескитовых веток уже прогорел до оранжевых углей, близился рассвет. Никки решила не будить Бэннона для смены вахты. Она могла почти не спать, поэтому простояла на часах всю ночь, изучая

кошмарные очертания скал за пределами пятна света от угасающего пламени. Чертополох, проснувшись, подползла к Никки и села рядышком. Обе не проронили ни слова, лишь смотрели в темноту в ожидании восхода солнца.

Бэннон зевнул, потянулся и поднялся на ноги, смахивая с одежды грязь и сухие хворостинки. Вскоре они двинулись в путь, оставив позади успокаивающее сияние углей костра.

Путники шли к отвесной стене плато, возвышавшегося над растущей Язвой. Никки и Бэннон пошли по старому руслу реки, а Чертополох помчалась вперед с изяществом и ловкостью прыткой ящерицы. Обнаружив струйку воды среди камней, они последовали за ней по гладким скалам цвета охры. Журчание ручейка казалось музыкой после пылевых смерчей и удушливого марева запустения. Троица провела долгие минуты, по капле набирая холодную воду в сложенные ладони и плеская ее на лица, чтобы смыть жгучую щелочную пыль.

— Поглотитель жизни по-прежнему может наблюдать за нами? — спросила Чертополох. — Даже здесь?

— Возможно. Но здесь есть и другие опасности, — сказала Никки. — Кто-то в этом мире всегда норовит тебя убить. Не забывай об этом.

Путники двинулись по дну каньона. Рептилии сновали среди скал над головой, и Чертополох посмотрела на выступы в искушении поохотиться, но решила не задерживаться.

Бэннон брел по камням пересохшего русла, сжимая в руке меч. Всю ночь Никки ощущала присутствие хищника, кружившего вокруг их лагеря, но не слышала ни звука и не видела сверкающих в темноте глаз. Теперь у колдуньи снова было гнетущее чувство, будто за ними следят. Не отставая от Бэннона, она всматривалась в скалы и размышляла, мог ли злой волшебник устроить очередную засаду. Но она так и не увидела ничего подозрительного.

Неожиданно кто-то тяжелый бесшумно упал на ее спину: клубок тем-но-желтого меха, острых когтей и громкого рычания. Удар сбил Никки с ног, и она не успела прибегнуть к магии.

Бэннон вскрикнул и развернулся. Чертополох взвизгнула.

Появились еще две кошачьи фигуры, скрывавшиеся на фоне красновато-желтых скал — огромные пумы песчаного цвета с изогнутыми как сабли клыками. Их когти были похожи на острые кинжалы.

Когда первая пума обрушилась на Никки, удар выбил воздух из легких колдуньи. Она извивалась, пытаясь отбиться. Атаковавшая тварь была махиной мышц, которая может убить всего за несколько секунд.

Никки уклонилась от первого взмаха лапы, но другая лапа прочертила кровавые борозды на спине, вспоров черное платье. Пума яростно зарывала

и попыталась стиснуть клыками ее голову. У Никки не было ни времени, ни возможности сосредоточиться, чтобы найти сердце зверя и остановить его своей магией.

Отчаянно защищаясь, она выпустила рассеянную волну магии — ударную волну сжатого воздуха во всех направлениях. Невидимая волна отбросила нападавшую тварь, но эффект оказался на удивление слабым. Раненая Никки с трудом поднялась.

Бэннон прижался спиной к стене, чтобы прикрыть тыл, пока колот тварь мечом. Один из его ударов оставил кровавую рану в ребрах второй пумы. Чертополох уклонилась и отскочила, когда третий зверь попытался ее сцапать, играя с жертвой, как кошка с мышкой. Девочка была в опасности, и Никки в гневе потянулась и направила свой дар, намереваясь разорвать сердце атакующей пумы.

Однако ничего не произошло.

Никки почувствовала, как из нее выходит поток магии, но каким-то образом ее заклинание отскочило от песчаной пумы, как камешек от поверхности пруда. Она попробовала снова, но эффект был тот же. Свой дар колдунья контролировала — она не потеряла его, как Натан, — но этот огромный зверь был неуязвим для ее атак.

Когда пума бросилась к ней, Никки заметила на ее шкуре клеймо из загадочных символов и букв — угловатых, с резкими изгибами. Это было заклинание — возможно, некая магическая броня.

На них напали не просто дикие звери.

Когда первая пума снова атаковала, Никки присела, защищаясь, и швырнула огонь, который должен был испепелить большую кошку. Но волшебное пламя просто соскользнуло с ее меха. Не ведавшая страха пума с рыком бросилась к колдунье, и у Никки не осталось времени придумать новые действенные магические приемы.

Она вытащила из ножен на бедре длинный кинжал и приготовилась сражаться. Клеймо из загадочных символов давало песчаным пумам защиту от магии, но острый нож наверняка способен их ранить. Никки рубанула кинжалом по воздуху, затем отскочила в сторону — выпад кошки прошел мимо. Времени на уловки уже не оставалось, да и колдунья не собиралась дразнить зверей — их нужно было просто прикончить.

Чертополох нырнула в заросли пинии за лежавшей на земле гладкой каменной плитой. Бэннон защищался, бездумно размахивая мечом и позабыв хитроумные финты, которым научил его Натан. Пума походила на шквал необузданной ярости.

Атаки больших кошек были необычайно скоординированы, они двигались в зловещем унисоне. Пумы разделили свою добычу, и каждая будто знала, что делают остальные две. Колдунья не могла прочесть выжженные

на шкурах символы, но прежде слышала о связанных заклинаниями животных. Эти три пумы были боевой триадой — трокой. Их разумы были связаны, что делало хищников идеальной боевой силой.

Никки задалась вопросом, мог ли Поглотитель жизни подослать этих хищников — но это казалось маловероятным. Песчаные пумы не были частью Язвы или некогда плодородной долины. Должно быть, их растили и дрессировали где-то в другом месте, и делал это кто-то другой.

Независимо от происхождения, кошки были настоящими машинами для убийства. Их намерения не имели значения. Не сейчас.

Никки отвлеклась, чтобы взглянуть на Чертополох, которая выбралась из-под сучьев пинии с другой стороны, пока кошка прорывалась сквозь путаницу ветвей. Девочка перекатилась на спину и тут же вскочила, держа нож обеими руками. Пума набросилась на нее.

Никки затаила дыхание, зная, что не сможет подоспеть к девочке, а затем поняла, что Чертополох намеренно заманила нетерпеливого хищника. Когда кошка бросилась в атаку, девочка воткнула нож под подбородок зверя, пронзая челюсти и нёбо до самого мозга. Пума пошатнулась и забилась в конвульсиях, а потом рухнула на свою тощую убийцу, чуть не раздавив ее.

Когда большая кошка упала замертво, ее сородичи вздрогнули и пошатнулись, будто от болезненного удара. Они завывали в жутком унисоне. Бэннон использовал это мгновение для атаки, вонзив меч в грудную клетку второй пумы. Хищник песчаного цвета метался и ревел, широко раскрыв пасть, но меч пронзил сердце и вышел из спины.

Никки проскребла ножом по ребрам последней пумы, которую на миг ошеломила смерть двух членов троки. Обезумевшая тварь полоснула колдунью когтями, и Никки снова нанесла удар. Раненная пума замолотила хвостом и перешла в дикую атаку, словно была готова пожертвовать своей жизнью. Тяжелая кошка опрокинула Никки на землю, но она выставила вверх нож и вонзила его глубоко в живот твари.

Измазанная в крови Чертополох выбралась из-под убитой пумы и словно бестия рванула Никки на подмогу. Девочка несколько раз ударила последнюю пуму ножом, и Никки с большим трудом оттолкнула умирающего зверя. Колдунья встала. Она была вся в крови — как пумы, так и своей собственной. Кожа на спине была порвана в клочья.

Потрясенный Бэннон выдернул меч из тела пумы.

— Я удивлен, что Поглотитель жизни не отправил гигантских скорпионов или многоножек.

Никки покачала головой. Она стояла, истекая кровью, и уже начала чувствовать жгучую боль от многочисленных ран.

— Сомневаюсь, что их послал Поглотитель жизни.

Последняя песчаная пума была еще жива. Она лежала на земле, тяжело дыша и рыча от сильной боли. Из ее ран сочилась кровь.

Бэннон подошел к Никки и охнул при виде глубоких кровавых борозд на ее спине.

— Колдунья! Ваши раны! Мы должны их исцелить.

Никки посмотрела на свои изодранные руки.

— Я могу исцелить себя сама. — Она склонилась к умирающему звеню. — Но вот ее жизнь подходит к концу. Я должна избавить пуму от страданий. — Она огляделась. — Заклинание защищает ее от магических атак, поэтому придется воспользоваться ножом.

Умирающая пума громко зарычала — этот звук казался скорее жалобным, чем угрожающим. Лицо Бэннона поникло, губы задрожали.

— Нужно ли ее убивать? Вы можете ее исцелить?

Никки прищурилась.

— Зачем мне заботиться об этой твари? Она пыталась нас убить.

— Может, ее обучали убивать? Разве вам не интересно, откуда она взялась? — спросил Бэннон. — Мы уже убили двух других, а эта... — Слова застряли у юноши в горле, и он поперхнулся. — Такая красивая кошка... — Он не смог говорить дальше.

Когда прилив адреналина закончился, Никки почувствовала неистовую боль от собственных ран. Когти этой пумы разорвали кожу до мышц и костей.

— Это не беспомощный котенок, как те, которых утопил твой отец.

— Не котенок. — Бэннон покачал головой. — Но она умирает, а вы можете ее исцелить.

Чертополох присела рядом с тяжело дышащей пумой и подняла на Никки глаза цвета темного меда.

— Мои дядя и тетя говорили, что нельзя убивать без крайней необходимости.

Измазанная кровью девочка выглядела измученной и несчастной.

— В этом нет необходимости. Сейчас нет, — согласился Бэннон.

Никки протянула руку и дотронулась до кошки, осторожно выпустив магию, чтобы оценить тяжесть ее ран. Выжженное на шкуре заклинание не остановило ее — значит, оно отклоняло только атаки. Колдунья передвинула руку и прикоснулась к ранам от своего ножа.

— Я могу исцелить эти раны. Я исцелю ее, но вам стоит знать, что эти три песчаные пумы были связаны заклинаниями и были трокой. Ее две сестры-пумы мертвы. Если мы ее спасем, ей предстоит жить в полном одиночестве, и это может оказаться вовсе не великодушно по отношению к ней.

— Да, мы согласны, — настаивала сирота. — Пожалуйста, Никки.

Никки ослабела от ран и кровопотери, у нее кружилась голова и не было сил спорить.

Когда колдунья коснулась глубоких порезов пумы, кровь животного смешалась с ее кровью, сочившейся из порезов на руках и ладонях. Кровь двух жестоких существ, обученных и готовых сражаться...

Никки призвала исцеляющие чары и через свою ладонь влила поток магии в песчаную кошку, а также направила ручейки магии в свои самые глубокие раны.

Никки почувствовала резкий толчок, словно было выковано последнее звено в таинственной цепи, связывающей ее с пумой. Эти узлы шли от ее сердца через нервную систему и разум и тянулись в соответствующие органы чувств кошки. Колдунью переполнили мысли, мощная магия исцеления хлынула в нее и кошку, стирая раны от когтей и ножей, царапины, даже самые мелкие, и убирая боль в мышцах.

Отдернув окровавленные ладони, Никки отшатнулась. Но перестав касаться пумы, она по-прежнему чувствовала присутствие животного, связанного с ней. Как сестру. Колдунья не могла этого отрицать.

— Ее зовут Мрра, — тихо сказала Никки. — Я не знаю, что означает это слово. Это не совсем имя, просто ее отличительная черта.

Исцеленная пума глубоко вдохнула, перекатилась и встала. Глаза кошки отливали зеленоватым золотом, а длинный хвост хлестал по сторонам в тревоге и замешательстве.

— Что случилось? — спросил Бэннон. — Что вы сделали?

— Моя кровь смешалась с ее кровью. Смерть сестер, связанных с ней заклинанием, оставила в ней пустоту, подобную ране. Когда магия исцелила Мрра, она одновременно заполнила и эту пустоту. — Голос Никки стал хриплым, она была поражена своими ощущениями. — Теперь мы связаны, но все же остаемся независимыми. Добрые духи!

Песочная пума смотрела на колдунью, молотя толстым хвостом. Никки снова взглянула на выжженные символы заклинаний, но, несмотря на свою связь с Мрра, по-прежнему не могла истолковать этот язык. Однако она ощутила отголоски боли в бугристых, воскообразных шрамах от раскаленного железа, что жестоким образом оставило клеймо в виде символов под мягким, песчаного цвета мехом.

Взглянув на свою избежавшую смерти добычу, Мрра вздрогнула, затем бросила взгляд на тела двух сестер пум. С низким рычанием, напоминавшим стон, она повернулась и поскакала прочь, увеличивая дистанцию между собой и тремя людьми, которых должна была убить их трока.

Никки чувствовала, как связь между ними натянулась и истончилась. Колдунья не могла общаться с пумой напрямую и не могла понять, о чем

думает Мрра. Она просто знала, что ей, Бэннону и Чертополох больше не грозит опасность, и что теперь Мрра будет жить... хотя и осталась одна.

Но совсем одинокой хищница не останется: в ней всегда будет присутствовать частичка Никки.

Молотя хвостом, песчаная пума мчалась в безжизненную пустошь, перепрыгивая с камня на камень, с уступа на уступ. Чертополох глядела ей вслед, а смущенный Бэннон по-прежнему сжимал в руке окровавленный меч. Никки, глядя вслед пуме, ощутила странное чувство потери.

Вскоре кошка растворилась в неровных тенях.

Глава 47

Натан только начал постигать величину библиотеки и готов был поверить, что архив Твердыни может содержать все тайны вселенной... осталось только понять, что ему искать и где. Он погрузился в размышления, грызя овсяное печенье, принесенное с кухни одним из послушников.

Проблема была в том, что никто не видел общей картины. Сотни архивариусов и помнящих знали только несвязные части. Это было похоже на попытку отыскать созвездия в облачную ночь, когда через облака виднеется лишь несколько звезд.

Впрочем, теперь все созвездия были неверными, и им предстояло изучать вселенную с чистого листа.

Натан доел печенье и рассеянно схватил с тарелки следующее. Он как раз пролистал лежавший перед ним том, когда скромная девушка-ученый принесла еще. Мия была из числа приставленных к нему учеников. Ей было около девятнадцати, у нее были короткие каштановые волосы мышиного оттенка и мечущиеся глаза, которые привыкли общаться с буквами, а не людьми.

— Я нашла их для вас, волшебник Натан. Тут могут содержаться важные сведения.

Она была дочерью одной из живущих в каньоне пар и выросла здесь, обучаясь чтению и наукам. Мия родилась уже после того, как Роланд бежал из Твердыни и начал вытягивать жизнь из мира.

— Спасибо, Мия, — волшебник благодарно улыбнулся.

Всякий раз, когда он просил ее найти книги или свитки по определенной теме, она спешно уходила и возвращалась с более-менее подходящими экземплярами. Когда Натан водил пальцами по словам на древних языках,

Мия часто тихонько сидела рядом с ним, читая книги, которые были ей интересны. Так она надеялась помочь ему.

Натан взял верхний том и открыл потертую обложку.

— Ах, трактат об ускорении роста растений.

Мия кивнула.

— Я решила, что в нем может содержаться потенциальное противодействие магии Поглотителя жизни. Основы этих заклинаний могут иметь некоторые общие черты.

— Отличное предположение, — похвалил Натан, хотя сам считал это маловероятным.

Следующий том в стопке был испещрен незнакомыми Натану письмами, угловатыми символами и рунами с крутыми изгибами. Слова источали некую силу, и он коснулся их, словно чужеземный алфавит мог просочиться сквозь кончики пальцев.

— Ты узнаешь этот язык? — спросил он Мию. — Это не древнед'харинский и не один из знакомых мне языков Древнего мира.

Девушка заправила за уши свои короткие волосы.

— Некоторые из наших самых старых свитков написаны на этом языке, но никто не может их прочесть. Поговаривают, свитки — часть древней библиотеки, похищенной из города Ильдакар.

Натан отложил том, который был бесполезен из-за незнакомого языка. Он с радостью обнаружил в следующей книге карты обширных территорий, хоть и без какой-либо системы координат. На одной карте была изображена горная цепь с холмистыми предгорьями и острыми кряжами. Пунктирными линиями были обозначены извилистые коварные тропы, ведущие к вершине. Экзотические названия пиков и рек были ему незнакомы, но глаза волшебника приковала к себе пара слов: «Кол Адаир».

Он затаил дыхание. Итак, эта цель его путешествия действительно существует — по крайней мере, в этом ведьма оказалась права. Натан размышлял, была ли широкая долина на карте плодородной землей, которую ныне поглотила Язва.

Натан почувствовал отчаянное стремление вернуть свою магию — хотя бы для того, чтобы помочь в борьбе с Поглотителем жизни. Никки не должна спасать мир в одиночку. Начав это путешествие, он не слишком переживал из-за утраты дара пророчества, поскольку все развилки и страшные предупреждения не дали ему ничего, кроме скорби. Но магический дар был столь неотъемлемой частью Натана, что волшебник воспринимал его как должное. Дар делал его цельным.

Волшебник постукивал пальцем по карте, но в конце концов решил, что личные потребности подождут. Он отложил книгу и задумался о рас-

пространяющемся запустении Поглотителя жизни, а потом вернулся к изучению книг в поисках ответа.

* * *

Никки, Бэннон и Чертополох подошли к отвесной каменной стене меса, радуясь, что негостеприимная Язва осталась позади. Чертополох поднялась по крутому склону, легко находя неприметные ориентиры и выступы тропы к высокому алькову, через который можно было пройти в глубины плато и в архив.

Поднявшись, Никки оглянулась на дорогу, по которой они пришли. Мучнистая пыль вилась над пустынным кратером, походя на миазмы. Бэннон остановился у входа в альков на вершине стены, и все трое усталились на запустение. Поглотитель жизни находился где-то там, в центре кратера.

— Все еще хотите вернуться туда, колдунья? — спросил юноша.

— Нет, — честно ответила она, — но знаю, что мы должны.

Никки по-прежнему чувствовала в своем разуме щупальце присутствия зверя — одинокой кошки. Мрра была где-то там, блуждала по безлюдной пустоши. Кошка всю жизнь была связана заклинанием с двумя сестрами-пумами, а теперь они погибли. Исцеляющая магия Никки заполнила пустоту внутри пумы, но колдунья не знала, чем ей помочь...

Когда троица вернулась в палаты собраний Твердыни, Натан поспешил к ним, радуясь их благополучному возвращению. Услышав о сражении с пыльными людьми и песчаными пумами, волшебник по-отечески похлопал Бэннона по плечу.

— Ты использовал приемы, которым я тебя научил?

Бэннон кивнул.

— Да, я вспомнил все, что вы мне показывали.

Никки вспомнила, как юноша беспорядочно размахивал клинком, но все же сражался как мог. Она не могла винить его за это.

— Я убила столько же, сколько и он, — похвасталась Чертополох.

— Несомненно, дитя, — ответил Натан с кривой ухмылкой. — Другого мы от тебя и не ожидали. Но Бэннон — мой ученик, и я хотел убедиться, что он хорошо себя проявил. Как и ты.

— Хотя ты не должна была с нами идти, — беззлобно упрекнула девочку Никки, — я рада, что ты знаешь, как позаботиться о себе.

Сирота посмотрела на нее.

— Я твоя ученица, Никки?

Эта мысль удивила колдунью. Безусловно, девочка была полезна и очень хотела помочь, но не проявила особых способностей к дару.

— Ученица в каком смысле? Я не могу сделать из тебя колдунью.

— Но я уже читаю гораздо лучше и могу помочь тебе искать книги в библиотеке. Ты говорила, что вам нужно много чего изучить.

Никки с удивлением поняла, что совсем не возражает.

— Ты можешь помогать, но только если не будешь мешать.

— Я не помешаю!

Когда ученые собрались, Никки подробно рассказала о запустении, потрескавшихся каньонах, горячих источниках и грязевых гейзерах, а также о защитниках Поглотителя жизни. Она набросала карту по памяти.

— Я уверена, что ближе к логову злого волшебника будут ждать более могущественные стражи. Мы должны быть к этому готовы. — Она вскинула бровь, глядя на Натана и заинтересованных ученых. — Как только вы отыщете оружие, которым я смогу убить его.

Саймон вздернул подбородок.

— Уверен, ответ находится в наших архивах. — Его коллеги дружно закивали и стали перешептываться. — Нам лишь нужно найти подходящие записи.

Когда прислуга накрыла вечернюю трапезу в обеденном зале, все расселись за столы. Чертополох ела руками — обеими, потому что была невероятно голодна. Виктория привела своих послушников и посадила их к Натану, чтобы те изложили сведения, хранившиеся в их памяти.

Три прекрасные послушницы сели рядом с Бэнноном и, подавшись к нему, ловили каждое его слово. Одри, Лорел и Сейдж нашли предлог, чтобы кормить юношу едой с его тарелки: запеченными овощами, свежими булочками и пряной бараниной на шпажках. Бэннон, воодушевленный их интересом к своему рассказу, чрезмерно жестикулировал. Сейдж взяла тканевую салфетку и промокнула край рта юноши, отчего его щеки тут же стали пунцовыми.

— Посмотрите, как выделяются его веснушки на фоне румянца! — хихикнула Одри.

От этого замечания Бэннон еще больше раскраснелся.

— Я ценю ваше внимание. Нечасто у меня бывают такие... прекрасные слушатели. — Он с трудом сглотнул, затем хлебнул из кубка родниковой воды и пробормотал: — Пресвятая Мать морей!

Виктория подошла к Бэннону со спины и поощрила послушниц улыбкой.

— Я понимаю ваше влечение к молодому человеку, — сказала она, словно Бэннона не было рядом. — Надеюсь, вы трое не окажетесь бесплодными и бездетными, как я.

Бэннон моргнул от удивления.

— Я... я не хочу оставаться здесь и на ком-то жениться. — Он посмотрел на Никки, словно надеялся, что та его спасет. — У нас миссия.

Никки с прохладцей взглянула на него:

— Когда я спасла тебя от головорезов в Танимуре, то предупредила, что дальше тебе придется самому спасать свою шкуру. Поэтому разбирайся сам.

Бэннон снова покраснел.

Виктория стояла позади трех девушек, словно наседка, и ее голос звучал грустно:

— Скучные пыльные свитки не смогут сравниться с вынашиванием новой жизни или возможностью держать на руках новорожденное дитя. Когда-нибудь вы поймете.

Послушницы улыбнулись.

Виктория перешла к Чертополох, которая приканчивала уже вторую гроздь винограда. Девочка все еще была в пыльной потрепанной одежде, в которой ходила в Язву.

— У меня для тебя хорошие новости, дитя. — Женщина положила на стол сверток ткани, перетянутый бечевкой, и стала развязывать завязки. — В Твердыне очень мало детей, поэтому у нас не было подходящей одежды, но я попросила опытную швею сшить тебе обновку.

Виктория подняла ткань и встряхнула ее, чтобы разгладить складки. Это было маленькое нарядное платье ярко-розового цвета, сшитое по художавой фигурке Чертополох.

Чертополох, рот которой был набит виноградом, даже перестала жевать.

— Новое платье? — Она нахмурилась, не зная, как отреагировать. — У меня никогда не было такого платья.

Виктория продолжала улыбаться.

— Тебе больше ни к чему носить лохмотья. Ты очень красивая девочка, и наряд сделает тебя еще краше. Тебе нравится розовый? Это цвет скальных роз, которые растут в каньонах.

Нежное платье казалось неподходящим для девочки, которая носится по пустыне и охотится на ящериц. Чертополох посмотрела на Никки, и колдунья честно ответила:

— Вообще-то, мне не нравится розовый цвет.

Розовый не нравился ей настолько, что однажды Никки использовала магию Ущерба крайне нестандартным способом: чтобы стереть розовую краску из атласной ночной сорочки, которую ей пришлось надеть в Замке Волшебника.

— Думаю, мой старый наряд куда лучше, — сказала Чертополох. — Новое платье очень милое, но я не хочу испачкать его, когда буду сопро-

вождать Никки в ее приключениях. Нас впереди ждет весь мир — после того, как мы уйдем Поглотителя жизни.

Виктория усмехнулась.

— Дитя, сейчас ты с нами, в Твердыне. Ты останешься здесь в качестве одной из моих послушниц, я научу тебя читать и понимать заклинания, и очень скоро ты сможешь запомнить сотни книг. Ты станешь нашей новой помнящей. — Она похлопала девочку по руке.

Никки едва сдерживалась.

— Разве девчонка этого хочет?

Чертополох смотрела то на почтенную помнящую, то на колдунью.

— Конечно, хочет, — сказала Виктория. — Я возьму тебя под свое крыло, дитя, отмою и обучу.

Чертополох заерзала на скамье.

— Я хочу читать лучше, хочу научиться чему-то, но я не останусь в Твердыне. Никки может учить меня, пока мы исследуем мир. Во имя лорда Рала. Это важная миссия.

Виктория только отмахнулась.

— Это твоя прихоть, дитя. Лучше читать о приключениях, чем участвовать в них. Я могу защитить тебя. — Она крепко стиснула костлявые плечи девочки.

Чертополох вывернулась и скользнула к Никки, оставив розовое платье на столе. Никки встала, заслоняя Чертополох.

— Достаточно, Виктория. Девочка останется с нами.

Помнящая выглядела рассерженной, будто не привыкла, чтобы ее желаниям перечили. Она цокнула языком.

— Ты знаешь, что ребенку нужна забота и образование. Мы научим ее хорошо запоминать.

Голос Никки был тверже закаленной стали:

— Чертополох должна сама сделать выбор. Это ее жизнь.

— Я хочу охотиться на ящериц и лазать по стенам каньона, — вставила девочка. — Никки обещала взять меня в путешествие по Древнему миру.

Колдунья отметила повисшее в зале напряжение. Ученые перестали есть и слушали набиравшую обороты словесную перепалку.

Виктория пристально посмотрела на колдунью.

— Ты мать девочки? По какому праву ты решаешь за нее?

— Нет, я ей не мать. Я никогда не собиралась становиться матерью. Таков мой выбор.

Виктория изменилась в лице:

— А ты когда-нибудь думала, что это неправильный выбор? Почему красивая, сильная и способная родить женщина решила не создавать жизнь? Мне так хотелось иметь детей, но я не могла! — Ее голос возматывался.

вместе с возмущением. — Никто и никогда не отказывался стать послушницей. Кто ты такая, чтобы мне отказывать?

Никки обдумала множество вариантов, но выбрала тот ответ, что обладал большей силой:

— Госпожа Смерть.

Глава 48

После сытной трапезы в теплом обеденном зале Бэннон еще чувствовал во рту сладость медовых фруктов, поданных на десерт. Он похлопывал себя по животу, направляясь в свою комнату. После ночи в умирающих предгорьях простая каменная комната с тюфяком казалась удивительно безопасной и уютной. Она напоминала его комнату на Кирии, о временах, когда он был совсем мальчишкой и болтал с лучшим другом Яном о своих мечтах... еще до того, как отец начал его избивать, и до того, как норукайские работорговцы забрали Яна. До того, как весь его мир рухнул.

Бэннон закрыл глаза и заглушил эти мысли. Он очистил свой разум, вдохнул, выдохнул и перекрасил свои воспоминания в яркие, пусть и ложные, цвета. Собираясь хорошенько поспать, молодой человек опустил занавес на дверном проеме, чтобы уединиться, и снял свою домотканую рубашку, покрытую грубой белой пылью и спекшейся кровью песчаной пумы. Напевая себе под нос, юноша бросил рубашку в угол — завтра он отнесет ее в прачечную Твердыни. А пока он может надеть запасную рубашку и штаны, аккуратно сложенные на пустом письменном столе.

Кто-то оставил ему таз с чистой водой и мягкую тряпку, которую можно было использовать вместо мочалки. Обычно так делала его мама, заботясь о нем. Он окунул тряпку в воду и вытер ею лицо, почувствовав себя замечательно свежо. Кто-то даже положил в воду травы, отчего кожу немного щипало. Он снова погрузил тряпку в таз и ополоснул ее от песка и грязи. Отжав воду, Бэннон поднял глаза и с испугом заметил, что занавес на двери сдвинулся в сторону.

Одри скользнула в комнату, сверкнув темно-кариими глазами. Она вошла без стука и без приглашения. Бэннон, который был без рубашки, тут же смутился и уронил тряпку в таз.

— Извини... — пробормотал он, сам не понимая, за что извиняется. — Я просто умывался.

— А я помогу, — с улыбкой сказала Одри и опустила занавес.

Она подошла к нему. Ее длинные черные волосы были распущены, и вместо привычной белой шерстяной туники на ней было облегающее платье. Корсет стягивал ее узкую талию и приподнимал грудь, подчеркивая ее пышность.

— После того, через что ты прошел, Бэннон Фермер, тебе не обязательно умыться самому.

— Я... я в порядке. — Он почувствовал, как его щеки снова вспыхнули. — Я всю жизнь умываюсь сам. Это... это не то дело, которое требует чьей-то помощи.

— Может, ты этого не требовал, — сказала Одри, взяла мокрую тряпку и погрузила ее в воду, — но зачем отказываться? Это гораздо более приятный способ умыться.

Все аргументы вылетели из головы, и юноша понял, что не может найти серьезных возражений.

Одри провела влажной тканью по груди юноши, смахивая песчинки. Она двигалась слишком медленно, явно намереваясь не просто умыть Бэннона.

Девушка смочила тряпку и снова ласково провела по его груди, а затем по плоскому животу. Бэннон почувствовал, как в горле пересохло. Он неловко согнулся, когда понял, что возбудился и его холщовые штаны недвусмысленно топорщатся.

Одри тоже это заметила. Девушка прижала к брюкам ладонь, и юноша невольно низко застонал.

— Не нужно... — Он быстро перехватил ее запястье.

— Я настаиваю. Хочу убедиться, что ты хорошо помылся.

Она развязала веревку на его талии, чтобы ослабить штаны, которые стали удивительно тесными.

— Пожалуйста, я... — Бэннон попытался увернуться, а затем замер и снова сглотнул, но в горле было совсем сухо. Юноша не был уверен, просит ли он ее остановиться или продолжать.

Одри сунула руку в расстегнутые штаны и нежно погладила его плоть влажной тканью.

— Я хочу, чтобы ты был чистым, — сказала она, затем толкнула его в сторону тюфяка, но ноги и так едва держали Бэннона.

Он лежал и блестящими глазами смотрел, как Одри ослабила шнуровку корсета и сняла его, затем выскользнула из своего белого платья, позволив мягкой шерсти соскользнуть с ее кремовых плеч и обнажить пышную грудь. Темные ореолы ее сосков напомнили Бэннону о ягодах, которыми она совсем недавно кормила его за обеденным столом.

Юноша задохнулся от восхищения, и Одри отвернулась, позволяя ему полюбоваться изгибами ее спины и мягкой выпуклостью идеальных ягодиц.

Но она не собиралась уходить, а лишь задула одну из свечей. Теперь комнату освещал одинокий оранжевый огонек, мерцающий в плошке. Света им хватало, хотя Бэннон почти не открывал глаз. Его дыхание участилось, когда девушка опустилась на ложе и заставила юношу лечь на спину. Одри перекинула ногу через его талию и оседлала его.

Вернувшись в комнату после ужина, Бэннон был утомленным, но теперь сонливость как рукой сняло.

Он коснулся теплой кожи Одри и потянулся вверх, когда девушка наклонилась, подставляя для ласк свою грудь. Одри развела бедра, и он скользнул в нее, чувствуя, как падает в объятия рая.

Бэннон потерял счет времени, зачарованный ощущениями, которые открыла ему Одри. Она закончила и слезла с него, а потом наклонилась, чтобы подарить долгий жаркий поцелуй и оставить цепочку поцелуев на его щеке и шее. Юноша издал долгий дрожащий вздох наслаждения. Теперь он был утомлен еще сильнее, но совсем не устал. Весь его мир переменялся.

Когда Одри подобрала мягкое белое платье и надела его через голову, сердце Бэннона уже снова желало ее.

— Я... я не знаю, что сказать.

Она хихикнула.

— По крайней мере, ты знал, что делать.

— Значит ли это, что ты... выбрала меня? Я уверен, что буду хорошим мужем. Не знал, что захочу жениться, но ты сделала меня...

Она снова засмеялась.

— Не глупи. Ты не можешь жениться на всех нас.

— На всех? — недоуменно переспросил он.

Закончив одеваться, Одри вернулась к постели, на которой лежал ослабленный и счастливый Бэннон. Все его тело горело. Девушка снова поцеловала юношу.

— Спасибо, — сказала она, затем выскользнула из его комнаты и тихо пошла по коридору.

Голова Бэннона шла кругом. Наверняка глупая улыбка на его лице продержится много дней, если не месяцев. Закрыв глаза, юноша издал долгий вздох и попытался заснуть, хотя тело все еще жгло огнем. Он прежде слышал множество любовных поэм, песен менестрелей о любовной тоске, но тогда совсем этого не понимал.

Конечно, Бэннон помнил о глупом влечении к Никки и своих неумелых ухаживаниях, когда он подарил ей гибельные цветы. Но он никогда не

мечтал о девушке, подобной Одри — прекрасной, великолепной и ненасытной Одри.

Бэннон пролежал в постели целый час. Его клонило в сон, но он не желал отпускать ни одного момента драгоценных воспоминаний. Он вновь переживал каждое ее прикосновение, воображая ее губы на своей щеке, на губах, на груди, — повсюду.

Услышав шорох занавеса на двери, он сначала не понял, что это за звук, а потом поднял голову и заморгал. Может, Одри вернулась?

В дверном проеме стояла Лорел, ее пшеничные гладкие волосы с косичкой возле виска поблескивали в тусклом свете одинокой свечи. Девушка соблазнительно улыбнулась и сверкнула зелеными глазами. Ее язык мелькнул в уголке рта, и она показала идеальные белые зубы.

— Вижу, ты все еще не спишь. — Она медленно пошла к соломенному тюфяку, и Бэннон попытался сесть. — Надеюсь, я тебя не побеспокою. — На ходу Лорел развязала тесемки на талии и выскользнула из своего платья послушницы, словно красивая бабочка, появившаяся из куколки.

Бэннон резко втянул воздух. Он был встревожен, смущен и снова возбужден.

— Одри просто... — пробормотал он, протягивая руку.

Лорел не оттолкнула, а взяла его руку в свою и прижала к груди с напряженными сосками. Ее грудь была меньше и тверже, чем у Одри.

— Очередь Одри уже прошла, — с улыбкой сказала Лорел. — Надеюсь, ты не слишком устал. — Девушка протянула руку и пробежалась пальцами по его животу, а затем скользнула ниже и погладила его достоинство. Она с восхищением ухмыльнулась: — Вижу, ты совсем не устал.

Она принялась его целовать, и Бэннон, который теперь точно знал, что делать, ответил с большим энтузиазмом. С учетом недавней практики, юноша решил, что сейчас может получить гораздо лучше.

Лорел оказалась медленнее и мягче, чем Одри, но более настойчива. Она ласкала его и показывала, как ласкать ее; желала наслаждаться всем его телом, а Бэннон вновь проявил себя примерным учеником. Когда он попытался ускорить темп, почувствовав нарастающую страсть, Лорел его попридержала, мучая и дразня. Затем перекатилась по узкой постели, оказавшись под юношей, и привлекла его к себе, обхватив руками.

— Все в порядке, — с жаром шепнула она ему на ухо. — Не торопись. Сейдж появится ближе к рассвету.

Глава 49

Воочию увидев опустошение Язвы, Никки углубилась в изучение знаний архива волшебников и посвятила все свое время гудам древних книг. И хотя Чертополох всячески старалась помочь — выбирала книги, которые считала стоящими внимания, и таскала еду с кухонь — девочке явно было скучно. Она хотела оказать посильную помощь, но ей не доставало исследовательского опыта. Помогая друзьям выжить в пустыне, Чертополох чувствовала себя важной, полезной в ловле ящериц и поиске воды. Но книги... Она ничего не смыслила в магических знаниях или древних языках.

Тетя и дядя научили ее алфавиту, поэтому она могла прочесть кое-какие основные слова. Чертополох взяла на себя задачу запомнить ключевые термины, интересовавшие Никки: «жизнь», «энергия», «хань», «ослабление», «поглощение» — и теперь торчала перед полками в огромных читальных залах, просматривая корешок за корешком, книгу за книгой, свиток за свитком.

Находя какое-то совпадение, девочка спешила с книгой к Никки и клала ее в кипу томов. Никки серьезно относилась к предложениям девочки, но до сих пор никто не нашел ничего нового о возможных слабостях Поглотителя жизни.

Чертополох всегда была независимой и способной о себе позаботиться. Она ощущала, что Никки ценит ее за это, ведь колдунья уважала тех, кто может сам справиться со своими проблемами. Сирота хотела доказать, что может быть ценным членом их группы, но сейчас чувствовала себя ненужной и ни на что не годной. Она отправилась изучать огромные каменные здания и проходящие через плато тоннели, напоминавшие ходы червей в гниющей древесине. Поглощенные своими исследованиями ученые Твердыни почти не замечали девочку.

Она избегала Виктории, не желая, чтобы ее записали в помнящие, которые заучивают старые книги. Однажды девочка наткнулась на одно из занятий по запоминанию: парни и девушки сидели на каменном полу, скрестив ноги, Виктория читала вслух абзац, а затем все повторяли его слово в слово. Заметив Чертополох, почтенная женщина жестом пригласила ее присоединиться к ним, но сирота улизнула.

Настойчивость пожилой женщины вызывала у нее беспокойство. Девочка не хотела, чтобы ее заперли здесь и заставили всю жизнь корпеть над старыми пыльными книжками. Она жаждала остаться с Никки и участвовать в ее приключениях.

Чертополох встретила неусидчивого Бэннона, который блуждал по тоннелям с мечом наперевес.

— Я бы тоже хотел заняться чем-то полезным, — посочувствовал ей юноша, а затем замахнулся мечом на невидимого противника, хотя в тесном коридоре было мало места для приличной воображаемой битвы.

— Мы с тобой должны пойти и сразиться со злым волшебником, — сказала Чертополох.

— Ты просто маленькая девочка.

Чертополох насупилась:

— А ты просто мальчишка.

— Я мужчина, и к тому же мечник, — оскорбился Бэннон. — Видела бы ты, сколько сэлок я убил, когда они напали на «Бегущий по волнам».

— Ты видел, как я сражалась с песчаными пумами, — напомнила Чертополох, — и пыльными людьми.

Со вздохом юноша поставил острие меча на каменный пол тоннеля:

— Ни один из нас не представляет серьезной угрозы для Поглотителя жизни. Придется ждать, пока кто-то не придумает, как его уничтожить.

Чертополох нахмурилась:

— Ожидание сводит меня с ума.

Бэннон отправился дальше по тоннелю, рубя мечом воображаемых врагов. Впрочем, столкнувшись с тремя прекрасными послушницами Виктории, юноша неловко остановился. В отличие от противников, Одри, Лорел и Сейдж могли победить его одними кокетливыми взглядами. От этой сцены Чертополох закатила глаза.

Тоннели вывели ее к отверстию на внешнем крутом склоне плато. Она посмотрела на Язву, и ее сердце защемило при виде стремительно растущего запустения и далекого марева. Она отчаянно хотела узнать, как прежде выглядела эта прекрасная долина.

Там ее и застал ученый-архивариус Саймон.

— Я каждый день смотрю на долину, — сказал он. — Каждое утро наблюдаю, как Поглотитель жизни расширяет свои территории и высасывает все больше жизни из мира. Будь ты здесь так же долго, как я, ты бы знала, как много мы потеряли.

Чертополох подняла на него взгляд:

— А какой раньше была долина?

Саймон указал на отверстие в скале:

— Отсюда были видны озера, реки и лесистые холмы. Небо было синим, а не пыльно-серым. Дороги шли с одного конца долины в другой, соединяя деревни. Пастбища и посевы занимали все свободное место. — Он выдохнул сквозь зубы с тихим присвистом. — Иногда мне кажется, что я просто вспоминаю сон. Но знаю, что когда-то он был явью.

Чертополох ощутила укол горячей решимости.

— Мы можем все это вернуть. Знаю, что можем.

Голос Саймона стал резким:

— Этого никогда не случилось бы, если б один из наших ученых не освободил заклинание, которое не смог контролировать. Теперь долина высохла, поселения исчезли — включая мой старый дом. Все люди мертвы. — Он глухо застонал. — И это наша вина. Мы должны найти способ все исправить.

— Я хочу помочь, — сказала Чертополох. — Должна же и для меня быть какая-то работа.

Он покровительственно улыбнулся ей.

— Боюсь, эту проблему лучше оставить ученым.

Чертополох обиженно отвернулась, тихонько бормоча клятвенное обещание помочь исправить мир. Когда она ушла, ученый-архивариус продолжил взирать на далекую пустошь.

* * *

Позабыв про сон и отдых, Никки читала том за томом, пока глаза не заболели и голова не начала пульсировать от попыток охватить столько информации. Она многое узнала, в том числе и множество вариаций заклинаний, которые сама использовала в прошлом, но так и не нашла искомых ответов. Колдунья раздраженно захлопнула очередную книгу.

Никки в полной мере осознала, сколь опасен и разрушителен Поглотитель жизни. Если она его не остановит, то под угрозой окажется судьба мира — нельзя недооценивать опасность, Язва будет расти и расти, пока не поглотит Древний мир, а затем и Д'Хару.

Теперь колдунья прекрасно понимала, почему оказалась здесь.

В течение дня солнечные лучи проникали в залы библиотеки через круглые окна высоких каменных зданий. Ночью Никки читала при желтом свете свечей или масляных ламп. Она перелистывала страницы, всматриваясь в загадочные символы древних языков, и к утру отвергла еще более десятка томов.

Натан, поглощенный собственными исследованиями, легко мог пробежаться по тексту и понять его суть; он всегда был более усердным, чем Никки, которая была человеком действия и пыталась спасти мир. Фактически, она уже спасла мир, помогая Ричарду Ралу, но теперь ей предстояло спасти мир от истошающего заклинания Поглотителя жизни.

Глаза колдуньи жгло, шея и плечи ныли. Для ясности мыслей ей нужен был свежий воздух, и она покинула архив.

Выйдя из самой высокой каменной башни укрытого пещерного грота, Никки посмотрела на узкий внутренний каньон, думая о людях, которые

безмятежно жили в нем на протяжении веков. Утро было в разгаре, но солнце еще не поднялось достаточно высоко, чтобы снять темный покров теней с узких каньонов.

Она увидела овец, которые паслись возле центрального ручья, окруженного цветущими ореховыми садами. Никки вдохнула, наслаждаясь прохладой утреннего воздуха. Слабый ветерок бросал ей в лицо выбившиеся пряди светлых волос.

Натан тоже вышел из башни и присоединился к ней.

— Вышла проветриться, колдунья? Да, когда смотришь на это укрытое поселение, можно почти забыть о Язве и Поглотителе жизни по другую сторону плато.

— Я о таком позабыть не могу. — Никки взглянула на него. — Нужно обдумать следующий шаг. Я нашла множество косвенно связанных заклинаний, но ничего стоящего. Этим утром я изучаю, как убить суккуба — вдруг окажется полезным.

Натан пригладил свои белые волосы.

— Какая связь между суккубом и Поглотителем жизни?

— Оба высасывают жизнь. Суккуб — это своего рода ведьма, которая способна поглощать жизненные силы посредством соития. Мужчины находят ее неотразимой, а она соблазняет их телесными удовольствиями и заманивает в ловушку, истощая до тех пор, пока от них не останется лишь оболочка. — Никки добавила со скептическим сарказмом: — Якобы, мужчины умирают с довольными улыбками на ссохшихся лицах.

Натан неловко рассмеялся.

— С твоей красотой подобная магия ни к чему, колдунья.

Никки подняла подбородок.

— Я обладаю более могущественной магией. Все дело в контроле. У меня он есть, а у Поглотителя жизни — нет. Он истощает жизненную силу своей жертвы, и в нашем случае его жертвой является весь мир. В этом смысле он подобен суккубу.

— Довольно необычно. И как же тогда убить суккуба? Что говорят старые рукописи?

— Суккуб сама является причиной своей гибели... в некотором смысле, — ответила Никки. — При каждом из ее бесчисленных соитий с мужчинами есть очень небольшой шанс, что она забеременеет. Если это произойдет, суккуб обречена. Сам ребенок — всегда дочь — является сильным существом, которое во время беременности растет, пока не поглотит жизненную силу матери-суккуба, делая с ней то же, что она делала с мужчинами: истощает, пока от нее не останется лишь оболочка. Затем ребенок вырывается из ее чрева... чтобы стать следующим смертоносным суккубом.

Натан поджал губы.

— Не похоже на действенный метод убить суккуба, если мы с ним столкнемся. Другого пути нет?

— Согласно поверью, новорожденный суккуб слаб. Если один раз должным образом атаковать, ребенка можно убить, тем самым оборвав род суккубов.

Натан посмотрел на тихий узкий каньон и на пастуха, который вел свое маленькое стадо на усеянный цветами участок пастбища.

— Хотя эта легенда восхитительна и увлекательна, я не понимаю, какая от нее сейчас польза.

— Я тоже этого не понимаю, — вздохнула Никки.

Из башни библиотеки вышла Виктория с решительным выражением лица. Заметив волшебника и колдунью, она поспешила к ним.

— Проведя коллективное обсуждение, мои помнящие выяснили кое-что важное. — Виктория сосредоточенно смотрела на Натана, поскольку уже второй день демонстративно игнорировала колдунью после ее отказа отдать Чертополох в послушницы. — Поскольку каждый из нас помнит разные книги, они сравнивали записи и делали предположения.

— Вы вспомнили что-то полезное? — спросила Никки. — Было бы весьма кстати.

Глаза Виктории сверкнули от раздражения, и волшебник поспешил вмешаться:

— Что вы вспомнили? Исходное заклинание Поглотителя жизни?

Виктория выпрямилась и задрала подбородок.

— Предание об изначальном первобытном лесу, которым когда-то был покрыт весь Древний мир; о девственной глуши, которая процветала в полной гармонии с природой. Первозданное древо было первым деревом в первом лесу — вздымающийся к небесам колоссальный дуб, самое могущественное живое существо мира. Это история сотворения.

— Как древний миф о дереве поможет нам противостоять Поглотителю жизни? — Никки и не пыталась скрыть разочарования. — Роланд — реальная угроза, а не старая сказка.

Лицо Виктории потемнело.

— Все нити жизни связаны, колдунья. Когда первобытный лес покрывал земли, мир обладал великой силой и великой магией. — Она стала рассказывать историю Натану, посчитав его более восприимчивым слушателем: — Еще до войн волшебников трехтысячелетней давности по Древнему миру прокатились разрушительные армии, вырубавшие деревья и уничтожавшие последние остатки первобытных лесов. Эти злые люди срубили Первозданное древо, хотя для этого потребовалась сотня могущественных волшебников и огромное количество рабочих. Когда великое древо упало, погибла жизненно важная составляющая мира. Но один желудь был спасен:

последнее семя Первозданного дерева. Когда армии вырубали обширные леса, жизненная энергия возвращалась обратно в дерево и в итоге сконцентрировалась в единственном желуде, последней искре первозданного леса. Энергия Первозданного дерева и всех его отпрысков содержится в последнем желуде, который хранится там, где когда-нибудь сможет освободить свою силу во взрыве непостижимо могущественной жизни.

Натан резко втянул в себя воздух.

— Полагаете, этой мощи хватит, чтобы убить Поглотителя жизни?

— Должно хватить, — уверенно сказала Виктория. — Но чем мощнее он становится, тем труднее будет задача. Скоро станет слишком поздно. Я считаю, что Роланда — или то, что от него осталось, — уже трудно сопоставить с последней искрой Первозданного дерева.

— Опять же, как это поможет? — спросила Никки. — Ты веришь, что желудь действительно существует? Если да, то где его искать? Я прочитала множество книг и не нашла упоминания о предании или о самом семени.

Натан покачал головой.

— Я тоже не встречал ничего такого.

— Зато я это помню, — сказала Виктория. — Предание нашлось в одной из заученных мною книг. Желудь Первозданного дерева был заперт тут, в Твердыне, в глубине хранилища... где-то вон там. — Она указала на бесформенную башню возле алькова, которая частично расплавилась, став стеклянной глыбой. — Он все еще там.

Глава 50

Под руководством Саймона рабочие из поселений каньона принесли в Твердыню инструменты и приступили к раскопкам, намереваясь добраться до нижних уровней поврежденной башни и найти желудь Первозданного дерева.

Часть проходов в холодном пыльном подземелье была обрушена, и камень, растаявший словно воск, преграждал путь, но рабочие с помощью молотков и зубил упорно рубили твердую гладкую скалу.

Сплошная стена оплавившейся породы закрыла главный проход, запечатав весь подвал. Рабочие усердно трудились, отбивая куски камня и вытаскивая обломки наружу.

Покрытый пылью каменщик с тяжелым вздохом повернулся к Саймону:

— Потребуется много дней, чтобы пробить хотя бы небольшую дыру, господин архивариус.

Все отправились за рабочими в глубокие подземные ходы, пригибаясь под поврежденными сводами.

Натан взглянул на Никки.

— Полагаю, преграда из монолитного камня для тебя не слишком сложная задача?

— Разумеется. Позвольте мне... нам стоит поторопиться.

Рабочие с любопытством отступили, и Никки положила руку на гладкий оплавившийся камень. Она выпустила поток магии, и когда-то раставший камень потек вновь.

Ей не нужно было прибегать к магии Ущерба, ведь она могла работать с таким материалом как с глиной, — не разрушать скалу, а просто передвигать ее. Она подняла горсть жидкого камня, словно разгребаящий грязь землекоп. Потребовалось немало усилий, но Никки удалось проделать тоннель, расширить его и поднять потолок. Она продолжила рыть дальше.

Пробив магией десять футов каменного завала, Никки стала сомневаться, что на другой стороне есть помещение. Может, во время того несчастного случая неуклюжий и необученный волшебник превратил в монолит весь архив? Но вскоре колдунья почувствовала, как камень перед ней дал слабину, а затем треснул как яичная скорлупа. Никки попала в темное и неимоверно тесное хранилище, местоположение которого точно соответствовало планам. Воздух внутри, запечатанный годами, был густым и затхлым.

Сложив ладонь чашей, Никки сотворила волшебный огонек, чтобы рассмотреть гладкие каменные стены, усеянные высеченными в них нишами. Рассеянный свет наполнил помещение, и тени заплесали на внушительных полках, наполненных ценными и таинственными предметами, артефактами, скульптурами, амулетами. Все здесь было покрыто пылью.

Натан протиснулся следом и выпрямился, брезгливо стряхнув пыль с позаимствованного наряда ученого.

— Добрые духи, это именно то, что мы искали. Желудь Первозданного древа здесь?

Саймон и Виктория появились позади волшебника и стали изумленно озирались.

— Именно то место, на которое указали мои помнящие. — Она метнула в Никки острый взгляд. — Тебе стоило верить мне, колдунья.

— Я предпочитаю иметь доказательства, — сказала Никки, словно не заметив резкого тона женщины. — Теперь, когда они у меня есть, я тебе верю.

Они нетерпеливо ходили по хранилищу, рассматривая удивительные предметы, спрятанные на протяжении тысячелетий. Тут были экзотические артефакты, резные вазы, небольшие мраморные фигурки, яркие стеклянные пузырьки, золотые амулеты с драгоценными камнями и медальоны из обожженной глины, покрытые нефритово-зеленой глазурью.

Наконец, они заметили деревянный сундучок размером с ладонь Никки. Колдунья почувствовала, как ее тянет к сундучку, ощутила в воздухе энергию и силу, еле сдерживаемую в маленьком ящичке. Едва вытащив его из ниши, она ощутила ладонью теплую пульсацию.

— В нем есть что-то очень важное.

— Это он, — сказала Виктория, подходя ближе. — Я помню его описание из оригинальных записей.

Никки открыла крышку и посмотрела на мягкие складки фиолетового бархата, в которых покоился одинокий желудь. Казалось, он из чистого золота.

Натан по-мальчишески усмехнулся.

— Довольно необычно. Поглотитель жизни не сможет противостоять этому. У нас есть оружие, в котором мы нуждались.

— Да, — сказала Никки, закрыв маленький сундучок. — У меня есть оружие.

* * *

Никки горела желанием поскорее покинуть это место.

— Сила Поглотителя жизни растет с каждым днем. Эта задача будет гораздо опасней нашей последней вылазки, но я не отступлю.

Ученые могут изучить остальные артефакты хранилища в более подходящее время; если она победит волшебника, у них будет все время мира. Никки достала желудь из изысканно украшенного сундучка, завернула его в лоскут фиолетового бархата и сунула в карман черного платья.

Когда они вернулись в главные здания архива, Никки начала обдумывать, что нужно сделать перед отбытием. Необходимо собрать в дорогу провизию и воду, а больше никаких приготовлений колдунье не требовалось. Бэннон и Чертополох присоединились к ней, а заинтересовавшиеся ученые окружили ее, желая взглянуть на желудь Первозданного древа.

Виктория смотрела на Никки со смесью строгости и беспокойства. Ее брови сошлись на переносице, когда она обратилась к ученым:

— Я знаю, что эта колдунья — самая могущественная среди нас, но я неохотно отдаю священное сокровище, сущность самой жизни, в руки женщины, которая называет себя Госпожой Смерть.

Никки продолжала приготовления, игнорируя возражения помнящей.

— Только я могу сделать то, что должно.

Покосившись на Викторию, Саймон предложил:

— Каждый в Твердыне знает, что предстоит великая битва. Мы можем отправить с вами учеников волшебников и ученых, которые станут вашей армией против Поглотителя жизни.

Никки посмотрела на слишком молодого ученого-архивариуса.

— Вы все погибнете. Никто из вас толком не обучен магии. Риск слишком велик.

Подбежала взволнованная Чертополох, ее медовые глаза сверкали.

— Никки сделает это, я знаю. Как вы думаете, долина станет такой, как прежде?

— Смерть Поглотителя жизни остановит разрастание запустения, — сказала колдунья, не желавшая слишком обнадеживать девочку. — Но мир тяжело ранен, и ему потребуется некоторое время, чтобы оправиться, даже после поражения волшебника.

— Я должна пойти с тобой, — упрямо сказала девочка. — Я помогу возродить долину.

Никки и слышать об этом не хотела.

— Слишком опасно. Я не смогу защитить себя и справиться с задачей, если буду беспокоиться о тебе.

— Но тебе ни к чему беспокоиться. Я хочу пойти, хочу помочь — как в прошлый раз.

Никки скрестила на груди руки.

— Нет, и в этот раз ты не ускользнешь вслед за мной. Я могу попросить Натана связать тебя по рукам и ногам и держать взаперти, пока я не уйду.

— Ты этого не сделаешь, — сказала девочка.

— Верно, не сделаю... но только если ты пообещаешь остаться здесь. Это важно, ведь лишь так я смогу справиться. Это смертельно серьезно.

Девочка кипела от злости.

— Но...

Никки вскинула руку, предотвращая возражения.

— Или мне наложить на тебя заклинание сна, от которого ты проспешь несколько дней кряду?

— Не надо, обещаю остаться, — угрюмо пробормотала девочка.

— Нарушаешь ли ты свои обещания?

— Никогда! — Чертополох казалась оскорбленной.

Смерив сироту долгим строгим взглядом, Никки решила ей поверить.

— Тогда я тебе верю.

— Несомненно, девочка должна остаться в безопасном месте, — согласился Натан, — но в этой битве тебе нужен соратник. Поглотитель жизни — злой волшебник; возможно, самый могущественный из всех, с кем ты сталкивалась.

— Я уже убивала волшебников, — возразила колдунья.

— Да, убивала, но не таких. Мы не можем предугадать, как Поглотитель жизни станет препятствовать тебе. Я должен пойти с тобой, чтобы оказать хоть какую-то поддержку.

Никки выгнула бровь.

— Как ты можешь мне помочь? Твой дар исчез.

Волшебник коснулся рукояти своего изысканного меча.

— Я по-прежнему искатель приключений. Магия все еще пребывает во мне, независимо от того, могу ли я ее использовать. Возможно, встреча с Поглотителем жизни поможет мне снова высвободить силу.

Никки пробрал холодок.

— Этого я и боюсь, Натан Рал. Я знаю, сколь грозным волшебником ты можешь быть, но мы не можем рисковать.

Старик не на шутку обиделся.

— Я настаиваю...

Колдунья покачала головой.

— Подумай как следует. Что сотворила твоя магия, когда ты попытался исцелить того несчастного в бухте Ренда? Непредсказуемая обратная реакция разорвала его на части. А когда ты боролся с Судией, магия снова срикошетила, но, к счастью для нас, обратила заклинание того человека против него же. Поглотитель жизни уже вышел из-под контроля. Если он столкнется с твоей дикой, хаотичной мощью, и все это снова вывернется наизнанку, представь себе возможные последствия. — Никки видела, как глаза волшебника расширились, когда тот понял. Она продолжила: — Когда я высвобожу желудь Первозданного древа, огромное количество магии наполнит воздух и ударит в землю. А если возникнет обратная реакция твоей силы? Резонанс может разорвать тебя на части... или разнесет на куски весь мир. Мы не пойдем на такой риск.

Натан неохотно кивнул и тихо сказал:

— Боюсь, ты права, колдунья. Если я как-то искажу магию Поглотителя жизни или, что в тысячу раз хуже, поверну ее против нас, то не смогу вернуть ее под свой контроль. Добрые духи, возможный урон...

Никки расправила плечи.

— Я должна полагаться только на свою магию, и я могу быстро прийти до цели. — Она коснулась лежавшего в кармане бархатного свертка с пульсирующим золотым желудем. — Твой меч приветствуется, Натан, но у меня уже есть оружие.

Стиснув челюсти, Бэннон шагнул вперед.

— Тогда я единственный, кто может идти с вами. Если вам нужен меч, можете положиться на мой. — Он дерзко ухмыльнулся, красуясь перед Одри, Лорел и Сейдж, которые стояли рядом и слушали. — Вы уже однажды признались, что ничуть обо мне не беспокоитесь, колдунья.

Никки с сомнением нахмурилась:

— Не стоит так нахально превозносить себя, чтобы произвести впечатление на своих любовниц.

Юноша стал краснее, чем свекольный суп.

— Но я могу помочь! Пресвятая Мать морей, вы же видели, как я сражался с пыльными людьми и песчаными пумами. Если на нас нападут, когда мы подберемся к логову Поглотителя жизни, я смогу выиграть для вас драгоценные секунды. Разве не так? Такая мелочь может отделить успех от неудачи.

Никки поджала губы, оценивая молодого человека. В битвах против, казалось бы, неодолимых врагов он действительно убил больше противников, чем приходилось на его долю.

— Признаю, иногда ты можешь быть полезен. Но знай: если пойдешь со мной в битву против Поглотителя жизни, то можешь встретить свою смерть, и я не смогу тебя спасти.

— Я принимаю эти условия, колдунья. — Он тяжело сглотнул, изо всех сил пытаясь скрыть страх, так как ясно понимал возможный риск. — Я готов встретиться с опасностью лицом к лицу.

Послушницы Виктории смотрели на юношу с восхищением, которое только укрепило решимость Бэннона. Никки сомневалась, что в ее силах переубедить его, но признавала, что его помощь может пригодиться.

— Очень хорошо. По крайней мере, ты способен отвлечь монстра в ключевой момент, чтобы я могла продолжать.

Одри, Сейдж и Лорел поспешили попрощаться с Бэнноном, а Чертополох вцепилась в Никки.

— Возвращайся ко мне. Я хочу видеть мир таким, каким он должен быть, но я хочу видеть его с тобой.

Никки чувствовала себя неловко, не зная, как реагировать на крепкие объятия девочки.

— Я восстанавливаю мир, если смогу, и тогда вернусь к тебе. — Следующие слова сорвались с ее губ прежде, чем она успела обдумать их: — Обещаю.

Чертополох посмотрела на нее своими большими глазами.

— Ты ведь не нарушаешь свои обещания?

Никки стиснула зубы и ответила:

— Никогда.

Глава 51

Спустившись по внешней стене плато, Никки и Бэннон быстро пошли к центру Язвы по суровой, мертвой местности. Во время предыдущей вылазки они осторожно выбирали путь и все осматривали, но теперь у Никки было необходимое оружие и четкая цель. С желудом Первозданного древа колдунья шла убивать обманувшегося волшебника, который причинил возмутительный вред и пожертвовал бесчисленными жизнями — и все из-за страха собственной смерти.

Никки считала Поглотителя жизни чудовищем, врагом, которого необходимо повергнуть любой ценой; она не думала о нем как о больном и перепуганном человеке, наивном ученом, заигравшимся с опасной магией. Для нее он был не Роландом, а ядом, расползающимся во всех направлениях. Был бедствием, которое может уничтожить мир. Именно по этой причине Рэд отправила ее сопровождать Натана в поисках Кол Адаира: чтобы колдунья спасла мир. Свою часть миссии она выполнит.

Бэннон не отставал и не жаловался, пока они шли по все более негостеприимной местности, и твердость его духа произвела на Никки впечатление. Путники оставили позади погибающие предгорья и шагали по прямой как стрела тропе, ведущей через покрытую трещинами каменистую Язву. Ветер взметал в воздух мучнистый осадок со дна пересохших озер, создавая ядовитую соленую дымку.

Никки сосредоточенно шла вперед — не бежала, а просто шла, не замедляясь и не останавливаясь на отдых. Бесплодный пейзаж вызывал в ней гнев и раздражение, поэтому колдунья ускорила шаг, преодолевая милю за милей. Бэннон продолжал озираться по сторонам, морща нос от прогорклого воздуха. Путники миновали тень похожей на гоблина скалы, из трещины в которой торчали колючие ветви мертвых пиний.

Бэннон на ходу сделал небольшой глоток из бурдюка. Его лицо исказило беспокойство.

— Колдунья, мудро ли идти вот так, в открытую? Может, лучше держаться укрытий, чтобы Роланд не знал о нашем приближении?

Никки покачала головой.

— Он знает, где мы. Уверена, он чувствует мою магию. Если будем красться в тених, это только замедлит нас.

Бэннон протянул бурдюк колдунье, и она осознала, насколько пересохло ее горло. Она попила, но вода была теплой, безвкусной и не смачивала язык. Никки вернула бурдюк, и Бэннон повесил его на свой пояс. Положив руку на меч, он медленно повернулся.

— Я чувю, что кто-то наблюдает за нами.

Вытянув щупальца своего дара, Никки обнаружила, что это пустынное место заражено искаженной жизнью: несколько выживших существ приспособились к злой порче Поглотителя жизни.

— Множество тварей следит за нами, но они меня не интересуют, пока не мешают. — Ее губы скривились в жесткой усмешке. — Если высунутся, мы покажем глубину их ошибки.

Никки намеревалась идти без отдыха и остановок на ночлег до самого сердца Язвы. Они покинули Твердыню с первыми проблесками рассвета, и после скитаний по полуденной жаре их скорость упала. Никки и Бэннон покрылись испариной от безжалостной жары, а липшая к коже белая щелочная пыль сделала их похожими на белые камни.

Никки смахнула пыль с лица и рук. Ее черное дорожное платье теперь покрывала корка неприятного едкого осадка.

После захода солнца тепловые потоки породили пылевые смерчи, создав стонущую пелену из песка и пыли. С наступлением темноты пыльная буря скрыла неправильные звезды, но двое продолжили брести сквозь ночь. Ближе к полуночи ветер усилился настолько, что колдунья едва могла слышать шаги Бэннона, плетущегося позади. Путники неохотно остановились в укрытии высокой скалы.

— Отдохни, пока есть возможность, — сказала Никки. — Но мы будем здесь не больше часа.

— Я еще могу идти, — заупрямился Бэннон. Его губы потрескались, глаза покраснели и опухли, превратившись в узкие щелочки.

— Мы слишком уязвимы в этой сбивающей с ног буре, — возразила Никки. — Не видя дороги, мы можем провалиться в яму; Поглотитель жизни может насладиться на нас пыльных людей. Останемся здесь, пока все не успокоится. Это не моя прихоть, а необходимость.

Во время короткой передышки колдунья выпустила немного магии, чтобы очистить от песка их раздраженные лица и воспаленные глаза, но ощутила, как ее дар затрепетал и на что-то откликнулся — кто-то обнаружил ее магию и попытался перехватить. Чем дальше они углублялись в Язву, тем более угнетающей становилась сила Поглотителя жизни. Колдунья ощутила, что тот изо всех сил пытается завладеть ею, подорвать ее сопротивление и лишить сил. Малая толика магии, которую она использовала, вызвала его немедленную реакцию.

Завывающий ветер, швырявший в лицо песок, лишь немного ослабел после полуночи, но Никки решила, что они и так ждали слишком долго.

— Нам нужно идти, — сказала она.

Бэннон, спотыкаясь, следовал за колдуньей по выжженной открытой местности. Решимость юноши померкла, и виной тому была отнюдь не усталость от долгого и изнурительного путешествия. Никки не могла отри-

чать очевидного: чем ближе они были к Поглотителю жизни, тем больше слабели от его темной и угнетающей жажды. Он их истощал.

Спустя несколько часов небо заволокло красной дымкой, и раздутое солнце поднялось над горами подобно огню погребального костра загубленных жертв. Далеко впереди Никки заметила черный центр кратера — вихрь, в котором кружилась мощная магия Поглотителя жизни.

— Пресвятая Мать морей, мы почти пришли, — скрипучим голосом сказал Бэннон. В его тоне было больше облегчения, чем испуга.

— Недостаточно близко.

Никки попыталась идти быстрее, но тут же ощутила, насколько ее ослабила неумолимая жажда волшебника. Если они в ближайшее время не окажутся перед лицом врага, у Никки не хватит сил уничтожить его — даже с могущественным талисманом Первородного древа.

Земля стала неровной. Скальные плиты были слегка наклонены, словно неугомонные сотрясения продолжали будоражить поверхность мертвой долины. Землю прочертили трещины, напоминавшие темные молнии; высокие валуны беспорядочно валялись на земле, словно ярость магии Поглотителя жизни разбросала игровые фигурки.

Никки и Бэннон карабкались по острым скалам, балансировали на неустойчивых плитах и прыгали через расщелины, из которых вырывались зловонные испарения. Дневная жара набирала силу, но темное логово продолжало мерцать вдалеке, будто мираж. Никки ощутила еле заметное присутствие: кто-то наблюдал за ними, подкрадываясь, но не решаясь атаковать. Хотя она оставалась настороже, настоящим ее врагом был Поглотитель жизни, а все остальное — просто помеха.

Раздраженные глаза Никки были забиты пылью, но она заметила прошемыгнувшую впереди крупную фигуру, бурую и угловатую. Шипящий звук процарапал воздух, и сливавшаяся с землей чешуйчатая тварь бросилась к путникам, петляя среди скал. Существо открыло пасть, демонстрируя влажную розовую плоть, ряды неровных белых клыков и раздвоенный черный язык. Это был огромный ящер с броней из остроконечных чешуек и с темным зубчатым гребнем на спине. Рептилия передвигалась на четырех лапах, виляя длинным хвостом. Облезлая шкура твари сочилась красными язвами.

Никки попятилась, а Бэннон наставил меч на ящера. Когда тварь молниеносно бросилась на них, колдунья заметила движение справа и слева. Из-за скал и из-под разломанных плит появились еще три гигантские рептилии. Никки вспомнила ящериц пыльного цвета, на которых Чертополох охотилась в пустыне, но эти были размером с боевого коня. У всех тварей чешуя была покрыта болячками и гнойными язвами.

Готовый к битве Бэннон тихонько присвистнул.

— Я всегда хотел увидеть дракона. Я слышал легенды, но... они и правда существуют!

— Это не драконы, — презрительно сказала колдунья, — просто ящерицы. — Когда рептилии приблизились, щелкая зубами, между которых мелькал раздвоенный язык, она добавила: — Большие ящерицы.

Бэннон, стоя рядом с Никки, утопил сапоги в пыль и выставил перед собой Крепыша. Два ящера ринулись в атаку, сосредоточившись на своей добыче, в то время как другие поползли по скалам, собираясь напасть сбоку. Рептилии, согретые палящим солнцем, двигались с проворной грацией и жаждали крови.

Никки протянула руку и выгнула пальцы. Она сосредоточилась на груди ящера, нашла его сердце и, когда ближняя тварь прыгнула на нее, выпустила всплеск огня. В давних битвах она уже использовала магию, чтобы увеличить температуру внутри дерева: сок мгновенно закипал, и ствол разлетался на куски. Теперь она сделала то же самое, нагревая сердце рептилии, пока кровь не превратилась в пар. Монстр пошатнулся и рухнул вперед, пропахав борозду в каменистом песке у ног колдуньи. Она знала, что может также быстро расправиться с четырьмя оставшимися рептилиями.

Но, убив одну тварь, Никки ощутила приступ головокружения. Высвободив свой дар, она как будто открыла шлюз для Поглотителя жизни. Даже издали тот начал красть ее магию и выкачивать силы.

Когда-то давно Никки присваивала силу убитых ею волшебников, а теперь то же самое происходило с ней. Роланд похищал ее жизнь. Желая выжить, колдунья рефлекторно сплела щиты, намереваясь остановить утечку своей силы, но поняла, что больше не может сражаться с ящерами магией. Пошатнувшись, колдунья повисла на ближайшем валуне.

Бэннон был занят тем, что отбивался от второй твари, и не видел, как колдунья потеряла равновесие. Держа рукоять обеими руками, он вкладывал в удары всю свою силу и вес. Когда сталь ударила по чешуе, раздался звук, похожий на звон щипцов и молота в кузнице. Юноша дрогнул, когда лезвие отскочило от брони ящера, не нанеся видимого урона.

Рептилия бросилась к нему. Бэннон опомнился и с разворота ударил мечом по чешуе, но столь же безуспешно. Следующим ударом он пронзил одно из сочащихся облезлых пятен, и ящер отпрянул, извиваясь, но затем снова бросился в атаку.

Бэннон опустил меч на голову рептилии с такой силой, что посыпались искры. Тварь широко раскрыла полную клыков пасть, юноша отдернул меч, а потом нанес колющий удар, в который вложил всю свою мощь. Острые Крепыша вонзилось в податливую розовую плоть. Бэннон надавил

сильнее, поворачивая лезвие и заталкивая его в мягкое нёбо ящера, пока клинок не прорвался сквозь тонкую кость и не проколол маленький мозг.

Когда монстр был убит, Бэннон выдернул меч, отсекая черный раздвоенный язык. Тот упал и стал извиваться в кровавой пыли подобно умирающей змее. Огромная тварь задергалась и заметалась во вспышке последних нервных импульсов.

Бэннон развернулся в момент, когда третий гигантский ящер, взобравшийся на один из валунов слева, собирался напасть. Найдя взглядом Никки, юноша ахнул — та осела на камень, пытаясь прийти в себя.

— Колдунья!

Собравшись с силами, Никки выпустила небольшой поток магии, надеясь остановить сердце существа, но тут же почувствовала, как ненасытный Поглотитель жизни вцепился в ее магию и силу, словно охотничья собака, сомкнувшая челюсти на зайце. Прежде чем стало слишком поздно, колдунья снова набросила защитные сети и прекратила попытку. Перед глазами закружились темные пятна, Никки упала на валун, но поклялась не сдаваться. Она нащупала у бедра кинжал и стиснула его дрожащей рукой, решив сражаться любым доступным оружием — даже зубами и ногтями, если придется.

— Я позабочусь о двух других, колдунья! — крикнул Бэннон.

Юноша бросился навстречу ящеру, крича в бессловесной ярости. Его меч снова высек искры из бронированной кожи. Он разил клинком снова и снова, отбивая чешуйки, чтобы добраться до плоти рептилии, пока не попал в одну из покрытых коркой язв. Когда тварь зашипела и огрызнулась на него, Бэннон ответил своим собственным диким ревом.

Никки не видела его в такой слепой ярости с момента битвы с норукайцами, но что-то высвободило боевые рефлексы юноши. Он бился расчетливо, а не был безумным дerviшeм. Поняв, что лезвие причиняет врагу мало урона, юноша вскинул меч к плечу и направил острие прямо в глаз ящера.

С пронзительным шипением монстр попытался вывернуться, но Бэннон, подавшись вперед, что было силы толкнул меч дальше и вворачивал его в плоть, пока глаз твари не превратился в кровавую жижу. Но этого было недостаточно.

Навалившись всем телом, юноша проткнул кость за глазницей ящера и пронзил его голову. Монстр рухнул. Бэннон тяжело вздохнул и попытался высвободить свое оружие, но Крепыш застрял в черепе твари.

— Ну давай же! — прорычал юноша.

Последний ящер подкрадывался к Никки. Колдунья выставила перед собой длинный кинжал, готовая к атаке, а монстр приготовился к прыжку.

Она знала, что вес существа и инерция опрокинут ее, а сама она слишком слаба, чтобы убить тварь.

В этот миг Никки ощутила присутствие зверя, эхо пульсации мускулов и испытала радостное предвкушение драки и убийства. Гигантский ящер не успел навалиться на колдунью, потому что из-за валунов высочила рыже-вато-коричневая кошка. Огромная пума обрушилась на врага клубком когтей и изогнутых клыков и сбила с ног уродливую рептилию.

Никки поднялась, ощущая всплеск воодушевления и облегчения.

— Мрра!

Песчаная пума принялась терзать ящера длинными когтями, отрывая плохо держащиеся чешуйки и вскрывая язвы. Монстр извивался и брыкался, но Мрра его не выпускала. Похожие на сабли клыки прогрызали слабые места в броне рептилии.

Благодаря заклинанию связи с пумой, колдунья ощутила жажду крови, энергию, стремление расправиться с этой угрозой... угрозой для нее самой. Мрра родилась бойцом, и ее учили драться — и убивать. Никки хотелось разорвать этого ящера голыми руками — в ней, как и в Мрра, пела дикая кровавая ярость. Колдунья прыгнула вперед и присоединилась к атаке. Ей не нужна магия, хватит и кинжала.

Мрра опрокинула отбивающегося ящера, и более мягкие чешуйки внизу живота оказались на виду, а Никки подобралась к его голове. Колдунья и кошка действовали слаженно и синхронно. Монстр сжал свои клыкастые челюсти, и Никки вогнала острый кинжал под его подбородок, пронзив тонкую кожу рыхлого горла.

Колдунья снова и снова вгоняла клинок в голову, а Мрра разодрала живот твари и вывалила извивающиеся внутренности. Поток крови рептилии смыл спекующую белую пыль с рук Никки, но она не почувствовала себя более чистой.

Вместо этого она испытала прилив энергии.

Когда четвертый монстр затих, Никки дрожала от усталости, но горела желанием идти дальше.

Бэннон, казалось, сейчас свалится, но все же сумел выдавить странную ухмылку, с уважением глядя на Мрра.

— Хорошо, что я уговорил вас не убивать пуму, колдунья.

— Согласна. — Никки опустила взгляд на Мрра, ощущая мощные и необъяснимые нити, связывающие их. Ее сестра-пума издала низкий, горловой рык.

— И я говорил, что могу быть полезен, — добавил Бэннон. — Я нужен вам.

— Мне нужно совсем немного. — Никки заслонила глаза рукой, глядя на далекую темную воронку. — Мы должны добраться до Поглотителя

жизни. — Она коснулась мешочка на боку, в котором лежал желудь Первозданного древа. — Пока еще не слишком поздно.

Глава 52

Они побрели вперед. От присутствия Поглотителя жизни им казалось, будто они увязли в смоле: движения были вялы, а тела — слабы. Но Никки упорно шла к центру Язвы, к волшебнику, которого ей нужно убить — ради Чертополох, ради этой некогда плодородной долины, во имя Ричарда, Д'Харианской империи и всего мира...

— Мы почти дошли, колдунья, — сказал Бэннон. Его голос был тонок, как старая бумага. — Мой меч еще не успел затупиться.

— Волшебник не прекратит попыток остановить нас, но мы не знаем, чего ждать, — сказала Никки. — Будь осмотрителен.

— Я еще буду полезен. — В голосе юноши слышалось едва уловимое ликование.

Когда колдунья уклончиво что-то буркнула, Бэннон отреагировал так, словно она от души похвалила его.

Мрра сопровождала их. Песчаная пума вприпрыжку бежала вперед, ее рыжеватый мех сливался с пылью запустения. Обломки породы стали темнее и острее, превратившись в осколки вулканического стекла, каждая кромка которого была бритвенно острой. Сернистый пар сгустил воздух и тот стал почти непригодным для дыхания; каждый шаг отнимал все больше сил.

Но когда они спустились в сердце мертвой долины с осыпающегося неустойчивого склона, Никки увидела впереди то, к чему они шли. Ее цель.

Логово злого волшебника напоминало амфитеатр с черными стенами; шпили скал вокруг кратера тянулись вверх, словно в отчаянии. Застывшая рябь на разрушенных камнях олицетворяла волны аппетита Поглотителя жизни.

Грозовые облака над их головами душили небо; сеть молний раскинулась по округе — электрические плети раскалывали небеса и жалили вершины высоких стел вокруг амфитеатра. Ветер возрос до резкого свиста, сопровождаемого низкими раскатами непрерывного грома.

Слева из раскола в черной каменной плите вытекал поток свежей лавы. Расплавленная горная порода, словно кровь мира, выливалась из разлома, как из гнояного струпа.

Бэннон отшатнулся от раскаленного воздуха. Еще больше перекрученных обсидиановых скал, расколовших землю, тянулись ввысь. Мрра осторожно ставила лапы, скаля зубы и рыча на сверкающие над головой молнии. Пума не отходила далеко от Никки.

Бэннон судорожно вздохнул и смахнул с лица непослушные рыжие волосы.

— Как же мы сможем идти дальше?

Никки тщательно выбирала, куда ступить, поскольку почва стала более неустойчивой. Она перелезала через острые камни, приближаясь к яме Поглотителя жизни и зная, что обнаружит его там.

— А разве мы можем не идти?

Она чувствовала пульсирующее, отчаянное присутствие впереди и с трудом удерживала щиты из искусной магии Приращения и Ущерба. Колдунья не могла позволить Поглотителю жизни захватить ее дар, ее жизнь. Никки применила новые заклинания, которые узнала совсем недавно, сосредоточенно изучая том за томом в архивах Твердыни. Полной безопасности это не давало, но позволило двигаться дальше.

Бэннон брел вперед в каком-то трансе, ступая по следам Никки. Обернувшись подбодрить юношу, она с изумлением увидела морщины, изрезавшие его лицо; в длинных рыжих волосах виднелись седые пряди. Бэннон тоже взглянул на нее, и его карие глаза расширились от тревоги.

— Колдунья, вы выглядите... старой!

Никки коснулась своего лица и нащупала на сухой коже морщины — словно ее разом настигли все прожитые годы. Поглотитель жизни похищал отведенное им время.

— Нам стоит поспешить, — сказала она.

Ей нужно задействовать желудь Первозданного древа, пока злой волшебник не приумножил свою мощь, пока не стало слишком поздно.

Опасения Никки нарастали, но это был не страх за свою жизнь и не отчаяние от мысли, что она может постареть. Наибольшим страхом Никки было потерпеть неудачу в деле, которому она посвятила свое сердце и душу, и разрушить мечты Ричарда о надежде на новый порядок.

— Я Госпожа Смерть, — мрачно прошептала она самой себе. — Поглотитель жизни мне не ровня.

Мрра начала прихрамывать, и Никки заметила, что большие лапы кошки оставляют кровавые следы на острых обсидиановых камнях. Но Мрра держалась рядом и была готова сражаться за ту, кто заменила ей сестер.

Воздух наэлектризовался, а звук возле амфитеатра возрос до потрескивающего шипения. Светлые волосы Никки встали дыбом, образовав вокруг головы ореол.

Обсидиановые скалы теснились друг к другу, а из-под земли вырывались струи серных испарений, душа колдунью. Никки пристально посмотрела туда, где круг зловещих острых шпилей отбрасывал на землю размытые пылью тени.

Колдунья знала, что могущественный волшебник находится там, внутри. Она предстанет перед ним и убьет его, даже если это будет стоить ей последней искры жизненной энергии.

— Поглотитель жизни! — закричала она, слушая низкий пронизывающий рокот грома; сквозь грозовые облака пробились вспышки молний. Понизив голос, колдунья произнесла: — Роланд, покажись.

Земля содрогнулась и потрескалась, выпуская многоногих тварей с черными панцирями, сверкающими глазами и клацающими клешнями на передних конечностях. Скорпионы, каждый размером с собаку, вылезли из подземных гнезд и забрались на черные валуны. Длинный хвост каждой твари заканчивался острым жалом, с которого капал яд.

Бэннон, стоявший рядом с Никки, громко сглотнул. Никки вспомнила, что подобные монстры убили родителей Чертополох.

Она шагнула вперед, думая о своем истинном враге, и прокричала:

— Поглотитель жизни!

Ей вдруг пришли на ум слова, написанные ведьмой в книге жизни: «Будущее и судьба зависят как от путешествия, так и от его цели».

Камни начали раздвигаться, земля в кругу возвышающихся стел задрожала, а чернота провала в центре усугубилась. Из-под земли возникли неповоротливые очертания высушенных человеческих фигур, черных от пыли. Их жесткие тела были покрыты гнойными нарывами, открытыми язвами и волдырями. Эти жуткие твари были хуже, чем пыльные люди. Они выстроились в ряд, преграждая Никки путь к логову Поглотителя жизни.

Мрра зарычала. Бэннон вскинул меч.

— Мы сможем пробиться сквозь них, колдунья.

Извращенные человеческие фигуры двинулись на них, и Никки вытащила нож, сдерживая свою магию, которую, возможно, все же придется использовать. Клацая клешнями, скорпионы стали подбираться ближе, петляя между ссохшимися пыльными людьми.

Мрра оскалила свои длинные клыки, молотя хвостом. Бэннон встал рядом с ней.

— Я сражусь с ними, чтобы вы могли подобраться ближе, колдунья. — Он сглотнул.

Наконец, в вихре черных разрядов и хлещущих вспышек молний из темноты возник и сам Поглотитель жизни.

Глава 53

Кольцо искривленных столпов вокруг кратера делало его похожим на плотку гигантского погребенного змея или на колодец, ведущий в ледяные глубины бесконечности. Из этой глубокой дыры безудержная магия Поглотителя жизни продолжала высасывать жизнь из мира.

Из чернильной пустоты провала выбралось существо, некогда бывшее Роландом. Злой волшебник хромал и пошатывался, тело его разбухало и сжималось, словно замысловатая форма невероятной силы, переплетенной с безнадежной слабостью. Когда-то он был человеком, но доказательств его человечности почти не осталось.

Роланд вышел на потрескивающий воздух при свете вспышек синевелых молний, вырывавшихся из грозовых туч. Пыль с воем закружилась, словно сам ветер задыхался в благоговейном страхе перед Поглотителем жизни.

Он был одет в мантию ученого Твердыни, которая теперь истрепалась, и длинные хлопающие на ветру лохмотья тянулись в глубокую яму. Его тело распространяло темную рябь, словно магия крала сам свет из воздуха, высасывала его, поглощала и вливала в черный колодец. Казалось, на дне ямы лежит мощный магнит для жизни, магическая сила которого столь велика, что даже Поглотитель жизни не может противостоять ее притяжению.

Когда волшебник заговорил, его слова словно высасывали из воздуха остальные звуки, похищая дыхание Никки и забирая все больше ее сил.

— Немногие приходят увидеть меня, — сказал Роланд. Его очертания замерцали, порванные одежды затрепетали в шторме его собственной энергии.

Колдунья коснулась кармана черного платья, нащупав желудь Первозданного древа. Она шагнула вперед, вспоминая о многих других поверженных ею противниках.

— Я пришла уничтожить тебя.

— Да... я знаю, — ответил волшебник. — Другие тоже пытались.

Никки не услышала в его голосе презрения или высокомерия, лишь странный оттенок отчаяния.

Лицо мужчины было вытянутым и исхудавшим, с впалыми щеками и покрасневшими от болезни большими глазами. Шея Роланда была такой тонкой, что на ней проступали веревки сухожилий. Когда его трепыхающаяся одежда обнажила грудь, Никки потряс вид ребер, покрытых переплетением раздутых наростов — его торс словно полностью состоял из опухолей.

Беспорядочные наросты содрогались и пульсировали; они были вместилищами перенаправленной жизненной энергии, росли внутри тела и

продолжали увеличиваться, отчаянно нуждаясь в пропитании. Изнурительная болезнь заглушала сущность безвольного волшебника и контролировала его. Его ноги и спина скривились. Роланд жил лишь потому, что являл собой форму украденной жизни, сплетение перелатанной плоти, мышц и органов.

— Пожалуйста... — сказал он тихим голосом, перерастающим в рев. — Я голоден... Я испытываю жажду... Мне нужно! — Он покачнулся.

Пыльные люди за пределами круга обсидиановых столпов стояли неподвижно.

Бэннон держал меч, но не мог скрыть дрожи в руках.

Мрра, сгорбившись, зарычала, но не двинулась с места.

Поглотитель жизни поднял руки. Его пальцы походили на палочки, обтянутые тонкой кожей — сколько бы жизни он не вытянул из мира, этого было недостаточно, и всегда будет недостаточно. Волшебник скрючил пальцы в умоляющем жесте.

— Я не собирался делать этого. Я этого не хотел. — Он глубоко вздохнул, и все вокруг озарила молния, ударившая в вершины обсидиановых стел. — Я не могу это остановить! — простонал Роланд.

Никки, ощущая, как безудержная жажда злого волшебника вытягивает из нее годы и жизненные силы, сделала шаг по неровной земле.

— Тогда я сама останавлию тебя.

Она сразится с ним и сбросит его в бездонную пропасть. Желудь Первозданного древа был самым мощным оружием из всех, что она когда-либо держала в руках. Но немыслимое истощение ослабляло ее мускулы и затуманивало разум.

В запавших глазах Поглотителя жизни промелькнула странная вспышка. Опухоли, из которых состояло его тело, стали извиваться, как скопище готовых к атаке гадюк.

— Нет, — сказал он, — я должен выжить. Мне нужно.

Армия неповоротливых, но смертоносных марионеток — более сотни пыльных людей — пришла в движение, готовая атаковать.

Никки заставила себя сделать еще три шага, но Поглотитель жизни не отступил. Казалось, он увеличился и набух от темной энергии, как гнойник в форме человека, готовый лопнуть под воздействием собственного зла.

Искаженные, разлагающиеся пыльные люди наступали.

— Я расчищу путь! — Бэннон бросился между Никки и мумиями.

Он отрубил руку по локоть одному существу, а затем снес голову второму. Обтянутый кожей череп со стуком покатился по проклятой земле, щелкая зубами. Вытянув свободную руку, юноша оттолкнул другую цепкую тварь, и та врезалась в двух наступающих противников. Теперь Бэннон

выглядел как человек весьма преклонных лет, но махал и рубил мечом, круша ребра, плечи и торсы.

— Завершите свою миссию, колдунья! Убейте Поглотителя жизни!

Никки чувствовала, как с каждой секундой увядает от старости и немощи. Она вспомнила старуху, которую когда-то давно видела в Танимуре: та ковыляла по рынку со скоростью улитки, будто каждый шаг требовал тщательного обдумывания и последующего отдыха. Теперь Никки понимала, каково это. Ее кости стали хрупкими, суставы распухли и ныли, кожа на руках стала сухой и морщинистой.

Песчаная пума с рычанием бросилась на пыльных людей и стала рвать тела слуг Поглотителя жизни, словно те были сделаны из соломы и щепок. Изогнутые клыки Мрра превращали ожившие трупы в обломки костей и ошметки высохшей плоти.

Вслед за пыльными людьми на них с паучьей скоростью двинулись скорпионы. Крупная кошка вспышкой рыжеватого меха уклонилась от ядовитых жал и запрыгнула на скалу, уводя за собой нескольких скорпионов. Когда одно из хлещущих жал собиралось проткнуть шкуру Мрра, Бэннон взмахом меча отсек хвост скорпиона, а затем проткнул твердый панцирь и отбросил умирающее существо на двух пыльных людей.

Зарывчав, Мрра вновь бросилась в драку, поскольку на Никки наступали все новые иссохшие трупы, мешая пробиться к Поглотителю жизни.

Злой волшебник взмахнул руками, направляя своих миньонов. Еще больше пыльных людей полезло из трещин в опаленной земле. Вместо растерзанных Бэнноном и Мрра противников появилось вдвое больше новых.

У Никки оставалось мало времени. Запавшие глаза Поглотителя жизни встретились с ее холодными голубыми глазами.

— Пожалуйста... — сказал он. — Я знаю, что причинил великий вред, и вижу, что натворил, но не могу это остановить! Я просто хотел жить, хотел остановить болезнь, крадущую из меня жизнь. Я не желал этого проклятия.

Он воздел руки, стиснув твердые, костлявые кулаки. Его тело вздулось от пульсирующей темной энергии, и Никки захлестнула волна изнурительной слабости, которая чуть не повалила ее на колени.

— Я не знаю, как это прекратить!

— Если ты нашел в себе силы призвать это, — прохрипела Никки, — тогда сможешь найти способ перекрыть поток и стянуть края раны, из-за которой мир истекает кровью. Найди это в своей душе.

— Я уже давно выпил свою душу. — Его голос был глухим от отчаяния. — От меня осталось только одно — нужда!

Когда по Роланду снова пошла рябь, Никки поняла, что магия овладела им окончательно. Заклинание стало отдельным живым существом.

Несметная армия пыльных людей продолжала наступать. Все больше ядовитых скорпионов стучали лапами по валунам, направляясь к Никки.

Бэннон сражался с неистовым безумием. К этому времени он превратился в старика с редкими седыми волосами, но все равно защищал Никки всеми силами, давая колдунье возможность сделать ход. Песчаная пума тоже выглядела постаревшей, ее мех покрылся пятнами парши, но клеймо с заклинанием словно защищало Мрра от смертоносного аппетита Поглотителя жизни.

На самой Никки проявилось множество признаков старения: на руках, отмеченных старческими пятнами, проступила спутанная сеть вен, кожа больше не была совершенной и белой. Каждый шаг ощущался так, словно она сражалась с ветром времени, старости и слабости.

Позади нее пыльные люди окружили Бэннона, но тот продолжал биться и рубить на части врагов, которых было слишком много. Мрра кинулась к нему, пытаясь защитить, но подступила новая армия скорпионов, жала которых сочились ядом.

Никки сделала последний шаг и сунула руку в карман. Поглотитель жизни продолжал пить ее магию, и колдунья не могла выпустить ни огонь волшебника, ни одно из своих заклинаний. Он бы только впитал их, а потом поглотил и ее саму.

Никки достала пульсирующий желудь Первозданного дерева и процедила сквозь зубы:

— Я. Тебя. Остановлю!

Поглотитель жизни раздулся еще больше, глядя на окружавших его существ. Как ни странно, он кричал в ответ:

— Это должно остановиться!

Выплеснув магию, волшебник украл еще больше жизни из мира, выжимая последние капли из воздуха, пыли и пыльных людей. Когда он истощил своих слуг, десять мумий вздрогнули, а затем рассыпались почерневшим костным порошком. Скорпионы потрескались, развалились и рухнули в пыль.

Поглотитель жизни взвыл и, извиваясь, вскинул руки в воздух, словно в последнем великом призыве. Магическая буря усилилась, и вихрь начал вытягиваться в бесконечную пропасть, бывшую его логовом.

— Спаси меня, — молил он.

Никки воспользовалась этой секундной передышкой.

— Нет. Никто не может спасти тебя, Поглотитель жизни.

— Я... я... Роланд, — прошептал он.

Никки протянула ладонь, в которой держала последний желудь Первозданного дерева, и выпустила толику магии, собрав вокруг себя воздух, что при других обстоятельствах не составило бы усилий. Вместо того чтобы

управлять ветром или создавать кулаки из воздуха, она направила воздушный поток и послала желудь вперед. Снаряд, наполненный жизнью, проносясь по воздуху словно болт, выпущенный из тугο натянутого арбалета.

Поглотитель жизни закричал, и желудь влетел в его похожий на пещеру рот, погрузившись в горло.

В твердой скорлупе последнего семени Первозданного дерева содержалось средоточие жизни некогда великого первозданного леса. Глубоко внутри злого волшебника крепкий желудь треснул и высвободил поток жизни. Казалось, прорвало плотину огромного водохранилища. Энергия возрождения вспыхнула в неудержимом взрыве жизненной силы, обновления и омоложения.

Роланд издал крик, который разорвал на части саму Язву. Злой волшебник был бездонной ямой с неумным аппетитом, ему требовалась любая жизнь, любая энергия — а семя Первозданного дерева содержало всю жизнь и всю энергию. Усеянный удушающими опухолями волшебник походил на человека, который умирал от жажды, но в следующий миг начал тонуть в нахлынувшем потоке.

Его порочное заклинание пыталось поглотить безграничную мощь, бьющую из желудка. Пыльные вихри завывали меж искривленных черных столпов; яростные торнадо взметали сухую землю, разбрасывая повсюду острые обсидиановые осколки.

Обессиленная и неспособная двигаться Никки рухнула всего в нескольких шагах от края ямы Поглотителя жизни. Битва в теле злого волшебника разрасталась, он взвыл в агонии. Поглощенный им желудь вспыхнул и засиял ярким пламенем жизни.

Пока Поглотитель жизни пытался погасить этот пламень волнами голодных теней, уцелевшие пыльные люди распались с треском костей и иссохшей кожи. Последние скорпионы упали мертвыми, поджав к панцирям конечности; их жала безвольно поникли.

Бэннон страхнул с себя тела и побрел к Никки, пытаясь спасти ее. Он ковылял, как древний старец, едва способный пережить еще один час. Мрра тоже поползла к колдунье. Никки была выжата и крайне истощена, но почувствовала прикосновение сестры-пумы к своему разуму.

Земля тряслась и содрогалась, камни трескались, огромные валуны падали в яму Поглотителя жизни. Высокие стелы затрещали и рухнули в бездонную пропасть, словно срубленные деревья. Обвал ширился, и яма просела, заполняясь обломками. Молнии били по всей округе.

Яростная битва за жизнь продолжалась. Семя Первозданного дерева из всех сил пыталось породить новую жизнь и сделать это быстрее, чем Поглотитель жизни сможет ее выпить. Яркая вспышка, что вырывалась из желудка, тускнела и меркла, темная магия продолжала сопротивляться, но

тени тоже исчезали и становились более обрывочными — как туман, тающий под утренним солнцем.

Наконец, злой волшебник — Поглотитель жизни Роланд — распался, его тело исчезло. Вся его смерть и пустота обратились в пыль, и последнее яркое эхо вырвалось из желудка Первозданного древа.

Никки отшатнулась, чувствуя тепло; ее словно оживил летний ветерок. Жизнь. Энергия. Возрождение.

Ее суставы снова обрели подвижность. Перестало сжиматься горло, и когда колдунья сделала долгий вдох, то почувствовала в воздухе сладость, которую не испытывала с тех пор, как впервые увидела Язву. Никки подняла руку к лицу, когда зрение снова стало четким; к ее коже вернулись гладкость и упругость.

Бэннон поднялся, кашляя и дрожа. Когда он повернулся к Никки, она увидела, что волосы его вновь стали густыми и рыжими. Морщины, недавно покрывавшие его лицо, исчезли, оставив только привычную россыпь веснушек.

Отряхнувшись, Никки поискала глазами место, где рассыпался Поглотитель жизни, где Роланд проиграл битву с последним семенем первозданного леса.

Посреди огромной мертвой Язвы торчал зеленый побег — единственное, что осталось от неудержимой силы желудка Первозданного древа. Одиноким хрупким побег.

Глава 54

Обратный путь через запустение был долгим, но зловещее напряжение в воздухе пошло на спад, словно мир вздохнул с облегчением. Язва по-прежнему оставалась мрачной и необитаемой, но порча Поглотителя жизни исчезла, и его пагубное влияние покидало некогда плодородную землю. Долина возродится, как Никки и обещала Чертополох.

Дымка из пыли и соленого песка рассеялась, открыв взору голубое небо с плывущими облаками.

Бэннон с улыбкой посмотрел вверх:

— Думаю, через день-другой пойдет дождь, который омоет долину. — Он бодро шел вперед, явно гордясь собой. Юноша был потрепан, покрыт синяками и порезами, но словно не замечал их. — Я хорошо сражался, не так ли? Достойно?

Никки не привыкла раздавать комплименты, но все же признала:

— Да, ты оказался весьма полезен в критический момент.

Бэннон просиял.

Мрра оставалась с ними, разведывая округу, то пропадая из поля зрения в скалистых каньонах, то исследуя предгорья. Время от времени она возвращалась, будто в знак признания связи с Никки. И все же, песчаная пума была диким зверем и стала беспокойно принюхиваться, когда путники подошли к подъему на плато Твердыни. Взглянув на покрытый прожилками утес, Мрра зарычала и забила длинным хвостом.

Никки резко кивнула:

— Ты не можешь пойти туда с нами. Это человеческое жилье.

Песчаная пума, казалось, поняла ее слова.

Судя по клеймам на шкуре Мрра, давнее рабство не доставляло ей радости. Махнув хвостом, пума сорвалась с места и исчезла среди сухих дубов и пиний.

Никки и Бэннон начали долгое восхождение.

* * *

Обитатели Твердыни приветствовали их как героев. Бэннон наслаждался вниманием, а Никки едва терпела его.

Юноша с широкой усмешкой похлопал по мечу на бедре:

— Я неплохо справился и спасал колдунью столько раз, что и не счесть.

Никки была уверена, что он все равно сосчитает.

Бэннон купался во внимании трех лнующих к нему послушниц Виктории: они по очереди суетились над его ранами и царапинами на щеках и руках. Девушки промокнули раны влажными тряпицами, затем счистили пыль со лба и протерли ему волосы. Бэннон коснулся пореза на лице.

— Как думаете, здесь останется шрам? — спросил он с надеждой в голосе.

Лорел поцеловала юношу.

— Может и останется.

Подбежавшая Чертополох со смехом бросилась к Никки.

— Я знала, что вы выживете! Знала, что ты спасешь мир!

— А я рада, что ты осталась здесь, как и обещала, — сказала Никки.

Натан поглаживал подбородок, предвкушая рассказ о приключениях.

— Как бы мне хотелось тоже там присутствовать. Вышла бы неплохая история для моей книги жизни.

— Мы найдем новые истории, волшебник, — сказала Никки. — Нас ждет долгое путешествие, а здесь наша работа закончена.

— Да, твоя работа закончена. — Он улыбнулся и кивнул. — И теперь, когда Поглотитель жизни повержен, мы должны сосредоточиться на поиске Кол Адаира, где я снова стану цельным — довольно неудобно чувствовать свою бесполезность! В архивах Твердыни есть карты, и Мия прямо сейчас поможет мне с ними разобраться.

Саймон как лидер ученых Твердыни поблагодарил Никки за свершение.

— Даже отсюда мы почувствовали победу над Поглотителем жизни. Мир освободился от тяжелого бремени, и изменилось что-то основополагающее. — Он подал знак, и собравшиеся ученые громко зааплодировали, выражая признательность Никки и Бэннону. — Прежде чем сосредоточиться на изучении и классификации знаний, мы должны пойти к месту сражения и взглянуть на новый побег Первозданного дерева.

Виктория и ее помнящие кивнули со сдержанным восхищением.

— Да, мы все должны увидеть, что там осталось, — сказала она.

* * *

На следующий день около пятидесяти человек начали спуск по узкой тропе, ведущей с вершины меса к теперь спокойной Язве.

Полная энергии Чертополох бежала по предгорьям впереди группы. Девочка старалась вести их по самому легкому пути.

— Теперь я знаю, что увижу эту долину такой, какой она и должна быть! Когда-нибудь вернется мой мир, зеленый и цветущий.

— Возможно, там будут даже цветущие сады, — добавила Никки.

Колдунья чувствовала, что тени покинули Язву. В этот день все шло неторопливо, а на ночь разбили лагерь. Следующим утром они снова двинулись в путь к сердцу запустения. Груды обсидианового стекла все еще выступали из-под земли, но зловонные грязевые котлы были запечатаны, а потеки лавы затвердели — крошечный первый шаг на длительном и болезненном пути исцеления.

Под конец второго дня группа нетерпеливых путешественников собралась возле руин логова Поглотителя жизни. Никки вместе со всеми осторожно приблизилась к заполнившим кратер обломкам.

Никто не обратил внимания на останки пыльных людей и потрескавшиеся тела скорпионов, вместо этого изумленные ученые окружили одинокий побег дуба. Хрупкое деревце едва доставало Никки до талии.

— Если это и правда побег Первозданного дерева, я не чувствую в нем никакой магии, — сказала Никки. — Выглядит как самое обычное деревце.

— Должно быть, вся его магия выгорела в битве с Поглотителем жизни, — предположил Натан. — Все, что осталось — молодой дубок. Но он живой, вот что важно.

Чертополох протолкалась вперед, чтобы посмотреть на маленькое дерево, которое с вызовом стояло посреди запустения.

Виктория казалась разочарованной.

— И это все? Это было... Первозданное древо!

— Вывавшейся из желудка жизни едва хватило, чтобы выиграть битву, — сказала Никки. — Сила жизни против силы смерти, и они были почти равны. Семя отдало всю свою магию, чтобы уничтожить Поглотителя жизни. Еще неделя, может месяц — и было бы слишком поздно.

Виктория и послушницы подступили ближе, и почтенная женщина вздохнула.

— Хорошо, что наши помнящие вспомнили ту легенду. Без нашей помощи не нашлось бы семя Первозданного древа, и Роланд был бы жив и опасен.

Лицо Саймона исказила вспышка раздражения.

— Да, Твердыня предоставила необходимое для победы оружие. Теперь мы должны устранить последствия. — Он заговорил громче, обращаясь ко всем: — Нам предстоит большая работа, но мы сможем возродить эту землю. Ручьи и реки потекут вновь. Прольются дожди, и мы сможем посеять зерновые и разбить сады. Многие наши ученые пришли из городов этой долины, и мы сможем вернуть ей прежний вид.

Люди одобрительно загомонили, осознав сложность стоявшей перед ними проблемы.

Натан положил руки на бедра и выпрямил спину.

— Язву можно исцелить. Теперь, когда долина очищена от порчи, красота природы вернется. Но все это потребует времени. — Он обнадеживающе улыбнулся. — Может, всего лишь век-другой.

— Век? — Чертополох поникла. — Но я не увижу этого!

Виктория решительно нахмурилась и пробормотала так тихо, что ее слова услышала только Никки: «Нужно как-то все ускорить».

Глава 55

Земля была мертвой и бесплодной. Виктория знала: исцеление этой раны займет десятки, а то и сотни лет... если пустить все на самотек. Это было бы непростительно. Она не могла забыть, что натворил самоуверен-

ный и недальновидный Роланд. Этот жалкий человек погубил землю... и убил ее дорогого мужа.

Но Виктория знала магию, в ее памяти хранились бесчисленные тайны и сокровенные знания. Самая талантливая помнящая держала в своем разуме массу информации о магии и теперь искала быстрый способ вдохнуть жизнь в великую долину. Ответ находился в ее голове — она это знала!

Саймон и его ученые самонадеянно считали себя знатоками. Да, они читали книги и изучали заклинания, но не факт, что понимали это знание. Голодный человек, который смотрит на полную еды кладовую, сытым от этого не станет. Помнящие, однако, хранили информацию в себе, и та была частью их сущности, их сердца, их души.

Древние волшебники построили скрытый архив, чтобы сохранить историю и знания для последующих поколений. Все, что могли представить себе могущественные одаренные, находилось внутри хранилищ, было записано в томах, от которых ломились полки... и заперто в разумах помнящих. Знание было неотъемлемой частью Виктории.

Когда группа посетила место решающей битвы, колдунья казалась такой самодовольной и торжествующей. Госпожа Смерть! Конечно, Никки покончила с ненасытной потребностью Поглотителя жизни, но она никоим образом не возродила жизнь. Эта задача гораздо более сложная и трудоемкая.

Виктория была разочарована тоненьким, жалким побегом. Такая мелочь, да еще и без магии? От Первозданного древа она надеялась получить гораздо больше. Со времен своего девичества Виктория помнила покрытые густыми лесами холмы, плодородную долину, обширные пашни и процветающие города. Хотя обитатели Твердыни жили отдельно ото всех и редко покидали свои скрытые каньоны, они знали, каким должен быть реальный мир.

Роланд был одним из первых чужаков, допущенных к архиву после того, как Виктория развеяла маскировочный саван. Роланд был упорным и ревностным исследователем, безбидным ученым, который читал книги заклинаний и забавлялся с простенькой магией. Он был тихим и добродушным, а муж Виктории считал его другом. Именно Бертрам первым заметил, что Роланд становится немощным и худым. Теперь Виктория понимала, что это были признаки изнурительной болезни, пожиравшей его изнутри. Но Роланд отказался принять свою судьбу; он заключил сделку с магией, в которой ничего не разумел. Не понимая того, что собирается выпустить, он превратился в бездонную яму, которая выкачивала не только его собственную, но и всю окружающую жизнь.

Виктория вздрогнула, вспомнив роковой день, когда она увидела Роланда, который встретился в коридоре с ее мужем. Отчаянно моля о помо-

щи, тот схватил руку Бертрама, но не смог контролировать выпущенную им силу, и магия стала высасывать жизнь из ее бедного мужа. Бертрам не мог отстраниться, не мог сбежать, как бы ни старался... и монстр — Роланд — похитил жизнь Бертрама, поглотив его душу.

Когда Виктория увидела их, было уже слишком поздно. Роланд в ужасе умчался прочь, а она бросилась к своему мужу и подхватила его, когда тот рухнул на пол коридора. Она прижимала Бертрама к груди и раскачивалась, пока он стремительно угасал. Его кожа стала серой и сухой, как старые пергаменты в архиве, щеки запали и потемнели, глаза усохли, став сморщенными узлами плоти, а волосы выпадали тонкими клочками. У нее на руках муж превратился в мумифицированный труп.

Роланд с ужасом и отвращением наблюдал за этим из дальнего конца коридора. Он поднял руки, отрицая свое смертельное прикосновение.

— Нет, нет, нет! — кричал он.

Но выпив жизненную энергию Бертрама, он действительно стал казаться сильнее, словно украденное поддержало его организм. Роланд быстро превратился в Поглотителя жизни и покинул Твердыню, сбежав в огромную долину. Только позже Виктория узнала, что в безумном и опрометчивом стремлении сохранить свою силу он убил еще десятерых ученых, пока выбирался из изолированного архива.

Теперь Поглотитель жизни мертв, но для Виктории этого было недостаточно. Она не могла вернуть Бертрама, но не сомневалась, что сможет возродить плодородную долину и пробудить жизнь. В отличие от заблуждавшегося и глупого Роланда, она не допустит ошибок...

Через два дня экспедиция вернулась на плато, и Виктория уже знала, что делать. Помимо Сейдж, Лорел и Одри, которые были тремя ее лучшими помощниками, у нее были Франклин, Глория, Перетта и еще десятки воспитанников, и все являлись вместилищами знаний. Даже после того, как Виктория сняла пелену маскировки и предоставила доступ к богатству знаний любому страждущему, умеющему читать, она настаивала на сохранении традиций помнящих. Возможно, ее послушники помнят что-то очень важное.

Вернувшись в огромную библиотеку Твердыни, Саймон настоял на проведении пиршества, но Виктория не могла притворяться, что радуется вместе с остальными. Им предстоит еще много работы, целые столетия работы — но это слишком долго. Многочисленные исследователи перерыли архив в поисках способа уничтожить Поглотителя жизни, а теперь Виктория искала заклинание плодородия, мощную магию, которая восстановит все отнятое злосчастным волшебником. Если заклинание порчи могло украсть жизнь, не могло ли другое заклинание вызвать ее прилив? Викто-

рия обязана найти такую магию. Наверняка решение найдется среди мудрости, сохраненной здесь волшебниками древности.

Она бросила клич среди помнящих, и теперь они ломали головы и пролистывали бесчисленные книги, запечатленные в их памяти. Ее воспитанники поговорили с другими учеными, и те прошерстили ныне забытые тома с самых пыльных полок, самых дальних хранилищ, приобщив эти знания к тем, что хранились в памяти. Должен быть способ!

Виктория встретила со своими доверенными послушниками наедине и понизила голос, словно плела заговор.

— Вы все способны к зачатию, ваша жизнь бьет ключом. Я чувствую это. Вы должны созидать жизнь. — Она улыбнулась им, ощущая внутренний жар. — Вы посещаете Бэннона Фермера?

Девушки выглядели пылкими и в то же время смущенными.

— Да, Виктория, — сказала Сейдж. — Частенько.

— Мы пытаемся, — добавила Лорел.

Одри улыбнулась:

— Пытаемся как можно чаще.

— Но не забеременели. Пока что, — сказала Сейдж.

Виктория вздохнула и покачала головой.

— Семя иногда сбивается с пути, но в свое время все случится. Однако этого недостаточно, и нам придется попробовать что-то еще. Волшебники древности должны были знать заклинание возвращения жизни, которое способствует росту и возрождению.

— Возвращение жизни? — Лорел была потрясена этой идеей. — Вы хотите возродить мертвых?

— Я хочу возродить мир, — сказала Виктория. — Мне нужно заклинание плодородия, способное устранить упадок и порчу запустения. Я хочу возродить леса и реки, пастбища и пашни, хочу наполнить ручьи рыбой и вырастить цветы, чтобы пчелы опыляли их и носили в ульи мед. Я хочу, чтобы земля снова процветала. — Женщина вздохнула и посмотрела на своих послушниц. — Я отказываюсь ждать десятилетия.

Пока ученые Твердины и прочие жители каньона были поглощены веселым пиршеством, праздная гибель Поглотителя жизни, доверенные помнящие Виктории медитировали, просеивая свои прекрасно сохранившиеся воспоминания в поисках жизненно важной информации: способа ускорить процесс.

Каждую минуту бодрствования Виктория отдавала борьбе с нагромождениями слов, запертых в ее разуме. В голове стучало, словно подходящие заклинания из всех сил пытались вырваться на свободу, но у нее не было ключа, чтобы их освободить. Пока еще не было.

Стоя в сгущающихся сумерках под огромным скальным навесом, она наблюдала за теньями, заполняющими персты каньонов. Вечерние огни мерцали в окнах других поселений алькова по всему каньону, а насекомые издавали тихий умиротворяющий гул. Послышался шелест крыльев двух пролетевших мимо ночных птиц. Мир казался спокойным и пробуждающимся.

Виктория размышляла о поврежденной башне, в которой находилась библиотека пророчеств. Она помнила тот страшный день, когда случайное заклинание расплатило строение и утопило несчастного и неразумного недоучку-волшебника в потоке камня. Такие инциденты, хотя и были редкостью, предостерегали других учеников от посягательств на серьезные заклинания. Теперь Виктория стояла в скальном гроте и с презрением смотрела на поврежденную башню, не испытывая ни капли уважения к неуклюжему ученику, не понимавшему выпущенной им силы. Настоящая катастрофа, как и Роланд.

Виктория никогда такого не допустит. Она гораздо опытнее.

Когда она размышляла о совершенных ошибках, что-то щелкнуло в ее голове, и в памяти всплыл фрагмент древнего заклинания плодородия. Оно не только давало женщинам возможность иметь детей — могло пробудить лоно бесплодной женщины, какой была Виктория, — но и было заклинанием сотворения, ритуалом плодородия, привязанным к более глубокой магии, которая могла бы увеличить урожай и поголовье скота, возродить леса. Виктория ощутила щекотание того тусклого воспоминания — заклинания, глубоко запрятанного среди множества других знаний. Она пыталась вытащить мысли из задворок своего разума.

Женщина вспомнила свою суровую мать, чьи угловатые черты делали лицо похожим на клин топора. Она заставляла свою дочь запоминать знания слово в слово, но никогда не удосуживалась убедиться, что юная Виктория постигает то, что узнает; ее мать заботило лишь то, чтобы дочь могла точно повторить каждую строчку, даже если та была на непонятном ей языке. Она неоднократно била Викторию ивовым прутом, оставляя на коже красные кровавые рубцы. Иногда мать шлепала свою дочь по лицу и ушам или пускала ей из носа кровь, пытаясь заставить девочку тверже запоминать и безошибочно использовать свой дар.

Ошибки причиняли вред. Люди часто из-за них страдали, даже из-за мелких оплошностей. Искренне рыдая, юная Виктория обещала матери не допускать ошибок. На глазах девочки мать скинула с обрыва ее добродушного отца, тем самым убив его. По словам ее матери — заслуженная судьба за допущенную ошибку. Потенциально опасную ошибку.

Виктория ошибиться не могла...

Теперь, коснувшись разрозненных фрагментов древнего заклинания и последовав за погребенными в ее прошлом воспоминаниями, Виктория смогла увидеть слова, всплывающие в сознании, увидела тайный язык, незнакомые формулировки, двустийшие с произношением, которое словно бросало вызов написанным буквам. Виктория вспомнила заклинание плодородия, повторяющееся из поколения в поколение, переходящее от помнящего к помнящему. Сведения были слабыми и едва различимыми, словно выцветшими от бездействия, но теперь она обладала знаниями и могла их применить.

Довольная собой Виктория снова вошла в главную библиотеку и поспешила в свои покои. Хотя женщина уже все вспомнила, она зажгла лампу и склонилась над низким письменным столом. На клочке бумаги она начала писать слова, выведенные ею на первый план своего разума, произнося их и следя за тем, чтобы все до мелочей было правильно. Виктория тщательно проговаривала сочетания слогов, чтобы убедиться в точности каждого звука. Записав заклинание, она читала его вновь и вновь, пока не обрела уверенность в формулировке.

Виктория была готова. Она знала, что нужно делать, и прекрасно понимала указания.

Земля и так обескровлена. Разве еще немного крови имеет значение?

Глава 56

— Твердыня исполнила свое предназначение — в точности как задумывали древние волшебники, — с самодовольным видом обратился к Никки и Натану Саймон.

После победы над Поглотителем жизни он казался более спокойным и сосредоточенным на своих обязанностях, вернувшись к тому, что считал настоящей работой. Впрочем, мужчина по-прежнему выглядел слишком молодо для должности старшего ученого-архивариуса.

— Теперь, наконец, ученые продолжают заниматься классификацией и исследованиями. Нас ждет еще много неизведанного.

Команды истовых исследователей вернулись к своей повседневной работе: составлять списки бесконечных томов, расставлять их на полках по темам и указывать тип сведений, содержащихся в различных запутанных секциях. Впереди у них были десятилетия работы.

Саймон, голова которого шла кругом, озирался по сторонам, пытаясь охватить взглядом тысячи книг, беспорядочно разложенных в обширных библиотечных залах.

— Задача ошеломляет, но по какой-то причине я чувствую себя более энергичным и полным надежд, чем в двадцать лет.

— По правде сказать, ты и должен себя так чувствовать, — сказал Натан. — Заново открывать чудеса этой библиотеки — само по себе приключение. Кроме того, как ты знаешь, все законы изменились после перемещения звезд. Мы еще не понимаем, насколько актуальны наши знания и не придется ли все переучивать, проверять и открывать вновь.

Саймон выглядел удовлетворенным.

— Мы готовы, каков бы ни был ответ. Если ваш лорд Рал намеревается создать новую золотую эпоху, то вся эта магия может послужить человечеству.

* * *

Бэннон наслаждался вниманием, хотя на его долю выпало слишком много угощений и танцев. У него почти не было времени поражаться тому, что случилось с ним за последний месяц. Юноша понимал, что, несмотря на ужасные испытания, теперь у него была такая жизнь, о которой он всегда мечтал. Сражаясь с сэлками, пыльными людьми и даже с Поглотителем жизни, он был уверен, что погибнет, но теперь эти воспоминания окрасились в яркие, насыщенные цвета и стали историями, которые можно рассказывать до седобородой старости, когда у него будет жена, множество детей и еще больше внуков. На самом деле, он уже хотел заново пережить некоторые свои приключения.

И любовь! Здесь, в Твердыне, юноша познал наслаждение с тремя красавицами, которые обожали его и обучали телесным удовольствиям. Поначалу Бэннон чувствовал смущение и неловкость, но оказался жадным учеником, и теперь его ночи были наполнены теплом кожи, чувственными ласками, тихим смехом и сиянием глаз. Как он мог выбрать одну из них? К счастью, Одри, Лорел и Сейдж с радостью делились им.

Долгие годы он жил в ловушке ночного кошмара, а теперь оказался в прекрасном сне, о котором не смел даже мечтать.

После затянувшегося празднования Бэннон бродил по Твердыне в поисках трех девушек. Они с жаром вознаградили его после триумфального возвращения, но теперь Виктория собрала всех помнящих и дала им очень важное задание, которое требовало их всецелого внимания. Прелестницы с

грустью сказали, что из-за неотложных дел не смогут уделить время Бэннону, и он не видел их уже два дня.

Скучая по Одри, Лорел и Сейдж, Бэннон обыскивал помещения библиотеки, обеденный зал и заглянул даже в комнаты послушников. Он наткнулся на одного из помнящих, Франклина — мужчину средних лет с большими совиными глазами и квадратным подбородком.

— Виктория повела девушек наружу, куда-то в Язву, — сообщил он. — Кажется, она нашла способ вернуть долину к жизни.

Бэннон серьезно кивнул, стараясь не выдать своего разочарования.

— Что ж, это очень важно. Не буду их беспокоить.

Юноша отправился в свои покои, надеясь на скорое возвращение трех послушниц.

* * *

Чертополох по-прежнему предпочитала спать, свернувшись клубочком на овчине, лежавшей на полу комнаты Никки.

— Я беспокоилась о тебе, — сказала девочка. — Не хочу тебя потерять, я и так уже всех потеряла.

Меж бровей Никки залегла складка.

— Я обещала вернуться. Ты должна была верить мне.

Пока портнихи в очередной раз чинили ее черное дорожное платье, колдунья переделалась в удобную льняную тунику.

— А я верила, — сказала девочка, сверкнув глазами. — Я знала, что ты убьешь Поглотителя жизни. Теперь я готова пойти с вами, чтобы увидеть весь остальной мир. Когда отправляемся?

Никки размышляла о предстоящем долгом путешествии, неизвестных землях и поджидающих опасностях.

— Ты многое пережила, а наше путешествие будет полно трудностей. Ты действительно хочешь отправиться с нами?

Взволнованная Чертополох села, подтянув к груди свои испарянные коленки.

— Да! Я могу охотиться, могу помочь отыскать путь. Ты знаешь, что я могу сражаться.

— Когда-нибудь люди отстроят Верденовы родники, — сказала Никки. — Разве не хочешь туда вернуться? Это твой дом.

— Это не мой дом. Его я давно потеряла. Я не проживу так долго, чтобы снова увидеть долину зеленой и цветущей, поэтому хочу увидеть другие места. Мой дом — это ты. — Она почесала копну волос. — Когда ты уйдешь отсюда, я вновь отправлюсь за тобой.

Поразившись такой решимости, Никки забралась в постель и легла на одеяло.

— Похоже, я не в силах тебя остановить.

Колдунья накрылась одеялом, выпустила струйку магии, чтобы погасить лампу, и заснула.

Глава 57

После опустошительного прикосновения Поглотителя жизни Никки глубоко погрузилась в странные сны.

Во сне она находилась где-то далеко... и не была собой. Ее разум оказался в другом теле, которое мчалось сквозь ночь на мощных мягких лапах. Ее мускулы напрягались, как канаты, длинный хвост развевался позади, заостренные уши подрагивали, улавливая малейшие звуки добычи. Зрачки ее золотисто-зеленых глаз ничего не упускали при свете звезд.

Она стала Мрра, с которой была связана на глубинном внутреннем уровне. Сестры-пумы. Их кровь смешалась. Никки не искала этого странного контакта во снах, но и не боялась его. Она скиталась по ночам, — наполовину колдунья, наполовину песчаная пума. И даже более.

Никки, лежа на жестком тюфяке в своей комнате, пошевелилась, вздрогнула, а затем еще глубже погрузилась в сон.

Мрра отправилась на охоту, и Никки охотилась с ней. Они бежали вместе, и в мощном кошачьем теле пела радость. Они мчались вперед исключительно ради удовольствия, а не из-за спешки. Хотя голод грыз живот Мрра, та не была истощена и знала, что найдет пищу позже. Всегда находила. Пума могла уловить запах добычи на ветру, услышать движение грызуна, увидеть проблеск жертвы в самых глубоких тенях.

Она свободна! Не пленница укротителей, а дикая песчаная пума — какой она и должна быть.

Мрра летела сквозь ночь, исследуя окраину Язвы, которая больше не пахла глением, закисшей и прогорклой магией — подобной той, которой был пропитан великий город. Этой ночью Язва была спокойна, и, хотя Мрра чуяла смерть и тишину, тут должна быть и добыча: животные, осмелившиеся вернуться в безжизненную пустошь.

Мрра цеплялась за свою связь с Никки. Всю жизнь пума была связана заклинанием с двумя единоутробными сестрами — главнокомандующий

волшебник провел жестокий ритуал и передал котят на обучение укротителям.

Сестры Мрра пали в бою — так они и должны были умереть. Их убила Никки и ее спутники: девочка и молодой воин-самец, но Мрра не питала к ним ненависти. Три связанные заклинанием пумы были предназначены для битвы — для них это было так же естественно, как есть, дышать и спариваться.

Большая кошка не могла загадывать далеко вперед, не планировала и не предвидела того, что случится, а теперь Никки стала связанным с ней партнером. Грудь Мрра завибрировала от протяжного рыка. Пума надеялась, что она и Никки снова будут сражаться вместе, бок о бок. Они могли разорвать на части многих врагов — как тогда, когда сражались с гигантскими ящерами или с Поглотителем жизни.

Мрра запрыгнула на гладкий выступ скалы и, сев на задние лапы, стала изучать залитую лунным светом местность. Сузив золотистые глаза и подергивая хвостом, она понюхала воздух, и ее усы затрепетали. Охота походила на битву, и каждый день тоже был битвой. Ее трока убила своих укротителей и сбежала из великого города; три пумы устремились в огромную пустыню, навстречу жизни, для которой были рождены.

Какое-то время они были свободны.

Когда Никки пошевелилась в постели, сны стали более яркими, воспоминания обрели четкость...

Жестокое прошлое, бритвенно-острые воспоминания о бритвенно-острой боли. Когда-то Мрра была маленькой, играла со своими сестрами, а жизнь была наполнена весельем и радостью. Но однажды главнокомандующий волшебник схватил их, придавил к земле и взял раскаленные добела железки с магическими символами. Мрра металась и царапала укротителя когтями, но жестокий волшебник приставил горячее клеймо к ее шкуре, выжигая символы на коже и испепеляя рыжеватый мех. Дым от прожженной плоти и шерсти поднялся густым облаком под звуки кошачьего визга.

Мучения были незабываемыми, и боль Мрра перекликалась с болью связанных с нею сестер-пум — заклинание сплело их в троку, объединив их разумы, мысли и кровь.

Это было только начало. Как только котят связал первый раскаленный символ, главнокомандующий волшебник принялся выжигать на их плоти другие заклинания. Из-за связи каждая из пум испытывала невыносимую боль снова и снова, пока их разумы не повредились так же, как и прекрасные тела.

Когда кошки оправились, укротители взялись за их обучение, проводя суровые и болезненные уроки: кровь, добыча, страх... и снова кровь. Тем не менее, когда она и ее сестры-пумы стали сильнее, Мрра научилась полу-

чать удовольствие от выполнения заданий. Она стала быстрее, смертоноснее. Их трока слыла лучшими убийцами, которых когда-либо видел великий город.

Жизнь Мрра превратилась в охоту и убийства. Она научилась нападать на людей и убивать их на гладиаторской арене. Одни жертвы пребывали в ужасе и беспомощности, тщетно пытались бежать; другие падали на колени, плача и содрогаясь, пока когти пумы разрывали их на части. Иногда попадались устрашающие человеческие воины — лучшее развлечение; с ними были самые сложные битвы. Иногда противники обладали магией, но символы, клейменные на шкурах Мрра и ее сестер, отклоняли магические атаки.

Она вспомнила рев толпы, овации, кроважные возгласы. Вот Мрра с окровавленным мехом поднимает голову к яркому солнцу и глядит на людные трибуны. Вот она демонстрирует длинные изогнутые клыки и выпускает победный рев. Она вспомнила тепло солнца и песка, вкус горячей крови из разорванного горла. Мрра вспомнила о загубленных жертвах. Об убийствах воинов. Просто об убийствах.

Если она не слушалась, укротители причиняли им боль.

Теперь свободная пума бродила по необитаемой долине. Она отважилась вернуться к месту, где они сразились со злым волшебником и убили его. В лунном свете Мрра заметила человеческие фигуры — четырех самок. Они подошли к одинокому саженцу дуба, который рос на месте битвы. Обнюхав воздух, Мрра признала в них людей из города в скале: старая женщина и три молодых.

Добычей они не были, и поэтому интереса для нее не представляли.

Мрра побежала в ночь, чтобы поохотиться. Почуввав запах тощей антилопы, осмелившейся покинуть предгорья, пума большими скачками ринулась в ту сторону, набирая скорость. Антилопа, почти неразличимая на фоне пыльного бурого пейзажа, не ускользнула от острого зрения Мрра. Ее мускулы горели от напряжения, пока она мчалась к добыче.

Испуганная антилопа пыталась убежать, стуча копытами по сыпучим скалам, но Мрра догнала ее и опрокинула в пыль. В мгновение ока клыки пумы разорвали горло добычи и вспороли брюхо. Внутренности вывалились на землю, ноги и голова продолжали содрогаться в конвульсиях.

Теплая кровь была восхитительной, великолепной! Пума начала есть с довольным урчанием... Никки в далекой постели издала во сне протяжный удовлетворенный вздох.

Глава 58

Этой ночью в огромной сухой долине стояла напряженная, хрупкая тишина. Смерть слишком долго царила там, где должна была бурлить жизнь. Викторией претило даже просто находиться в этом месте, чьим предназначением было радовать пышной растительностью, высокими травами, густыми лесами и полями с качающимися колосьями.

Все это дело рук Роланда — он украл жизнь и сделал землю бесплодной. Остановив его, Никки решила только часть проблемы, а Виктория не признавала полумер. Остальные обитатели Твердыни могли поздравлять друг друга, но впереди еще полно работы, которую Виктория никому не может доверить. Она не успокоится, пока не завершит дело.

В сумерках женщина и три ее верные помощницы покинули Твердыню и поспешно двинулись через запустение к логову Поглотителя жизни. Путешествие заняло почти два дня. Лорел, Одри и Сейдж жаждали помочь, в их глазах сиял свет надежды, но Виктория открыла им только часть замысла. Ее послушницы удовлетворят потребности целого мира.

— Мы действуем не ради личной выгоды, — сказала им Виктория. — Это будет триумф для всех живущих: и мужчин, и женщин, и детей.

К вечеру второго дня они оказались перед безмолвным пятачком изломанной земли в окружении поваленных обсидиановых глыб. Повсюду валялись расколотые панцири гигантских скорпионов и костлявые останки пыльных людей. Пугающее место битвы вызывало священный трепет.

Виктория привела их к одинокому дубку: хрупкому тонкому побегу последнего желудя Первозданного дерева.

— Такой маленький и хилый, — сказала Сейдж.

— Но в нем сила Первозданного дерева, — отметила Лорел.

— В нем сила самого мира, — поправила Виктория. — Вот только его особая магия сгорела в битве, и теперь это обычное деревце. Оно — крошечная искорка, символ, а мы четверо способны раздуть костер жизни из маленького огонька. Вы поможете мне? — Она по очереди посмотрела на своих послушниц. — Вы готовы призвать необходимую магию?

Девушки без раздумий кивнули. Виктория тоже не колебалась.

Стоя в лунном свете возле тонкого серого деревца, помнящая развязала тесемки и расстегнула воротник. Стянув через голову бледно-коричневое платье, она отбросила его в сторону, и оно повисло на одной из зазубренных обсидиановых глыб. Обнаженная женщина стояла в лунном свете, вдыхая пыльный ветерок и ощущая ночную прохладу.

Она повернулась к послушницам:

— Вы трое должны раздеться. Вы — жизнь. Вы чисты и способны к деторождению. Для священного процесса сотворения вы должны предстать в таком виде, в каком родились.

Они выполнили просьбу и сняли белые шерстяные сорочки. Теперь пред Викторией стояли обнаженные, величественные и безупречные девушки, их сливочная кожа мерцала в звездном свете, подчеркивая полную грудь и округлые бедра, волосы были распущены.

Локоны Одри цвета воронова крыла казались темнее ночи, и между ног проглядывала темная поросль. Пшеничные волосы Лорел походили на огненное золото. Темные соски Сейдж стояли торчком от холода; ее идеально округлая грудь порозовела от жажды сотворения новой жизни.

Сила их красоты лишила Викторию дара речи. Эти девушки были чистейшим олицетворением женской энергии и самой жизни.

Давным-давно Виктория тоже была красива. Мужчины желали ее, но она подарила себя лишь одному — Бертраму. С протяжным вздохом женщина вспомнила первый раз, когда он привел ее во фруктовый сад безлунной ночью. Ручей в каньоне громко журчал, но был не в силах заглушить ее вздохов удовольствия. Бертрам сорвал с ее губ поцелуй и похитил девственность, а потом они лежали в обнимку на мягком ковре опавших листьев и ласкали друг друга. Это было прекрасно.

После той ночи Виктория и представить себя не могла с другим мужчиной. Через месяц она поняла, что беременна. Сюрпризом это не стало, поскольку они с Бертрамом наслаждались друг другом уже много раз. Влюбленные произнесли слова древнего брачного обряда, повторив вслух то, что помнящие держали в своих умах. Но всего через два месяца после свадьбы у Виктории случился выкидыш. После нескольких часов мучительных схваток, потеряв много густой крови, она произвела на свет маленький плод размером с палец, который даже не походил на человека. И было так много крови...

Бертрам поддерживал горящую жену и обещал, что у них будет еще много детей. Но этого так и не случилось. Виктория была подавлена, обнаружив свою бесплодность. Это стало ее величайшим разочарованием и несчастьем. Она не смогла родить ни сына, ни дочери, как бы к этому ни стремилась, сколько бы попыток ни предпринимала.

Виктория очень любила своего мужа, но в конечном итоге их физические удовольствия превратились в обязанность без надежды на успех. Поэтому Виктория стала матерью для своих послушниц — в особенности для этих трех замечательных и прекрасных девушек. Виктория утверждала, что стала настоящей матерью для гораздо большего числа детей, чем могла бы родить, но у нее не получилось убедить в этом даже себя.

Этой ночью, призвав древнее могущественное заклинание, она станет матерью для всего мира. Виктория знала цену, но разве она имела право на раздумья?

— Мужская магия — это магия завоеваний, смерти, охоты и убийств, — произнесла она. Голос ее звучал слишком громко в этом тихом и священном месте. — Женская магия — это магия жизни, и наша магия сильнее. — Она улыбнулась всем троим.

Одри, Лорел и Сейдж вспыхнули при виде наготы друг друга и тяжело дышали от предвкушения. Девушки медленно двигались, покачивая бедрами и переминаясь с ноги на ногу. Виктория видела, что они возбуждились. Усиленный магией запах их пота, кожи и внутреннего тепла наполнял воздух. Одри опустила руку, прикоснулась к себе и тихонько ахнула. Поддавшись соблазну, Лорел и Сейдж последовали ее примеру. Сама ночь была заряжена возможностями. Жизнью. Даже дубовый саженец, казалось, трепетал.

Сердце Виктории защемило, но она отогнала нарастающий ужас и решила не медлить с делом — жизненно важным делом.

Три девушки были готовы: глаза полузакрыты, из глубин горла вырываются мягкие стоны удовольствия. Виктория порылась в складках своего платья и достала флакон с синей жидкостью.

— Вы должны испить отсюда. Одного глотка будет вполне достаточно.

Одри взяла флакон и влажными пальцами вынула пробку.

— Что это?

— Жизненно важная часть заклинания. Пей.

Одри сделала осторожный глоток, затем передала флакон смотревшей на нее Лорел.

— Если вы уверены, Виктория...

— Уверена. Я долго и тщательно все обдумывала. Мы должны возродить эту землю. Этот способ сработает.

Больше не задавая вопросов, Лорел сделала глоток. Сейдж допила остатки темной жидкости.

С тяжелым сердцем Виктория смотрела, как послушницы зашатались, а затем обмякли и рухнули на землю. Они такие доверчивые...

Действуя быстро, женщина подтащила обнаженные тела к побегу Первозданного древа. Теперь она могла позволить себе прослезиться, пока девушки были без сознания. Она достала крепкие кожаные ремни, припрятанные в складках платья, и связала запястья и лодыжки своих послушниц.

Голые девушки тяжело дышали в глубоком наркотическом сне, но скоро они очнутся, а Виктории нужно многое подготовить.

Она заранее переписала на листок заклинание из древней книги, хранившейся в ее памяти, и теперь чертила на земле вокруг послушниц сложный узор линий, тщательно вырисовывая угловатые замысловатые символы давно позабытого языка. Девушки стали ее семенами; они дадут начало новой жизни, мощь которой невозможно измерить.

Но за это придется заплатить — ничто не дается даром. Жизнь требует жизни взамен. Кровь требует крови.

Закончив рисунок, Виктория вздрогнула. Она твердила себе, что результат важнее цены. Заклинание плодородия не оставляло сомнений: из этих трех капель жизни прольется животворящий ливень. Они возродят зеленую долину и исцелят раны мира.

Но... Ах, Одри, Лорел и Сейдж...

Виктория сделала долгий прерывистый вдох и позволила себе разрыдаться. По щекам текли слезы. Но она должна это сделать.

Через несколько минут Виктория увидела, что девушки очнулись — раньше, чем ожидалось. Их взоры были замутненными, но заклинание требовало, чтобы они находились в сознании и действовали добровольно. Свое согласие Виктории они уже дали.

— Что вы делаете? — спросила Лорел. — Что происходит?

— Вы спасете всех нас.

Немолодая женщина, заливаясь слезами, взяла нож из кармана своего невзрачного платья и опустилась на колени возле первой девушки.

Глаза Сейдж широко раскрылись, и она дернулась от ужаса, когда Виктория провела острым лезвием по ее горлу. Целая река крови потекла с шеи на безупречную грудь. Сердце Сейдж билось, извергая живительную влагу на болезненную, бесплодную землю.

— Прости, — сказала Виктория, переходя к Одри.

Собрав в руку длинные темные волосы девушки, она оттянула назад голову Одри и перерезала ей горло. Лорел смотрела на нее с вызовом, сжав челюсти. Девушка попыталась сбросить кожаные путы, но вскоре ее плечи поникли — она почувствовала, как обмякли ее подруги, проливая кровь на землю.

— Скажите, что это необходимо. — Голос Лорел дрожал.

— Другого способа нет, — ответила Виктория.

Лорел задрала подбородок, и Виктория провела ножом в третий раз — и последний.

Девушки еще долго истекали кровью, а Виктория выла от горя. Они были ей как дочери, были ее прекрасными последовательницами... и она убила их. Ради того, чтобы вернуть жизнь.

Теперь Виктория работала над заклинанием. Магия возрождения стала разливаться потоком плодородия, достаточно мощным, чтобы возратить леса, луга, травянистые равнины и пахотные земли.

Из трех жертв вылилось много крови. Виктория произнесла заклинание, которое прекрасно сохранилось в ее памяти. Кровь текла ручейками расплавленного свечного воска, заполняя линии начерченного на земле заклинания. Темно-красная жидкость светилась, напоминая лаву... а затем кровь изменилась, потемнела и посвежела. Она стала ярко-зеленой и просочилась в безжизненную почву, которая стала пробуждаться.

Через бурую пыль пробились крохотные побеги, проросли стебли трав, сорняки с широкими листьями, спутанные зеленые ветви, кустарники и цветы.

Виктория отступила и удивленно ахнула. Побег Первозданного древа тянулся вверх и в стороны, ветвей становилось все больше. Папоротники, напоминавшие плети из бычьей кожи, расправляли веера своих листьев. Разноцветные грибы лезли из-под земли, набухали и лопались, извергая споры и тем самым вызывая бурный рост нового поколения грибов. Земля клокотала и потрескивала, пробуждаясь.

Появились букашки, и ночь наполнилась жужжанием насекомых — мотыльков с яркими пушистыми крылышками и жуков с переливающимися панцирями.

Виктория сделала шаг назад, прислушиваясь к бурлению жизни. Глубоко вдохнув, она почувствовала в воздухе влажность, благоухание цветов и пыльцы, смолистый запах деревьев и аромат зеленых восковых листьев. Лианы вынырнули из земли, словно змеи, и последовали за ручейками пролитой крови. Толстые корни извивались, соединяя потрескавшуюся землю и выпуская вверх древесные стебли с пучками листьев. Усики растений обвили окровавленные тела жертв, поглощая трех девушек, словно они были удобрениями или трофеями.

Виктория с удивлением озиралась по сторонам. Она никогда не ощущала такой полноты жизни, а теперь создала ее сама! Она запустила это перерождение. Ее заклинание возрождения оказалось достаточно могущественным, чтобы исцелить урон, нанесенный Поглотителем жизни.

Молодой лес казался живым, он просто источал жизнь, отчаянно желая отвоевать утраченную территорию. Виктория отступила, гордясь проделанной работой. Ученые Твердины заметят перерождение и узнают, что это дело рук Виктории. Обнаженная женщина была довольна достигнутым. Она закрыла глаза и благодарно вздохнула.

Что-то схватило ее за лодыжку. Она распахнула глаза и увидела извивающуюся лозу, ползущую вверх по ноге. Со скоростью разящей гадюки лоза обернула ее колено и крепко его стиснула.

Виктория закричала и попыталась сделать шаг, но лоза походила на стальную пружину. Она дернула в ответ, подтягивая женщину к себе. Папоротники развернули свои листья и нависли над ней. Ветки потянулись в ее сторону, и она отчаянно пыталась оттолкнуть их. Вьющаяся веточка поймала ее запястье. Лозы вырвались из-под земли и схватили женщину за ноги, а потом обвили ее талию, затягиваясь все туже.

Виктория вопила, пытаясь вырваться. Корни крепко уцепились за ступни, приковав свою жертву к земле.

— Нет! Я не...

Пока она кричала, зеленая ветвь заползла в ее открытый рот и ринулась в горло. Виктория подавилась и закашлялась. Свежие зеленые листья папоротника заслонили ее глаза, мешая видеть. Задыхаясь, она мотала головой из стороны в сторону.

Усики растений заползали в ноздри и прорастали вглубь, а другие проникли в голову через уши. Теперь она не могла ни кричать, ни видеть, ни дышать. Виктория брыкалась, а лозы сжимались все сильнее.

Затем, словно руки могучего мускулистого воина, лозы раздвинули ее ноги. Женщина корчилась, дергая бедрами в отчаянной попытке вырваться, а после почувствовала еще одну лозу, ползущую вверх по ее ногам. Скользнув по бедрам, побег чуть помедлил, а потом погрузился между ее ног и устремился вверх, набухая и заполняя все внутри.

Агония во всем теле Виктории длилась очень долго. Усики, наконец, пронзили ее мозг, и душу женщины поглотила зеленая тьма.

Глава 59

Когда Никки проснулась, в Твердыне уже царил утренний суматоха. Колдунья чувствовала во рту привкус крови, восхитительный медный аромат которой отдавал теплом, но вскоре исчез вместе с воспоминаниями о сне. Она моргнула и села.

Чертополох трясла ее за плечи.

— Я беспокоилась за тебя. Ты так крепко спала.

Никки потеряла глаза и потянулась. Собственное тело казалось странным.

— Я уже проснулась.

— Ты рычала и дергалась во сне. У тебя, похоже, был кошмар.

Проблески звериной памяти походили на туманное призывное эхо.

— Да, что-то вроде кошмара. — Колдунья нахмурилась, пытаясь вспомнить. — Но это не совсем кошмар.

На самом деле сновидение, в котором она охотилась с Мрра и была частью пумы, доставило колдунье огромное удовольствие. Во сне она была сильной и неудержимой, ее инстинкты ликовали, каждый мускул оживал, пока она неслась вперед, ощущая себя свободной. Ее человеческие губы изогнулись в улыбке.

Чертополох опустила на колени перед тюфяком, взгляд ее выдавал серьезное беспокойство.

— Я думала, ты умираешь, и пыталась тебя разбудить. Твои глаза оставались открытыми, но были белыми, будто ты находилась не здесь... а где-то в другом месте.

— Я и была где-то в другом месте, — сказала Никки. — Отправилась к песчаной пуме, и мы охотились. — Она понизила голос от удивления: — Я не помнила, что мое тело находится здесь.

Никки подошла к низкому столу и плеснула в лицо водой из тазика, вспоминая свое пребывание в разуме большой кошки — будто она была звериным сноходцем. Но пока она находилась во сне с Мрра, ее незащищенное тело находилось в глубоком трансе, и это ее обеспокоило. Никки не нравилось быть уязвимой. Ей нельзя допускать подобного вновь, разве только в защищенном месте, которое кто-нибудь охраняет.

Никки поправила мягкую сорочку и причесала свои светлые волосы.

— Если Натан отыщет карты, мы сегодня же соберемся в путь, — сказала она, надеясь отвлечь сироту. — В Твердыне мы сделали все, что могли.

Девочка кивнула:

— После смерти Поглотителя жизни в долине стало безопасно. Когда-нибудь я вернусь сюда. — На лице Чертополох вспыхнула оптимистичная улыбка. — Как думаешь, народ Твердыни сложит об этом легенды?

— У меня нет желания становиться легендой, — сказала Никки.

Им понадобятся сумки с припасами, свежая дорожная одежда и справная обувь. Никки все еще тревожилась, что девочка будет сопровождать их в путешествии, полном неизвестных опасностей, но Чертополох была изворотливой, прыткой, умной и самостоятельной. Преданность и самоотверженность делали ее достойным и ценным спутником.

Никки думала об огромной неисследованной части Древнего мира, его неизведанных городах и культурах... Возможно, их ждут угнетенные люди, поработанные страны или безжалостные правители, которых нужно познакомить с золотой эпохой лорда Рала. С мучительным содроганием она вспомнила яркие образы из сознания Мрра: жгучая боль от магических

символов, выжженных укротителями на ее шкуре, великий город, большой коллизей, главнокомандующий волшебник, кровопролитие...

Великий город... Ильдакар! Слово само пришло к ней, но она не была уверена в нем. Это было название, которое слышала, но не понимала Мрра? Песчаная пума не понимала речь дрессировщиков, только боль, которую те ей причиняли. Ильдакар...

Никки и Чертополох отправились в обеденный зал, где завтракали ученые, готовые погрузиться в очередной день своих поисков. Саймон консультировался с двумя исследователями, сравнивая заметки в старом томе с выцветшими буквами. Натан и Бэннон занимались утренней трапезой, что-то обсуждая.

Увидев Никки, волшебник помахал ей:

— Колдунья, у нас есть необходимое: Мия нашла древние карты, которым три тысячи лет. На них изображена местность в те времена, когда архив укрывал маскировочный саван.

— Наверняка этих дорог уже нет, — сказала Никки. — Армии сметали все на своем пути, королевства расцветали и приходили в упадок. Города превращались в руины, затем отстраивались новые.

Натан пожал плечами:

— Ты права. Но города есть города: обычно их строили на перекрестках дорог, на водных путях, вблизи действующих рудников или плодородных земель. Если тысячи лет назад нашлась причина для основания города, то она, скорее всего, есть и сейчас. — Он потянулся и взъерошил растрепанные волосы Чертополох; девочка усмехнулась и в ответ потрепала белые волосы волшебника, немало озадачив его. Старик рассмеялся и сказал своим товарищам: — Если города, как и страны, сменили название, то все равно их стоит изучить. А еще мне нужно вернуть себе магию.

— Нам всем нужно, чтобы к тебе вернулась магия, — сказала Никки. — Отправляемся как можно скорее. Поглотитель жизни мертв. Я спасла мир, выполнив предсказание ведьмы. Теперь мы идем в Кол Адаир.

Натан едва сдерживал свое нетерпение.

— Верно, верно, моя дорогая колдунья, но что заставляет тебя полагать, что спасти мир требуется лишь единожды?

Бэннон, увлеченный овсяной кашей, смущенно нахмурился.

— Прежде чем мы уйдем, я хочу попрощаться с Одри, Лорел и Сейдж, — сказал юноша. — Мы стали хорошими друзьями.

В лазурных глазах волшебника промелькнул веселый огонек.

— Да, подозреваю, очень хорошими.

Бэннон покраснел.

— Но я не могу их отыскать. Они куда-то запропастились вместе с Викторией.

Никки смутно помнила, что видела женщин глазами Мпра во время ночной охоты, но с тех пор она их не встречала.

— Если успеешь найти их, можешь попрощаться, — сказала колдунья. — Но мы уходим.

Она была как заведенная пружина, ей не терпелось отыскать Кол Адаир для Натана. Она была полна решимости продолжить миссию во имя лорда Рала, посетив другие королевства, провинции, города и поселки, которые должны узнать, что теперь являются частью разросшейся Д'Харианской империи.

В обеденный зал вбежала неприметная девушка. Ее короткие каштановые волосы растрепались, будто она пробежала большое расстояние, а на лбу блестела испарина. Это была Мия, которая часто помогала Натану в поисках нужных томов для противодействия Поглотителю жизни. В этот раз она подбежала к ученому-архивариусу.

— Господин Саймон, что-то случилось в Язве! Я даже не могу описать это, вам стоит пойти и посмотреть. — Она оглядела зал и заметила Натана. — Натан, вы тоже должны это увидеть. Настоящее чудо!

Саймон провел руками по своим спутанным каштановым волосам.

— Что там такое?

Мия повела всех в глубины плато, таратора без умолку:

— Такого точно никто не ожидал! Сейчас сами все увидите через окно алькова. Это поразительно.

Толпа, следовавшая по коридорам за Мией, становилась все больше.

— Где Виктория? — спросил Саймон. — Если это так важно, помнящим тоже стоит посмотреть.

Казалось, он очень старался их разглядеть, но никто не мог вспомнить, где видели наставницу или ее трех послушниц в последний раз. Наконец, они оказались перед отверстием в стене, из которого открывался вид на огромную долину. Обычно они лицезрели разрастающееся запустение Поглотителя жизни, но теперь их взгляды приковало к себе нечто весьма странное.

Никки вышла вперед, не сводя глаз с внезапных кардинальных изменений, произошедших за последнюю ночь.

Возле логова злого волшебника в центре огромной мертвой долины больше не было коричневой пыли, песчаных смерчей и вихрей. Они сменились зеленой дымкой, которая висела над свежей зеленой порослью — бурно разрастающимися джунглями посреди Язвы. Растительность была куда мощнее одинокого дубового побега Первозданного древа.

Все это походило на надвигающуюся зеленую бурю.

Глава 60

Когда магия проникла в Викторию, встряхнула и возродила, женщина обнаружила, что не просто жива — она вспыхнула жизнью, вскипела энергией, хлынувшей по венам горным потоком во время таяния снегов. Ее мускулы шевелились от множества существ, кишаших в них. Каждая капля крови, каждый кусочек кожи, кости, каждый волосок на голове жили своей жизнью. Ей казалось, что тысячи роящихся пчел или термитов подпитывают ее энергией, а бесчисленные пучки растений скрепляют плоть.

Виктория восхищенно вдохнула, и по густому лесу пронесся мощный порыв ветра; листья взметнулись и зашумели, густые ветви закачались, почтительно склонившись... пред ней. Она открыла глаза, и в них хлынули свет, зелень леса и сила земли.

Пролив кровь своих послушниц, Виктория запустила древнее заклинание и высвободила магию, у которой хватило могущества преодолеть смертельный упадок, вызванный Поглотителем жизни. Этот эгоистичный глупец нанес миру невообразимые потери, но теперь Виктория все исправит. Сил для этого у нее было предостаточно. Роланд пребывал в растерянности и потерпел неудачу из-за непонимания могущественных заклинаний, над которыми не потрудился даже поразмыслить.

Виктория все могла исправить — и считала это своим долгом.

Ее драгоценные Одри, Лорел и Сейдж отдали ради этого жизни, но Виктория отдала гораздо больше. Когда пробудившийся лес схватил ее и поглотил ее тело, она не поняла его умыслов. Она отбивалась и кричала от ужаса, полагая, что бурный расцвет жизни вознамерился ее убить. Но нет, все было совсем не так.

Заклинание породило волну буйной, неудержимой жизни, которая восполнит все отнятое Роландом, а Виктория послужила проводником для этой магии. Даже когда лозы обвили ее тело, погрузились в рот, в нос и уши... когда выющиеся растения развели ее ноги и проникли в нее, всплеск магии лишь пытался сделать из Виктории нечто большее: сотворить женщину, наполненную жизненной энергией и способную пробудить весь мир. Она позволила энергии течь, и резвый поток свежей растительности прорвал плотину злых чар Роланда.

Виктория выпрямилась в сердце первозданных джунглей. Вытянув руки, она увидела, что ее кожа пестрит зеленью бесчисленных листьев. Руки ее стали больше и мощнее; пальцы превратились в маленькие ветви. Мускулы были искривлены и переплетены, как стволы деревьев, растущих на ветреном месте. Потянувшись вверх, она ощутила скрип в своих конечностях. Виктория напоминала себе секвойю, возвышающуюся над лесом. Ее зрение разделилось на многочисленные фрагменты, голова закружилась,

словно она смотрела множеством глаз. Она слышала громкое гудение пчел, видела стаи пестрых птиц и ярких бабочек. Цветы распускались как по мановению руки фокусника на свадьбе.

Виктория была воплощением всей этой жизненной энергии, но по-прежнему оставалась собой. Запустив заклинание, принесла жертву и заплатив цену, Виктория стала вместилищем плодородия — зеленого, трепещущего и женственного. Своим телом и душой она порождала повсюду жизнь. Она ощущала рост деревьев и распространение зелени, которая стала ее храброй армией, чье предназначение — завоевать Язву и много больше.

И это только начало ее работы. Она может не только восстановить мир, но и сделать гораздо больше. Зачем останавливаться, зачем ограничивать себя? После нашествий полководцев и их армий, после тысяч лет кровавой истории человечество нанесло природе колоссальный вред.

Заклинание обладало чрезвычайной мощностью, его магия оказалась такой же дикой и непредсказуемой, как и сама жизнь; но для выполнения предстоящей задачи Виктории требовались лейтенанты. И она знала, где их найти.

Ее послушницы уже отдали все, что могли. Они поверили в ее мечту и не подвергали сомнению ее указания. Девушки сохранили свою преданность даже тогда, когда Саймон унизил помнящих и попытался заставить Викторию почувствовать себя бесполезной для работы с архивом Твердыни. Виктория вознаградит Одри, Лорел и Сейдж: благодаря могущественному дару возрождения она могла сделать что угодно.

Виктория простерла свой разум и магию в бурную кипящую армию жизни, поднявшуюся над запустением, и стала обыскивать густой подлесок, бурьян, кустарники и лозы. Наконец, она отыскала затерянные зерна и пробудила их.

Тела Одри, Лорел и Сейдж послужили источником для растительности. Кровь девушек разлилась по линиям, которые Виктория начертила на бесплодной земле, и теперь там были самые толстые корни и лозы, которые все разрастались, укрепляя рисунок заклинания. Тела послушниц послужили не просто удобрением — они стали катализатором.

Виктория нащупала останки девушек и начала их перестраивать, соединять волокна костей, восстанавливать мышцы и воссоздавать плоть из мягкой растительной ткани. Однако она хотела не просто вернуть им прежний облик, а превратить Одри, Лорел и Сейдж в стражей леса. Они будут достаточно сильны, чтобы сразиться с теми, кто неизбежно попытается прервать ее чудесную работу.

Превратив трех девушек в созданий из живого леса, Виктория склонилась над ними и вдохнула в их полуткрытые губы трепет неудержимой силы жизни.

Они очнулись и пришли в движение. Их глаза открылись, показав зеленень радужной оболочки, будто состоявшей из кусочков панцирей жучков-древоточцев. Девушки тяжело дышали. Они раскрыли свои новые губы, обнажив острые белые зубы, и провели по ним розовыми языками. Их спутанные длинные волосы напоминали длиннобородый мох. Девушки вытянули руки, разминая мускулы и любуясь изумительно красивыми телами — идеальными воплощениями женственности, магии жизни, энергии страсти и созидания.

Пробудившись и обрета сознание, послушницы с удивлением взглянули на Викторию и восхитились тем, какой стала их наставница. Виктория не могла видеть своего тела, но ощущала его силу, зловещую красоту и потенциал.

— Виктория, — произнесла Сейдж. Но теперь она была не Сейдж, а одной из трех составляющих воплощения неудержимого заклинания.

— Мать, — подхватили Лорел и Одри.

«Да, — подумала Виктория, — теперь я мать. Мать всего сущего».

— Нам предстоит огромная работа, для выполнения которой у нас есть сила, магия и воля. Первоначально я намеревалась возродить эту долину, вернуть ей плодородие и сделать такой, какой она была когда-то. Теперь я осознала ограниченность своих амбиций. Я получила дар и отныне несу огромную ответственность. На вас, как на мои творения, возложены те же обязанности. — Виктория воззрилась на послушниц. — Благодаря желудю Первозданного древа, у нас есть магия и искра. Настало время воссоздать тот изначальный, первобытный лес — сначала в Язве, затем и дальше, чтобы весь мир снова стал совершенным, таким, каким Создатель впервые узрел его в своих замыслах.

Темно-зеленые губы Виктории изогнулись в улыбке. Три ее прекрасные послушницы кивнули.

— Цветущий и нетронутый мир, — добавила она. — Без скверны человечества.

Глава 61

Саймон преисполнился любопытства и благоговейного страха при виде расширяющегося островка растительности в сердце Язвы. Он торопливо

снарядил из Твердыни очередную экспедицию, чтобы посмотреть, что там произошло. Люди отреагировали со сдержанным оптимизмом. Жизнь возвращалась в великую долину. Старший ученый-архивариус сбился с ног, пытаясь найти Викторину, чтобы предложить ей пойти с ними, но, когда никто так и не нашел главы помнящих, он тяжело вздохнул:

— Мы не можем больше ждать. Давайте взглянем на это чудо.

Группа людей спустилась по стене плато и пошла через бесплодные земли. Чертополох при виде зелени вдали взволнованно затараторила, шагая рядом с Никки:

— А может, это займет не так много времени! Может, долина снова станет зеленой, как я и мечтала, и у меня будет шанс увидеть это при жизни.

— Колдунья дала второй шанс всем вам. — Натан отбросил на спину свои прямые белые волосы, шагая рядом с Бэнноном, который держал руку на навершии меча и делал вид, что готов к опасностям.

Никки взглянула на Натана:

— Я убила злого волшебника, но не приписывай мне это возрождение. Оно — не моих рук дело.

— Возможно, у Первозданного древа еще осталась энергия, которую не смог погубить Поглотитель жизни, — сказал Натан. — Она и могла пробудить природу.

Никки недоверчиво посмотрела на зеленую дымку леса, который захватывал запустение. Даже с такого расстояния она слышала шорох веток, шелест трав и гудение жизни.

— Так быстро растет... — Она нахмурилась, глядя на буйную зелень впереди. — Меня беспокоит то, чего я не понимаю.

Натан вскинул бровь:

— Ты недовольна изобилием жизни, колдунья? Она сменила опустошение, и это хорошо, не так ли?

Она сузила глаза:

— Разве?

Раньше, чем ожидалось, группа достигла края пышных зарослей — словно растительность сама двинулась им навстречу. Воздух был пропитан влагой растений, запахом трав, листьев, пыльцы и приторно-сладким ароматом распускающихся цветов.

Чертополох глазела во все глаза.

— Я никогда не видела ничего подобного.

— Поразительно! — воскликнул Саймон, протягивая руки и будто приветствуя буйные джунгли.

Огромные папоротники разворачивали свои листья; деревья с треском тянулись вверх, достигая немыслимых высот за считанные секунды. Каза-

лось, ход времени ускорился, чтобы позволить лесу нагнать то, что было утрачено из-за Поглотителя жизни.

Ветви тянулись и извивались, с шорохом выпуская бесчисленные веточки и листья. Лозы расплзались во всех направлениях, словно подрагивающие щупальца. Для Никки этот безудержный марш плодородия звучал зловеще, тревожно... и опасно.

Стволы деревьев набухали до безумия быстро, и они стонали от мук слишком мощной жизни. Ветки бились друг о друга, словно стальные клинки. Цветы выбрасывали в воздух пыльцу, плевались семенами, а грибы расшвыривали свои споры. С шепотом и шипением всходили травы.

Группа людей из Твердыни стояла, пораженная зрелищем, а вокруг всходило все больше новой поросли. Травы и бурьян расплзались во все стороны, отвоевая территорию у выжженного запустения. Эти первобытные джунгли разрастались невероятно быстро.

— Пресвятая Мать морей! — Бэннон сначала удивленно улыбался, но вскоре выражение изумления на его лице сменилось беспокойством. — Но не слишком ли быстро?

В воздухе с жужжанием носились пчелы и жуки. Темная туча комаров походила на поднимающуюся волну.

Саймон крикнул в сторону леса, как будто взывал к его сущности:

— Спасибо! Мы благодарны за возвращение жизни!

По деревьям и ветвям прошла рябь, и в косых зеленых тенях промелькнули крупные человеческие фигуры — то были обнаженные стройные девушки с пестрой кожей, которая сливалась с листьями. Ветки и лозы расступились, пропуская трех девушек, и те остановились неподалеку от группы ученых.

Девушки были такими же цветущими, как сам лес: их грудь и бедра были полны жизни, а волосы являли собой путаницу листьев и мха. Они выглядели чуждо, их измененные тела имели больше общего с деревьями, чем с людьми, хотя некоторые черты лица оставались узнаваемыми.

Бэннон ахнул, и на его губах появилась неуверенная улыбка.

— Лорел? Одри? Сейдж?

Когда три фигуры двинулись вперед, за ними поползла и лесная подстилка. Глаза послушниц Виктории сверкали зеленым светом, создания трепетали от силы плодородия, сущности леса и самой жизни. Они источали волнующий и невероятно притягательный запах, как животные в период течки. Даже Натан поддался их присутствию, что уж было говорить про Саймона и остальных мужчин. Воздух насквозь пропитался сексуальным влечением.

Бэннон тяжело дышал, покрывшись испариной и покраснев от страстного желания. На его лице была мучительная тоска.

— Вы ушли, и я не знал, куда, — сказал он. — Я искал вас.
— Мы ждали тебя, Бэннон, — сказала Лорел с грудным смехом.
Две другие девушки вторили ей:
— Мы хотели, чтобы ты был здесь.
— С нами.

Саймон оказался более настойчив. Его рот оскалился от вожделения, глаза заблестели и почти остекленели. Он прорвался вперед, преграждая путь остальным.

— Столько жизни, столько надежд, — сказал он. — Мы хотим вас. Я хочу вас!

— Да, подойди поближе, — зывала Сейдж, пристально глядя на него. — Мы тоже тебя хотим. Мы хотим вас всех.

Бэннон попытался присоединиться к Саймону, но ученый-архивариус оттолкнул соперника и раскинул руки. Он едва осознавал, что делает.

— Вы вернули лес, — воскликнул Саймон. — Вы справились с порчей Поглотителя жизни. Это удивительно!

Три зеленые лесные девушки протянули руки, ободряя его.

— Тут хватит всем, — сказала Одри.

Их мягкие и манящие пальцы внезапно превратились в заостренные деревянные шипы. Ногти изогнулись, став острыми колючками.

Саймон ничего не заметил, опьянев от густого соблазнительного аромата в воздухе. Его веки набрякли, рот расплылся в довольной улыбке. Он даже не успел вскрикнуть, как лесные создания разорвали его на части, пронзив плоть деревянными шипами пальцев и вспоров кожу когтями. Девы полосками срывали с него кожу, будто кору с поваленного дерева. Несколько ученых закричали и кинулись прочь. Другие застонали, словно не веря увиденному.

— Саймон! — завопила Мия.

Никки призвала защитную магию и оттолкнула своих спутников, чтобы они оказались подальше от жадных и смертоносных созданий.

— Лорел, нет! Одри, Сейдж! — в ужасе кричал Бэннон.

Когда лесные чаровницы бросили истерзанный труп Саймона на бесплодную землю за пределами леса, случилось нечто поразительное: его кровь уподобилась магическому эликсиру, мощному животворящему заклинанию. Едва красные капли просочились в мертвую почву, как из нее появились искривленные корни, напоминавшие земляных червей. Зеленая трава и листья устремились ввысь, создав зеленый ковер, повторяющий очертания тела Саймона.

Девы рассмеялись, и их смех походил на шум ветра в густом лесу.

Натан и Бэннон выхватили мечи. Никки осталась на месте, готовая высвободить магию, если порочные создания бросятся на них.

— Остерегайтесь, они могут атаковать откуда угодно.

Но послушницы Виктории не покидали пределов леса.

Даже Никки не ожидала того, что случилось дальше. Сорняки, лозы и колючие заросли ежевики продолжали расти на пролитой крови Саймона, но в зарослях джунглей зашуршали деревья, и молодая поросль расступилась, словно кланяясь могущественному повелителю. Три смертоносные лесные чаровницы почтительно отступили, когда из леса вышло крупное создание: пышная женщина-титан, вместо кожи у которой были кора, листья и мох. На ее обнаженном теле раскачивались громадные груди, необъятная талия переходила в бедра из гигантских дубов, а волосами были лозы и папоротники. На лице ее уже не было и намека на материнскую заботу.

Виктория... По крайней мере, раньше она была Викторией.

Пугающая лесная женщина нависла над людьми из Твердыни, и ее голос напоминал раскаты грома:

— Это мой лес, и вам больше здесь не рады — как и во всем мире. — Она устремила на Никки свои поразительные горящие глаза.

Колдунья с вызовом встретила этот взгляд, не собираясь отступать.

— Ведь я — Госпожа Жизнь! — насмешливо сказала Виктория.

Сучья трещали, листья и ветви набухали, и бурный поток растительности продолжал свой марш.

Глава 62

Никки не привыкла отступать, какими бы ни были обстоятельства, но сумасшедшие джунгли были слишком непредсказуемы — они могли с легкостью разорвать на куски ученых Твердыни, а заодно и Чертополох.

Никки оттащила девочку подальше от бешеного леса. Ученые впали в отчаяние при виде смерти Саймона и чудовищного облика Виктории и ее послушниц.

— Все назад! — закричала колдунья, пытаясь их растормошить.

Натан и Бэннон помогли отогнать людей Твердыни от границы смертоносных джунглей. Некоторых не пришлось особо уговаривать.

Никки свирепо посмотрела на массивную преображенную фигуру Виктории. Зеленое нечто женского пола обладало голодной, бесконтрольной магией, схожей с магией Роланда, — и, как и Роланда, Викторию следовало остановить. Никки подозревала, что для этого понадобится оружие даже более могущественное, чем желудь Первозданного древа.

«А колдунья спасет мир». Вероятно, она еще здесь не закончила.

Пока ученые в панике бежали к подъему на плато, Бэнноном овладело болезненное чувство неверия в то, что девушки сделали с Саймоном.

— Пресвятая Мать морей, они были такими красивыми, такими нежными и добрыми. Я любил их... Они любили меня...

— Они так тебя любили, что захотели твоей крови, — сказала Никки. — И разорвали бы тебя на части, если бы не Саймон.

Бэннон мотнул головой:

— Мы должны их спасти! Они под властью злого заклинания, но я знаю, что у них добрые сердца. Мы можем вернуть их, я уверен.

Никки хмуро взглянула на юношу.

— Ты тешишь себя иллюзиями, Бэннон Фермер. Эти твари уже не те девушки, которых ты знал. И мы просто обязаны их уничтожить.

Бэннон уставился на колдунью, разинув рот:

— Нет! Не может быть! Моя жизнь в кои-то веки стала счастливой, почти идеальной...

Волшебник сжал плечо юноши и понимающе кивнул.

— Иногда внешняя красота только маскирует тьму внутри.

Когда все поднялись по склону и возвратились в скрытый внутри плато архив, Натан устремился к большим залам библиотеки, не желая терять времени.

— Нам опять нужно искать сведения об искаженном, бесконтрольном заклинании, — сказал он, — чтобы противостоять ему.

Никки развернула Чертополох и повела ее в свои покои.

— Я уничтожу ее так же, как Поглотителя жизни.

Девочка повесила голову и шмыгнула носом.

— Я хотела увидеть, как моя долина возродится, но эти джунгли такие же ужасные, как Язва. — Ее голос срывался, она глотала слезы.

— Мы должны искоренить обе угрозы и вернуть долине нормальное состояние. Она не должна жить под пятой злобных властителей, — сказала Никки. — Этого и добивается лорд Рал. — Она коснулась копны кудрей сироты, и та с надеждой посмотрела на колдунью. — Именно поэтому мы здесь.

— Я знаю, — ответила Чертополох.

* * *

Лишившись своих лидеров, отчаявшиеся жители Твердыни обратились за ответами к Натану и Никки. Старый волшебник снова углубился в архивы, поглощая том за томом, свиток за свитком в поисках противодействия темному заклинанию плодородия, которое так небрежно высвободила

«Госпожа Жизнь». Преданная и тихая как мышка Мия была у Натана на подхвате: она с молниеносной скоростью читала документы, водя кончиками пальцев по рукописным строчкам. Она могла ухватить суть текста и отобрать важные книги, которые, по ее мнению, Натану следовало прочесть. Никки решила искать информацию более прямым способом. Поскольку помнящие держали знания в своих умах, она лично допрашивала подчиненных Виктории.

Решительно зайдя в одну из учебных комнат, где помнящие вели уроки, колдунья уперла кулаки в бедра и обратилась к собравшимся:

— Виктория приказала вам искать заклинания плодородия, садоводческую магию и ту, которая используется для возрождения лесов после пожаров. Должно быть, один из вас вспомнил темное заклинание, а ваша наставница воспользовалась им. — Никки прищурилась, выискивая среди помнящих внезапно покрасневших или подозрительно вздрогнувших. — Кто-то из вас указал ей на некий заговор или кровавую магию. Мне нужно знать, что это было.

— Виктория хотела спасти долину и всех нас, — сказал Франклин, моргая совиными глазами. — Она действовала из лучших побуждений. Мы все старались ей помочь.

— Из лучших, говоришь? — Она заморозила всех взглядом хищника, готового к броску. — Вы так и не poznали второе правило волшебника.

Глория, пухленькая и старательная молодая помнящая, нахмурилась. Ее нижняя губа подрагивала.

— Второе правило волшебника? Что это? Оно было в архивах?

— Любой, кто изучает магию, должен его знать. Благие намерения могут привести к плачевным последствиям. Виктория доказала это. Вместо того чтобы терпеливо ждать, пока природа сама восстановит долину, она высвободила много более опасную магию, и теперь все вышло из-под контроля. Своими благими намерениями Виктория может обречь нас всех на гибель, если мы не отыщем способ остановить ее.

Глория с трудом сглотнула.

— Но как отменить то, что она уже сделала?

— Во-первых, мы должны понять, какую магию она задействовала, узнать конкретное заклинание. Кто-то из вас помог его найти?

Помнящие неуверенно заерзали.

— Виктория надеялась, что один из нас извлечет что-то полезное из глубин памяти, — сказал Франклин, — но вариантов было слишком много, и ни одного внятного. Она хотела ускорить возвращение растительности в долину.

— Я вижу, когда мне лгут, — резко сказала Никки.

Помнящие решили, что колдунья использует какие-то редкое заклинание истины, но Никки не нуждалась в этом. Она замечала нервные подергивания, отведенные в сторону глаза, заблестевший на коже пот. Никки повысила голос и потребовала ответа:

— Какое заклинание использовала Виктория? Говорите, какую кровавую магию она призвала, чтобы инициировать этот необузданный рост?

Глория вздрогнула.

— Это древнее заклинание плодородия, способное пробудить землю. Оно было на каком-то непонятном языке, и мы точно не знаем его произношения и толкования.

Никки выпрямилась.

— Значит, она выпустила столь ужасное заклинание, даже не вспомнив, как произносятся слова?

— Она знала, — оправдывался Франклин. — Мы все знали. Помнящие точно передают знания из поколения в поколение.

Никки поднажала:

— По вашим словам, взрывной, убийственный рост, который мы видели в Язве — именно то, чего добивалась Виктория?

Помнящие пребывали в растерянности. Наконец, Франклин набрался мужества ответить:

— Мы помним некоторые заклинания плодородия, но не знаем, как им противодействовать. Очень немногие волшебники древности хотели остановить жизнь, рост и процветание.

— Были некие обратные заклинания, — призналась Глория, — но они потускнели в наших умах и почти стерлись. Детали не принимались во внимание, ведь нашим предшественникам нужно было столь многое запомнить и сохранить.

— Запишите все, что помните, а я изучу эту информацию, — распорядилась Никки.

Глория подошла к пьедесталу, на котором лежала раскрытая книга. Во время своих ежедневных занятий послушники обычно слушали лектора и фиксировали в памяти строчку за строчкой. Сейчас, вместо того, чтобы читать вслух, Глория взяла перо, обмакнула заостренный конец в чернильницу и принялась выцарапывать слова на клочке бумаги. Девушка приостанавливалась и закрывала глаза, вызывая в памяти детали, а затем продолжала писать. Наконец, она положила руку на бумагу.

— Думаю, Виктория использовала это заклинание.

Франклин подошел, чтобы изучить написанное Глорией. Он поставил в одном месте знак препинания и исправил одно слово. Обступившие пьедестал помнящие кивали и корректировали текст. Когда все согласились с точной формулировкой таинственных строчек, они передали бумагу Ник-

ки. Колдунья просмотрела заклинание, но большинство слов казались ей какой-то тарабарщиной.

— Возможно, Натан поймет больше, чем я. — Никки сунула бумагу в карман платья, затем воздела палец и погрозила помнящим: — Переройте все ваши знания и найдите способ исправить причиненный Викторией ущерб.

* * *

Никки стояла в проеме алькова на внешней стороне плато, взирая на истерзанную долину. Сгущался малиновый закат цвета крови жертв Виктории. Колдунья отдала записку с заклинанием Натану. Тот нетерпеливо прочел его и немало обеспокоился.

— Все столь же плачевно, как я и ожидал. Даже хуже. Сила была призвана на языке, который даже старше древнед'харианского. Будет непросто найти достаточно мощное заклинание противодействия.

— Ричард не посылал нас решать простые проблемы, — заметила Никки.

— Разумеется. Я лишь хотел, чтобы ты понимала масштаб проблемы.

Когда багряное золото заката поглотило широкую долину, колдунья сосредоточилась на бурлящем сердце леса — первобытных джунглях нездорового зеленого оттенка.

Бэннон, привлеченный видом, подошел к ней и стал вглядываться в даль с несчастным выражением лица.

— Сначала из мира высасывали жизнь, а теперь невозможно сдержать поток жизни. Как нам с этим бороться?

— Мы найдем способ, — ответила Никки. — И тогда я лично уничтожу женщину, которая зовет себя Госпожой Жизнь.

— Я тоже хочу что-нибудь сделать, — сказал Бэннон. — Вы с Натаном можете изучать книги в поисках решения, потому что понимаете магию и можете прочесть загадочные языки, а я просто жду здесь, чувствуя себя бесполезным. Как и в прошлый раз, когда искали оружие против Поглотителя жизни. — Он разочарованно вздохнул. — Вы признали, что я могу быть полезен, колдунья. Могу я чем-то помочь?

— Помогите фермерам собрать урожай. Позаботьтесь о стадах, поработай в саду, — предложила Никки. — Приобрети новые навыки — например, плотника.

Юноша вспыхнул от гнева.

— Я не это имел в виду! Должен быть способ спасти Одри, Лорел и Сейдж. — Он беспомощно посмотрел на колдунью. — Я полюбил их.

— Они тоже по тебе изголодались. Вспомни, что они сотворили с Саймоном.

Лицо Бэннона ожесточилось.

— Нужно понять, что там происходит, колдунья. Знаете, я и сам могу справиться. Схожу на разведку, вернусь и расскажу, что там увидел.

— Это глупый риск, — возразила Никки.

— Вы уже называли меня глупцом! Я хочу сделать, что задумал, и не пытайтесь меня остановить.

— Я не могу тебе препятствовать, Бэннон Фермер, но, если собираешься подвергнуть себя такому большому и излишнему риску, по крайней мере убедись, что вернешься с ценной информацией.

Он вскинул подбородок, поняв, что Никки больше не намеревается с ним спорить.

— Обязательно.

Задержав на юноше жесткий взгляд, Никки мягко сказала:

— И будь осторожен.

Глава 63

Обилие книг с таким большим количеством знаний обычно поднимало Натану настроение. Тайны и истории из этих мягких потрепанных томов делали сносным его многовековой плен во Дворце Пророков. В огромной библиотеке сестер хранились бесчисленные тома, описывающие магию, которую Натан никогда не использовал, — за это стоило благодарить железный ошейник Рада'Хань, а также сдерживающие заклинания, сети и щиты, которыми был оплетен весь дворец. Тем не менее, чтение легенд, исторических отчетов и даже народных сказок приносило радость в его утомительное существование.

Когда лорд Рал вызвал перемещение звезд, все книги пророчеств стали бесполезными и неактуальными. Ричард предложил Натану сохранить одну небольшую библиотеку для собственного развлечения или из чувства ностальгии, но волшебник решил, что хочет не хоронить себя в старых архивах, а жить своей жизнью и писать собственную историю. Именно так он и поступил.

Старик похлопал по таинственной книге жизни в кожаном переплете, которую дала ему ведьма. Теперь у него был другой предмет для чтения. Жизненно важного чтения. Он устало вздохнул, когда услужливая Мия принесла ему новую стопку книг.

— Я понятия не имею, что в них, волшебник Рал, но они кажутся очень интересными, — сказала Мия, показывая старику тома в случайном порядке. Многие были влажными, потрепанными или порванными. — Мы отыщем в архиве способ остановить Викторию. У Твердыни на все есть ответ, надо только поискать.

Натан усмехнулся:

— Ты полагаешь, что древние волшебники времен Бараха и Мерритта знали абсолютно все?

Трудолюбивая девушка наморщила лоб, словно Натан подверг сомнению смысл ее существования.

— Ну конечно! Это же Твердыня. Все знания сохранены здесь. Абсолютно все.

Натан провел двумя пальцами по подбородку, окинув девушку снисходительным взглядом.

— Я рад, что у тебя такая вера в древних.

Мия кивнула:

— Они были много могущественнее, чем кто-либо из ныне живущих.

— Но почему они потерпели неудачу, если владели всеми этими знаниями?

Девушка строго посмотрела на Натана.

— Если знание существует, это не значит, что люди знают, как его использовать. Вот почему.

— Хотелось бы мне иметь такую же уверенность, юная леди.

Натан открыл обложку выбранной им книги и нахмурился при виде разбухших волнистых страниц — словно когда-то они пропитались водой и не были просушены как следует. Некоторые страницы были порваны, чернила размылись и стали нечитаемыми. Он смахнул толстый слой пыли с обложки следующей книги.

— Откуда взялись эти тома? Ты выкопала их из ямы?

Мия выглядела смущенной.

— После того как колдунья открыла запечатанное хранилище под поврежденной башней, наши рабочие кирками и долотами пробили проход в другие, ранее недоступные помещения. Некоторые книги частично впились в стены, другие были завалены обломками. Никто еще в них не заглядывал, но я хотела, чтобы вы непременно их увидели. Вдруг они окажутся важными.

Натан взял третью книгу и попытался разобрать символы, вытесненные на обложке.

— Я думал, в поврежденной башне только книги пророчеств. Сомневаюсь, что они как-то помогут.

— Нет, секции пророчеств находились на верхних этажах. В последние дни строительства Твердыни волшебники древности, которых преследовали силы императора Сулакана, лихорадочно пытались все закончить. Нижние хранилища были заполнены в последние минуты. Никто не видел этих книг — кроме вас, волшебник Рал.

— Тогда я в восторге от такой возможности, моя дорогая. — Он хлопал по свободному стулу рядом с собой. — Поможешь изучить их? У меня только два глаза, но вместе мы сможем читать вдвое быстрее.

Мия просияла.

— С удовольствием. — Она села рядом, выбрала книгу наугад и начала продираться сквозь дебри размытых и выцветших букв.

* * *

В глубине возрождающегося леса, который был ее сердцем, ее душой, Виктория чувствовала пульсирующую магию пробуждающейся жизни... и новую жизнь, поднимающуюся благодаря ей из бесплодной земли. Измученная Язва причиняла столько же боли, как и мертворожденный малыш, которого они так хотели с Бертрамом.

Но, в отличие от ее кровавых и болезненных выкидышей, у Виктории теперь была сила, которой она всегда стремилась обладать: способность женщины создавать и возвращать жизнь.

Доказательством служили сотворенные ею джунгли. Лес, словно в дикой панике, распространялся все дальше, но Виктория не хотела его контролировать. Вовсе нет. Она желала, чтобы тот заполнил всю долину, пересек горы и захлестнул весь континент, — нетронутый, первозданный и неукротимый.

Жизнь восторжествует над смертью. Ее непревзойденная победа перечеркнет все попытки остановить ее. Победа... Таково было значение ее имени. Она — Виктория. Она — Госпожа Жизнь. В ней теперь есть сила, способная соперничать с самим Создателем.

Пока она размышляла над своей новой ролью, заросли поднимались и обвивали ее тело. Колючие лозы и цветы источали пьянящий, гипнотический аромат. Деревья росли так быстро, что разбухали, трескались и падали на землю. В расколотых стволах селились черви, личинки жуков, плесень и грибы; они превращали упавшее дерево в перегной, который становился удобрением для большей жизни.

И для еще большей жизни.

Ее послушницы, которые обладали той же энергией животворящего плодородия, разбрелись по первобытным джунглям. Теперь они стали про-

водницами для вновь пробужденной жизни: возвращали деревья, насекомых, птиц... Виктория позаботится о том, чтобы мир вновь стал неиспорченным.

Госпожа Жизнь уже не хотела просто вернуть долине ее прежний облик, чтобы та вновь была порабощена стадами и размечена под пашни. Теперь Виктория поняла, какова ее истинная роль в мире. Женщину вели к этому все поколения помнящих и сохраненные ими древние знания. Виктория не могла довольствоваться напоминанием ради запоминания; она должна была найти те могущественные заклинания, карты магии, которые позволят ей выполнить все необходимое.

Ее необычное тело продолжало развиваться, щупальца леса захватывали бесплодную территорию, а ее разум отпирал все больше из того, что она помнила. Виктория обнаружила эзотерическую и смертельную магию, которую теперь могла использовать.

Волшебник Натан и колдунья Никки искали способ уничтожить Поглотителя жизни, и она не сомневалась, что эти двое преисполнятся решимости устранить и ее — но Виктория не потерпит этого. Чувствуя силу жизни и силу Создателя, она знала, что сильнее любой магии, которую могут применить против нее два неприятеля.

Тем не менее, их способности не стоило недооценивать.

Никки утверждала, что убила порочного Поглотителя жизни, но Виктория знала, что эту победу принес желудь Первозданного древа. Колдунья обладала могуществом, а Виктория не хотела, чтобы ее священной работе помешали. Она считала Никки надоедливой мошкой, которая лезет, куда не следует. Натан Рал, несмотря на свои минимальные магические способности — возможно даже мнимые, — обладал большими знаниями и опытом. Значит, он тоже опасен. Что-то было в этом человеке, и Виктория не собиралась проявлять к нему снисходительность.

Их обоих нужно остановить.

Густые кустарники, деревья, лозы и грибы всходили вокруг нее, словно из бурлящего жизненного источника. Жужжание бесчисленных мух, пчел и жуков убаюкивало, как колыбельная. По мере того как раскрывалась ее мудрость и сила, Виктория вспоминала забытые приемы и заговоры, которые древние волшебники укрыли маскировочным саваном, а помнящие хранили в памяти тысячелетиями.

Из этих знаний Виктория почерпнула, как создать оружие против Натана и Никки, — возможно, силы этого оружия хватит, чтобы разрушить Твердыню, камень за камнем. Чтобы привести в действие эту магию, Виктории даже не нужно было двигаться: она сама являлась лесом, все смешалось в ней — листья и ветки, крылья насекомых и трепет птиц. Все принадлежало ей и было ее частью.

Она выпустила магию, чтобы создать своего эмиссара, ассасина, воплощение первобытной силы джунглей: шаксиса. Существо из кусочков и плодов леса.

Посредством разума и магии Виктория соединила упавшие ветки и хворост, чтобы те послужили костями и каркасом шаксиса. Она переплела их, выстроив деревянный скелет, и молниеносно обернула каркас стеблями трав, сухими листьями, лесной подстилкой и колючими веточками. Грибы раздулись и стали мускулами создания.

Виктория призвала армию червей, жуков, личинок и других ползучих тварей, чтобы они наполнили тело существа. К тому времени, когда волшебное творение расправило руки и сделало пробные шаги, все его тело просто кишело жизнью.

Два перламутровых жука, каждый размером с кулак, подбежали по лесной подстилке и поползли по телу создания. Круглая голова шаксиса была соткана из гибких и упругих веток ивы, покрыта корой и сухими травами. Там, где должно было находиться лицо, образовались две полости, жуки подползли к голове и устроились в этих гнездах, чтобы стать подобием глаз. Расщепленная ветка в нижней части лица образовала разрез рта. Шаксис клацнул челюстями и пожевал, притирая шипы зубов.

Бледно-зеленые лозы обвилились вокруг его ног, извиваясь и вплетаясь в плоть, словно наполненные соком кровеносные сосуды. Шаксис закрипел, сделал шаг вперед, сжал и расправил свои острые пальцы-веточки. Два жука в его глазницах таращились злобным фасеточным взглядом.

Созданный из самих джунглей шаксис стал марионеткой Виктории, ее суррогатом, убийцей, бездушной тварью, — и продолжением первозданного леса.

Виктория расплылась в теплой приветственной улыбке — улыбке матери. Она погладила неровную грудь существа, ощутив помещенную в него жизнь. Новое, сотворенное ею дитя. В его пустой разум она вложила детали задания — образы светловолосой колдуньи и напыщенного старого волшебника с прямыми белыми волосами.

— Найди и уничтожь их, — напутствовала Виктория. — Ступай с моим благословением.

Оживший каркас развернулся и, поскрипывая хрупкими конечностями, направился через лес к Твердыне.

Глава 64

Бэннон шел сквозь сумерки, ощущая себя смелым и отважным. После всех выпавших на его долю испытаний он больше не скрывался от своего прошлого и не делал вид, что этих темных воспоминаний не существует. Теперь он не просто Бэннон, сын злобного человека, что упивался слепой жестокостью, издевался над своей семьей, утопил беспомощных котят и до смерти избил свою жену. Нет, теперь неважно, каким был отец Бэннона.

Юноша самоуверенно шел при свете луны по мертвым предгорьям. Хотя травы и низкорослые деревья по-прежнему были сухими и ломкими, Бэннон больше не ощущал яда Поглотителя жизни. Местность походила на обычную землю после долгой зимы: не мертвая, а спящая в ожидании весеннего пробуждения.

Теперь, после победы над злым волшебником, прорастут семена, поднимутся всходы, вырастут луга и леса.

Но Виктория была слишком нетерпелива. С болезненным ощущением внизу живота Бэннон думал о вреде, который нанесло ее необузданное заклинание плодородия. Вместо того чтобы позволить Язве неспешно пробудиться, Виктория плеснула ледяной водой в лицо тяжелобольного.

Стиснув зубы, юноша брел к границе расширявшихся джунглей. Бэннон остановился передохнуть возле освещенного лунным светом валуна и достал бурдюк, чтобы попить, вслушиваясь в бескрайнюю звездную тьму.

Он ощущал вибрирующую силу разрастающегося леса и слышал неутихающее потрескивание деформируемых ветвей, растущих стволов, извивающихся лоз, а также шелест листьев. Сочетание этих звуков казалось недобрый смехом.

По его спине пробежал озноб. Он знал, что Одри, Лорел и Сейдж, искаженные бесконтрольной магией Виктории, находятся где-то в гуще дикой растительности. Его сердце болело за них, он вспоминал их прикосновения, поцелуи и смех. Юноша улыбнулся, подумав о теплом дыхании возле уха, о том, как любил гладить волосы девушек, касаться их тел. Они не могли его покинуть! Такие прекрасные, чудесные, нежные...

Он подавил тошноту, подступившую при мысли о том, что они сделали с Саймоном. Если бы ученый-архивариус не оттолкнул Бэннона в своем стремлении вырваться вперед, то юношу разорвали бы на кусочки, а его кровью оросили бы почву, чтобы породить еще больше ужасной магии. Бэннон крепко прижал к глазам костяшки пальцев, желая, чтобы эти воспоминания оказались просто дурным сном... но они были реальны, как убийство его матери и похищение Яна работоторговцами. Он не мог притворяться, что когда-нибудь эти воспоминания уйдут.

Волосы на затылке Бэннона зашевелились, и он отошел от валуна, настороженно пригнувшись. Юноша повернулся, задрал голову и увидел Мрра, сидевшую на выступе скалы — в лунном свете ее шерсть казалась песчаным золотом. Большая кошка громко рыкнула, но Бэннон не испугался. Песчаная пума знала его, возможно, даже понимала, что именно он попросил Никки не убивать ее и исцелить раны.

Мрра просто сидела и смотрела в ночь. Разглядывая мощное рыжеватое тело и уродливые клейма на шкуре, Бэннон больше не вспоминал беспомощных утонувших котят. Он радовался, что спас зверя — и тем самым спас частицу себя. Хрупкие мертвые котята олицетворяли горе и вину. Судия обнаружил в разуме Бэннона эти мучительные переживания и вытащил на свет, чтобы они стали его проклятием.

Сбежав с Кирии, юноша не только искал приключений, но и хотел сохранить самого себя. Присоединившись к Натану и Никки, он обрел все, о чем мечтал — не просто захватывающие приключения, но дружбу, признание и внутреннюю силу.

Бэннон понял, что обманывал себя иллюзией идеальной жизни. Оказавшись в реальном мире, он обнаружил нечто большее. Ему врезался в память взгляд Никки, полный уважения и признательности — так она посмотрела после того, как он помог ей убить Поглотителя жизни. Он рисковал своей жизнью, отдавая себя целиком, и вместе они победили. Бэннон думал, что его жизнь не может стать лучше, чем в тот момент. Подобные мысли облегчали тяжкие воспоминания о плохих событиях.

Взмахнув хвостом, Мрра лунной тенью исчезла в ночи. Сделав еще глоток, Бэннон пошел дальше. Он упрямо надеялся, что сможет спасти юных послушниц, захвативших его сердце, хотя и боялся, что уже слишком поздно.

* * *

Луна села, и ночь затаила дыхание в ожидании рассвета.

Бэннон добрался до края неудержимых джунглей и смотрел на резкую границу: с одной стороны было запустение, а с другой — буйство зелени. Он чувствовал запах листьев и древесной смолы, могучий аромат дикой природы. Вскинув меч, Бэннон встал перед первобытным лесом, надеясь, что не придется заходить вглубь. Подергивающиеся ветви и искривленные дрожжащие лианы тревожили его, но он держался храбро. Сделав глубокий вдох, юноша сказал:

— Я пришел за вами! — Он хотел крикнуть, но получился лишь шепот. Его голос надломился.

Побеги ползли и извивались. Зрачки Бэннона расширились от страха, когда в свете звезд он заметил движение. Послышался шорох, который исходил не от бесено растущих растений. Они его услышали.

Прекрасные женские фигуры скользили между стволами, ветвями и волнистыми лозами. Их пестрая кожа сливалась с растениями, но Бэннон все равно разглядел такие знакомые тела.

— Я пришел спасти вас, — сказал Бэннон.

Хотя внешность девушек сильно изменилась, он узнал их. Его дыхание отдавало жаром, пульс ускорился. Он видел, что могли сотворить эти лесные чаровницы, и знал, что они монстры... но все же страстно желал их. Воздух словно загустел от их головокружительного запаха.

— Пойдемте со мной, — умолял юноша. — Мы можем вернуться в Твердыню. Найдем заклинание, чтобы вновь сделать вас нормальными. Разве вы не хотите быть со мной?

Девушки засмеялись в унисон, и от их смеха задрожали все ветки в округе.

— Не глупи, — сказала существо, бывшее Сейдж. — Мы теперь нечто большее. Почему бы тебе не пойти с нами? Подумай, какое наслаждение мы доставим тебе с нашими новыми способностями.

Бэннон едва мог дышать, его зрение затуманилось. Девушки казались гораздо прекраснее, чем в воспоминаниях, прекраснее любой женщины, которую он мог себе вообразить. Что-то было в их запахе...

Вокруг лесных чаровниц внезапно выросли цветы, и он с содроганием узнал яркие фиолетово-малиновые бутоны. Гибельные цветы! От аромата закружилась голова, и в глубине разума Бэннон знал, что Никки ошибается насчет этих цветов — ведь это был самый прекрасный, самый восхитительный яд в мире! Юноша невольно сделал шаг вперед. Три девушки протянули свои изумрудные руки, создавая туман привлекательных ароматов. Прекрасные смертельные цветы расцветали вокруг них.

Глаза Бэннона наполнились слезами от того, как страстно он желал девушек. Он помнил, какие они восхитительные, ласковые и заботливые, какими казались невинными, хотя любовью занимались умело.

— Мы можем быть вместе, — произнес юноша, — если вы просто...

— Да, мы можем быть вместе, — прервала его Лорел. — Всегда.

— Мы хотим тебя сильнее, чем когда-либо, — сказала Одри. — Мы еще более плодородны и полны желания.

— Мы можем быть всем, чем ты хочешь, — добавила Сейдж. — А ты дашь все, что нам нужно.

Они простерли руки, их груди манили его. Темно-зеленые соски были похожи на цветочные бутоны, Бэннон жаждал их. Он собирался побороться

за них, вернуть их. Меч в его руке казался скользким. Ладони так вспотели, что он едва удерживал оплетенную кожей рукоять.

— Иди к нам, Бэннон, — манила Лорел.

Другие две вторили ей.

Не в силах сопротивляться, он поддался и двинулся к джунглям.

В него с рычанием врезался ком шерсти. Песчаная пума сбила юношу с ног и повалила на землю подальше от порочных лесных девушек.

Прекрасные создания зарывали, раскрыв рты, полные длинных деревянных клыков. Они протягивали руки с крепкими мышцами и сухожилиями из перевитых лоз, тянули к нему пальцы, оканчивающиеся острыми шипами. Безупречно гладкая зеленая кожа их рук покрылась смертоносными колючками, с которых закапал молочный яд.

Хватая ртом воздух, Бэннон перекатился по земле. Чары разбились. Мрра отпрыгнула, затем развернулась и зарывала. Лесные чаровницы распростерли свои шипастые объятия, намереваясь схватить Бэннона, пока он не ушел далеко.

Юноша инстинктивно взмахнул Крепышом, отрубив Одри руку. Конечность упала на землю, дернулась, вытянулась и пустила корни в почву, по-прежнему пытаясь нащупать свою жертву.

Одри взвыла и вскинула культю. Из обрубка выросла новая рука — переплетение лоз, мышц и кровеносных сосудов.

Бэннон ринулся на них, нанес мечом боковой удар, потом рубанул вверх и вниз. Он рассекал женские фигуры, но вместо красной крови они истекали зеленым соком.

— Я хотел спасти вас, — крикнул он.

Троица лишь смеялась, принимая новые искаженные формы с дополнительными ветвеподобными руками, растущими из плеч и туловищ. Волосы созданий превратились в дикий клубок прядей болотного цвета.

Песчаная пума пяtilась, рыча на Бэннона. Он отступил на свободную каменистую землю, куда пока не могли ступить воплощения леса. Они смотрели на него из своего зеленого убежища. Бэннон отвел взгляд и всхлипнул. По щекам текли слезы.

— Я думал, что любил вас.

— Мы еще тебя получим, — хриплые голоса девушек напоминали звук сгорающих в огне листьев. — Ты будешь нашим навеки.

Глава 65

Широкая улыбка на лице Натана моментально насторожила Никки.

— Мне известно, где найти ответ, колдунья!

Старый волшебник остановил ее в коридоре, когда она направлялась в свои покои, где уже спала Чертополох.

Она позволила себе мгновение надежды.

— Ты абсолютно уверен в этом заклинании?

Улыбка Натана угасла.

— «Уверенность» — слишком избитое слово, как по мне. Я настроен оптимистично, и давай остановимся на этом. Вот, глянь. — Он положил на скамью увесистый том, открыл нужную страницу и показал пальцем строчку древнего текста. — Лишь подсказка, но о лучшем мы и мечтать не могли. Ты уже дала мне текст и рисунок заклинания, которое, по мнению помнящих, использовала Виктория, и это определило конкретные параметры контрзаклинания или оружия. Мы знали суть того, с чем сражаемся, но не знали, как биться. — Он постучал по покрытой пятнами странице, где плотный почерк сливался из-за размытых чернил. — Тут указано, где искать ответ: это список других книг, которые могут пролить свет и на Поглотителя жизни.

— Он больше не проблема, — напомнила Никки. — Я убила его.

— Да-да, но подумай, как они связаны. Заклинание Роланда слишком много вытянуло из мира, а теперь Виктория слишком многое восстанавливает. Все дело в контроле, в нахождении способа регулирования потока голодной магии, способности отдавать и принимать.

— Как клапан, — сказала Никки и неосознанно прикусила нижнюю губу. — Роланд сказал, что своим заклинанием он открыл путь для магии, но поток был слишком сильным, и он не мог себя сдерживать.

— И Виктория тоже не может, — продолжил Натан. — И Роланд, и Виктория послужили проводниками магии. Когда ты уничтожила Поглотителя жизни, ты перекрыла поток смерти. Теперь мы должны уничтожить Викторию и остановить поток в обратном направлении.

— Согласна, — сказала Никки.

Она подняла глаза, когда мимо них, торопясь к ужину, прошли трое ученых. Неподалеку прогуливался мужчина средних лет, читая на ходу открытую книгу. Никки продолжила:

— Мне просто нужно знать, как это сделать.

Натан снова указал на покрытые пятнами страницы:

— Этот список отсылает нас к книгам, которые нужно отыскать, и у меня есть причина полагать, что они погребены в хранилище под повре-

жденной башней, где были скрыты и другие редкие тома. Сейчас очень поздно, но мы можем попытаться раскопать их завтра.

— Ты знаешь, где искать? — спросила Никки, думая о неисследованном лабиринте разрушенных комнат и подземных переходов. — Конкретное место?

Натан улыбнулся.

— Мия знает.

* * *

Шаксис, даже покинув дикие дебри первобытных джунглей, все еще чувствовал силу Госпожи Жизнь, отправившей его на задание. Создание ступало по пустынной земле своими конечностями из скрученных лоз и листьев. Движущей силой были черви, пауки и насекомые. Шаксис непрерывно черпал энергию издалека.

Монстр продолжал свое ночное шествие через пустынную Язву. Когда он пробирался по сухим и острым камням, частички его тела отваливались, но, достигнув предгорий, шаксис восполнил утраченное растительным материалом — жестким кустарником и спутанной травой. Мертвая растительность снова оживала, взбиралась по его телу и укрепляла его конечности, облекая остов в подобие dospexов.

Наконец, в темный предрассветный час, существо оказалось перед отвесной скалой плато. Шаксис знал, что две его жертвы находятся наверху, внутри скрытого алькова.

Поскольку Виктория знала все о Твердыне, шаксис вспомнил, как подняться по этой отвесной скале, используя тайные опоры еле заметной тропы. Голем, слепленный из веток и лоз, задрал свою пустую голову и установился на скалу глазами из живых жуков. Ловкий человек мог подняться по тропе к уступу-капюшону, но шаксис не нуждался в ловкости — у него были другие способности. Существо вытянуло ветки из рук и коснулось ими камня. С всплеском пульсирующей жизни его пальцы стали удлиняться. Щупальца лозы потянулись вверх и впились в скалу, как цепкие корни дерева, растущего на ветру. Шаксис протянул вверх другую ветвистую руку, хлопнул ладонью по поверхности и впился в нее корнями. Деревянные мышцы вздулись и застонали. Паразиты в пустотах тела закопошились быстрее, прибавляя энергии.

Шаксис поднимался. Деревянные ступни находили выемки в скале и закреплялись там, пока щупальца тянулись из руки. Потрескивая и вытягиваясь, существо поднималось все выше. Насекомые и личинки издавали гудение и жужжание, тонувшее в ночном безмолвии.

Шаксис добрался до верха и огляделся скарабеями-глазами. Среди сухих листьев, что наполняли его голову, места для мыслей оставалось немного, но вполне хватало для отчетливых образов Никки и Натана.

Его целей.

* * *

Крики пробудили Никки от глубокого сна, и она скатилась со своего тюфяка, готовая к битве. К счастью, сегодня ее сны не переплелись с разумом песчаной пумы; в противном случае она не смогла бы вырваться столь быстро.

Чертополох вскочила со своей теплой овчины на полу и отодвинула в сторону занавесь на двери. В коридоре, беспорядочно заставленном полками с книгами, раздались новые крики. Даже возле спален ученых стояли стеллажи, заполненные ветхими томами, стопками свитков, сложенными пергаментами и документами, которые ученики вытащили для чтения, но еще не успели расставить по местам.

Натан Рал, который утомился исследованиями и собирался перерыть подземные хранилища следующим утром, появился в смятой пижаме. Волшебник нащупал свой богато украшенный меч и извлек его из ножен, готовый сражаться, но не обнаружил источник крика. Никки подошла к нему, и тогда они увидели идущее на них создание — воина нечеловеческого происхождения, сделанного из зарослей ежевики, прутьев и спутанных веток терновника. Монстр шагал вперед на потрескивающих конечностях, распространяя жужжание.

Один несчастный ученый вышел из своей комнаты в момент, когда голем проходил мимо. Реагируя на возможную цель, монстр атаковал. В одно мгновение его рука обросла длинными колючими шипами, изогнулась, обхватив парнишку, и пронзила того насквозь; рот бедняги раскрылся от изумления, он судорожно втянул воздух, а потом, когда длинные деревянные шипы достигли его органов, изо рта хлынула кровь. Хищное существо отбросило мертвого человека в сторону.

Ученые в ужасе закричали; одни застыли на месте, другие же бросились наутек.

Чертополох прижалась к Никки.

— Что это за монстр?

— Полагаю, это шаксис, — сказал Натан. — Сделан из бурелома и подлеска.

— Чего он хочет? — воскликнул один из ученых, потрясенный видом окровавленного подрагивающего тела своего товарища.

Шаксис продолжал идти вперед. Гул вокруг него стал громче.

Никки знала ответ.

— Виктория послала эту тварь. Он хочет нас.

Два блестящих жука в глазницах существа повернулись на голос Никки. Увидев ее, шаксис оживился и бросился к ним по коридору.

Повернувшись к врагу лицом, Никки оттолкнула сироту за спину. Натан вскинул меч, а испуганные ученые попрятались в свои комнаты.

Шаксис шел на них, раскинув руки, похожие на дикорастущие лозы. Все его тело кишело маленькими жучками и личинками. Ожившее лесное существо направлялось прямо к Натану и Никки.

Волшебник рубанул шаксиса мечом, будто дровосек, расчищающий заросли молодняка. Деревянная рука голема с треском раскололась и упала на каменный пол. Насекомые и черви вывалились наружу брызгами неестественной, разлагающейся крови. Шаксис отдернул обрубок, и из культи полезли веточки, лозы и травы, образуя новую конечность.

Натан срубил другую руку, орудуя мечом, будто топором, но на этот раз шаксис выбрал более быстрый способ: отсеченная растительность протянула щупальца и встала на место.

— Тут требуется кое-что помощнее меча, волшебник. — Никки подняла руку и послала в монстра ударную волну воздуха, но тот не двинулся с места, ухватившись за стены своими руками-ветками.

Голем был пустотелым, сплетенным из прутьев, и ветер просвистел сквозь него, лишь слегка задев. На пол просыпалось еще немного жуков.

— Я не могу выпустить здесь ни черную молнию, ни огонь волшебника, — сказала Никки. — Это уничтожит все книги и людей, запертых в коридоре.

Шаксис бросился вперед, выставив перед собой колючие ладони. Натан, зарывав от усилия, снова взмахнул мечом.

— Здесь маловато места, чтобы сражаться клинком.

Никки послала в монстра еще один кулак из воздуха. Существо пошатнулось. С полок, хлопая страницами, попадали книги. Шаксис протянул спутанные конечности и схватил другого ученого, пытавшегося ускользнуть в безопасное место. Лозы и шипы обвили молодого человека, сломали шею, а затем, словно мусор, отбросили тело на стену, обвалив целую полку с книгами.

Пытаясь контролировать масштабы разрушений, Никки призвала разряд молнии, который ударил в толстую левую ногу голема и раздробил ее. Пошатнувшийся монстр тлел и дымился, но сумел отрастить новую конечность.

Никки и Натан стояли плечом к плечу, словно живая баррикада. Они не позволят монстру проскочить — но он и не собирался этого делать. Он

хотел убить их. Теряя сучья, сухие листья и жужжащих голодных насекомых, голем не уступал воздушным кулакам Никки. Натан без усталости рубил мечом, рассекая подступающие ветви.

— Я раздобуду факел, чтобы поджечь этого монстра, — крикнула из-за спины колдуньи Чертополох и помчалась прочь.

Убежать далеко она не успела. Шаксис среагировал на движение, выпустив длинный хлыст из своей терновой руки. Магия Никки отталкивала тело твари, но смертоносная конечность дотянулась Чертополох, острые пальцы пронзили тонкую ногу девочки, побежала кровь. Сирота брыкалась, пытаясь вырваться.

В Никки вскипела ярость. Она уже не колебалась и не осторожничала. Монстра надо было остановить, и колдунья призвала шар огня — обычного пламени, поскольку огонь волшебника мог привести к катастрофе — и швырнула пламя в шаксиса.

Огонь тут же охватил его туловище и поджег скелет из гнутых веток и высушенных растений. Поджаренные насекомые лопались, если не успевали разбежаться. Черви, шипя от жара, вылезали наружу. Шаксис горел, но упорно продолжал брести вперед, протягивая свои пылающие руки к Никки.

Колдунья ударом плотного воздуха впечатала в стену живое inferно. Части лесного голема отвалились и обуглились, но продолжали дергаться, пытаясь зацепиться хоть за какую-нибудь жертву.

Существо превратилось в горящие обломки и умерло. Но угольки уже рассыпались по стопкам книг и сложенных свитков. Из-за скорости атаки и порыва воздуха, выпущенного колдуньей, тома быстро воспламенились, их страницы сморщились и почернели. Огонь бушевал на полках, перекидываясь с одной на другую, воспламеняя тканевые двери покоев.

Чертополох, забыв о кровотокающей ноге, побежала к ним с Никки комнате, сдернула занавесь и стала тушить огонь. Натан делал то же самое, зовя ученых на помощь, и вскоре все боролись с пожаром.

Никки выпустила больше магии, призвав ветер и влагу в попытке погасить бушующее пламя. Колдунья отнимала воздух у огня, заставляя его голодать, пока тот не превращался в тление.

Из других комнат и коридоров выскочили ученые. Они присоединились к борьбе с огнем, не давая тому проникнуть в крупные библиотеки и книгохранилища Твердыни.

Кто-то ахал при виде убитых товарищей, прекращая борьбу с коварным пламенем, но другие, тяжело сглотнув, встречали угрозу лицом к лицу и бросали силы на спасение древних книг, свитков и самой библиотеки.

Какая-то женщина, всхлипывая и еле сдерживая плач, опустилась на колени у изломанного тела первого ученого. Она поправила его тело, голо-

ву, и принялась собирать раскиданные окровавленные книги, упавшие с расколотой полки.

Когда огонь оказался под их контролем, Никки обратила внимание на Чертополох и увидела, что ее бедро сильно кровоточит. Не спрашивая, колдунья крепко прижала ладони к глубокой ране и выпустила магию, снимая боль и исцеляя девочку.

Чертополох облегченно рассмеялась.

— Я знала, что ты спасешь меня.

Волшебник покачал головой. Его лицо было измазано сажей. Он вытащил из белых волос извивающуюся личинку жука и раздавил ее пальцами.

Когда суматоха стихла, в Твердыню вернулся Бэннон, запыхавшийся, растрепанный и уставший от доставшихся ему испытаний. Глаза юноши сияли от волнения, когда он пробирался через переполненный народом коридор.

— Я только что вернулся. Пресвятая Мать морей, вы не поверите, какая мне выпала ночка! — Он провел руками по растрепанным рыжим волосам и, наконец, заметил разрушения и беспорядок вокруг. — Ох! Что тут произошло?

Глава 66

Нападение шаксиса ясно продемонстрировало жестокость намерений Виктории. На следующее утро Никки, Натан и Мия шли по тоннелям под поврежденной башней пророчеств. Колдунья, странно улыбаясь, удовлетворенно кивнула:

— Значит, она нас боится.

— Ей и следует, моя дорогая колдунья, — сказал Натан. — Однако мне будет спокойнее, если мы найдем в книгах способ уничтожить ее.

— Это здесь, — сказала Мия, которая вела их по извилистым тесным тоннелям.

Спустившись в пыльный склеп с угрожающе просевшим потолком, Мия провела Никки и Натана в маленькую комнату, каменные стены которой растаяли, словно воск свечи, стоявшей на стопке книг. С решительным выражением лица невзрачная исследовательница указала на толстую книгу, частично вплавленную в скалу:

— Вот она! — Мия не скрывала восторга. — Видите корешок? Это именно та книга, которую мы ищем. Она была в списке.

Никки коснулась книги и ощутила ее исключительную древность.

— Страницы будет трудно прочитать, — сказала она, — бумага стала частью стены.

Натан потянул за корешок, но не смог вырвать книгу из хватки камня. Он посмотрел на Никки:

— У Мии есть небольшие задатки дара, я бы даже порекомендовал ей немного практики. Собственно, при обычных обстоятельствах я мог бы сделать это сам. — Волшебник нахмурился, глядя на фолиант. — Но эта книга крайне важна, колдунья. Поскольку только у тебя есть должный контроль над магией, я прошу тебя поработать с камнем и высвободить этот том.

— Согласна. Это не тот случай, когда можно забавляться.

Никки провела пальцами по обложке, коснулась места, где страницы сливались с камнем, и выпустила магию. Небольшой поток оттеснил камень, но не отделил бумагу и кожаную обложку от породы. Она сконцентрировалась сильнее, работая над разъединением сросшихся элементов.

— Эту связь нелегко разорвать.

— Тебя никогда не смущали трудности, — заметил Натан. — Ты сможешь.

— Смогу. Но не идеально.

Колдунья по крупичам сдвигала камень, освобождая зажатые страницы, но некоторые волокна бумаги оставались в стене. Наконец, она извлекла поврежденную книгу из каменной тюрьмы. Некоторые страницы были ломкими и припудренными, будто книгу читал небрежный каменщик, руки которого были испачканы строительным раствором. Натан забрал книгу и стал изучать ее в мерцающем свете магического огонька. Мия в нетерпении заглядывала через его плечо.

— Вот оно. Заклинание глубокой жизни! — Мия улыбнулась. — Именно то, что мы искали.

— Хорошо, — сказала Никки. — Теперь скажите, как нейтрализовать Викторию.

Натан взглянул на нее с тревогой:

— Добрые духи, все не так просто!

— Как и всегда. Просто скажи, что делать.

— Мне нужно кое-что изучить.

Натан и Мия обсуждали поврежденные слова на крошащихся страницах.

— Ах, да, все кажется достаточно ясным. — Он поднял взгляд на Никки и объяснил: — Виктория использовала глубоко связанное заклинание жизни, исходящее из костей мира. Вот где Госпожа Жизнь черпает свою энергию, и там же кроется единственный способ ее остановить. — Натан

поднял глаза. — Единственный способ перекрыть клапан ее неконтролируемого потока магии.

Мия подтянула книгу к себе и взволнованно указала пальцем:

— Некоторые слова в нижней части страницы повреждены, но ответ ясен. — Девушка сделала быстрый вдох. — Викторию можно одолеть.

— Рада получить наконец четкий ответ. — Никки скрестила руки на груди. — Оружие?

— Особый лук, — сказал Натан. — Викторию можно уничтожить стрелой, но стрелять из лука должен тот, кто мастерски владеет даром — могущественный волшебник или колдунья.

— Я подхожу, — сказала Никки, предвкушая выстрел. — И я умею стрелять из лука.

Волшебник покачал головой:

— Увы, все не так просто, колдунья. Заклинание жизни переплетается с самыми древними созданиями, с самой структурой мира. Стрела должна быть выпущена из особого лука — сделанного из ребра дракона.

Никки резко втянула пыльный затхлый воздух новооткрытого хранилища. Магический огонек в ее руке замигал.

— Ребро дракона?

Голос Натана стал тревожным, его восторг угас.

— Именно. Видимо, у нас проблема.

Мия явно была разочарована.

— Драконы вымерли.

Теперь, когда у них был потенциальный ответ, Никки отказывалась сдаваться.

— Почти вымерли.

* * *

Ученые собрались в одном из больших залов заседаний. В камине горели мескитовые дрова, наполняя помещение теплым пряным ароматом. Натан показал ученым древний том, и теперь все они взбудоражено обсуждали варианты.

— Мы должны действовать, и как можно скорее, — серьезно и решительно заговорил волшебник. — Шаксис — только первый посланник Виктории. Думаю, она хотела заставить нас во сне или же просто проверяла. Безусловно, следующая атака будет серьезнее.

— И она становится сильнее с каждым дюймо́м территории, которую захватывают чудовищные джунгли, — добавила Никки.

Мрачный Бэннон сидел возле камина и задумчиво точил меч.

— После увиденного прошлой ночью я убежден, что другого пути нет. Эти бедные девушки... — Он тяжело сглотнул. — Их уже не спасти. Мы должны поступить правильно. Если не остановить эту необузданную поросль, Виктория причинит разрушений не меньше, чем Поглотитель жизни.

— Мы должны защитить Твердыню, — голос Франклина звучал встревоженно. — Возможно, нам стоит перегородить стену плато? Запечатать альковы? Как мы можем убедиться, что ничто не проникнет из Язвы, как шаксис?

— Мы знаем, что она идет за нами, — сказала Мия.

Никки кивнула:

— Блокировка проемов поможет, но только на время. Когда джунгли Виктории достигнут скал, лозы и мощные корни деревьев вскрыют саму месу. Нужно остановить ее раньше. — Колдунья обвела взглядом ученых. — Мне все равно, насколько это сложно. Мы должны убить ее.

— Теперь мы знаем, как это сделать, — сказал Натан, — благодаря книге, которую нашли дорогая Мия и я. — Он улыбнулся внимательной девушке.

Остальные помнящие и ученые неуверенно забормotalи. Потеряв Саймона и Викторию, обе фракции остались без лидеров.

— Нашей могущественной колдунье требуется выстрелить в Госпожу Жизнь стрелой из лука, сделанного из ребра дракона. — Голос волшебника дрогнул. — Нам нужно только отыскать дракона.

Почти все драконы давно исчезли — особенно в Древнем мире, — а разрушительное заклинание Огненной цепи на какое-то время даже стерло драконов из людской памяти. Но они по-прежнему существовали. Должны были существовать.

Бэннон грустно рассмеялся.

— Ну конечно! Это же так просто. И как только мы отыщем дракона, нам останется его убить и вырезать ребро. — Юноша снова сел возле камня. — Пресвятая Мать морей, я не думаю, что это займет больше одного-двух дней. Чего же мы ждем?

— В последние дни войны с Имперским Орденом, — сказала Никки, — ведьма по имени Сикс летала на огромном красном драконе и нападала на армию Д'Хары. Дракона звали Грегори, но он сейчас далеко, и мы никогда его не найдем.

Чертополох взяла один из больших стульев и удобно устроилась в нем мыслимой позе, подогнув под себя колени. Она издевалась над молодым человеком, дразня его, словно младшую сестренку.

— Нам ни к чему искать и убивать дракона. Нам нужно лишь его ребро.

— Дорогое дитя, — поучительно сказал Натан, — драконьи ребра находятся в теле дракона. Как ты предлагаешь нам найти ребро, не отыскав самого дракона?

Чертополох застонала от разочарования.

— Я имею в виду, что нам не нужно искать живого дракона и убивать его. Нам нужно найти ребро. Значит, надо просто поискать драконий скелет.

Бэннон выглядел раздраженным.

— Конечно. Это ведь намного проще. Они, должно быть, валяются всюду.

Никки неожиданно вспомнила, как она и захваченный ею Ричард увидели разлагающуюся тушу дракона, пока шли через Срединные земли в Алтур'Ранг.

— Я видела такой скелет, но он далеко, в Срединных землях.

— Даже если мы сможем найти его, само путешествие займет месяцы, если не годы, — сказал Натан.

Девочка снова застонала.

— Драконьи скелеты надо искать не там! — Чертополох раздраженно вздохнула.

— А где ты предлагаешь их искать? — спросил юноша.

— В юдоли Кулот, конечно, — ответила она, будто Бэннон был неграмотным ребенком. — Все это знают.

— Мы нездешние, — напонила Никки. — Что за юдоль Кулот?

— Я выросла, слушая рассказы о великом кладбище драконов — юдоли Кулот. — Чертополох оглядела комнату.

Ученые обеспокоенно зашептались. Некоторые, похоже, были знакомы с этой легендой. Сидевшая среди помнящих Глория кивнула.

— Юдоль Кулот находится далеко, — сказала Мия, — и защищена ви-сячей долиной в горах на севере. Это опасное место. Место, куда отправляются умирать драконы.

Ученые совещались между собой. Франклин говорил с прикрытыми глазами, читая вслух из памяти: «Все драконы имеют инстинктивную связь с магической юдолью Кулот. Там покоятся кости сотен драконов». — Его голос стал зловещим. — «Ни один человек, который уходил туда, так и не вернулся, чтобы рассказать о ней».

— Тогда кто записал эти строки? — поинтересовался Натан.

Глория серьезно кивнула:

— Это загадка, которую еще предстоит разгадать.

— Если вы знаете об этом кладбище драконов, — сказала Никки, — то мы сможем найти ребро и быстро возвратиться.

Бэннон, который всегда стремился к приключениям, выглядел неуверенным.

— Все равно что гоняться за призраками в туманную ночь.

Но Никки услышала все, что ей нужно было услышать.

— Наша альтернатива — ждать здесь, пока разрастаются джунгли Виктории, и надеяться, что мимо пролетит дракон, которого мы убьем и заберем ребро.

— Я понимаю. Когда ты выражаешься подобным образом, колдунья, даже юдоль Кулот звучит как предпочтительная альтернатива, — сказал Натан.

Чертополох пристально посмотрела на Никки.

— Юдоль Кулот действительно существует. Я всю жизнь слышала истории о ней.

Бэннон закатил глаза:

— Тебе нет и двенадцати.

Никки повернулась к собравшимся ученым.

— Волшебник, ты собирал карты, которые помогут в нашем путешествии. Попадались ли тебе те, на которых была юдоль Кулот?

— Если никто никогда не видел кладбища драконов, как можно было отметить его на карте? — спросил Бэннон.

— Еще одна неразгаданная загадка, — произнес Франклин.

Никки не поддавалась разочарованию. Она последует указаниям книги — это их лучший шанс.

— Пока нас не будет, вы должны укрепить оборону Твердыни, на случай, если Виктория снова отправит своих приспешников.

Чертополох соскользнула со стула, размяла ноги и подошла к Никки.

— Путешествие в юдоль Кулот займет много дней, причем по неизвестной территории, — сказала Мия.

— Нам не привыкать, — отрезала Никки. — Чем скорее уйдем, тем быстрее вернемся. С ребром дракона.

Глава 67

Грубые карты из архивов Твердыни указали им примерное местонахождение легендарного кладбища драконов, и Никки со своими спутниками отправилась в путь. С полными сумками и в свежей дорожной одежде они шли по изолированным каньонам к пустынным высокогорьям, удаляясь от огромной долины.

Полная энергии Чертополох шла впереди, направляясь к далекой линии гор на севере. Массивные седые горы, по всей видимости, были вулканического происхождения. На столь открытой местности воздух был прозрачен, поэтому сложно было точно определить расстояние.

— До гор несколько дней пути, — сказал Натан, — даже если мы сохраним хороший темп.

— Тогда не будем медлить, — на ходу ответила Никки.

Волшебник остановился, чтобы вытереть лоб. Он вытащил белый платок, который застенчивая Мия подарила ему перед отбытием, и посмотрел на него со странной улыбкой.

— Посмотрим, работает ли заклинание этой милой девушки. — Старик вытер тканью лицо и оживился. — О да! Влажный, прохладный и освежающий. Она сказала, что это простое и безобидное заклинание, но я нахожу его вполне эффективным.

Никки видела, как тихая девушка дала Натану эту белую тряпицу и сообщила, что заклинание всегда будет держать платок прохладным и влажным, облегчая бремя странствий.

— Простое и безобидное, — согласилась Никки. — Но как бы ни были одарены ученые, я не хочу видеть, как они неумело используют магию. Все они неподготовлены. Подумай о неосознанно вызванных ими разрушениях... растаявшая башня архива, Поглотитель жизни, а теперь Виктория с ее сумасшедшими джунглями.

— Это всего лишь платок, колдунья... — возразил Натан.

— С такого все и начинается.

Смутившись, волшебник спрятал тряпицу в карман, но во время дневной жары от Никки не ускользнуло, как часто он достает платок, особенно на крутых подъемах.

Путники шли весь день, изредка останавливаясь, чтобы выпить воды и наскоро перекусить. Чертополох умчалась вперед и убила несколько упитанных ящериц, дополнив трапезу. Впрочем, у них не было недостатка в еде, и девочка охотилась скорее ради собственного удовольствия.

На второй день высокогорная пустыня осталась позади, и местность стала более лесистой. С холмов стекали ручьи, в которых путники наполнили свои бурдюки. Они даже набрали на дикую сливовую рощу. На радостях от изобилия свежих фруктов они объелись сливами, особенно Бэннон. В тот же вечер все мучились животом.

На следующий день Никки ощутила присутствие зверя и поняла, что Мрра идет за ними с самой долины. Колдунья заметила проблеск рыжеватого меха среди низких деревьев. Пума держалась поодаль, но не выпускала их из вида.

Связанная заклинанием с Никки большая кошка следовала за своей сестрой, но сохраняла независимость. Никки была рада ее присутствию. Она ощущала потребность большой кошки в охоте, отдаленную дрожь в ее поджилках, чувствовала стук ее сердца, когда Мрра преследовала жертву, чувствовала вкус горячей отдающей железом крови, визг и конвульсии свежепойманной добычи.

К концу дня Никки привела всех на небольшой луг, где они обнаружили окровавленного оленя, убитого совсем недавно. У него были выпущены внутренности и съедена печень, но остальная часть мяса осталась нетронутой.

Натан и Бэннон сразу насторожились, полагая, что хищник все еще рядом, а Никки опустилась на колени рядом с оленем.

— Мрра поохотилась для нас. Она насытилась и оставила оленя нам на ужин.

Лицо волшебника прояснилось.

— Добрые духи, это совсем другое дело. Славная будет трапеза.

Пока Никки разжигала костер, Чертополох и Бэннон нарежали оленину полосками, а потом зажарили ее на огне. Попробовав, девочка признала, что оленина вкуснее ящериц.

После пиршества довольные путешественники заснули на мягкой луговой траве. На следующее утро они завернули несколько кусков мяса в свежие листья; Никки сотворила простое защитное заклинание, которое не даст оленине испортиться, и путники разложили припасы по сумкам.

Следующие нескольких дней путники петляли по бездорожью и поднимались по крутым ущельям, которые вели в еще более труднопроходимую местность. Но остроконечные вулканические горы по-прежнему маячили вдалеке.

— Я не помню, слышал ли о юдоли Кулот на уроках истории, — размышлял Натан. Ему нравилось в дороге разговаривать с Бэнноном, хотя остальные тоже их слушали. — Но я читал много рассказов о Срединной войне и записей о том, как император Керган завоевывал юг континента. Генерал Утрос и его непобедимые армии пронеслись по земле, сметая город за городом. У него были воины-волшебники, а также орды обычных солдат. Отправляясь осадить удивительный город Ильдакар, Утрос знал, что столкнется с необычайно могущественной магией, поэтому ему понадобилось особое оружие. — Натан взглянул на Чертополох и перешел на драматический шепот. — Они захватили дракона — серебряного дракона.

Глаза девчушки расширились.

— Никогда не слышал о серебряном драконе, — сказал Бэннон. — Они особенные?

— Все драконы особенные, мой мальчик, и они всегда были редкостью. Красные драконы — сердитые, зеленые — надменные, серые драконы — мудрые, черные — злые. Но генерал Утрос хотел серебряного.

— Почему? — спросила Чертополох.

— Серебряные — лучшие бойцы. — Натан отмахнулся от назойливой белой бабочки, и та упорхнула искать цветы. — Но их нелегко укротить или контролировать. Воинам Утроса удалось захватить одну такую бестию и заковать в цепи и упряжь. Армия намеревалась выпустить дракона, как только доберется до Ильдакара, но однажды ночью он оборвал свои узы и вырвался на свободу, пожрав и упряжь, и укротителей. Он мог просто улететь, но вместо этого решил отомстить. Серебряный монстр пронесся по военному лагерю и перебил сотни солдат Железного Клыка. Генерал Утрос едва избежал смерти, однако половина его лица обгорела и осталась изуродованной драконьим огнем. Серебряный дракон улетел, оставив беспорядок в его армии, но генерал Утрос не собирался возвращаться к императору Кергану и признавать поражение. Он отправился дальше, надеясь найти другой способ покорить Ильдакар.

Натан продолжал рассказ, пока они шли по лесу. Достигнув вершины холма, они увидели, что высокие черные горы стали, наконец, ближе.

— Но когда его войска прибыли в Ильдакар, Утрос обнаружил, что город исчез! Один из величайших городов Древнего мира полностью пропал.

— Как? Куда он делся? — спросила Чертополох.

Волшебник пожал плечами:

— Никто не знает. Легенде пятнадцать столетий, так что это, скорее всего, просто сказки.

— Будем надеяться, что юдоль Кулот — не сказка, — подытожила Никки.

* * *

В ту ночь путники спали возле ревущего костра, поскольку ветер сквозил через тонкие деревья. Натан согласился встать на часы первым, и остальные улеглись спать. Чертополох, завернувшись в свое одеяло, лежала на твердой лесной подстилке с тем же комфортом, как и в каменных поках Твердыни, хотя и сучала по мягкой овчине.

Никки лежала рядом с девочкой. Закрыв глаза и слушая треск огня, колдунья простерла свои чувства, но не уловила непосредственной опасности в лесах поблизости. Однако ее разум коснулся песчаной пумы, и Мрра издалека тоже ощутила это прикосновение. Большая кошка подтвердила,

что они в безопасности, поэтому Никки позволила себе погрузиться в глубокий сон...

Пока ее тело отдыхало, сны устремились вдаль и снова погрузились в сознание сестры-пумы. Мрра эта местность нравилась больше, чем запустение Язвы или беспокойные первобытные джунгли. Здесь, в обычных холмах, она чувствовала себя по-настоящему свободной.

Мрра бежала сквозь ночь, прислушиваясь к миру и в то же время пребывая в контакте с давними воспоминаниями. Мрра вспомнила своих товарищей по трое, как они вместе играли, кусались и царапались, делая вид, что ранят, но не причиняя друг другу никакого вреда. А потом подготовка стала более суровой — дрессировщики обучали их убивать. Дикие песчаные пумы сначала сопротивлялись, но вскоре научились получать удовольствие от поединков, от убийства. Спящая Никки испытала вспомнившееся Мрра наслаждение от раздиранья жертв когтями — испуганных беспомощных людей и ужасающих монстров, созданных повелителями плоти для боевой арены.

С ликующим возбуждением Мрра вспомнила особенного зверя, с которым она и ее сестры-пумы сражались на гладиаторской арене. Кричащая толпа требовала крови и смерти — хотя Мрра не понимала, чьей крови они хотели. Под руководством главнокомандующего волшебника повелители плоти изменили могучего быка, превратив его в боевую бестию с четырьмя острыми изогнутыми рогами, плоской бронированной головой и прочными как сталь копытами, высекающими искры из гравия арены. Чудовищный бык был гораздо массивнее, чем три кошки вместе взятые, но трое предстояло с ним сразиться. Мрра и ее сестры-пумы понимали это.

Когда демонический бык бросился вперед с разрывающим уши ревом, перекрывшим головокружительный гул толпы, песчаные пумы разделились; каждая знала, что делает ее сестра. Скоординировав свои атаки, трое окружила гигантскую фыркающую тварь.

Бык несся все быстрее, сотрясая землю, и Мрра отскочила в сторону, а ее сестры-пумы напали на врага сзади. Одна полоснула быка по задней левой ляжке, оставив кровавые борозды на шкуре. Другая кошка прыгнула на горло быка, но его мышцы были словно из стальной проволоки, и изогнутые клыки пумы оставили лишь неглубокие ранки.

Мрра не двинулась с места, когда монстр с грохотом ринулся в ее сторону, — слишком тяжелый и быстрый, чтобы остановиться. Она прыгнула ему на голову и вцепилась в глаза, но бык скинул ее на землю, едва не раздавив. Пума почувствовала, как затрещали ее ребра и где-то внутри открылось кровотечение. В разум Мрра ворвалась боль вместе с горячей кровью быка, пролившейся на нее из его глубоких ран.

Через связующее заклинание она ощущала, как две ее сестры-пумы запрыгнули на спину монстра и стали рвать его плоть когтями и клыками. С мощным ревом бык отбросил их и побежал в поисках цели, высекая россыпь искр своими твердыми копытами.

Мрра перекатилась по сухому песку, слыша рев овец и игнорируя боль в сломанных ребрах. Этого и добивались от нее дрессировщики. Вот почему существовала она и трока. Двигаясь как одно целое, три пумы атаковали вновь. Несмотря на то, что бык был полон энергии, а они ранены, в конце концов большие кошки измотали монстра.

Повелители плоти наблюдали с трибун, недовольно хмурясь при виде того, как созданный ими уникальный боевой монстр почти повержен тремя песчаными пумами.

Мрра и ее сестры отрывали от быка кровавые куски плоти. Внутренности вывалились из его брюха, но, подобно огромной бесчувственной машине, тот продолжал атаковать, а потом, наконец, с мычанием рухнул на землю, расплескав темную кровь. Из рта вывалился толстый розовый язык, бык выдохнул в последний раз и умер.

Мрра и ее сестры стояли рядом, покрытые кровью, израненные, и нервно размахивали хвостами. Они подняли глаза, ожидая, когда дрессировщики придут и заберут их. Даже несмотря на глубоко засевшую болью в сломанных костях и порванной шкуре, Мрра чувствовала удовлетворение. Звук, который клокотал в ее груди, походил скорее на мурлыканье, чем на рычание, потому что она выполнила то, чему обучили ее укротители.

Она убила. Она одолела врага.

* * *

Ближе к утру, когда Натан свернулся калачиком возле костра и уснул, Бэннон встал на часы вторым. Он сел на поваленное бревно, держа меч наготове, поглядывая на своих друзей и прислушиваясь к шорохам в лесу.

Никки крепко спала, потерявшись в своих снах. Она дернулась, и из ее горла раздался низкий звук, похожий на кошачий рык. Колдунья настолько глубоко погрузилась в сон, что была уязвима. Она предупреждала об этом своих спутников, и Бэннон не собирался подводить ее.

Он настороженно сидел, охраняя Никки, пока она не проснулась на рассвете.

Глава 68

После долгих дней тяжелого путешествия они дошли до вулканических гор. Скучная растительность пробивалась через рыхлую коричневаторжавую почву, повсюду валялись глыбы пористой пемзы, сотканной из окаменевших пузырьков. Лавовые валуны поросли лишайником и мхом.

Стоя на высокоом хребте, Натан изучал грубые карты, пытаясь определить направление.

— Туда. Мы почти у цели.

Никто не поинтересовался, насколько «почти». Волшебник вытер лоб особым платочком Мии и спрятал его, а потом двинулся дальше.

— Надеюсь, ты прав, — сказала Никки. — Мы ушли уже давно, а Госпожа Жизнь продолжает захватывать долину.

Увидев головокружительный размах разбушевавшейся природы, она не сомневалась, что это бедствие распространится даже быстрее, чем запустение Поглотителя жизни. И снова ей предстоит остановить врага, угрожающего лорду Ралу, Д'Харианской империи, Древнему и Новому мирам.

Преодолев нехоженые горы, путники оказались в седловине, с которой открывался вид на суровую уединенную висячую долину. Каменистая чаша была защищена острыми вулканическими баррикадами и высокими каменными шпилями. Долина походила на обнесенный стеной заповедник, обрамленный ледниками и разломами утесов. На дне черной каменной котловины были пятна снега, полузамерзшее озеро, гигантские валуны и кучи окаменевшего пепла.

Никки интуитивно узнала это место. Ее сердце чувствовало, что они оказались именно там, куда и шли.

— Юдоль Кулот, — прошептала она.

Чертополох нетерпеливо указала вперед:

— Посмотрите! Видите кости?

Присмотревшись, Никки различила огромные белые скелеты — и не один десяток, — неподвижно лежавшие посреди пустоши.

Резкий порыв ветра бросил в лицо Натану его белые волосы. Старик удовлетворенно улыбнулся.

— Драконьи кости, разумеется, — сказал он, как будто отлично разобрался в таких вещах.

Бэннон задрал голову к небу, словно ожидал увидеть силуэт кружащего дракона.

— Мы должны туда спуститься, — сказала Никки.

Она остановилась, чтобы оценить сложность спуска в скалистую долину, но Чертополох сорвалась с места и, как горная коза, поскакала по шатким камням. Когда булыжник под ее ногами начинал сползать, она

просто прыгала на более устойчивый валун, продолжая спуск в мрачную котловину.

Никки выбрала путь вниз по склону и пошла, почти не обращая внимания на впечатляющий пейзаж. Бэннон и Натан старались не отставать. Волшебник ставил ноги с большой осторожностью, а юноша оказывал ему совершенно излишнюю поддержку.

Мрра осталась на гребне перевала, и в послеполуденном свете виднелся лишь ее силуэт. Пума решила не ходить в юдоль Кулот. Никки знала, что большая кошка вольна сделать собственный выбор.

Среди обломков черных скал на дне чаши они натолкнулись на первый драконий скелет. Его ребра развалились, став похожими на лапы мертвого паука. Время и непогода искривили позвоночник. Из пустого черепа выпали почти все длинные клыки. Пустые глазницы монстра смотрели вверх, в вечность.

Натан подошел к скелету и потянул изогнутое ребро.

— Может, мы просто возьмем первое попавшееся и уйдем? — Он постучал костяшкой пальца по кости, издавшей глухой звук. — Ты могла бы смастерить лук из одного из них.

Бэннон недоверчиво посмотрел на волшебника:

— Мы пока не можем уйти! Надо тут все исследовать. Это ведь затерянное кладбище драконов — подумайте о своих историях!

— Нам нужно выбрать правильную кость, — сказала Никки. — Я хочу оценить их размер и упругость.

Путники шли мимо мрачных нагромождений, исследуя разнообразие ребер, позвонков и черепов в этом последнем пристанище драконов.

Волшебник остановился рядом с огромным скелетом, на костях которого еще оставались клочки чешуйчатой кожи, и Никки осмотрела впечатляющий череп размером с воловью повозку. Его длинные клыки были все в рывтинах: возможно, прогнили от возраста; величественно изогнутые ребра в два раза превышали рост колдуньи. Даже в этих жалких останках ощущалось могущество огромного создания.

Колдунья ощущала магию жизни, пульсирующую внутри этих костей. Да, изготовленный из такого ребра лук мог содержать достаточно энергии, чтобы совладать с разгулявшимся заклинанием Виктории.

— Похож на черного дракона, — сказал Натан. Каждая эбонитовая чешуйка была размером с его ладонь. — Великий дракон. Возможно, король среди своего вида.

Никки мыслила более практично:

— Может и так, но его ребро слишком велико для меня. Нам нужно найти более подходящий скелет.

Бэннон обошел вулканические камни и остановился осмотреть очередную груду костей. Натан подошел к нему и кивнул.

— Взгляни туда, видишь небольшие различия в форме головы и строении костей крыла? Полагаю, это был зеленый дракон. Обрати внимание на роговые выступы на морде. По ним можно распознать зеленого дракона.

Бэннон нахмурился:

— Разве не заметно, что он зеленый по цвету его чешуи?

— Да, мой мальчик, но когда оказываешься так близко, сталкиваешься с проблемами гораздо более важными, нежели научная классификация.

Пока они углублялись в долину, небо укрыли облака. Путники шли мимо скелетов, целых груд скелетов — словно когда-то здесь произошло великое вымирание драконов.

— Интересно знать, когда сюда прибыл последний. — Бэннон наклонился к очередному черепу, маленькому — возможно, он принадлежал молодому дракону, погибшему рядом со своей матерью.

Но даже детеныш дракона превосходил размерами ломовую лошадь.

Чертополох понеслась вперед, рыская среди скал. Девочка исчезла из вида, обнаружив еще большее скопление костей древних поколений драконов.

— Сюда, колдунья! — позвал Натан. — Возможно, этот? Это серебряный дракон, судя по строению черепа и костей хребта. Образно говоря, он лучше всего подойдет для битвы.

Подойдя к обнаруженному волшебником скелету, Никки оценила длину и кривизну ребер, вытянув руки, словно удерживая воображаемый лук.

— Хороший вариант.

К ним подошел Бэннон, сжимавший в руке меч.

— Если ребро вам подходит, колдунья, я могу отсечь его. Когда вернемся в Твердыню, то придадим ему форму лука.

В тот миг раздался вопль Чертополох. Никки рванула к ней, перепрыгивая через пористые вулканические камни и огибая беспорядочные скелеты. Она достигла пятачка пемзы и увидела в ужасе улетающую девочку. Что-то шевелилось среди камней и костей — нечто огромное.

Развернулись два острых крыла, обтянутых серой кожей. Шипы и раскидывая камни, из россыпи пыли и галечника появилась змеевидная шея.

Нагромождения костей с грохотом посыпались с полузакопанной рептилии. С клыкастых челюстей дракона свисали усики, а кожа на горле была дряблой. У него не хватало отливающих оловом чешуек, и в просветах виднелись участки морщинистой кожи.

Со звуком кузнечных мехов дракон наполнил легкие воздухом и поднялся, хлопнув широкими крыльями. В его золотистых глазах засветился огонек. Существо казалось невероятно древним, но не совсем немощным.

Поднявшийся серый дракон разбросал обломки камней и навис над людьми. Чертополох съежилась от страха под взглядом чудища. Ей некуда было бежать.

Дракон заговорил громоподобным голосом, из-за чего с крутых склонов долины посыпались камни:

— Я Бром! — Он хлопнул крыльями, заставив всколыхнуться воздух. — Я — страж. И я последний. — Древний серый дракон фыркнул и снова вдохнул, расправляя свою ссохшуюся морщинистую кожу. — А вы — нарушители.

Глава 69

Бром спустился с кучи костей и вулканического камня, и Чертополох попятилась, лихорадочно ища глазами убежище. Никки бросилась к морде серого дракона, погружаясь в себя в поисках магии, которую могла бы применить против огромной бестии. Она была уверена, что девочку в любой момент испепелят.

Бэннон и Натан обнажили клинки и встали в боевую стойку, словно могли напугать Брома или заставить врасплох. Волшебник выглядел вызывающе, но юноша явно был во власти благоговейного страха.

Серый дракон все освобождался от мусора — галька, пыль и кости скатывались с его морщинистой шкуры. Из широко распахнутой пасти выходил дым с вкраплениями искр.

— Я думал, это мой конец, — прогремел Бром, — но я по-прежнему защитник этого места.

Огромные крылья раскачивались взад-вперед; тонкие мембраны выцвели и покрылись пятнами, а дыры придавали крыльям потрепанный вид. Никки сомневалась, что чудище еще может летать.

Бром оказался невероятно древним. Чешуйки сыпались с его кожи, словно монеты. Взревев от бесконечной усталости, дракон прорычал:

— Воры! Я должен охранять кости моего народа.

Натан с вызовом поднял свой изысканный клинок, но выглядел смехотворно ничтожным.

— Мы не хотим навредить тебе, дракон, но будем защищаться.

Волшебник взмахнул мечом, рассекая воздух. Бэннон последовал примеру своего наставника, размахивая Крепышом в стремлении напугать огромное создание.

Серый дракон повернул голову и прищурился. Казалось, он почти не видит.

— Вы не похожи на других истребителей драконов, с которыми я сталкивался. Слишком уж тщедушные. Я вас запросто прикончу. — Горло на змеевидной шее раздулось подобно кузнечным мехам, и дракон закашлялся, исторгая клубы дыма, золу и искры.

Никки успела выпустить волну ветра, которая отклонила дыхание дракона. Колдунья подбежала к напуганной девочке и оттолкнула ее.

— Беги, найди укрытие!

Серый дракон бросился за ними на своих ослабленных лапах.

Бэннон глупо рванул вперед и с громким воплем опустил меч на переднюю лапу Брома. Острое лезвие Крепыша пробило неплотно прилегающие чешуйки и до кости погрузилось в плоть через тонкую как пергамент кожу — словно нога рептилии была поваленным бревном.

Бром взревел от боли и гнева и выпустил огонь из горла. Древний дракон взмахнул своим зазубренным хвостом, разметав по сторонам кости и камни. Он вытянул свою длинную шею, рыча и прищурившись в попытке что-то разглядеть.

Никки на бегу подталкивала девочку, ныряя за столбы пемзы и огромные кости. Даже немошный и одряхлевший дракон был грозным противником. Чертополох полезла наверх по хрустящим ссохшимся костям и добралась до гигантского скелета черного дракона. Бром бросился за ней и Никки.

Чудовище откинуло свою длинную голову и вдохнуло, собираясь исторгнуть дым и пепел. Зная, что должна защитить себя и девочку, Никки бросила Чертополох под окаменевший купол черепа черного дракона и нырнула вслед за ней.

Струя дыма со сполохами огня окатила череп, и Никки ощутила, как он содрогнулся; неистовый ветер и волна мощнейшего жара раскачивали их убежище. Чертополох свернулась возле колдуньи, крепко прижавшись к ней в ожидании конца атаки.

Как только струя огня Брома истощилась, Никки услышала зов Ната-на:

— Сразись с кем-то своего же размера, дракон! — Волшебник грубо рассмеялся. — Но поскольку такого противника тут нет, тебе придется биться с нами. Сегодня мы с Бэнноном все-таки станем истребителями драконов.

Юноша добавил свой возглас, безумный и безрассудно храбрый:

— Ну давай, старая развалина, или ты слишком устал и тебе пора вздремнуть?

Оскорбленно фыркнув, Бром оставил в покое почерневший череп, в котором укрылись Никки и девочка. С ревом, больше напоминавшим дрожащий вздох, серый дракон побрел навстречу двум воинам. Натан и Бэннон кинулись на врага и обрушили град ударов на его задние лапы и хвост, пробивая чешую и кожу. Из ран дракона полилась густая темная кровь.

Бром щелкнул зубами, но Натан успел откатиться в сторону, загрохотав валявшимися повсюду иссохшими позвонками. У древнего стража не доставало зубов, но он все равно имел устрашающий вид. Благодаря своему титаническому размеру, Бром повалил каменный шпиль и вскользь зацепил Бэннона, опрокинув юношу на обломки.

Как только дракон отвернулся, Никки прижала Чертополох к земле.

— Оставайся здесь. Ты в укрытии, и пока будешь в безопасности. — Затем колдунья вышла к древнему дракону.

— Никки, будь осторожна! — крикнула ей вслед Чертополох.

Ее обычной магии не доставало против этого слабого и дряхлого исполина, и колдунья была вынуждена воззвать и к магии Приращения, и к магии Ущерба. В нависших над долиной седых облаках прогремел похожий на взрыв гром. Никки призвала плетть иссиня-черных молний, диких и необузданных. Одна ударила в изогнутые ребра распластавшегося скелета, но две другие обрушились на Брома, пробив перепонку его правого крыла и нанеся глубокую черную рану на бок.

Старый дракон издал дымный рев и заматал головой из стороны в сторону.

— Нет! Я страж!

Бром бросился к Никки, хотя едва мог ее видеть.

Никки держала перед собой руки, изогнув пальцы. Колдунья могла бы выпустить шар огня волшебника и бросить его в дракона, но у нее созрела другая идея. Лучше призвать огонь в самого дракона и сжечь его изнутри. Ей нужно найти сердце Брома и взорвать его.

В предыдущих битвах Никки призывала жар и резко повышала температуру своей цели — это же она сделала с гигантскими ящерами возле логова Поглотителя жизни. Своим разумом колдунья отыскивала сердце дракона. Она могла сжечь его в пепел.

Стоя перед гигантским чудищем, Никки оставалась спокойной и сосредоточенной. Когда Бром бросился в атаку, Никки высвободила магию, наполняя сердце дракона огнем. Она дарует древнему существу быструю и милосердную смерть.

Ее магическое пламя сжигало сердце Брома как в печи, но дракон все не сдавался.

Напротив, пока огонь продолжал бушевать и нарастать в его груди, дракон стал молодеть, расти и наливаться силой. Потеряв контроль над призванной магией, Никки поняла, что совершила ужасную ошибку.

Огонь не сжег сердце дракона. Пламя было неотъемлемой частью этого создания, и сильнейший жар вновь разжег сердце Брома — не убив дракона, а омоловив и влив в него силу возрождения. Его тонкая кожа и ряды ребер снова налились здоровым цветом. Перепончатые крылья потрескивали, заживая. Тело гигантской рептилии становилось все более угрожающим.

Налившийся жизнью Бром хлопнул крыльями, призвав штормовой ветер, который отбросил Никки. Бэннон с Натаном бросились прочь и нырнули в укрытие среди вулканических глыб. Серый дракон обратил свою голову к небу, широко раскрыл пасть и выпустил поток яркого, насыщенного пламени. Когда Бром покачал головой, его глаза, совсем недавно тусклые от старости, вспыхнули ярким золотом.

— Твоими стараниями я стал лишь сильнее, и теперь убью тебя!

Глава 70

Когда дракон обратил на них вновь заблестевшие глаза и выдохнул язык пламени, Бэннон спрятался за высокую глыбу пемзы, увлекая за собой ошарашенного Натана. Ревущий жар ударил в шербатую вулканическую поверхность, обуглив ее. Пока помолодевший Бром атаковал компаньонов Никки, она снова призвала молнию, которая была втрое мощнее первого шквала — но теперь оловянная чешуя дракона стала толстой броней, и молния отскочила от его спины, не причинив вреда. Полный энергии страж оттолкнулся от земли и взмыл в воздух, создав своими обновленными крыльями мощный порыв ветра.

— Это священное место для драконов! А вы — воры!

Он выдохнул волну огня в сторону Никки, и колдунья выбросила руки, создавая щит из воздуха и тумана, который заслонил ее от пламени. Она пошатнулась от испепеляющего натиска и усилила свой барьер, вливая в него все силы, но лавина пламени била вновь и вновь. Щит едва не истощил Никки, и когда огонь утих, колдунья попятилась назад.

— Осквернители могил! — ревел с небес Бром. — Смерть вам!

— Нет! — Голос Чертополох звенел в странной тишине — мгновением между ревом дракона и взрывом его пламени. — Бром, послушай! Мы здесь по другой причине.

Никки резко обернулась и увидела, что тощая девочка взобралась на верхушку гигантского черепа и теперь размахивала руками, пытаясь привлечь внимание Брома.

— Мы вынуждены были сюда прийти! — Чертополох выглядела крошечной и уязвимой под открытым небом.

Серый дракон спикировал на девочку и изогнул свою змеиную шею, готовясь к очередному извержению огня.

— Чертополох, прячься! — закричала Никки.

Девчушка выглядела такой бесхитростно смелой и непохожей на других, что даже Бром замешкался.

Чертополох с вызывающим и сердитым видом стояла на почерневшем черепе.

— Мы пытаемся спасти мир! Я и мои друзья проделали долгий путь, чтобы добраться сюда. Это важно!

В глазах дракона светился острый ум, его способности сполна пробудились от мощнейшего огня, который Никки вложила в его сердце.

— Ты странное создание, малявка, — прогремел Бром. — Очень смелая и очень глупая.

Чертополох уперла руки в худенькие бедра, прикрытые потрепанной юбкой.

— Я не шучу. И мне говорили, что серые драконы мудрые. — Она мельком взглянула на Натана, а затем снова сосредоточилась на Броне. — Тебе стоит прислушаться к голосу разума. Разве ты не хочешь знать, почему мы пришли сюда? Тебе не любопытно? — Она фыркнула, а затем ответила, не дожидаясь вопросов дракона: — Одна злая женщина выпустила ужасную магию, которая может проглотить все земли. Скоро она уничтожит и юдоль Кулот... И есть только один способ предотвратить это. Нам нужна кость — ребро дракона. — Девочка пристально посмотрела на покрытое серой чешуей чудище. — Вот почему мы явились сюда. Мы убьем тебя, если понадобится. Мы не желаем тебе зла, но нам нужно взять необходимое, чтобы спасти мир.

Бром был заинтригован. Он сложил крылья и приземлился на огромную кучу булыжников посреди кладбища, поближе к Чертополоху. Бэннон и Натан вышли из своего укрытия. Их волосы были мокрыми от пота, а лица покрыты сажей и пылью.

Никки по-прежнему не отпускала магию, едва сдерживаясь, чтобы не высвободить очередной шквал молний. Впрочем, едва ли от них будет толк. Она еще не оправилась от предыдущей атаки и сомневалась, что сможет убить или даже оглушить полного энергии дракона. Колдунья понимала, что если атакует сейчас, то подвергнет Чертополох еще большей опасности.

Если серые драконы действительно самые умные, то Бром, возможно, выслушает девочку, прежде чем снова нападать.

Дракон опустил, вытянув вперед свою заостренную морду. Из ноздрей клубился дым, пока он рассматривал отважную девочку. Чертополох даже не вздрогнула, хотя горячее дыхание Брома трепало ее спутанные кудряшки.

— Объяснись, малявка.

Чертополох вытянулась во весь рост на вершине опаленного драконьего черепа и заговорила:

— Я просто хочу спасти свою землю. Сначала Поглотитель жизни убил моих родителей и тетю с дядей, разрушил мою деревню и всю мою долину — и мы уничтожили его. Но теперь появилась еще худшая угроза — одна колдунья выпустила на волю безудержную жизнь, которая теперь захватывает долину. Она уничтожит все! — Голос девочки перешел в отчаянный крик. — Я просто хочу нормальный мир, хочу вернуть прекрасную долину, о которой все говорят.

Бром фыркнул, выпустив клубы дыма.

— Колдунья, создавшая слишком много жизни? — Он поднял исцеленную переднюю лапу и огромным когтем поковырялся в бивнеподобных зубах. — Я восхищаюсь таким подходом. Слишком много жизни... — Он перевел свой пылающий взгляд на Никки, Бэннона и Натана, готовых сражаться, и обратился к ним: — Я пришел в юдоль Кулот умирать, как и все драконы ... но это длилось очень долго. Я был стражем, и я помню их живыми. Теперь ты возродила меня. — Дым и пепел вырвались из его пасти, когда серый дракон издал странный, рычащий смех. — Хотя не думаю, что ты собиралась сделать именно это. — Он повернулся к Чертополох и наклонился. Голова дракона располагалась так близко, что девочка могла протянуть руку и коснуться чешуек на его морде. — Теперь, смелая малявка, отвечай: какое отношение это имеет ко мне?

— Не к тебе, — ответила Чертополох. — А к костям... ну или только к одной кости. Единственный способ убить злую женщину и остановить поток жизни — лук, созданный из ребра дракона. Вот почему мы пришли сюда — хотели взять одно ребро!

Никки осторожно пошла к Чертополох. Колдунья хотела встать так, чтобы суметь укрыть девочку магией, если Бром вдруг разозлится.

Никки заговорила твердо, но рассудительно:

— Всего одно ребро, благородный дракон. Это все, что мы просим, — все, в чем отчаянно нуждаемся.

— Здесь полно костей, дракон, — вставил слово Бэннон. — Ты даже не заметишь потерю одного.

Бром поднял свою огромную голову и расправил широкие кожистые крылья.

— Это останки моего рода. Мои предки.

— Заклинание очень своеобразное и мощное, — объяснил Натан. — Мы бы не пришли в юдоль Кулот, будь у нас выбор. Серые драконы мудры, не так ли? Если мы не остановим Госпожу Жизнь, волна ее безудержных зарослей захлестнет весь мир и доберется даже до этих высоких гор.

Бром надолго погрузился в размышления.

— Я понимаю, что одна кость кажется вам мелочью в сравнении с тем, сколько их лежит здесь, но я должен чтить останки и держать свою клятву. Драконы — благородные создания. — Он замолк, рассматривая всех путников по очереди своим змеиным взглядом. — Я благородное создание. — Затем глаза из расплавленного золота остановились на Никки. — И все же, я вынужден признать, что ты кое-что для меня сделала. Ты дала мне жизнь, колдунья. Я собирался умереть здесь и стать последней грудой костей, и тогда ни один дракон уже не охранял бы юдоль Кулот. Но ты вложила в мое сердце огонь, и я снова жив и полон сил. Ты добавила столетия к моей жизни и моему предназначению. — Он фыркнул и, казалось, смягчился. — Возможно, одно ребро не будет чрезмерной платой.

* * *

На юдоль Кулот спустились сумерки, а серый дракон наблюдал за каждым шагом людей, которые обыскивали кладбище. Никки оценивала ребра на пригодность. Найдя подходящее, она провела пальцами по гладкой поверхности цвета слоновой кости и слегка согнула ребро, чтобы ощутить его упругость.

Натан изучал строение черепа.

— Это скелет синего дракона. Среднего размера. Кости выглядят неповрежденными.

Бром навис над ними. Толстая мембрана на мгновение прикрыла его золотистые глаза, а затем снова скользнула под веки.

Голос дракона был мрачен.

— Не просто синий дракон, это был Гримни. Я хорошо его помню. Юность мы провели вместе — мы вылупились с разницей всего в столетие. Он всегда был беспечным искателем приключений, желал летать через моря или парить над замерзшими пустошами. Он забавлялся с восходящими потоками воздуха в горах, идя на необдуманный риск. — Бром выдохнул завиток дыма. — Однажды Гримни рухнул в густой лес и так сильно запутался в ветвях, что проревел там несколько дней, пока не прибыли на вы-

ручку его собратья. Я помог им сжечь лес дотла, чтобы освободить Гримни. — Бром покачал тяжелой головой. — В следующий раз он взлетел высоко — так высоко, что хотел испробовать на вкус пламя солнца. Он долго возвращался на землю, спускаясь по неровной спирали. С тех самых пор у него стало неладно с головой. — Серый дракон хлопнул крыльями и аккуратно сложил их на спине. — Я считаю, что будет уместно, если вы используете его ребро для своих нужд. Возьмите его, Гримни бы одобрил.

Никки в последний раз осмотрела ребро, убеждаясь, что оно станет превосходным луком для выстрела в Госпожу Жизнь. С помощью магии она отсекла ребро от скелета, и длинная дуга упала в ее ладони.

— Спасибо, Бром.

— А теперь уходите, — повелел серый дракон. — Как бы мне ни нравилась наша беседа, она противоречит моим правилам. Возьмите ребро Гримни и сделайте, что должны. Почтите его память, подарив последнее приключение.

Когда стемнело, путники поднялись по скалистым склонам, собираясь преодолеть ограждавшую долину стену и разбить лагерь за пределами юдоли Кулот. Они прошли перевал и начали нелегкий спуск в стугтившуюся тьму.

Никки остановилась и оглянулась.

Серый дракон стоял на хребте, расправив крылья. Бром громко прогулел им вслед:

— Я Страж юдоли Кулот. Не думайте, что мы друзья. Я убью вас всех, если вы когда-нибудь вторгнетесь сюда вновь.

Никки надеялась, что им не придется возвращаться.

Глава 71

Обратный путь в Твердыню был долог, но теперь местность и маршрут были им знакомы. По дороге в юдоль Кулот Натан делал пометки в древних картах, отмечая путь и ориентиры, а также обновлял свою книгу жизни.

Никки спешила вернуться в архив и потому подгоняла своих спутников. Она боялась, что Виктория нанесет непоправимый урон, пока они вдали от изолированных каньонов. Теперь у Никки было оружие, которым она уничтожит Госпожу Жизнь. Она несла изогнутое ребро Гримни на плечах и

чувствовала слабое покалывание силы величественного создания, которой он обладал при жизни и которая была связана с самим мирозданием.

Когда вулканические горы остались позади и путники вышли на открытую местность, колдунья снова почувствовала Мрра, наблюдавшую за ними издалека. Песчаная пума не пожелала входить в обитель мертвых драконов, но теперь снова бродила поблизости, охраняя их, рыская впереди и высматривая опасности на обратном пути в Твердыню.

Времени оставалось мало, поэтому они проходили за день многие мили, пока не становилось слишком темно, но даже тогда Никки не желала останавливаться. Она зажигала огонек на ладони, при свете которого они шли еще пару часов. Все спали, как только предоставлялась возможность, и всегда отправлялись в путь с первыми лучами солнца.

Когда холмы сменились пустыней и каньонами из красного камня, прозрачный сухой воздух принес с собой привкус зловония. Даже издали Никки видела влажную зеленоватую дымку за плато, которая кипела первозданной лесной энергией и шла по долине к утесам.

Едва группа вошла в сеть каньонов, как Мрра снова покинула их, не желая приближаться к людям — но Никки все еще могла чувствовать большую кошку где-то вдали.

Фермеры и рабочие из отдаленных поселений каньона приветствовали их и отправляли в Твердыню гонцов с вестью об их возвращении. Когда путешественники достигли огромного пещерного грота с основными зданиями архивов, им навстречу выбежали встревоженные ученые. В послеполуденных тенях они встретили усталых, но преуспевших скитальцев, которые поднялись по крутой скалистой тропе.

— Смотрите, у нее ребро дракона! — воскликнула Глория, помахав рукой.

Франклин рядом с ней облегченно вздохнул. Робкая Мия радостно кинулась к Натану, которому Бэннон помогал подняться к алькову. Она затараторила об увлекательных и полезных книгах, которые прочла в его отсутствие, а волшебник тепло и по-отечески похлопал девушку по спине.

— Во время путешествия я использовал твой платок, моя дорогая. Закливание работало неплохо: освежало и придавало сил. — Мия засияла от гордости, и Натан показал ей неизменно прохладную и влажную тряпицу. — Удивительная и крайне полезная толика магии.

Оказавшись внутри архивного комплекса, Никки решительно направилась в главный зал. Там она скинула с плеч большую реберную кость и положила ее на первый попавшийся стол, отодвинув груды книг, оставленных рассеянными учеными.

— Теперь мы можем создать необходимое оружие.

Она провела рукой по гладкой поверхности кости, изучая ее при свете волшебных факелов, горевших у входа в главный зал. Ученые вокруг нее затаили дыхание, желая взглянуть.

Никки расправила плечи и решила объяснить:

— Это ребро принадлежало синему дракону по имени Гримни. Из его кости я создам мощный лук, выстрелом из которого убью Викторию. Это наш шанс остановить катастрофу, которую я считаю даже более серьезной, чем Поглотитель жизни. — Она увидела надежду в их глазах. — Мне просто нужно подготовиться. Попросите охотников каньонов принести мне их лучшие стрелы и тетиву. Остальное я приготовлю сама.

Натан пробежался пальцами по своим светлым волосам, глядя на ученых и, в частности, на Мию.

— Были ли у вас проблемы в наше отсутствие? Возможно, Виктория и ее дикие джунгли атаковали Твердыню? Еще один шаксис?

Франклин взорвался потоком слов, словно больше был не в силах сдерживаться:

— Как вы и сказали, мы возвели баррикаду у внешней стены плато, поставили деревянные решетки и брусья поперек отверстия, чтобы предотвратить новые нападения. Мы пытались сделать это место неприступным.

— Но ужасные джунгли продолжают разрастаться, — добавила Глория. — Они заполонили долину, и теперь даже предгорья заражены жизнью. Несколько терновых лоз добралось до стены плато и уже взбираются по утесам.

— Заросли все ширятся и ширятся, — сказал Франклин. — Их ничем не остановить.

Мия кивнула, нахмутив лоб от беспокойства.

— Мы думали, ничто не может прорваться через наши деревянные баррикады и балки, но когда магия Виктории коснулась их, из древесины появились ростки! Они все разрастались, и вскоре помещение возле отверстия алькова заполонила непроходимая чаща. Мы пытались срезать ростки, но все было тщетно. Они росли слишком быстро.

— Когда не вышло с деревом, мы заложили проход каменными блоками, — подхватил Франклин. — Теперь мы в безопасности — если только Виктория не найдет способ оживить камень.

— Отличное решение, — сказал Бэннон.

— Решение временное. — Никки покачала головой. — Через какое-то время лозы и корни пробьют даже самый крепкий камень. — Колдунья погладила изогнутое драконье ребро, представляя его в действии. — Но я не дам Виктории этого времени.

Мия подошла к волшебнику, держа в руках обгоревшую книгу. Страницы пожухли и почернели, обложка обуглилась.

— Натан, я хочу показать вам книгу, которую мы спасли от пожара после нападения шаксиса. Когда я перекладывала книги, то нашла здесь упоминание о луке из драконьей кости. Я знаю, что это важно для необходимого нам заклинания. Не могли бы вы помочь мне изучить записи? Может, нам удастся разобрать слова на поврежденных страницах? — Она опустила голову. — Без вас я не решилась использовать свой дар, чтобы восстановить чернила и бумагу.

— Что ж, с радостью присмотрю за процессом, моя дорогая, — сказал Натан, следуя за девушкой. — Как думаешь, мы могли бы выпить чаю во время чтения? И что-нибудь съесть?

— Где же наше гостеприимство? — воскликнула Глория и распорядилась подать обед. — Эти люди проделали долгий путь! Виктория никогда бы не... — Она смущенно осеклась, осознав, что сказала.

Никки, уставшая и грязная, в разорванном черном платье и прохудившихся ботинках, отказалась от отдыха:

— Мне нужно приступить к работе. Я возвращаюсь в свою комнату, чтобы создать лук.

— Я помогу, — сказала Чертополох, крутившаяся возле Никки. — Покажи, что делать.

Увидев рвение в глазах девочки, Никки указала на коридор.

— Пойдем со мной. Там потребуется моя магия, но ты можешь наблюдать и быть наготове, если мне что-нибудь понадобится.

Чертополох кивнула и беспечно зашагала с колдуньей по каменным тоннелям.

Когда они добрались до своей комнаты, девочка налила воду в умывальник и Никки освежилась, протерев влажной тряпкой лицо и усталые глаза. Закончив, она ополоснула тряпку и протянула ее Чертополох.

— Теперь вытрись и ты, по крайней мере так, чтобы я смогла разглядеть твое лицо.

— Но ты же и так его видишь.

— Я хочу разглядеть его как следует. Ты вполне можешь оказаться симпатичной девчушкой, но доказательств этому я пока не вижу.

Чертополох насмешливо нахмурилась:

— Только если не заставишь меня надеть розовое платье.

— Никогда.

Чертополох принялась отмывать щеки, лоб, глаза и нос, усердно орудуя тряпкой.

— Уже хватит?

Кое-где, как заметила Никки, девочка действительно оттерла лицо до чиста, но местами лишь размазала грязь. Вода в тазу стала коричневой.

— Пока да. Можешь сидеть на своей овчине и наблюдать за мной, только тихо. Мне нужно сосредоточиться.

Девочка отреагировала так, будто Никки поручила ей серьезную миссию. Она удобно устроилась на овчине, подобрав под себя ноги. Когда один из работников архива спешно принес поднос, на котором были чай, печенье и фрукты, Чертополох поухаживала за колдуньей, и та отвлеченно принялась за еду. Девочка мигом проглотила свою порцию.

Никки села на тюфяк и положила на колени длинную кость, размышляя, как придать ей форму лука. Она провела ладонью по изгибу ребра Гримни, ощутив структуру кости, и выпустила магию, чтобы видоизменить ее. Никки размягчила, а потом уплотнила костный мозг, ощутив великую мощь внутри жесткого изогнутого ребра, и стала вливать силу в кость.

Работая осторожно и аккуратно, она скорректировала дугу, затем сформировала на каждом конце шейки под тетиву, добавила гибкости нужным участкам, увеличив трещины в костной структуре, а потом запечатала поры. Она не теряла концентрации и была поглощена процессом.

Подняв взгляд, Никки увидела, что Чертополох крепко спит, свернувшись калачиком на овчине. На миниатюрном личике спящей девочки было расслабленное выражение, ее лоб разгладился — сирота чувствовала себя в покое и безопасности.

Колдунья знала: если она хочет защитить девочку, необходимо расправиться с Госпожой Жизнь.

Пока Чертополох дремала, Никки закончила свою работу. Она чувствовала, как ребро дрожит от энергии и гнева, готовое выполнить свое предназначение. При жизни синий дракон Гримни жаждал новых впечатлений и великих свершений. Теперь он это получит.

Поглаживая новое оружие, Никки думала о том, как принесет столь необходимую смерть пульсирующему злу первобытного леса.

* * *

Оставив ученых позади, Мия привела Натана в небольшую хорошо освещенную учебную комнату. В руках у нее была обгоревшая книга, уцелевшая в огне, который сжег шаксиса.

Натан взял стул и похлопал по скамье рядом.

— Теперь давай изучим записи, которые ты нашла. Чем больше поймем, тем больше шансов будет у Никки. — Волшебник знал, что в случае неудачи они не смогут вернуться в юдоль Кулот и потребовать у серого дракона еще одно ребро. — У нас лишь одна возможность.

Они с Мисей сидели в тесной нише при ярком свете свечей, склонившись над черными съезжившимися страницами.

— Я не знаю, насколько это важно, — сказала Мия, разгладив страницы и указав на текст на эклектическом диалекте. — Но тут есть упоминание о луке из ребра дракона.

— Это не может быть совпадением. Я никогда не слышал, чтобы скелеты драконов были особенно полезны. — Натан дотронулся до своих губ. — Хотя признаю, они, безусловно, впечатляют.

Девушка нахмурилась, глядя на обгоревшую бумагу со смазанными буквами.

— Раньше никто не обращал на это внимания, ведь мы искали заклинание, которое прекратит излияние жизни. — Она слабо улыбнулась волшебнику. — После вашего ухода я продолжила поиски, а один ученый сослался на эту книгу. На самом деле он искал способ излечения мужского бессилия. — Девушка понизила голос до заговорщицкого шепота. — Пришлось постараться, чтобы заставить его признать это.

— Лечение мужского бессилия? Полагаю, оно имеет отношение к возвращению к жизни, — хмыкнул Натан. — Он нашел противодействие?

— Нет, он не обнаружил подходящего заклинания, поэтому положил книгу на полку в коридоре и вернулся к обычной работе в архивах. Сразу после этого напал шаксис и началась неразбериха. Некоторые страницы повреждены, но я заметила упоминание о луке из драконьего ребра и не сомневалась, что вы захотите взглянуть. — Она указала на большое коричневое пятно на бумаге: — Вот здесь.

— Действительно. Мы уже знаем о силе костей, моя дорогая. А тут упоминается о нужном оружии?

— Да, о самом луке и могущественном одаренном, который может выстрелить из него. Но это только часть заклинания! В этом разделе, в поврежденной его части, указаны требования к стреле. Прежде мы не располагали всей информацией.

Натан обеспокоенно сдвинул брови. По его спине пробежал холодок.

— Ты уверена, что стрела тоже должна быть особенной? Лук не придаст ей необходимой магии? Об этом я не подумал, и... это немного пугает. Что же еще нам нужно сделать? — Волшебник прищурился, но чернила на краях страницы обгорели. Он знал, что Никки не захочет с этим медлить. — Повреждения слишком сильные, текст нечитаем.

— Я могу попытаться все исправить, — с улыбкой сказала Мия. — Я обнаружила один трюк, когда изучала старые книги, но не хотела пробовать его без вас. Никогда не применяла его, но вроде бы понимаю суть.

Девушка провела пальцами по краям страниц, затем выпустила тоненькую струйку дара. К радости Натана края бумаги снова стали белыми,

затем коричневатými. Страница восстановилась и окрепла, на ней снова появились окончания предложений.

Восхитившись легкостью, с которой девушка это проделала, Натан вздохнул.

— Я и забыл, сколько здесь одаренных людей, хотя они должным образом не обучены. — Он фыркнул. — А я — якобы великий волшебник и пророк.

— На самом деле это простое заклинание, — смущенно сказала Мия. — Ничего опасного.

— Разжечь огонь просто, если у тебя есть искра. Но без искры... — Он покачал головой и уставился на воссозданные записи. — Неважно. Итак, о чем тут говорится?

Мия сосредоточилась на новоявленных словах.

— Хм, в двустииши упоминается только «правильно подготовленная стрела». А вот здесь, — она постучала пальцем, — говорится: «Подходит только один вид яда».

— Добрые духи! Яд? Какой именно? — Натан застонал, опасаясь, что им опять предстоит долгие трудные поиски, прежде чем они смогут справиться с Викторией. — И где мы должны его искать?

Мия переворачивала страницы, и они просматривали остальные заклинания, в том числе и самое эффективное лечение мужского бессилия. Чтобы остановить Викторию, им нужен другой вид магии.

— В следующей строке есть отсылка к оригинальной книге заклинаний, которую мы не прочитали полностью. Я думала, что у нас есть вся необходимая информация, но некоторые из тех страниц слишком сильно повреждены камнем.

Натан обнадеживающе улыбнулся.

— Ты только что продемонстрировала свое мастерство, используя новое заклинание восстановления. Может, ты сможешь исправить и ту книгу?

Мия поднялась, готовая исполнить любую его просьбу.

— Возможно, смогу.

Так и не отдохнув после путешествия, старик отхлебывал свой чай и размышлял, пока молодая библиотечарша бегала в архив. Она знала, где искать, и вскоре вернулась с поврежденной книгой, которую Никки извлекла из растаявшей каменной стены.

Вместе они переворачивали страницы, просматривая древние письма, на, покрытые пятнами пыли. Призвав свой дар, Мия положила ладони на страницы, зажмурилась в глубокой концентрации и провела пальцами по размазанным строчкам. Часть каменной пыли отслоилась, словно высу-

шенная грязь, и крошечные частицы взлетали в воздух, открывая ранее расплывшиеся и нечитаемые слова.

— Я думал, мы прочитали заклинание целиком, — произнес Натан, — но на следующей странице есть раздел... — Он наклонился ближе, чтобы прочесть.

Мия очистила и освежила испорченные чернила, с удовольствием используя свое новообретенное умение. Когда буквы потемнели и стали четкими, Натан прочитал точную инструкцию по подготовке стрелы для выстрела из драконьего лука — стрелы, которая способна убить источник заклинания неконтролируемого плодородия.

Это был ключ к победе над Госпожой Жизнь, яд, нужный для выполнения их задачи.

— О, нет... — хрипло прошептал Натан.

Глава 72

Закончив, Никки подумала, что лук из кости дракона можно назвать смертоносным произведением искусства. Пропитанная магией кость была испещрена тончайшими золотыми прожилками, присущими самому дракону, — нитями, связывающими с мирозданием и с жизнью.

Никки не могла дожидаться, когда использует лук против Виктории.

Жители изолированных каньонов Твердыни часто охотились с самодельными луками, и лучшие лучники уже снабдили ее крепкими тетивами из плетеных овечьих кишок. По просьбе Никки они принесли ей множество длинных стрел с вороньим оперением и треугольными железными наколочниками, грани которых были заточены до зеркального блеска.

Как только Никки натянула изящный гнутый лук, он загудел от энергии одного из самых величественных созданий в мире — дракона, связанного с источником жизни в недрах земли. Вероятно, тот же источник питал и Первозданное древо. Лук вибрировал в руке, будто дух Гримни стремился в последнее приключение.

Никки была готова. Стрелы тоже.

Она взяла свое оружие и пошла по извилистым тоннелям в зал собраний Твердыни, который находился в сердце плато. Натан уже был там. На его бледном лице было выражение потрясения, а юная Мия выглядела испуганной.

Никки тут же ощутила что-то ужасно неправильное.

— Что случилось, волшебник? — Ее рука стиснула лук.

Натан открыл рот и закрыл его, не находя слов.

— Скажи мне.

Резкий тон колдуньи вынудил старика ответить:

— Лука недостаточно.

В это время в зал бодро вошел Бэннон, полный энергии. Чертополох сопровождала юношу, словно младшая сестренка. Она была отмытая, переодетая и отдохнувшая.

Глаза Бэннона блестели от предвкушения великой битвы. Казалось, он слишком наивен, чтобы чего-то бояться.

— Я готов сразиться с Викторией! Вместе мы уже уничтожили Поглотителя жизни. Могу ли я присоединиться к вам, колдунья?

Никки резко вскинула руку, пресекая поток слов молодого человека. Эффект был как от заклинания безмолвия.

Темно-медовые глаза Чертополох широко распахнулись от изумления. Бэннон смущенно огляделся и заметил выражение лица Натана.

— Ч-что случилось? В чем дело?

Натан подвинул им через стол старую поврежденную книгу.

— Лук из ребра дракона — чрезвычайно мощное оружие, и ты действительно достаточно могущественная колдунья, чтобы использовать его. Но это не все требования для магии, способной уничтожить Викторию. Есть кое-что еще... — Он медленно покачал головой. — Цена победы намного больше, чем мы предполагали. — Он открыл покрытый пятнами том на тех страницах, которые Мия восстановила с помощью магии, и показал пальцем нужные слова. — Прочти древний текст сама, колдунья. Сделай свои выводы. — Голос волшебника стал намного тише. — Слова не оставляют сомнений.

Мия уставилась на строчки, словно надеялась, что буквы переменились, а потом тяжело опустилась в кресло.

Бэннон решительно расправил плечи.

— Цена не важна. Мы должны остановить Викторию, — выпалил он. — После того, что она сделала с бедными девушками...

Натан сверлил Никки своими лазурными глазами:

— Чтобы убить Госпожу Жизнь, ты должна использовать не только лук из кости дракона, но и стрелу, покрытую жертвенным ядом — ядом, способным выпить всю энергию из самой жизни.

— Что за яд? — спросила Чертополох.

Никки посмотрела на страницу и прочитала слова, которые волшебник произнес вслух:

— Утрата любимого человека. — Он глубоко вздохнул. — Острота стрелы и мощь лука не столь важны. Нужно, чтобы наконечник стрелы был

покрыт кровью сердца того, кого лучник любит и сам убил. А мы уже решили, что стрелять будешь ты, колдунья.

Бэннон и Чертополох ахнули. Мия съежилась в кресле, ее плечи тряслись. Никки окатила ледяная волна, когда она снова прочитала заклинание и поняла его смысл.

— Это недопустимо.

Прежде чем она успела продолжить, далекий треск нарушил тишину каменного зала и прокатился по коридорам. Ученые Твердины выбежали в коридор узнать, что случилось.

Мимо двери, выпучив глаза и крича, промчался старый библиотекарь с длинной белой бородой:

— Наружная стена! Лозы Виктории прорвали оборону плато!

Никки выскочила из зала и бросилась к внешней стене плато через скопление напуганных ученых; остальные последовали за ней. Чертополох быстрее всех помчалась туда, где обезумевшая толпа пыталась залатать отверстие, пробитое смертоносной извивающейся растительностью. Мужчины и женщины лихорадочно тащили из других комнат ящики, каменные глыбы и любые предметы, способные заблокировать проход.

Толстые колючие лозы первобытных джунглей карабкались по внешней стене подобно армии захватчиков. Лианы и щупальца вонзались в скальные трещины, пробивая себе путь и прорываясь через защиту. Лозы захватили внешние помещения, запечатанные каменными блоками. Деревянные балки, которые защитники когда-то установили в этом месте, превратились в огромные вьющиеся заросли и сокрушили временную баррикаду. Каменные осколки усыпали пол в холле. Дикая растительность вторглась в ранее непреступный архивный комплекс.

Мия вскрикнула от ужаса при виде приближающихся растений. Чертополох увернулась и отскочила от цепких лоз и веток, заполонивших коридор. Пряткие усики оцарапали ее кожу, но девочка оттолкнула их и убежала.

Натан был безоружен, но Бэннон ринулся в атаку, рубя клинком хлесткие лозы и ветви. Один побег размахнулся и сильно ударил юношу по виску, едва не оглушив. Бэннон пошатнулся, и его ноги подкосились.

Натан успел подхватить своего ученика и оттащить назад, пока лозы не бросились за ним. Из головы Бэннона текла кровь; он со стоном выронил меч, и тот со звоном упал на каменный пол. Старик тащил юношу дальше, чтобы в относительной безопасности осмотреть его рану.

Мия, оцепеневшая при виде кошмарных растений, стояла слишком долго. Она не успела уклониться, когда усеянная колючками лоза бросилась на нее, обернулась вокруг шеи и затянулась. Острые шипы погрузи-

лись в горло Мии, пробивая плоть и кровеносные сосуды. Брызнули алые капли, девушка кричала и отбивалась.

— Нет! — крутанувшись, взвыл Натан.

Он ринулся на помощь Мии, инстинктивно выбросив вперед руку в попытке призвать магию... но ничего не произошло. Ни единой искорки. Он был беспомощен.

Резким движением коварная лоза сломала шею девушке, а затем отбросила тело к стене.

Никки растолкала перепуганных ученых, пробираясь вперед и лихорадочно пытаясь вспомнить достаточно могущественное заклинание, которое остановит вторжение.

Не обращая внимания на стонущего Бэннона и вопившего от горя и ярости волшебника, Никки подумала о том, как манипулировала оплавленным камнем в глубоких хранилищах, преобразовывая и перемещая скалу. Теперь колдунья обратилась к структуре стен плато и стала изменять форму камня, как если бы тот был мягким свечным воском. Она намеревалась закрыть проем непроницаемым занавесом. Под ее воздействием камень потек вниз, перерубая вьющиеся лозы и ветки и запечатывая наружную стену плато. Камень затвердел, восстановив целостность скалы и прекратив вторжение смертоносной зелени. Они были в безопасности. Пока что.

Натан с рыданиями опустился на пол, прижимая к себе мертвую девушку. Кровь текла из страшных ран на шее Мии, пропитывая одежды волшебника. Ее голова безвольно повисла.

— Она была такой умной, такой преданной, — стонал старик. — Добрые духи, если б не Мия, мы не нашли бы вторую часть заклинания, и все наши усилия пошли бы прахом. Благодаря ей у нас появился шанс. — Он поднял на Никки свои покрасневшие глаза. — У нас есть шанс.

Никки взглянула на потрясенных и испуганных ученых. У нее не было никаких иллюзий относительно того, как нелегко будет справиться с таким ужасным неприятелем.

— Нам нужен жертвенный яд для стрелы. — Задача казалась ей невыполнимой, внутренности скрутило от ужаса. Кровь сердца любимого? Голос ее был холоден: — Вот только я никого не люблю.

Мрачное, но честное заявление. Ее единственной настоящей любовью, единственным человеком, которого она когда-либо любила, был Ричард Рал. Она отдала ему свое сердце со всей страстью, которая теперь преобразилась, но не угасла. Вначале любовь эта была темной, ложной, но к Никки пришло прозрение. Она повзрослела и усвоила свой урок, в конце концов признав, что Ричард будет любить лишь Кэлен. Эти двое принадлежали друг другу особым образом и ни за что и никогда не могли быть разлучены.

Никки давно это осознала. Она по-прежнему любила Ричарда всем сердцем, но по-другому. Она отправилась в Древний мир, чтобы служить ему, исследовать его новую империю, заложить основу для новой золотой эпохи... даже если это означает, что она будет очень далеко от него.

Она не верила словам Рэд о спасении мира ради Ричарда, но теперь увидела, что ведьма права. Сначала Поглочитель жизни, а теперь безумная Виктория, которая собирается поглотить мир и опустошить Д'Харианскую империю. Никки должна сделать все необходимое, чтобы одолеть врага, но для этого нужна кровь сердца ее любимого.

Она любила Ричарда и не могла думать ни о ком другом.

Никки должна сделать выстрел. Никто другой не имеет необходимой силы, чтобы встретиться с Викторией. Натан потерял контроль над своим даром, а ни один из этих ученых-любителей и дилетантов Твердыни даже близко не стоит со способностями Никки. Это предстоит сделать ей.

Но... кого она любила? Действительно любила? Ричард...

Это невозможно. Она не может спасти мир ради Ричарда, если для этого ей придется убить его. О, если бы он знал о ситуации и действительно понимал, что стоит на кону, то без раздумий согласился бы на все условия. Никки не сомневалась, что он разорвал бы свою рубашку и подставил грудь, чтобы колдунья могла взять кровь из его сердца. Ричард охотно дал бы Никки необходимое — кровавый яд, который остановит Госпожу Жизнь. Но он был на другом краю света.

Никки ни за что не убьет Ричарда, она не сможет этого сделать. Сама мысль наполняла ее ужасом. Она вспомнила, как была раздавлена, когда остановила его сердце, чтобы он мог отправиться в подземный мир спасать Кэлен. Ричард умолял ее, и Никки не смогла ему отказать.

Но теперь... Пожертвует ли она целым миром лишь для того, чтобы Ричард мог прожить немного дольше? Звучало глупо, но колдунья знала, что выберет Ричарда. Живот скрутило в узел.

Должно быть, где-то далеко в Темных землях сейчас хохочет Рэд.

Кровь сердца любимого.

Никки слушала стоны ученых, зная, что все они напуганы, но не так отчаянно, как она сама. После трудных поисков ребра дракона она ожидала обрести оружие против Виктории. Но этого оказалось недостаточно, и теперь последний компонент казался просто недостижимым. Никки не знала, что и делать.

Натан сидел на полу, глядя на бледное безжизненное лицо Мии. Он убрал с ее лба бледно-каштановые волосы.

— Мне очень жаль, моя дорогая. — Со страдальческим выражением лица старик вытирал лоб девушки вечно влажным и прохладным платочком, который она подарила ему перед путешествием в юдоль Кулот.

Никки бросила взгляд на Чертополох, которая чудом не пострадала — у нее была лишь царапина на ноге.

Перед Никки возник Бэннон, у которого все еще кровоточила рана на лбу. Он опустил на пол острие своего бесцветного меча и утер кровь, очевидно, собирая все свое мужество. Он поднял подбородок и посмотрел на Никки.

— Я, колдунья. — Он сделал прерывистый вдох. — Это должен быть я. — Юноша сунул пальцы под ворот своей рубашки и разорвал ее, обнажая грудь. — Я знаю, что вы заботитесь обо мне. Я видел, как вы смотрели на меня после того, как мы вместе сразились с Поглотителем жизни. Вы похвалили меня за то, что я оказался полезен. И я видел, что натворила Виктория... что она уже сделала с Одри, Лорел и Сейдж. — Грустная решимость наполнила глаза юноши. — Если я смогу спасти мир, отдав свою жизнь, тогда я с радостью пойду на это. Достаньте свой кинжал и возьмите кровь моего сердца. — Он тяжело сглотнул. — Оно все равно принадлежит вам. — Он запрокинул голову и закрыл глаза, приготовившись к смертельному удару.

Смутившись, Никки хмуро посмотрела на него.

— Не будь дурнем. — Она оттолкнула юношу. — Это не сработает, и у меня нет на это времени. — Оставив удрученного Бэннона, колдунья направилась в палаты архива, надеясь найти другой ответ в одной из книг заклинаний — другой способ.

Внутри нее поселился страх. Что, если после всего пережитого в ее жизни нет человека, которого она любит?

Глава 73

С усердием истового помнящего Никки рылась в своих знаниях, перебирала выученные заклинания и взывала к силам, украденным у убитых ею волшебников. Другое решение должно существовать.

Колдунья хотела остаться наедине с ворохом своих мыслей, поэтому вышла из здания под большой навес главного грота. Она смотрела на укромные каньоны и жилища в небольших нишах на противоположном утесе. Все эти люди жили в своем укрытии на протяжении тысячелетий, охраняя секретный архив. Наверно, они были в безопасности от угроз внешнего мира, пока юная Виктория случайно не сняла маскировочный саван, открыв великую библиотеку.

Знания архива были довольно опасны, но еще опаснее были дилетанты, возомнившие себя волшебниками — они не понимали сил, которые по глупости высвобождали.

Наступил вечер, и уединенные каньоны казались мирными и спокойными, словно не подозревали о чудовищном потоке жизни, накатывавшем на другую сторону плато. Никки должна остановить Викторию, которая превратилась в чудовище. Колдунья знала, как повергнуть Госпожу Жизнь, но не знала, как заплатить цену, сколь бы высокой та ни была. Задача была неразрешимой.

У одаренной колдуньи был лук из ребра дракона, стрелы и сила воли. Никки была готова встретиться с Госпожей Жизнь и убить ее. Но у нее не было жертвенного яда. Никки отказывалась смириться с тем, что решения нет. Она никогда не отступала.

Залы Твердыни наполнились напряжением; ученые пытались найти способ помочь. Натан оплакивал смерть Мии, и Никки знала, что волшебник сделает все, чтобы уничтожить Викторию и ее безудержную плодовитость. Но у него не было магии... а дикая и неконтролируемая обратная реакция оставшихся крох может причинить еще больше разрушений, чем Виктория.

Должно быть что-то еще...

Затерявшись в своих мыслях, Никки смотрела на тихий каньон. Пастухи, фермеры и садовники занимались своими делами, ожидая того, что случится дальше. Защищенные, миролюбивые, безмятежные.... Тяжелый груз давил ей на плечи. Эти люди рассчитывали, что колдунья всех спасет, потому что ни у кого другого не было нужных способностей.

Однако сама Никки сомневалась, что у нее есть нужная способность — способность любить. Как смешно и трагично! У нее были обширные знания, великая магия, множество умений и украденная сила, но великой слабостью Никки оказалась простая человеческая эмоция, на которую способен любой ребенок.

Глаза защищало, пока она смотрела на тайный каньон, где множество людей мирно жили на протяжении поколений. Никки хотела сохранить дом для обитателей Твердыни, и особенно для Чертополох. Девочка многое пережила и потеряла.

В детстве Никки любила своего отца, хотя ее убеждали в обратном. Не понимая глубины его приверженности своим работникам, делу и будущему, Никки наблюдала за работой отца в оружейной. Она отмечала уважение рабочих к нему, но не отдавала должного его умениям — благодаря извращенному влиянию матери.

Мать заставляла Никки чувствовать себя бесполезной, кормя девочку изнурительной философией Ордена до тех пор, пока Никки не захлебнулась ею, принимая за прекрасное угощение.

Лишь когда Ричард снял повязку с ее глаз и показал, как разбить эти пожизненные оковы, Никки поняла, как отец был предан своему делу и сколько вреда нанес ему Орден; поняла, что украл у нее Орден своей искаженной философией.

Но отец Никки давно умер, Орден уничтожен, а Джеганя она убила лично. Никки не могла переделать прошлое. Вместо этого она должна смотреть в будущее. Теперь, выполняя новую миссию во имя Ричарда, которую Никки приняла всем сердцем, она могла спасти мир от Госпожи Жизнь... если только найдет способ использовать свое оружие.

Из каменных ворот главной башни появилась встревоженная Глория. Она помахала Никки:

— Колдунья! Мы искали вас.

В Никки затеплилась искорка надежды. Она была готова схватиться за любую соломинку.

— Вы нашли другое решение? — спросила она.

Круглые щеки Глории сдулись, когда она с силой выдохнула.

— Нет-нет, колдунья. Просто сирота попросила отыскать вас. Она сказала, что это чрезвычайно важно.

Никки мгновенно насторожилась.

— С Чертополох все в порядке?

— Она ждет в вашей комнате, чтобы поговорить с вами. По ее словам, это срочно, но она ничего не рассказала нам, лишь просила найти вас как можно скорее.

Оставив Глорию, Никки поспешила к главному зданию. Мчась по коридорам, она беспокоилась о девочке. Чертополох видела разрушение своей деревни, сражалась с пыльными людьми, песчаными пумами и драконом, и если уж она утверждала, что это срочно...

А может, она вспомнила какую-то полезную деталь?

Чертополох ждала ее в комнате, сидя на койке. Истертые коленки были прижаты к груди, все тело дрожало. Когда девочка увидела Никки, большие глаза цвета темного меда наполнились облегчением вперемешку со страхом.

Девочка заговорила первой:

— Я уже съела семена. Я знала, что ты попытаешься остановить меня, но уже поздно. Был лишь один действенный способ, и теперь тебе придется сделать это.

По спине Никки пробежал холодок. Она шагнула вперед.

— Что ты имеешь в виду?

Чертополох сжимала в руках высушенные лепестки и листья. Никки мгновенно узнала сморщенное растение — особый фиолетово-малиновый цветок с хрупким стеблем. Девочка протянула руки, показывая лепестки. Гибельный цветок, ядовитое растение, которое Бэннон неуклюже подарил ей, не ведая его ужасающих возможностей. Никки была колдуньей и потому сохранила соцветие — столь мощное средство не должно пропадать впустую.

Глаза Чертополох сверкнули. Никки кинулась к девочке, но та сунула в рот остатки высушенных лепестков.

— Остановись! — Никки навалилась на сироту.

Чертополох проглотила.

Никки схватила ее подбородок и потянула вниз, чтобы убрать из рта остатки, но Чертополох крепко сжимала зубы.

— Слишком поздно, — пробормотала она. У нее уже начались судороги.

Никки призвала магию. Может, с ее помощью она вызовет у девочки рвоту или найдет способ нейтрализовать смертельную субстанцию.

Но Никки знала, что никакое исцеляющее заклинание не сможет противостоять яду гибельного цветка. Колдунья вспомнила пытки императора Джеганя: он испытывал разные применения смертоносного растения в лагерях, которые называл Землями Крика. Это не одна из тех леденящих душу историй, которые шепчут над кружкой эля в таверне. Гибельный цветок поистине был самым страшным ядом из существующих.

Если бы Никки могла убить Джеганя еще раз, она бы это сделала.

— Против него нет лекарства, — с вызовом сказала Чертополох. — Ты сама мне об этом говорила. — Теперь ее рот был пуст. Она проглотила каждую частицу гибельного цветка.

В гневе и отчаянии Никки трясла девочку за узкие плечи.

— Чем ты только думала? Зачем?

— Чтобы не оставить тебе выбора, — ответила Чертополох. Жестокая дрожь сотрясала ее тело, голос был прерывист. — Чтобы вновь сделать долину прекрасной, чтобы каждый мог жить своей жизнью... как я всегда хотела.

Никки обняла Чертополох, словно боялась, что сирота попытается сбежать.

— Глупый, бесполезный поступок. Это не поможет.

Перед глазами Никки промелькнул образ Джеганя, который сидит возле своего шатра, слушая долгую агонию испытуемых, которые проглотили яд. Некоторые умирали несколько часов, другие — несколько дней. Даже самая умеренная доза вызывала кровотечение из глаз, ушей и носа. Некоторые жертвы корчились так неистово, что из-за судорог ломался хребет.

Они кричали, пока не отхаркивали свои голосовые связки кровавыми ошметками. Их кожа распухла, суставы лопались. Некоторые раздирали кожу на лицах, пытаясь избежать боли.

Сирота вздрогнула в объятиях Никки и начала кашлять. Ее кожа была белой как мел, губы побледнели. Грустные медово-карие глаза покраснели.

Никки знала, что будет дальше.

— Лекарства не существует, дитя. Зачем ты сделала это с собой?

— Ради тебя, — выдавила Чертополох. — Чтобы дать необходимое. Сделать выбор за тебя. — Она корчилась и дрожала, и Никки усилила хватку, пытаясь ее сдержать. — Но кое-что ты можешь — дать мне быструю и безболезненную смерть. Избавление. — Она подняла глаза. — Возьми одну из стрел и пронзи мое сердце, быстро и легко. Пока еще не поздно.

— Нет! — Никки призвала свою магию, пытаясь найти исцеляющие заклинания. Она направила в девочку силу, чтобы поддержать ее, но яд губительного цветка был подобен бушующему лесному пожару. — Я не могу!

— Возьми кровь моего сердца. Она нужна тебе для Виктории.

Никки бросила взгляд на бритвенно-острые стрелы с железными наколечниками, которые оставила на письменном столе.

— Если любишь меня, то спасешь от того, что будет дальше, — сказала Чертополох. — Убей меня. Пронзи мое сердце стрелой.

— Нет!

Девочка продолжила охрипшим голосом:

— У тебя будет кровь — жертвенный яд. — Когда начались конвульсии, ее маленькие руки вцепились в черное платье Никки. — Останови Викторию, спаси мою землю.

Сердце Никки разрывалось. Она держала сироту, чувствуя, что спазмы набирают силу. Колдунья знала, что боль — лишь начало того, что будет длиться часы, возможно, дни; Чертополох, непрестанно крича, будет медленно разрывать себя на части.

— Я знаю, ты любишь меня, — пробормотала Чертополох, поднимая дрожащую руку, чтобы на мгновение коснуться щеки Никки.

— Нет... — прошептала Никки, но была не уверена, что девочка ее услышала.

Чертополох кашляла и вздрагивала, прижимаясь к ней лицом.

Не желая отпускать умирающую девочку, Никки протянула руку и магией вытащила из колчана одну стрелу. Та проплыла по воздуху через комнату и опустилась на ее ладонь. Никки стиснула пальцами древко, заметив серебристый блеск отточенной кромки наконечника.

Чертополох больше не могла сдерживать боль. Она содрогнулась и закричала.

Никки крепко сжимала девочку, зная, что агония только усилится. Держа стрелу в правой руке, она легонько повернула Чертополох левой, находя уязвимое место на груди. Слезы блеснули в глубоких синих глазах Никки, и она толкнула стрелу вперед, забирая боль девочки так мягко, как только могла.

Когда она вытащила стрелу, ее наконечник и часть древка стали красными от густого слоя крови из сердца Чертополох. Жертвенный яд.

Никки склонила голову и невольно добавила еще больше яда на кровавую стрелу — одинокую слезу. Первая слеза, которую она проронила за очень долгое время.

Глава 74

Никки шагала по Твердыне, готовая убить Госпожу Жизнь. Она казалась себе черной тенью с острыми краями. Внутри была пустота, а вместо сердца — бездонная яма, как та, что была в центре Язвы. Никки сжимала окровавленную стрелу, чей острый наконечник совсем не затупился от липкого покрытия. Жертвенный яд был основан на опасной любви — любви, существования которой Никки никогда не признавала.

Теперь ее сердце стало жгучей раной.

Отважная сирота отдала свою жизнь, вынудив Никки сделать ужасную вещь, чтобы добиться победы, в которой они все нуждались. Чертополох углядела в сердце Никки то, о присутствии чего колдунья и не подозревала. Она крепко сжимала стрелу, но заставила свои мускулы расслабиться, чтобы в гневе не переломить древко. Она не смеет потерять оружие, приобретенное такой огромной, невероятной ценой.

Ценой крови Чертополох.

Обычно она отвергала подобные чувства, сжигала их или ограждалась от них, но теперь Никки нуждалась в этих эмоциях, потому что любовь являлась жизненно важным компонентом. Любовь была ядом. Виктория совсем скоро обнаружит, что любовь смертельна.

Никки заметила, что пока готовилась отправиться в первобытные джунгли, измазала свое черное платье кровью невинной девочки. Еще больше яда.

Колдунья не обратила внимания на напряженных и испуганных ученых, сгрудившихся в Твердыне. Они видели в ней спасительницу, которая остановит Госпожу Жизнь. Бедняжка Чертополох уже заплатила цену.

Виктория заплатит гораздо больше.

Будущее и судьба зависят как от путешествия, так и от его цели.

В широком коридоре ей встретился Бэннон в свежей дорожной одежде и со скромным мечом у бедра. Бледное лицо юноши осунулось.

— Я готов пойти с вами, колдунья, — сказал он.

Натан стоял рядом, изможденный и безутешный, но в лазурных глазах волшебника еще горел огонь.

— Пусть я не могу использовать свою магию, но мы с Бэнноном опасные бойцы. Ты сама это знаешь. Мы пойдем с тобой.

Юноша тяжело сглотнул.

— Чертополох дала нам шанс. Мы должны сделать все вместе.

Никки долго молча смотрела на своих компаньонов, а затем покачала головой.

— Нет, я пойду одна. Это моя битва. Чертополох выполнила свою часть — теперь я выполню свою. — Никки не смела нуждаться в них. Она закинула на плечо лук из драконьей кости, держа в руке всего одну стрелу с окровавленным наконечником. Запасные были не нужны — хватит и этой. Должно хватить. — У меня есть все необходимое.

После долгого горестного молчания Натан, казалось, все понял. Он протянул руку и вцепился в плечо Бэннона, пока тот снова не заговорил.

— Дело не в нас, мой мальчик. Ты уже не единожды проявил себя. Колдунье нужно сделать это в одиночку.

Бэннон беспомощно глянул на свой меч, словно тот стал бесполезным. Когда юноша встретился взглядом с Никки, его лицо застыло от того, что он увидел. Он отступил, тяжело сглотнув.

— Наши сердца отправляются с вами, колдунья. Я знаю, у вас все получится.

Натан глубоко вдохнул и медленно выдохнул.

— Никки и есть самое смертоносное оружие.

Пройдя через тоннели, она вышла к стене на противоположной стороне плато. Ранее Никки преобразовала скалу, чтобы та запечатала Твердыню, остановив вторжение безумно растущих джунглей, но даже каменные стены не могли остановить колдунью. Выпустив магию, она сдвинула гладкую скалу, словно мягкую глину, и оттолкнула в сторону, открывая путь наружу.

Перед ней предстала доисторическая катастрофа — подступающая стена вьющейся зелени, запутанных лоз, грибов величиной с дом, которые взрывались, источая споры. Зловонный лес гудел от туч комаров и мух. Чтобы разрешить чрезвычайную проблему, Виктория пошла на еще более чрезвычайные меры.

Ветви тянулись вперед, лозы извивались, папоротники разворачивали свои листья. Дымка из пылицы и спор наполняла воздух удушающими ми-

азмами. Растительность сражалась со скалой мёсы, издавая шелест, треск и шипение, которые напоминали шум от неуправляемой армии — армии живой природы. Слишком живой.

Но Никки была Госпожой Смерть.

— Дайте дорогу, — велела колдунья.

Она вытянула руки и с грохотом высвободила разрушительную магию, расчищая путь. Огонь волшебника прокатился по зарослям, негасимый и неуправляемый. Пламя сжигало в пепел цепкие ветви и колючие лианы, массивные стволы деревьев взрывались под натиском жара, и ливень щепок измельчал соседние растения.

Проложив себе путь огнем, Никки стала спускаться по обугленному крутому склону. Через считанные мгновения выжженная земля зашевелилась и разразилась новыми побегами. Стебли трав и щупальца лоз вздымались, пытаясь схватить Никки за ноги, задержать ее или пленить. Она послала к ним мысль с чистейшим вкусом мстительного гнева, и новые ростки, сморщившись, погибли.

Колдунья вышла на охоту.

Виктория не станет прятаться. Одаренная помнящая, раздувшаяся от своей пышной плодовитости, сама хотела убить Никки. Она уже насала на них шаксиса, но теперь Никки направлялась в сердце первобытных джунглей. Она знала, что там скрывается.

Колдунья поправила лук на плече и пошла дальше, устремив вперед голубые глаза. Мертвые растения хрустели под ее ботинками. Сплетение джунглей тянулось к ней, пытаясь зацепить своими когтистыми ветвями и хлещущими листьями.

Никки призвала ветер и насала яростный шторм, который разметал растения, переломал деревья, сорвал листья с ветвей и вырвал из земли грибы и папоротники. Колдунья снова пробила себе путь. Она была оком движущегося смерча.

Расстояние не имело значения. Она знала, куда идти и где ее цель.

Такая излишняя трата магии должна была ослабить Никки, но гнев и боль восстанавливали силы. Расчистив дорогу далеко вперед, колдунья позволила ветру стихнуть и продолжила углубляться в безумное нашествие природы. Растения словно испугались учиненного ею погрома.

В эту недолгую передышку явились насекомые: облака черных кусачих комаров, рой жалящих ос и туча из десятков тысяч темных жуков.

Никки едва взглянула на них. Когда кружившие в воздухе полчища ринулись вниз, она высвободила мысль. Ей не пришлось шевельнуть и пальцем, чтобы остановить десятки тысяч крохотных сердец. Комары, осы и жуки попадали на землю черным ливнем.

Никки шагала через затихшие джунгли, но знала, что это не конец. Она еще не победила.

Впереди зашевелились ветки и листья. Появились три фигуры, некогда принадлежавшие прекрасными молодым девушкам — Одри, Лорел и Сейдж. Теперь они были одержимы и сами стали лесом. Их кожа пестрела зеленым разнообразных листьев, глаза сверкали множеством оттенков изумруда, рты были полны острых белых клыков, а волосы стали ожившим мхом.

Девушки приблизились и преградили Никки путь. Колдунья испепеляла их взглядом.

— Виктория послала вас остановить меня? Она боится встретиться со мной лицом к лицу?

— Она не боится тебя, — усмехнулось то, что раньше было Лорел. — Так она вознаграждает нас.

Когда лесные создания протянули руки, через их кожу проросли длинные шипы, с кончиков которых сочился блестящий сок, точно яд с хвоста скорпиона.

— Она дала нам шанс проверить свои силы, — сказала Сейдж.

— И повеселиться, — добавила Одри.

Когда смертоносные лесные чаровницы двинулись вперед, Никки даже не прикоснулась к луку из драконьей кости, оставив в колчане единственную отравленную стрелу.

— У меня нет времени на игры, — сказала колдунья.

Никки высвободила все еще бурлящую в ней магию, создав три клоко-чущих шара огня волшебника. Они покатались вперед подобно трем мини-атюрным солнцам. Одри, Лорел и Сейдж успели только попятиться и судорожно выставить перед собой руки в тщетной попытке защититься, а потом шары взорвались. Неудержимое пламя охватило зеленые тела, смыкаясь все плотнее, уничтожая бесчеловечных тварей испепеляющим огнем. Женские фигуры превратились в золу, источавшую запах горелого дерева вместо сожженной плоти.

— Смерть сильнее жизни, — сказала Никки, а затем перешагнула через прах и направилась к сердцу леса.

Глава 75

Джунгли перестали сопротивляться, будто смирившись. Теперь корчившийся, кипевший жизнью лес приветствовал ее, маня идти дальше. Де-

ревья отступали, а лозы отползали, очищая ей путь. Бурьян и колючие кустарники склонялись пред Никки. Одета в черное колдунья шла вперед, светлые волосы струились по ее спине.

Колдунья знала, что Виктория не сдалась. Путь перед ней превратился в зеленый тоннель со стенами из поникших папоротников и невысоких трепещущих ив. Это напоминало паутину... ловушку. Губы Никки скривились в намере на улыбку. Да, это ловушка — но ее расставила Никки, и Виктория скоро об этом узнает.

То, что недавно было Язвой, изменилось до неузнаваемости, но через какое-то время Никки поняла, что дошла до центра. Раньше из логова Поглотителя жизни поднимались витые обсидиановые столпы и обломки черных скал, но теперь Никки видела лишь пятно пышной, удушающей зелени. Деревья тянулись вверх, их ветви изгибались к стволу, напоминая сложенные в молитве руки, — молитве злобному зеленому созданию, росшему посреди поляны.

Виктория больше не была почтенной главой помнящих, наставницей, которая взяла под крыло молодых послушников и обучала их всему, что знала. Виктория больше не была человеком. Она по-прежнему обладала знаниями, хранила в памяти путаницу заклинаний и всевозможных сведений о магии, сохраненных поколениями людей с усиленной памятью. Но теперь Виктория стала чем-то гораздо большим.

Кожа обнаженного тела Виктории была инкрустирована шероховатой корой. Ее ноги были двумя вросшими в землю стволами деревьев, обвитыми лозами с ярко-зелеными листьями. Пышное гнездо поросло было в том месте, где две ноги сливались в единое туловище-ствол с округлыми деревянными грудями. Руки Виктории напоминали толстые изогнутые сучья, а пальцами были бесчисленные ветви. Волосы тянулись в разные стороны сплетением отростков и спутанного кустарника. Но лицо Виктории все еще оставалось узнаваемым, и оно внушало страх; кожа была из древесины с вкраплениями зелени. Пульсирующие струйки темной живицы сбегали по ее щекам и ушам.

Завидев Никки, Госпожа Жизнь воспрянула — совсем как птица, демонстрирующая свое оперение.

Виктория черпала силу, вытягивая из земли энергию своими корнями, что простирались по всем джунглям. Поросль рисовала огромные заклинания, чтобы усилить и укрепить чары. Создание раскрыло рот и разразилось громким, полным сарказма смехом.

Никки бесстрашно ступила на поляну, не обращая внимания на шелест и перешептывание разгневанных ветвей и стелющегося подлеска. Ее соперница здесь. Виктория отправила трех лесных чаровниц, чтобы те преградили ей путь, но теперь ей придется встретиться с Никки лично.

Госпожа Смерть остановилась перед Госпожой Жизнь, и ее ботинки утонули в мягком лесном суглинке. Черное платье липло к потной коже, и Никки дотронулась до пятна высохшей крови на ткани. Кровь Чертополох. Напоминание.

Колдунья заговорила с надменным вызовом:

— Для женщины, которая хотела вернуть жизнь земле и сделать ее цветущей, ты породила слишком много боли и разрушений, Виктория.

Гигантское тело-ствол содрогнулось, и наслоения толстой коры покрылись трещинами. Из рта хозяйки леса раздался рев:

— Я Госпожа Жизнь!

На Никки это не произвело никакого впечатления.

— А я не могу позволить тебе жить.

Она сняла с плеча ребро синего дракона Гримни и невозмутимо, не отрывая глаз от безобразного лица Виктории, согнула костяной лук. Кость загудела от энергии, от магии земли из источника Сотворения. Тетива была создана жителями Твердыни и, хотя не имела магии, несла в себе силу человеческого сотворения. Туго натянутая нить была готова исполнить свое предназначение — использовать жизнь для уничтожения жизни.

Смех Виктории всколыхнул клонившиеся к земле деревья и озлобленный подлесок.

— Одна ничтожная колдунья? Один лук? Одна стрела?

— Этого хватит, — сказала Никки. — Мы нашли заклинание, магию, что основана на самой силе жизни. Кость сотворения... кость дракона. — Она удерживала лук с натянутой тетивой и чувствовала вибрацию ребра Гримни.

— Кости самой земли, — произнесла Виктория. Ее сучья заскрипели, когда она наклонилась. — Магия, что внутри драконьего ребра? — Ее лицо сморщилось и исказилось, будто она перебирала древние знания из тысяч тайных томов, что хранили в памяти она и ее предки.

Никки достала из колчана стрелу и взглянула на острый наконечник, покрытый красной и все еще липкой субстанцией. В ее горле пересохло.

— И у меня есть стрела, покрытая жертвенным ядом. Кровь сердца того, кого я любила и кого убила. — Она положила стрелу на тетиву. — Чертополох.

Виктория отшатнулась, когда Никки дала ей последнюю подсказку. В необъятной ментальной библиотеке древних знаний другая женщина вспомнила об этом заклинании. Одна из ног-стволов Виктории вырвалась из земли. Взметнулись сучья и затрещали ветки.

Никки даже не вздрогнула.

— Ты вспомнила. Я хотела, чтобы ты вспомнила. Чертополох это заслужила.

Виктория отчаянно направила первобытные заросли в атаку. Лес стал смыкаться: все папоротники, лозы и деревья устремились к Никки. Колючки, ветви, жалящие насекомые, — все ринулись на штурм, стараясь остановить колдунью.

Но Никки оставалось только одно: натянуть тетиву лука из драконьей кости и выровнять стрелу. Она нацелила окровавленный наконечник между большими округлыми грудями Виктории.

Когда ветви, лозы и колючки уже смыкались над ней, Никки отпустила тетиву.

Магия была ей не нужна, чтобы направлять полет стрелы. Воздух свистел и пел, как чей-то последний причитающий возглас, и острый наконечник попал в цель с отчетливым стуком. Стрела, покрытая ядом крови невинной девочки, погрузилась в плоть преображенной женщины.

Ребро дракона в руках Никки разломилось надвое, не в силах выдержать натяжение тетивы. Оно выпустило свою магию, последнюю энергию, последний дар синего дракона, искавшего приключения всю свою жизнь. Когда атакующие джунгли застыли и затрепетали, Никки бросила теперь уже бесполезное оружие на землю. Оно исполнило свое предназначение.

Виктория взвыла столь пронзительно, что ее рот разорвался, а голова раскололась; ветви конечностей корчились от боли, ломались и замертво падали на поляну.

Смерть расходилась от центра стрелы, как отравляющее возмездие, отбирая украденную Викторией жизнь. Жертвенный яд стремительно пропитывал ее сердце, и зеленая колдунья стала распадаться. Кора потрескалась и загноилась. Дымящаяся кровь-жизница сочилась из раны, разливаясь вонючими сгустками по грубому телу.

Виктория вырвала из земли одну из своих толстых ног, но конечность оторвалась, словно поваленное в бурю дерево. Госпожа Жизнь медленно и долго падала под своей тяжестью, запутавшись ветвями в обступивших ее деревьях. Лианы подхватили ее тело, словно пытаясь смягчить падение, но сами побурели и завяли.

Слишком живые джунгли вокруг поляны стали сморщиваться. Деревья падали, гнили и распадались. Все излишки жизни, все, что выросло по приращению, истязаемое противоестественным плодородием, рассыпалось.

Никки отвернулась. Труп Госпожи Жизнь уже стал перегноем и возвратился в почву. Баланс магии будет восстановлен, чудовищный лес вымрет и местность примет прежний, естественный облик.

Никки закончила. Она выполнила миссию и заплатила цену. У нее больше не было причин здесь оставаться.

Колдунья зашагала обратно к Твердыне по гибнущим джунглям. Она даже не обращала внимания на подобные мелочи.

Глава 76

Когда Никки завидела впереди крутой подъем на плато, искаженные джунгли уже начали отступать, оставляя после себя лишь бледную тень — естественный растительный покров, который не искажал основ самой жизни.

Колдунья не ощущала радости победы — победы Чертополох. Никки сделала то, что требовалось, и выполнила свой долг. Она заплатила цену кровью и неожиданной любовью.

Все закончилось.

Деревья, которые совсем недавно вовсю цвели, превратились в гниющую труху, и Никки заметила впереди проблеск движения рыжего существа. Мрра. Песчаная пума скользнула между падающими деревьями и увядающими папоротниками и пошла рядом с колдуньей — не так близко, чтобы Никки могла коснуться ее шерсти, но важно было само ее присутствие. Никки набиралась сил из связывающего их заклинания, и большая кошка, похоже, тоже нуждалась в утешении.

Когда они достигли отвесной стены меса, Никки увидела, что крутой склон обвалился и осыпался. Извилистые бурые канаты мертвых лоз все еще цеплялись за скалы, но Никки нашла путь к альковам и тоннелям наверху.

У подножия скалы Мрра издала прощальное низкое рычание и убежала в сторону предгорий. Она еще вернется.

Никки взобралась по почти вертикальной стене, иногда применяя магию, чтобы отодвинуть крошащиеся глыбы, которые оторвала от утеса агрессивная растительность.

Войдя в туннели, она увидела Натана и Бэннона, к которым вскоре присоединились жители Твердыни, взволнованные и восхищенные. Через окна алькова они видели гибель гниющих джунглей.

— Мы должны отпраздновать! — выкрикнул кто-то.

Никки не видела говорящего и даже не повернулась в его сторону.

— Празднуйте сами, — сухо сказала она. — Но не делайте из меня героя.

Госпожа Жизнь мертва, враг повержен, искаженная жизнь пришла в упадок. Да, у них веские основания для веселья, но Никки радости не ощущала. Она обнаружила в себе твердый стержень и держалась за него.

Она никогда больше не станет Госпожой Смерть. Она оставила эту темную часть своей жизни в прошлом, как и обещала Ричарду. Она извлекла урок из своих ужасных поступков во имя императора Джеганя. Кровь Чертополох стала жертвенным ядом, уничтожившим Госпожу Жизнь, но Никки больше не хотела быть такой уязвимой.

Больше никогда. Она спасла мир, с нее хватит. Хотя Чертополох никогда не увидит этого, девочка вернула свою прекрасную долину.

Обитатели Твердыни были расстроены ответом Никки, да и Натан смотрел на нее с обеспокоенным выражением лица.

Волшебник медленно кивнул, затем понизил голос:

— Тебе не обязательно танцевать и петь, колдунья, но ты одержала победу над Викторией и остановила эту страшную угрозу, поэтому можешь чувствовать себя удовлетворенной.

Она долго смотрела на него, а потом сказала:

— Я бы предпочла вообще ничего не чувствовать.

* * *

По предложению Никки — хотя никто и не пытался спорить — они похоронили девочку на краю долины, где начала расти свежая трава, здоровый кустарник и растения.

Состоялось мрачное шествие. Они завернули Чертополох в столь любимую ею мягкую овчину, на которой она спала на полу в комнате Никки. Колдунья несла ее сама, и, несмотря на тяжелый камень на сердце, девочка казалась пушинкой.

Франклин, Глория и многие другие помнящие и ученые вышли из Твердыни и спускались по крутому склону плато. Все шли, пока не достигли местечка прямо у подножия, с видом на долину, которую Чертополох так жаждала узреть цветущей.

Никки остановилась.

— Вот это место. Чертополох понравился бы этот вид — отсюда она смогла бы увидеть возрождение жизни, которое сама сделала возможным.

Когда горячие слезы обожгли глаза, Никки поймала на себе взгляды Бэннона и Натана, лица которых также захлестнула скорбь. На карих глазах Бэннона выступили невыплаканные слезы, и даже Натан, повидавший так много грусти и потерявший столько людей за столетия своей жизни, был потрясен потерей этой мужественной и решительной девочки.

— Ее дух расскажет Создателю, какой она желает видеть эту долину, — произнес Натан. — Уверен, она заставит себя выслушать.

Бэннон кивнул.

— Чертополох может быть очень убедительной... — его голос сорвался.

Никки смогла только кивнуть. Она чувствовала себя переполненной словами, эмоциями и мыслями, которые так хотела выразить, но все это кипело внутри. Чертополох бы поняла. Это все, что заботило Никки.

Легким взмахом руки колдунья направила поток магии, который вынул почву и камни с участка земли. Так же, как и в бухте Ренда, Никки создала могилу, выкопав превосходное последнее удобное ложе, которое примет останки Чертополох.

Ученые печально смотрели, как Никки положила в могилу завернутое в овчину тело.

— Ты не сможешь пойти с нами дальше, — сказала Никки. — Я знаю, что ты хотела отправиться в путешествие и увидеть новые земли, которые мы собираемся исследовать. Но отсюда ты сможешь присматривать за долиной. Надеюсь, она станет такой, какой ты хотела ее увидеть.

Руки и плечи колдуньи задеревенели от того, как сильно она контролировала свои мускулы, пытаясь унять дрожь. Никки глубоко вздохнула. Она, Бэннон и Натан последний раз взглянули на тело в могиле. Жестом Никки вернула на место мягкую глинистую почву, оставив сверху участок голой коричневой земли.

— Следует ли нам как-то отметить могилу? — спросила Глория. — Может, установить камень или деревянный столб?

Никки задумалась о словах Чертополох, которая смеялась над пустяковой, но поразительной идеей. Девочка выросла, не видя никакой естественной красоты, наблюдая, как ее тетя и дядя бьются за жизнь в Верденых родниках, пытаясь взрастить чахлые растения для пропитания.

— Цветы, — сказала Никки. — Посадите красивые цветы. Это то, чем Чертополох хотела бы украсить свою могилу.

* * *

Прежде чем покинуть Твердыню, Никки созвала собрание и обратилась к рабочим, фермерам и обитателям каньонов, а также к помнящим и ученым.

— Мы здесь всего несколько недель, но уже спасли мир — дважды! — сурово отчеканила она. — Оба раза катастрофа была вызвана вашим собственным грубым невежеством. Ну, а последствия... мы заплатили эту цену. — Взглядом голубых глаз она пригвоздила одаренных исследователей, и те задрожали от чувства вины и стыда. — Вы неподготовлены, — продолжила Никки. — Тысячи лет назад вашим людям было поручено охранять эту сокровищницу знаний. Опасных знаний. Считайте, что это не библиотека, а оружейная — все книги и свитки здесь являются оружием, и вы видели, как легко ими злоупотребить.

— Последствия могут быть катастрофическими, — вставил Натан. — Как бы я ни костерил сестер Света с их железными ошейниками, эти жен-

щины, по крайней мере, посвятили себя обучению новых волшебников во Дворце Пророков. Здесь хранится колоссальный объем знаний, и вы не в праве небрежно забавляться с заклинаниями, словно с игрушками.

Франклин поник.

— Возможно, мы должны посвятить себя только работе по каталогизации, как и хотел Саймон. Этой работы хватит на многие десятилетия.

Глория вытерла слезинку.

— Помнящие могут помочь сопоставить наши знания с томами, которые мы найдем на полках. — Она глубоко вдохнула, а затем медленно выдохнула. — Но кто будет нас обучать? — Девушка с надеждой посмотрела на Никки и Натана. — Вы останетесь?

Никки покачала головой:

— Мы скоро отправимся дальше. У меня миссия от лорда Рала, а у волшебника есть важное дело. — Колдунья говорила тоном командующего — таким голосом она отправляла на верную смерть десятки тысяч солдат императора Джегана. — Но после нашего ухода вы должны кое-что для меня сделать. Нечто важное.

Франклин развел руками, затем почтительно поклонился.

— Конечно, колдунья. Твердыня перед вами в долгу.

— Пошлите эмиссаров на север, в Д'Хару, и расскажите лорду Ралу об этом архиве и о том, что мы здесь сделали. Он должен узнать об этом. Услышав, что здесь находится, он отправит своих волшебников, ученых и экспертов, которые помогут вам.

— Уверен, Верна обрадуется, если ее сюда пригласят, — сказал Натан. — Добрые духи, представьте, что аббатиса сделала бы с таким количеством неисследованных знаний! Пророчество исчезло, и ей нужно чем-то заняться. Она могла бы привести с собой множество сестер. — Волшебник медленно кивнул. — Да, действительно, вы оказались бы в хороших руках. — Натан сощурился и добавил с упрёком: — Но до тех пор больше не забавляйтесь с заклинаниями.

— Мы введем систему проверок и контроля, чтобы не допустить катастрофы, как из-за Роланда и Виктории, — согласилась Глория.

Один из ученых заерзал, глядя на взволнованную аудиторию.

— Но как мы отыщем Д'Хару? — Это был худощавый, напоминавший кролика юноша по имени Оливер, имевший привычку щуриться, будто его зрение ослабло от слишком долгого чтения при тусклом свете свечей. — Я могу стать добровольцем для этого задания... если узнаю, куда идти.

Никки не хватило терпения разъяснять детали.

— Идите по старым имперским дорогам. Направляйтесь на север. Пройдете мимо Призрачного берега к главным портовым городам Древнего мира. И спрашивайте о лорде Рале.

— Это будет тяжелый поход, Оливер. — Франклин казался неуверенным.

— Да, так и будет, — подтвердила Никки. — И мы требуем этого от вас. Иногда надо выполнить задачу, даже если тяжело.

— Я пойду с Оливером, — сказала помнящая по имени Перетта — худенькая юная девушка с тугими темными локонами. — Дело не только в важности этой миссии. Перед каждым в Твердыне — будь то помнящий или обычный ученый — стоит задача по сбору знаний. А разве можно найти лучший способ обрести знания, чем исследование остального мира? — Она заморгала большими карими глазами.

Оливер улыбнулся и кивнул.

— Буду рад отправиться в путешествие с тобой.

— Вы оба многому научитесь и станете великими исследователями. — Натан похлопал по кожаной сумке у бедра, в которой лежала его книга жизни. — Я также хочу, чтобы ученые Твердыни скопировали карты, которые я набросал по пути сюда, и захватили с собой краткий отчет о нашем путешествии. Люди Д'Хары должны знать о Древнем мире все, что возможно.

Франклин окинул взглядом помнящих и ученых, а затем уверенно кивнул.

— Оливер, Перетта, как думаете, справитесь? Хватит ли вам целеустремленности для такого задания?

Расслабившись, присутствующие принялись обсуждать и кивать.

Перетта фыркнула:

— Конечно, уверена.

Готовый к походу Натан снова был в прекрасной дорожной одежде: он накинул на плечи коричневый плащ из бухты Ренда и пристегнул к поясу богато украшенные ножны, а темный жилет и гофрированная рубашка были взяты из хранилищ Твердыни.

— После долгих лет чтения пыльных старых легенд некоторые из вас, скорее всего, сами захотят стать искателями приключений, — усмехнулся он. — Когда вернетесь из Д'Хары, вы займете свое место в истории.

* * *

Перед своей непредвиденной смертью Мия нашла для Натана старую карту, на которой ясно указывалось место, обозначенное как «Кол Адаир» — на восточной окраине большой долины, которая лежала за несколькими грядами суровых гор.

Глядя на древнюю карту, Натан был обеспокоен перспективой перехода через такие отвесные и острроверхие скалы.

— Возможно, все не так плохо. Картограф мог преувеличить труднопроходимость рельефа.

— Узнаем, лишь добравшись, — сказала Никки.

— Во всяком случае, мы знаем, куда нужно идти, — добавил Бэннон.

Двое мужчин попрощались с обитателями Твердыни, но Никки не стала; она просто отправилась в путь, начав спуск по тропе. Путники бодрым шагом двинулись на восток по оживающей местности. Никки чувствовала, что Мрра издалека следит за ними. Она распознала присутствие песчаной пумы через их неосязаемую связь.

Троица направлялась в неизвестность.

Глава 77

Оставив Твердыню позади, они несколько дней шли по широкой израненной долине, пока не достигли восточных предгорий. Холмы плавно переходили в отдаленные массивные горы, похожие на выступы драконьего хребта. По пути они обнаружили остатки старых дорог, практически стертых Поглотителем жизни Роландом и неистовой плодовитостью Викторией. Путники прошли через территории, где были развалины некогда процветающих городов. Необитаемые пустоши изумляли абсолютным безмолвием.

Никки не ощущала желания участвовать в беседах, но тишина и постоянная ходьба давали ей слишком много времени для размышлений. Каждую минуту она ощущала потерю Чертополох, но все же пыталась отстроить свои душевные стены и зарубцевать шрамы. Колдунья потеряла много небезразличных ей людей, особенно в недавних битвах с императором Сулаканом и его кровожадными бездушными полчищами. Кара... Зедд...

Никки сама убила бесчисленное множество людей. Смерть была ей хорошо знакома, и колдунью не волновало, сколько крови на ее руках. Совесть не давила на нее. Она пыталась убедить себя, что смерть сироты была просто еще одной смертью.

Еще одна смерть...

Взобравшись на вершину редколесного хребта, Никки, Бэннон и Натан обернулись. В огромной долине уже появились участки здоровой зелени и серебристые ленты ручьев. Это совсем не походило на безумие жизни или разрушительное запустение смерти.

Натан удовлетворенно вздохнул.

— Видишь? Это сделали мы, колдунья.

— Полагаю, в этом и была наша миссия. Теперь я покончила с предсказанием ведьмы. — Никки повернулась и продолжила путь по холмам, стараясь не думать о цене, которую они заплатили.

— Да, колдунья. Но часто ли в путешествии, подобном нашему, случается настоящее спасение мира?

Вечером, когда путники разбили лагерь, Мрра притащила на луг тушу горного козла и оставила ее им на ужин. Песчаная пума уже поела и теперь просто сидела на краю поляны, наблюдая, как Бэннон разделявает свежее мясо, а Натан разводит костер.

— Хочу доказать, что могу сделать это и без магии, хотя способ довольно неудобный. — Он вздохнул. — Но вскоре я обрету целостность.

Путники следовали по холмам вдоль ручьев, выбирая путь, который приведет их к высоким горам впереди. Поскольку Бэннон вырос на острове и плавал в океане, у него не доставало интуиции в поиске маршрута по холмистой местности. Группу возглавляла Никки.

Колдунья осмотрела неровную местность и выбрала крутую тропу вверх по склону, которая шла через рощицы, переходившие в густые сосновые леса. Когда они забрались выше, деревья сначала поредели, а затем стали низкорослыми. Путники продрались через заросли высокогорных ив и оказались в ветреной горной тундре. Здесь шелестели травы, тут и там попадались невысокие облачка полевых цветов. Мрра рванула к скалам, чтобы поохотиться на сурков.

Запыхавшийся Бэннон склонился, уперев руки в колени.

— Тропа крутая, а воздух разрежен.

Натан не стал ему сочувствовать:

— Мне тысяча лет, мой мальчик, а я от тебя не отстаю. Идем, Кол Адаир где-то впереди.

— Воздух будет все более разреженным, — предупредила Никки. — Наша цель намного выше.

Бэннон прищурился, когда ветер разметал его рыжие волосы, отчего те напомнили языки пламени вокруг головы.

— Я вырос на Кирии и никогда не представлял себе ничего подобного. — Он с любопытством осматривал грубые, покрытые лишайником камни, пока они шли к крутому перевалу впереди. — Я ушел так далеко от того места и той жизни — и дело не только в милях, которые я преодолел, но и в том, что мы видели и совершили. В том, чему вы научили меня, Натан, в том, что я пережил. — Юноша вымученно улыбнулся наставнику. — Возможно, это не та идеальная жизнь, о которой я мечтал, но я доволен ею. — Он повернулся к Никки, ожидая добиться от нее ответа. — Как думаете, я

когда-нибудь увижу Д'Харианскую империю? Вы столько рассказывали об этих землях. Смогу ли я когда-нибудь встретиться с лордом Ралом?

— Д'Хара далеко отсюда, — сказала Никки, шагая к вершине крутого хребта. — И движемся мы в другом направлении.

Слова Натана звучали более обнадеживающе:

— Может, когда-нибудь ты все это и увидишь, мой мальчик, но куда спешить? В этом мире много земель, людей и мест, которые стоит посетить. — Волшебник улыбнулся и процитировал то, что Рэд показала ему в книге жизни: — «Будущее и судьба зависят как от путешествия, так и от его цели».

Поскольку склон был довольно крутым, странники остановились отдышаться перед последним рывком к вершине перевала. Натан достал карты, взятые в архивах Твердыни, снова изучил их и оглянулся на горы позади.

— Мы уже на подходе, — сказал он.

Когда Никки снова пошла, устремив свой взгляд вперед, Бэннон и Натан поспешили за ней. Мрра мелькала среди скал, разочарованная тем, что жирные и пушистые сурки всегда успевали спрятаться в укрытие, не давая ей поймать их. Затем один из зверьков издал пронзительный визг — Мрра прикончила его, чтобы перекусить.

Земля под ботинками Никки была твердой и плотной. Колдунья шла к перевалу по все более крутой тропе. Наконец, когда она сделала последние шаги к вершине, перед ней открылся грандиозный вид. Никки встала как вкопанная.

Они добрались до Кол Адаира.

Глава 78

Задыхающийся и выбившийся из сил Натан подошел к вершине перевала и глубоко вдохнул холодный разреженный воздух. Великолепие вида поразило волшебника в самое сердце.

— Кол Адаир! Добрые духи, он восхитителен!

Сбежав из Дворца Пророков, он повидал множество мест, пережил величественные и драматические события, но никогда прежде не видел того, что было способно внушить ему такой безграничный трепет. Видом с этого перевала можно было любоваться бесконечно.

Солнце, висевшее посреди прозрачного голубого неба, освещало высокогорную долину. Разрозненные черные скалы с покрытыми снегом

вершинами образовывали барьер, наделенный свирепой красотой. На дне головокружительных ущелий лежали ледники, с которых вытекали жемчужно-белые ленты талой воды. Они текли по скалам чередой гремящих водопадов, разбрасывая брызги и порождая чудесные радуги. Бирюзовые горные озера в висячих долинах походили на сверкающие драгоценные камни. В некоторых водоемах плавали осколки белых льдин, не успевших растаять к разгару лета.

Бэннон, еле передвигая ноги и дыша с присвистом, подошел к своему наставнику. Юноша был слишком измотан, чтобы смотреть куда-то кроме своих сапог, но когда он поднял голову, то восхищенно ахнул.

Натан продолжал впитывать окружающую его девственную красоту. Обширные луга, пышные и зеленые, были усыпаны яркими красочными горными цветами, которые походили на метеоритный дождь. Даже с такого расстояния волшебник слышал гулкий рев водопадов, спадавших на черные скалы. Певчие птицы порхали среди брызг или бросались вниз, чтобы поймать среди полевых цветов насекомых.

Мрра расхаживала по открытой седловине долины, держась неподалеку. Никто из путников и слова не сказал — настолько их поглотило зрелище.

Натан наполнил свои легкие бодрящим воздухом и распростер руки, наслаждаясь вдохновляющей красотой. Ведьма хотела, чтобы он это увидел? Натан упивался видом, но все же сомневался, что это место должно вернуть ему дар. Волшебник выпрямил руки, согнул пальцы и прислушался к себе — может, он уже обрел целостность?

Никки бродила туда-сюда, обеспокоенная и неуверенная, что им теперь здесь делать. Колдунья разглядывала низкие травы, островки розовых цветов и покрытые лишайниками валуны.

Натан знал, что тут кроется нечто большее, раз уж ведьма отправила их сюда, раз уж наставление было написано в старой книге жизни и высечено на камнях пирамиды на краю континента. Он прибыл в Кол Адаир не просто так.

Натану бы прекрасно жилось без приносящего страдания пророческого дара, но жить совсем без магии — другое дело. Он получал удовольствие от использования заклинаний и владения магическим оружием — и мог стать ценным союзником в борьбе с Поглотителем жизни и Викторией. Когда они с Никки покинули Народный Дворец и отправились в Темные земли, бывший пророк верил, что вдвоем они будут непобедимы: волшебник и могущественная колдунья. Ему необходимо вернуть свое. Ему нужна магия.

И вот оно, это место. Но как-то иначе он себя не ощущал.

— Взгляните, еще одна пирамида! — воскликнул Бэннон.

Какой-то путешественник отметил вершину перевала, сложив высокую пирамиду из камней — еще внушительнее той, которую путники видели на обдуваемом ветрами Призрачном берегу. Юноша побрел к ней, но слишком медленно, потому что совсем запыхался.

Никки добралась до пирамиды первой. Она медленно обошла вокруг, ища послание, как на первой пирамиде. Колдунья остановилась, посмотрела на камни и нахмурилась.

— Натан, подойди сюда.

Поспешив к ней, старик почувствовал прилив надежды, стремление вновь ощутить хань, контролировать дар и снова стать ценным волшебником. Ему так нужно снова обрести целостность!

Натан посмотрел вниз, на основание пирамиды. Среди сложенных камней лежала похожая на надгробие плоская каменная табличка, нетронутая вездесущим лишайником. На ровной гранитной поверхности были высечены слова:

«Волшебник, узри то, что поможет тебе вновь обрести целостность».

Натан ощутил волну восторга от уже знакомой фразы.

— Итак, ведьма побывала здесь. Рэд сообщила нам те же слова. И они же написаны в моей книге жизни... и выгравированы на предыдущей пирамиде.

— Либо Рэд побывала здесь лично, либо она это предвидела, — заключила Никки. — Кто-то оставил эти слова, и ведьма узнала о них из потока времени еще до того, как пророчество было изгнано из мира. Кол Адаир какое-то время ждал тебя, Натан Рал.

— Но что это значит? — спросил Бэннон. — Как вы вернете свою магию? — Он с надеждой посмотрел на волшебника.

Натан не хотел признавать, что не знает ответа. Он сосредоточенно сдвинул брови и напыщенно указал на изумительный вид, пытаясь говорить убедительно.

— Возможно, что-то есть в самом этом месте. Оглянитесь, зрелище настолько завораживающее, что может смыть всю тьму мира. — Он многозначительно взглянул на Никки. — После победы над Поглотителем жизни и Викторией, после трагической потери бедной крошки Чертополох, возможно, именно это нам нужно, чтобы вернуть самих себя. — Он закрыл глаза и снова глубоко вдохнул чистый воздух.

Никки отвернулась от пирамиды.

— Прекрасного вида не хватит, чтобы исцелить тьму внутри меня. Я достаточно сильна, чтобы справиться самостоятельно. У меня уже есть четкая цель.

Натан взирал на водопады, висячие долины и заснеженные вершины. Кожу покалывало, сердце бешено колотилось, и волшебник ощущал удивительную энергию, которую черпал из самой земли.

— Должно быть, это магическое место — нексус силы, исходящей от мира. Вроде костей дракона, которые содержат определенное могущество, — сказал Натан. — Просто находясь здесь, я чувствую себя возрожденным! Да, добрые духи, это то, что мне нужно. Сюда стоило прийти.

Он вытянул сложенную чашей ладонь и сконцентрировался, вспоминая ощущение магии. Волшебник потянулся к своему хань и выпустил поток магии, намереваясь создать шар пламени. Он вспомнил, как в последний раз пробовал применить это заклинание на ветреной палубе «Бегущего по волнам», но тогда получилось только слабое мерцание, которое погасил ветер. Сейчас он хотел создать на своей ладони яркое пламя.

Он добрался до Кол Адаира. Его сила должна была вернуться.

Но ничего не произошло.

Он сконцентрировался сильнее под взглядами Никки и Бэннона. Но как бы он ни напрягался, так и не почувствовал никакого отклика от своего дара. Ничего.

Сердце волшебника, совсем недавно вдохновленное красотой этого места, рухнуло вниз. Его магия исчезла, распалась и распуталась, оторвалась от него так же, как исчез пророческий дар.

— Что я сделал не так? — вопрошал Натан. — Почему я не восстановился? Здесь я должен был обрести целостность — взгляните на слова на пирамиде! Что еще мне нужно сделать? — Натан кричал от отчаяния, зная, что ни Никки, ни Бэннон не ответят ему.

Старик повесил голову. Основы мира изменились, звезды на небе переместились.

— Возможно, с потерей пророчества предсказание Рэд утратило свою истинность?

Глава 79

Никки наблюдала, как волшебник погружается в глубины разочарования и смиряется с поражением. Его лицо было бледнее ледников на дальних склонах горной долины.

— Абсолютно ничего, — сказал он, сгибая и разгибая пальцы.

Натан Рал был представительным, уверенным, умным мужчиной — идеальный посол Д'Хары. Никки составила ему компанию в путешествии

ради собственных целей, но постепенно стала ценить способности и знания волшебника. В бывшем пророке крылось гораздо больше, чем сперва было видно по его манере поведения и внешнему облику.

Вместе они преодолели немалое расстояние и пережили множество невзгод, чтобы отыскать Кол Адаир — и все из-за прихоти ведьмы. Да, эта бескрайняя нетронутая земля должна быть полна ресурсами и невероятными богатствами, способными раздразнить аппетит любого амбициозного правителя. Но магии для Натана здесь не оказалось. Он не нашел того, что сулила ему Рэд.

Старый волшебник в изнеможении сел на землю рядом с пирамидой, открыл кожаную сумку и с грустью вытащил свою новую книгу жизни.

— Интересно, нет ли там еще одного послания.

Открыв обложку, Натан увидел только свои эскизы и записи. В поисках ответов он просматривал строчку за строчкой, но не нашел в тексте никаких сюрпризов.

Будущее и судьба зависят как от путешествия, так и от его цели.

Кол Адаир лежит далеко на юге Древнего мира. Оказавшись там, волшебник узрит то, что поможет ему вновь обрести целостность. А колдунья спасет мир.

Он захлопнул обложку и спрятал книгу.

— Что мне делать и куда теперь идти? Я прибыл в Кол Адаир, но почему-то не обрел целостность. — Теперь Натан только хмурился при виде великолепной природы. — Что еще я должен узреть?

— Впереди еще много неисследованных земель Древнего мира, — намекнула Никки. — Может, кто-то другой даст тебе ответ.

Бэннон снова посмотрел на высеченные в граните слова, будто сомневался в правильности толкования простого предложения.

— «Узрит то, что поможет ему вновь обрести целостность». — Бэннон вскочил на ноги. — Подождите! Вслушайтесь в слова! Ведьма не утверждала, что вы вернете свою силу, как только найдете Кол Адаир. Она сказала, что здесь вы узрите необходимое. — Веснушчатое лицо юноши вспыхнуло от волнения. — Возможно, мы просто еще этого не увидели.

Натан рывком поднялся.

— Значит, нам нужно поискать это, мой мальчик. — Он поджал губы. — Возможно, какой-то магический артефакт или рисунок заклинания, выложенный на скалах перевала. Ведьма не могла быть столь прямолинейной.

— Ведьмы редко выражаются прямо, — отозвалась Никки.

Натан, снова обретя надежду, усмехнулся.

— Добрые духи, еще есть шанс... но что именно мы ищем?

Бэннон приблизился к большой пирамиде и принялся искать ответ среди пестрых камней.

— Может, здесь что-то скрыто. Это самый очевидный вариант... — Он нащупал шаткий камень у основания и откатил его в сторону, с удивлением обнаружив вторую плиту с выгравированными на ней словами. — Похоже, вы еще не закончили, Никки.

Колдунью пробрал озноб, когда она увидела зловещее послание, высеченное годы или даже столетия назад. Она и так догадывалась, о чем оно: «Колдунья, спаси мир».

— Мне не нужна древняя писанина, которая указывает, что мне делать, — проворчала Никки.

Пирамида не содержала никаких других сообщений, артефактов или подсказок. Спутники растерянно смотрели вдаль, стоя на вершине горного перевала. Перед ними лежали бесчисленные мили потрясающе красивой местности, но они не видели ничего, что могло бы помочь волшебнику вновь обрести свою магию.

Вокруг насмешливо свистел ветер. Лазурные глаза Натана заблестели от слез отчаяния, пока он смотрел вперед так пристально, словно взглядом мог изменить действительность.

— Мы проделали очень долгий и трудный путь, чтобы добраться сюда. — Он сорвался на крик: — Я буду признателен, если наставления будут чуть менее бестолковыми!

В этот момент солнце пришло в определенную точку на небе и осветило местность под новым углом. Воздух на противоположном склоне гор замерцал, словно занавес на дверном проеме неожиданно сдвинулся, открывая поразительное видение далекой равнины за горами.

Резко втянув воздух, Никки вскинула руку.

— Взгляните туда! Это... город!

Натан и Бэннон повернулись, а песчаная пума низко зарычала.

— Кажется, он даже больше Танимуры, — воскликнул Бэннон. — Но ведь его там не было!

Волнение вскружило голову Натану.

— Верно, мой мальчик. Не было. Но почему мы его не заметили?

Никки впитывала невероятные детали. Далекий город был изумительным мегаполисом — пожалуй, даже больше Эйдиндрила и Алтур'Ранга вместе взятых. Она рассматривала многочисленные причудливые строения, экзотическую архитектуру высоких храмов и общественных зданий, жавшиеся друг к другу жилища и изысканные особняки. Высокие здания тянули к небу персты башен из белого камня. На крышах сверкала глазурованная черепица; огромные витражи казались сделанными из драгоценных камней.

Воздух вокруг всего города мерцал и размывался, словно он был виден через окуляр, который подчеркивал малейшие детали, а потом снова делал

их размытыми. Казалось, диковинный мегаполис был укрыт огромным куполом — и всего лишь на короткое мгновение магия и выгодная позиция Кол Адаира раскрыли его местоположение.

Купол разрушился и исчез.

— Должно быть, мы первые, кто увидел отсюда город. — Натан тяжело дышал. — Видимо, это и имела в виду Рэд! Мы добрались до Кол Адаира и с этой правильной точки обзора смогли увидеть город. «Узри то, что поможет тебе вновь обрести целостность». — Волшебник повернулся к Никки, сверкнув улыбкой. — Нам нужно отправиться в город. Ответ там. Непременно там.

Никки большую часть жизни провела среди многолюдной цивилизации и предпочитала город аскетичной жизни в глуши. Мерцающий мираж заинтриговал ее своими возможностями.

— Согласна, — сказала колдунья.

Прежде чем они успели сдвинуться с места, воздух снова стал переливаться, и величественный город просто исчез. Пространство за горами казалось совершенно пустым.

— Это была просто иллюзия? — вскрикнул Бэннон.

— Нет, не иллюзия, — настойчиво сказал Натан. — Это не могло быть иллюзией. Может быть, город каким-то образом скрывается под саваном вроде того, что многие столетия прятал Твердыню. — Он кивнул, убеждая скорее себя, нежели других. — Но теперь мы знаем, что город там. Идем, колдунья! Впереди еще долгий путь, но мы хотя бы понимаем, куда идти.

Мрра продолжала беспокойно рычать, но волшебника было не переубедить. Он начал спускаться с перевала. Им придется пересечь множество висячих долин и преодолеть суровые заснеженные горы, чтобы добраться до того места, где стоял таинственно исчезнувший город.

Перевалив через следующий хребет, путники обнаружили четкую пешую тропу, петлявшую между горами и идущую с юга.

— Это не охотничья тропа, — заметила Никки.

В одном из участков тропы расширялась, обнажая поросшую мхом брусчатку. Это была древняя дорога, по которой некогда ездили повозки. Определенно, недавно по ней кто-то прошел.

— Дорога! — Натан не мог скрыть оптимизма. — Мы на правильном пути, колдунья. Этот знак и был нам нужен.

Высокие черные скалы перекрыли обзор, когда путники спустились с очередного извилистого хребта. Следуя по узкой тропе и обойдя голый холм, Никки остановилась, увидев поразительно омерзительное зрелище. Бэннон охнул от отвращения.

На высоких пиках по обеим сторонам дороги торчали четыре отрубленные головы; их лица частично склевало воронье, но в остальном эти

фрагменты тел сохранились заклинанием против разложения. Кожа была дряблой, но рты были чудовищны: зашитые и исцеленные шрамы шли от уголков губ до самых висков. Щеки были покрыты татуировками в виде чешуи, чтобы придать мужчинам змеиный вид. Никки узнала в них налетчиков на несчастных жителей бухты Ренда.

— Норукайские работоторговцы! — Бэннон вспыхнул от гнева.

— Похоже, они кого-то оскорбили, — произнес Натан.

Никки подошла ближе, желая изучить уродливые головы.

— Заклинание сохранения не дает понять, как долго они здесь находятся.

Под первой пикой лежала забрызганная кровью табличка, исписанная странными символами, которые Никки не смогла прочесть. Однако она поняла, что это символы того же таинственного языка, которым выклеивались заклинания на шкуре Мрра.

Песчаная пума вновь протяжно и низко зарычала.

Никки жестоко улыбнулась и посмотрела на извилистую тропу, ведущую к исчезнувшему городу.

— Да, это место может оказаться очень интересным.

Список книг Терри Гудкайнда

ЛЕГЕНДА О МАГДЕ СИРУС

Первая исповедница (2012)

МЕЧ ИСТИНЫ

Долги предков (1998)

Первое правило волшебника (1994)

Камень слез (1995)

Защитники паствы (1996)

Храм Ветров (1997)

Дух огня (1999)

Вера падших (2000)

Столпы Сотворения (2002)

Голая империя (2003)

Огненная цепь (2005)

Призрак (2006)

Исповедница (2007)

РИЧАРД И КЭЛЕН

Машина предсказаний (2011)

Третье царство (2013)

Разлученные души (2014)

Сердце войны (2015)

ХРОНИКИ НИККИ

Госпожа Смерть (2017)

Саван вечности (2018)

Siege of Stone (2019)

СОВРЕМЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Закон девяток (2009)

ТРИЛЛЕРЫ

Скверна (2016)

Отродье (2018)

Девочка с Луны (2018)

Оглавление

Глава 1	5	Глава 22.....	121
Глава 2	11	Глава 23.....	127
Глава 3	16	Глава 24.....	134
Глава 4	23	Глава 25.....	138
Глава 5	27	Глава 26.....	143
Глава 6	34	Глава 27.....	148
Глава 7	43	Глава 28.....	154
Глава 8	50	Глава 29.....	161
Глава 9	54	Глава 30.....	165
Глава 10	61	Глава 31.....	169
Глава 11	66	Глава 32.....	174
Глава 12	71	Глава 33.....	181
Глава 13	78	Глава 34.....	186
Глава 14	83	Глава 35.....	194
Глава 15	87	Глава 36.....	200
Глава 16	92	Глава 37.....	206
Глава 17	95	Глава 38.....	210
Глава 18	99	Глава 39.....	218
Глава 19	104	Глава 40.....	224
Глава 20	111	Глава 41.....	228
Глава 21	117	Глава 42.....	235

Глава 43	239	Глава 62.....	325
Глава 44	245	Глава 63.....	330
Глава 45	250	Глава 64.....	335
Глава 46	255	Глава 65.....	339
Глава 47	261	Глава 66.....	344
Глава 48	267	Глава 67.....	349
Глава 49	271	Глава 68.....	355
Глава 50	276	Глава 69.....	358
Глава 51	282	Глава 70.....	361
Глава 52	288	Глава 71.....	365
Глава 53	291	Глава 72.....	372
Глава 54	296	Глава 73.....	377
Глава 55	299	Глава 74.....	382
Глава 56	304	Глава 75.....	385
Глава 57	307	Глава 76.....	389
Глава 58	310	Глава 77.....	394
Глава 59	315	Глава 78.....	396
Глава 60	319	Глава 79.....	399
Глава 61	321	Список книг	404